

ВСЕ
ПОЛКОВОДЦЫ МИРА

ВСЕ
ПОЛКОВОДЦЫ МИРА

ДРЕВНЯЯ РУСЬ
МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
НАЧАЛО ИМПЕРИИ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ
НАЧАЛО ИМПЕРИИ

**ДРЕВНЯЯ РУСЬ
МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
НАЧАЛО ИМПЕРИИ**

**Древний мир
Средние века**

Новое время

XX век

**Древняя Русь
Московское царство
Начало Империи**

Российская империя

Россия-СССР. XX век

ВСЕ
ПОЛКОВОДЦЫ РОССИИ

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

**МОСКОВСКОЕ
ЦАРСТВО**

НАЧАЛО ИМПЕРИИ

Юрий Лубченков

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2002

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

С лучшими книгами
издательства «Вече»
можно познакомиться на сайте
www.100top.ru

А

АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН

(? — 13.09.1626) — известный русский деятель эпохи Смуты

До принятия монашества носил мирское имя Аверкий Иванович Палицын. В период царствования Василия Шуйского старец Авраамий состоял келарем в Троице-Сергиевой лавре и имел на царя большое влияние.

Весной 1608 года войска Лжедмитрия II двинулись на Москву. Московская рать во главе с братом царя Дмитрием Ивановичем Шуйским была наголову разбита в сражении под Волховым, и в начале июня Лжедмитрий укрепился в подмосковном селе Тушино. Главным опорным пунктом, прикрывающим Москву с севера, стал Троице-Сергиев монастырь (с 1744 года лавра), который и осадили польские отряды под командованием Яна Сапеги и Александра Лисовского. Захват богатейшего в России монастыря сулил полякам огромную добычу и открывал дорогу не только на Москву, но и Среднее Поволжье. Оборону монастыря, которая по праву считается одной из самых героических страниц Смутного времени, возглавил Авраамий. Он также исполнял обязанности посредника между царем и осажденным монастырем во время его обороны. Небольшой гарнизон, состоящий из дворян и стрельцов, горстка плохо вооруженных

монахов, жители посада и окрестные крестьяне (по некоторым источникам всего около 2500 человек) под его руководством с 23 сентября 1608 до 12 января 1610 годов сдерживали непрерывный натиск 15-тысячного войска. В начале октября поляки начали интенсивный артиллерийский обстрел и подкопные работы, но крепкие монастырские стены помогли осажденным. Они также смогли выдержать общие штурмы (13 и 23 октября и 2 ноября) и сами проводили частые вылазки, используя для этого созданные поляками подкопы. Во время одной такой вылазки им удалось разрушить батарею противника на Красной горе. В октябре 1609 года к монастырю смог прорваться русский отряд под командой Д. Жеребцова (900 человек), а в январе 1610 года еще один отряд (500 человек) под командой Г. Валуева. Защитники монастыря наносили польским отрядам значительные потери, но и сами не избежали их. Кроме того, они гибли и от цинги, которая унесла жизни одной трети всех участников обороны. Но несмотря ни на что монастырь смог продержаться до подхода на помощь осажденным московской рати во главе с М.В. Скопиным-Шуйским. Потерпев неудачу под Троице-Сергиевым монастырем, Сапега и Лисовский вынуждены были отойти к Дмитрову. Во время осады Авраамий Палицын подбадривал осажденных, как мог. Кроме того, он во время голода помогал царю Василию продажей хлеба по низким ценам.

В 1611 году Палицын способствовал своим влиянием поднятию ратников против поляков, пытавшихся разорить Москву. В 1613 году старец Авраамий лично выступал за то, чтобы царствовал Михаил Романов. Затем он вернулся в монастырь и здесь руководил монахами, которые отразили нападение польского королевича Владислава.

АДАШЕВ ДАНИИЛ ФЕДОРОВИЧ

(? — 1561) — один из лучших русских полководцев XVI века

Сын боярина Федора Григорьевича, отказавшегося во время болезни Иоанна Грозного присягнуть его сыну малолетнему царевичу Дмитрию, и родной брат любимца царя Алексея Федоровича.

Свою службу Даниил Адашев начал при дворе вместе с братом Алексеем и упоминается вместе с ним впервые в 1547 году на свадьбе царя Иоанна.

В 1551 году Адашев в чине стряпчего состоял при воеводах, отводивших горную сторону (правый берег) Волги от Казани к Московскому государству.

В 1552 году Адашев участвовал в осаде и взятии Казани, что повлекло за собой его дальнейшее служебное повышение.

В 1553 году, командуя отрядом детей боярских и вятчан, Адашев на Каме, Вятке и Волге усмирал непокорных казанцев и ногаев и прислал в Казань 240 пленных. После этого был назначен воеводой в Мценск.

В 1555 году Адашев привез от царя золотые в награду воеводам, довершившим покорение Казанского царства.

В 1556—1558 годах Адашев участвовал в качестве воеводы передового полка в походе русских войск к Юрьеву, а затем принимал участие в штурме Нарвы, во взятии Сыренска (Нейшлоса), Керепети и Курславля. Русское войско страшно опустошило Ливонию* на протяжении 200 верст, везде громя немецкие отряды. Успешные действия Адашева выдвинули его вперед: он был сделан окольным чиним.

Особенно прославился Адашев своим смелым набегом на Крым весной 1559 года. Он был назначен первым воеводой большого полка.

Спустившись с 8-тысячной ратью и днепровскими казаками на судах от нынешнего Кременчуга вниз по Днепру в Черное море, захватил в плен два турецких корабля и одержал первую морскую победу над турками. Вслед за тем он направился к западному берегу Крыма, где произвел исторически первую высадку русских в Крыму. Опустошив улусы, он разбил несколько татарских отрядов, освободил множество христианских пленников и навел ужас на татар, застигнув их врасплох.

Пленных турок, взятых при нападении на Крым, Адашев отослал к очаковским пашам, велел сказать им, что царь воюет со своим врагом Девлет-Гиреем, а не с султаном, с которым хочет жить в дружбе.

С огромной добычей Адашев благополучно отплыл обратно, хотя хан с большим войском преследовал его по берегу Днепра до мыса Монастырки близ Ненасытицкого порога. Здесь Адашев приготовился встретить хана, но Девлет-Гирей не решился напасть на русских и ушел обратно в Крым.

* В это время территория Задвинского герцогства (прим. ред.).

В 1560 году Адашев был снова послан в Ливонию, где вначале начальствовал «нарядом» (артиллерией), а затем был вторым воеводой Большого полка (князя А.М. Курбского).

После взятия Феллина и поражения ливонцев под Виттенштейном в 1560 году Адашев подвергся опале и был назначен воеводой в Феллин.

Былые заслуги не спасли Даниила Федоровича, когда гнев Иоанна Грозного обрушился на его брата Алексея, а также его родных и друзей. И в 1561 году он погиб на плахе вместе со своим двенадцатилетним сыном Тархом.

АЙГУСТОВ САВВА ВАСИЛЬЕВИЧ
участник Северной войны (1700—1721),
генерал-майор (1709)

Один из видных военных деятелей петровских времен. Он возглавлял Белгородский пехотный полк. Его полк считался полком «старого образца». Но Савва Васильевич принял самое активное участие в сражениях со шведами в 1701—1709 годах. Полк участвовал в боях у «Гумелевской мызы» (1702), во взятии Ямбурга (1703), в боях за Дерпт и Нарву (1704), в обороне Гродно и марше Брест — Ковель — Киев (1706). Его активные действия не остались незамеченными, и в 1707 году Айгустов был произведен в бригадиры.

Участвуя с полком в последующих операциях русской армии против шведов, Айгустов сражался под Добрым в 1708 году и у Опашни в 1709 году. Но особенно его полк отличился в Полтавском сражении.

В его задачу входила оборона редутов, построенных для защиты укрепленного лагеря основных сил рус-

ской армии. Силами всего двух батальонов своего полка Айгустов принял первый удар шведской армии и оборонял позиции до конца битвы.

За героическую оборону редутов Петр произвел Айгустова в генерал-майоры.

АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВОВИЧ НЕВСКИЙ
(1220 или 1221 — 14.11.1263) — князь
новгородский (1236—1251), великий князь
Владимирский (с 1252)

В 1220 (или 1221) году у князя Переяславского Ярослава родился второй сын Александр. Он получил обычное образование для княжеского отрока тех лет — читал Библию, изучал латинский и греческий языки, «Поучение» Владимира Мономаха. Уже в четырехлетнем возрасте его посвятили в воины — посадили на коня, дали в руки лук со стрелами и опоясали мечом. В десятилетнем возрасте юные князья должны

были уже уметь усмирять необъезженного коня. Вся воинскую науку Александр проходил под руководством воспитателя — боярина Федора Даниловича.

К началу возмужания князя Александра, казалось, наступило умиротворение в Русской земле — прекратились набеги половцев, которые замирились с русскими князьями. С камско-волжскими болгарами также был заключен мир. В Новгороде вновь сел на княжение Ярослав Всеволодович, хотя и ненадолго.

В 1226 году новгородцы вновь пригласили Ярослава Всеволодовича на княжение. Он отправился в Новгород вместе с женой и двумя сыновьями — Федором и Александром. Резиденция князя располагалась в Городище, на правом берегу Волхова, неподалеку от Новгорода. Здесь находился Благовещенский собор и церковь Спаса на Нередице, возле которой хоронили отличившихся в боях дружинников. На другой стороне Волхова стоял холм, поросший сосновым бором, — Перынь; в языческие времена здесь был идол Перуна.

Центром же всей новгородской жизни был детинец (Новгородский кремль), в котором находился пятикупольный храм святой Софии. Жизнь эту определяли бояре, ведущие длительную борьбу с княжеской властью. С 1136 года деятельность князей контролировалась новгородским собранием — вече, в котором главную роль играли 300—400 бояр, выбиравшие посадника. Вече выбирало и князя, который в случае необходимости мог бы защитить город от вражеского нашествия. Но количество дружинников князя не могло превышать 300 человек. И лишь в случае крайней необходимо-

сти князь мог попросить помощи у самого великого князя, из земель которого он прибыл.

Но новгородцы и сами имели свое войско, численность которого определялась на вечевом собрании — обычно они могли выставить около 20 тысяч воинов. Главную ударную силу этого войска составляли крестьяне и ремесленники Новгородской земли. Вместе с ними в новгородское войско входила и «передняя дружина» бояр и купцов, которая составляла новгородскую конницу. Всем ополчением командовал выборный тысяцкий.

На вооружении ратников находились копья, мечи, луки, самострелы, боевые топоры. Немалую роль играло и то, что сами новгородские оружейники снабжали свое войско качественным оружием и доспехами: щитами, кольчугами, состоявшими из 10—17 тысяч колец каждая, шлемами.

В боях центр («чело») новгородского войска состоял из пехоты, на флангах («крыльях») стояла конница. Для повышения устойчивости боевого порядка и увеличения его глубины перед центром располагался полк лучников, вооруженных луками, длина тетивы которых (150 см) способствовала большой дальности полета стрелы и мощной убойной силе. Боевой порядок новгородцев имел большие преимущества перед боевыми порядками рыцарей Западной Европы. Он был более гибок, устойчив и позволял маневрировать в ходе сражения. Новгородское войско предпочитало сражаться в пешем строю, иногда усиливая один из флангов, а затем с помощью конницы совершала охват неприятеля с выходом ему в тыл.

Во время похода для наблюдения за неприятелем впереди войска послан был сторожевой отряд.

При осаде вражеских крепостей новгородцы применяли метательные машины — «пороки» и другие осадные приспособления.

Находясь в Новгороде, княжичи Федор и Александр продолжили изучение военного дела, а также изучение обычаев новгородской земли, ибо незнание этих обычаев могло привести к их изгнанию из города.

В 1226 году на территории прусских племен, близких по языку и культуре литовцам и славянам, обосновался Тевтонский орден, основанный в 1198 году и воевавший ранее в Палестине. Устоять против Тевтонского ордена пруссы не могли и потому бежали в Литву и новгородские земли.

В земли финских племен вторглись шведы, стремившиеся закрепиться и в районах, принадлежавших Новгороду. В 1219 году датские рыцари напали на Северную Эстонию и, захватив крепость эстов Линданисе, построили на ее месте город Ревель (Таллинн).

Прибалтийские народы оказывали упорное сопротивление захватчикам, и не раз им на помощь приходили русские дружины. В 1224 году войска крестоносцев осадили Юрьев, защищаемый русско-эстонской ратью во главе с русским князем Вячеславом (Вечко). Несмотря на мужественное сопротивление, удержать город русские и эстонцы не смогли. Захватив Юрьев (с 1224 года — Дерпт), рыцари начали готовиться к походу на Псков и Новгород.

Понимая опасность, нависшую над северо-западными русскими землями, князь Ярослав решил двинуться на

крестоносцев и вызвал для этого полки из владимирских земель. Но опасаясь усиления княжеской власти, новгородские бояре отказались принять участие в походе, и Ярослав был вынужден вернуть полки на родину.

Ярослав ушел из Новгорода, но сыновей оставил в городе, в расчете на то, что новгородцы одумаются. Бояре, однако, решили окончательно избавиться от Ярославичей. Воспользовавшись наступившим в Новгороде голодом, они стали подстрекать горожан изгнать княжеских людей. Сразу после вече толпа стала громить дома сторонников Ярослава. В феврале 1229 года воспитатель Федор Данилович и тиун Яким тайно вывезли княжичей во Владимир.

Но изгнание князей не прибавило в Новгороде хлеба, и через непродолжительное время гнев толпы обратился на бояр, поссоривших их с поставщиками зерна — владимирскими князьями. После длительных уговоров Ярослав вернулся в Новгород и там повел упорную борьбу с боярами, выступавшими против усиления княжеской власти. Многие из бояр бежали в земли крестоносцев.

После внезапной смерти в 1233 году брата Федора Александр стал главным помощником своего отца; он находился с ним во всех походах, направленных на укрепление безопасности северо-западных русских рубежей.

В это время в возрасте шестнадцати лет Александр Ярославич стал князем-наместником Великого Новгорода. Он научился не раздражать своих противников, а в спорах с боярами, не потакая их своеволию, вразумлял их притчами из Священного Писания. Это не мешало ему доби-

ваться своих целей, прежде всего в деле укрепления обороны новгородских рубежей. В этом он следовал политике своего отца.

В 1237 году на Русь надвинулось огромное войско Батыя. В феврале монголы взяли Владимир и Суздаль. 4 марта 1238 года в бою на реке Сити погиб великий князь Владимирский Юрий Всеволодович и было разгромлено все русское войско.

Становилось ясно, что войско Батыя двинется и в новгородские земли. Монголы уже подошли к Торжку, входившему в Новгородскую землю, и после двухнедельного приступа взяли и разрушили его, истребив жителей.

Сам Новгород стал готовиться к обороне. На вече было решено запереться в Кремле и ждать осады. Но, не дойдя 100 км до Новгорода, Батый повернул обратно. Двухнедельная осада Торжка показала, что монголы устали и справиться с хорошо вооруженным Новгородом им будет нелегко.

В 1238 году Ярослав Всеволодович стал великим князем Владимирским. Во владение Александра он выделил помимо Новгорода Тверь и Дмитров. В следующем году, по решению отца, Александр поехал в Полоцк, где заключил союз с князем Брячиславом и женился на его дочери Александре. Но вскоре надвигающиеся события вернули его в новгородские земли.

Еще накануне нашествия Батыя папа Григорий IX утвердил объединение Тевтонского и Ливонского орденов (бывший орден меченосцев), а в 1238 году папа подписал договор, которым благословил поход шведских рыцарей в земли язычников — финнов, а также в земли северных

племен, входивших в состав Новгородской республики.

Немецкие рыцари заключили союз со шведами, которые собирались захватить Неву с прилегающими к ней землями, а также Ладогу, чтобы лишить новгородцев выхода к Балтийскому морю и установить контроль над северо-западным участком водного торгового пути. Немецкие крестоносцы планировали захват Изборска, Пскова и Новгорода. В дальнейшем предусматривался раздел еще не захваченных монголами северо-западных русских земель.

Чтобы предотвратить вторжение, по приказанию Александра на реке Шелони была возведена линия укреплений. Александр решил земельный спор крестьян со Спасо-Мирожским монастырем в пользу крестьян, поскольку предпочитал в пограничных районах иметь свободное население, способное защищать свои земли.

На побережье Финского залива и на реке Неве была усилена сторожевая служба («морская стража»), которую составили воины из финского племени ижора.

В июле 1240 года гонец от морской стражи, преодолев 150 км, известил Новгород о появлении в Финском заливе 5-тысячного войска на 100 шнеках (парусно-гребных судах). Каждое такое судно вмещало от 50 до 80 воинов. На шнеке могло быть размещено и 8 боевых коней для рыцарей. Возглавлял войско ярл (князь) Ульф Фаси и Биргер — зять короля Эрика IX и фактический правитель Швеции. Скоро корабли шведов вошли в Неву.

Получив известие о подходе войска противника, Александр созвал военный совет, на котором было решено выставить от каждого конца

города по 200 воинов. За короткое время отряд из 300 княжеских дружинников, 500 отборных новгородских конников и стольких же пеших ополченцев направился в сторону Ладоги. Конные двигались по берегу Волхова, а пешие — по реке на судах. У Ладоги к отряду присоединилось еще 150 воинов.

50 человек ижорской дружины продолжали вести наблюдения за противником. Александр знал, что выше устья реки Тосны известковые кражи (риффы) делят Неву на два рукава и затрудняют судоходство. При этом скорость воды в извилистых протоках достигает 15—20 км в час. Преодолеть пороги можно было лишь при попутном ветре, который редко бывает в летнее время. Поэтому шведам не останется ничего другого как пристать к берегу и ждать благоприятной погоды.

В Ладоге Александр узнал о привале шведов и не теряя ни минуты выступил из крепости. В кратчайший срок преодолев расстояние свыше 120 км, он соединился с отрядом, шедшим по реке на судах. Дальнейший путь направляли проводники-ижорцы. В 7 км от лагеря шведов был окончательно согласован план действий.

Лагерь шведов был защищен рекой Ижорой и впадающей в нее речушкой Большой Ижоркой. Суда стояли бок о бок и к ним были переброшены мостики на берег, где расположилась часть шведского отряда. В центре лагеря находился шатер Биргера. Несмотря на то что шведы выставили посты, контролировавшие невольский водный путь, о нападении с суши никто не думал.

Широкий плес Невы исключал незаметный подход судов, и потому

Александр решил атаковать шведов конницей, а пехотой действовать против стоянки шведских шнеков.

Утром 15 июля, пользуясь лесными зарослями, русский отряд скрытно приблизился к шведскому лагерю и внезапно атаковал его. Конная дружина, возглавляемая Александром, нанесла мощный удар по центру лагеря. Атака была так внезапна, что немногим шведам удалось вскочить в седло. Большинство коней досталось новгородцам. Другая часть конных новгородцев и ладожан обратилась на правый фланг. На левый фланг вдоль Невы наступал пеший отряд новгородца Миши, в задачу которого входило отрезать шведам путь к отступлению и лишить поддержки войск, находившихся на судах.

Александр, находясь в первых рядах своей дружины, прорвался в центр лагеря и ранил своим копьем самого Биргера. Молодой дружинник Савва подрубил опорный столб шатра ярла. Один из воинов, Гаврила Олексич, бросился в погоню за шведами, уносившими на корабль раненого Биргера. Преследуя их, новгородец прямо по мосткам въехал на шнек. Шведы едва сумели отстоять своего предводителя, столкнув Олексича в Неву.

Шведы отступали к кораблям, но новгородцы Миши, разрушая мостики и сходни, потопили три корабля. Шведы стремились сохранить свои корабли, на которые они несли трупы своих павших воинов. С большим трудом им удалось взойти на шнеки и, сбросив сходни, отойти на середину Невы.

Там оставшиеся в живых шведы положили трупы павших на три корабля, прорубили в них днища и пустили по течению Невы. Корабли

спускались по Неве к морю, постепенно погружаясь в воду.

Совершив обряд погребения древних викингов, шведы на кораблях отошли от берега. Те же, кто пытался укрыться за стеной Ижоры, были уничтожены.

В бою русский отряд потерял всего 20 человек. За победу на реке Неве народ прозвал двадцатилетнего Александра Невским.

Следующими против Руси выступили немецкие рыцари Ливонского ордена. В конце августа — начале сентября 1240 года они взяли Изборск и начали поход на Псков. Городское ополчение было разбито, но псковичи готовились выдержать длительную осаду — поскольку с ходу немцы не смогли бы овладеть этой мощной крепостью.

Воспользовавшись отсутствием в городе княжеской власти, посадник Твердило Иванкович и часть его сторонников сдали Ливонскому ордену город. Немцы вторглись в новгородские земли, захватили побережье Финского залива и соорудили в районе Копорья крепость. Они были уже в 40 км от Новгорода, когда новгородское вече обратилось к князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой прислать к ним князя Александра.

В 1241 году Александр вернулся в Новгород и, наскоро собрав войска, двинулся к Копорью. Крепость была взята штурмом, а немцы изгнаны.

Так была устранена возможность совместных действий немцев со шведами против северо-западных рубежей Руси.

Теперь пришло время для освобождения Пскова. На помощь сыну Ярослав Всеволодович прислал владими́ро-суздальскую дружину под

командованием младшего брата Александра — Андрея.

Зимой 1241/42 года русские дружины выступили в поход. Скорым маршем они отрезали все дороги из Ливонии на Псков и штурмом овладели этим городом.

Встревоженные внезапным падением столь мощной крепости, магистр ордена, епископы Дерптский, Рижский и Эзельский стали срочно готовить новый поход. К нему привлечены были рыцари ордена и епископств, вспомогательные отряды поработенных народов (эстов, ливов и др.), присоединились также и датские рыцари. Возглавил поход вице-магистр ордена Андреас фон Вельвен.

Численность ливонских войск составляла приблизительно 20 тысяч человек. Ядро его составляли тяжелооруженные всадники-рыцари, объединенные жесткой дисциплиной. Провинившихся изгоняли из ордена, вместе с изгнанием бывший рыцарь лишался и земельного владения.

Пехоте (кнехтам) придавалось вспомогательное значение. Набранная из жителей покоренных областей и не желающая умирать за чуждые ей интересы, она в любом случае была обречена на закланье и играла роль прикрытия рыцарей.

Во время атак рыцари обычно строились в линию («частокол») или в форме усеченного клина, названного на Руси «свиньей».

При «частоколе» рыцари строились в один сомкнутый строй с интервалами 5—10 м, что позволяло им маневрировать и свободно действовать длинными копьями. За первой линией выстраивались последующие. Это построение предусматривалось для действий против конницы.

При столкновениях с пехотой рыцари выстраивались тупым (усеченным) клином. На острие находилось 5 рыцарей, во втором ряду — 7, в третьем — 9. В голове клина находились наиболее подготовленные рыцари. За ними в форме четырехугольника шел отряд кнехтов, а в замыкающей шеренге также находилось 14 рыцарей, прикрывающих тыл отряда.

Врубаясь в ряды противника, клин раскалывал боевой порядок и нередко прорывал его центр. Последующие шеренги, наращивая прорыв, охватывали разъединенные части войска. Вслед за рыцарями кнехты пытались добить противника.

Сборным пунктом русского войска стал Псков. Не желая отдавать инициативу противнику, Александр Невский решил перенести военные действия в Эстонию, заставить рыцарей выйти из крепостей и разбить в открытом поле.

Русское войско двинулось вдоль побережья Псковского озера. Впереди Александр выслал передовой конный отряд во главе с Домашем Твердиславичем и воеводой Кербетом. Основные же русские занимались разорением рыцарских владений. Напуганный епископ Дерптский запросил помощи у магистра ордена.

Первое столкновение передового отряда русских произошло у селения Хаммаст. Русские воеводы потерпели поражение, но узнав о месте столкновения, Александр смог верно определить направление движения ливонского войска. Он сразу занялся поиском места для будущего сражения. Перейдя по льду Узмени (Теплого озера) в районе нынешнего селения Мехикорма, русские войска

оторвались от ливонцев и смогли подготовиться к сражению.

Александр Невский решил отвести войска к Вороньему Камню на восточном берегу Чудского озера. Он расположил их на мелководном, промерзшем до дна участке озера. Боевой порядок русских примыкал к лесистому восточному берегу и протоку Сиговице, покрытому хрупким льдом. Ледяная гладь перед центром и левым крылом русских дружин позволяла видеть силы ливонцев, которым предстояло наступать по открытому льду.

Александр был хорошо осведомлен о тактике наступления рыцарей и потому отказался от равномерного распределения сил по всему фронту или создания мощного центра. В центре первой линии он поставил растянутый по фронту передовой полк пехоты, основу которого составляли лучники. Позади него князь поставил свою немногочисленную, тяжелооруженную конную дружину. На флангах он разместил одетую в кольчуги владими́ро-суздальскую и новгородскую конницу, имевшую на вооружении сабли и легкие мечи. Конница на флангах была усилена пехотными полками.

На рассвете 5 апреля по широкому ледяному полю Узмени крестоносцы двинулись на русские полки. Как и предполагал Александр, рыцари двигались «свиньей» — на острие и на флангах — рыцари, и внутри клина — кнехты. Скрытую русскую конницу немцы не заметили и были уверены, что им предстоит сражаться лишь с пехотой.

После обстрела рыцарей русские лучники отошли в боевые порядки на фланги. Однако ливонцы проби-

лись через передовой полк и врубались вглубь русского войска, где и увязли в русской обороне.

Тяжеловооруженная княжеская дружина встретила ливонцев, а с флангов их зажала пехота. Русская конница, стоявшая на флангах, охватила ливонцев и вышла им в тыл. Немцы еще продолжали сражаться, но силы их были подорваны, и скоро началось уничтожение окруженных. Лишь немногим из них удалось вырваться из кольца. Преследование противника продолжалось на протяжении 7 верст. Под натиском тяжелых рыцарских доспехов хрупкий лед Сиговицы не выдержал и проломился. Множество рыцарей и кнехтов нашли смерть в водах Чудского озера.

В сражении ливонцы потеряли около 500 воинов; 50 рыцарей было взято в плен, их с позором пешими повели в Псков. На левом берегу реки Великой, у строящегося собора Иоанна Предтечи (который впоследствии был посвящен победе при Чудском озере), их встретили восторженные горожане.

Натиск немцев на восток был остановлен. Вскоре после сражения Ливонский орден запросил мира, признав нерушимость и дальнейшую неприкосновенность русских границ.

Победа Александра Невского стала широко известна в Европе. Узнали о ней и в столице Золотой Орды — Сарае, куда в 1243 году должен был выехать великий князь Ярослав Всеволодович для того, чтобы получить из рук хана Батыея ярлык на правление всей Русью.

Уже в первые годы владычества над Русью в Орде стали проявляться разногласия, которые в будущем привели к ее распаду. Сейчас вели-

кий хан Гуюк, не доверявший Батыю, вызвал Ярослава Всеволодовича к себе в ставку, находившуюся в Каракоруме на окраине пустыни Гоби, к югу от Байкала.

В 1246 году великий князь Ярослав Всеволодович вместе со свитой отправился в путь. Но у Гуюка великий князь не встретил должного уважения. На одном из приемов, устроенных матерью Гуюка — Туракиной, Ярослав Всеволодович был отравлен. По одной из версий причиной отравления явился ложный донос ханше боярина Яруновича, будто Ярослав Всеволодович вступил в союз с римским папой Иннокентием IV. 30 сентября 1246 года князь скончался и был похоронен во владимирском Успенском соборе.

Одержав победу на Чудском озере, Александр понимал, что Орден окончательно не разгромлен, а города-крепости Рига, Кенигсберг, Ревель служат рыцарям надежным плацдармом для наступления на Русь. В Европе в это время находилось немало желающих пополнить ряды крестоносцев.

Но неожиданно судьба помогла Александру найти сильного союзника.

В 1242 году умер великий хан Угэдэй. Это не могло не отразиться и на судьбе хана Батыея. На месте умершего Угэдэя оказался Гуюк, избранный на великом курултае великим ханом. Четырем тысячам, пусть даже закаленных в боях воинам Батыея противостояло около ста тысяч войск великого хана.

Александр Невский решил выехать в Золотую Орду. Перед ним стояло несколько задач: согласившись на выплату монголам дани, предотвратить их набеги на Русь и избавить русских воинов от службы в мон-

гольском войске. В условиях, когда на северо-западных и западных границах продолжало сохраняться напряжение, Александр особенно остро нуждался в мире с Ордой.

Вначале Александр вместе с братом Андреем отправился к Батыю. Проезжая через монгольские кочевья, Александр внушал особое почтение населению. Приехав в Сарай, он должен был пройти через унижительные церемонии — поклониться идолам монгольских богов и пройти через очистительные огни. Но Александр отказался совершать эти обряды. Батый не стал наказывать Александра и впоследствии сказал своим приближенным: «Все, что мне говорили о нем, все правда: нет подобно-го этому князю».

В Орде Александр побратался с сыном Батыя Сартаком и вследствие этого сам стал приемным сыном хана.

Батый распределил северо-восточные земли Руси между братьями, но Александру и Андрею предстояло пройти утверждение и со стороны великого хана монгольской империи Мункэ, младшего брата Батыя.

Много дней двигался караван в Каракорум. После долгих проволочек великий хан принял братьев. Александр стал князем Киевской, Новгородской и Переяславской земель, а Андрей получил Владимирское княжество.

К началу 1250-х годов шведы оккупировали Финляндию. Под водительством ярла Биргера они готовились к новому походу на Русь. Александр Невский должен был спешно позаботиться об отражении нападения северного соседа.

Поскольку на самом севере Руси, в Прионежье, Беломорье и на Кольс-

ком полуострове, начались столкновения карел и новгородских поселенцев с норвежцами, Александр послал мирное посольство к норвежскому королю Хакону, предлагая устроить границы, закрепив их договорами, а также выдать дочь короля Кристину за своего старшего сына, двенадцатилетнего Василия. Границы были установлены, но сватовство не состоялось из-за нашествия монголов на земли брата Андрея.

Теперь особое внимание Александр уделил Швеции, готовившей поход на Новгородскую Русь. В походе должны были участвовать и немецкие рыцари, владевшие землями в Эстонии, и наемники, набранные папскими легатами.

В 1253 году немцы предприняли набег на Псков и даже сожгли его посад. Но на помощь псковичам немедленно пришли новгородцы. Настигнув за рекой Наровой ливонцев, они разбили их и продиктовали новый мир «по всей воле новгородской».

В 1255 году крестоносцы высадились на восточном берегу реки Наровы и приступили к строительству там крепости. Они намеревались закрепить за собой этот район и перекрыть русским путь по Неве в Финский залив.

Новгородцы стали собирать пешее и конное ополчение и обратились во Владимир к Александру Невскому за помощью.

Узнав о сборе русского войска, крестоносцы бросили строительство крепости, погрузились на суда и бежали за море. Но прибывший в Новгород Александр решил продолжить поход и перенести боевые действия на территорию Финляндии, чтобы окончательно отбить у шведов желание ходить на русские земли.

Подойдя с войском к Копорью, Александр объявил о намерении двинуться в Финляндию. Многие новгородские воины под воздействием подстрекательства бояр отказывались идти дальше. Новгородские бояре не были заинтересованы в приобретении новых земель и соответственно в усилении княжеских позиций. И все же часть воинов-новгородцев осталась с Александром. К ним присоединились отряды карелов.

Воины двинулись по льду Финского залива. Преодолевая глубокие снега и непроходимые горы, русские отряды шли вперед. Помощь русским оказали финны, ненавидевшие шведских захватчиков. Дружины Александра приблизились к побережью Ботнического залива — Поморью. Не дойдя до Полярного круга в районе Улеборга (Оулу), русские отряды повернули обратно.

После ухода русских дружин шведы вновь вернулись в Финляндию, но о вторжении в русские земли уже не думали.

В продолжение этого времени Александр Невский вел непримиримую борьбу с новгородским боярством, стремившимся всегда ограничивать княжескую власть.

В 1257 году монголы стали переписывать население Руси для упорядочения взимания дани. В конце 1256-го — начале 1257 года Александр вместе с вернувшимся из Швеции братом Андреем и двумя представителями Новгорода поехали в Орду для переговоров о порядке взимания дани.

Александр Невский договорился с Берке об уплате дани в обмен на военную помощь против литовцев и немцев.

Русское посольство везло богатые подарки хану и его вельможам. Дипломатия Александра Невского сыграла свою роль — монголы согласились, чтобы сбором дани со своих земель занимались сами князья. В свою очередь, Александр Невский обязался поддерживать монголов и оказывать им содействие в переписании населения.

Церковь поддержала линию Александра Невского по отношению к Золотой Орде, поскольку считала, что такая политика наиболее реалистична в сложившейся ситуации.

В 1257 году правители Золотой Орды решили переписать все население Новгорода и Пскова, которые никогда прежде не видели монгольского нашествия. Это должно было способствовать более точной выплате дани. Духовенство Новгорода выступило на стороне князя, но не смогло примирить его с оппозицией. Посадник Михаил — ставленник Александра — был убит. Движение против монгольских переписчиков возглавил новгородец Александр. Борьба за освобождение Новгородской республики от монголов привлекла на свою сторону и князя Василия, который заявил на вече, что он не хочет повиноваться отцу, наложившему оковы на Великий Новгород.

Но когда Александр Невский вместе с дружиной и монгольскими послами подошел к Новгороду, Василий бежал в Псков. Выслушав послов, новгородцы собрали им дары и заявили, что не принимают условия переписи и отказываются платить дань. Чиновники Золотой Орды, видя развитие событий, предоставили Александру самому улаживать конфликт и отъехали от города.

По приказу князя Александра его сын был взят в Пскове под стражу и отослан во Владимир. Дружинникам князя был отдан строгий приказ — отыскать зачинщиков мятежа. Новгородцу Александру и другим отрезали носы, а иным и выкололи глаза. Оставив в городе своим посадником ладожанина Михаила Федоровича, Александр уехал во Владимир. Но мятеж продолжался. Ставленников Александра в Новгороде убивали до тех пор, пока, наконец, в 1259 году из Суздальской земли не прибыл гонец, известивший, что во Владимире находятся монгольские переписчики вместе с большим войском и сейчас собираются идти на Новгород. Только тогда новгородцы обратились к Александру и объявили, что согласны на перепись. Вместе с ним прибыл и Александр Невский, ясно сознававший, что новгородцы смогут возмутиться порядком переписи и сбора дани.

Пересчитав число душ, монголы наложили на всех одинаковую повинность. Возмущенные новгородцы вновь стали угрожать монгольским переписчикам. Те стали требовать у Александра охраны, угрожая отъездом из новгородских земель. Город раскололся на сторонников Александра и его противников. Александр со своими сторонниками вновь выехал из города на владимирскую дорогу.

Поняв, что приближаются самые худшие времена, бояре стали убеждать народ подчиниться монголам, поскольку, покинув город, Александр оставлял его на произвол судьбы. Новгородцы, наконец, согласились на перепись.

После сбора дани монгольские послы отбыли из Новгорода, но Александр Невский остался на некоторое

время в городе. Вместе со своими людьми он разъяснял, что несмотря на то, что дань оскорбительна и тяжела, в Новгороде не будет ханских посланников (баскаков), а вместо них будут действовать княжеские люди. Александр уехал в Ростов, оставив в Новгороде своего малолетнего сына Дмитрия в качестве наместника.

В это же время литовский князь Миндовг, пользуясь ослаблением Руси, послал своих воевод захватить пограничные земли на западе и северо-западе соседнего государства. Князь Товтивил (Таутивилас) укрепился в Полоцке и был принят горожанами в надежде, что он сможет защитить их от монголов. Но надежда их оказалась тщетной, поскольку монголы стали совершать набеги и на литовские земли. Стал проявлять агрессивные настроения и Ливонский орден.

Чтобы избежать войны на два фронта, Миндовг еще в 1250 году заключил союз с Орденом и принял католическую веру. Но вскоре он понял, что расчеты на помощь со стороны Ливонии остались тщетными — немцы сосредотачивали свои силы у литовских рубежей. Тогда Миндовг отказался от королевского звания, данного ему Римом, отрекся от католичества и выступил против немцев. 13 июня 1260 года рыцари были наголову разгромлены в сражении у озера Дурбе.

Чтобы избежать нового немецкого нашествия, Миндовг выслал послов в Новгород для заключения союза с Александром Невским. По этому договору князь Товтивил и Полоцкая земля переходили на службу Великому Новгороду. Было решено совершить совместный поход в земли, оккупированные Орденом, и

выбить из них немцев. В 1262 году союзные войска двинулись на Орден. Литовцы шли к Вендену (Цесису), а русские — к Дерпту, но целей похода достичь не удалось из-за несогласованности. Не дождавшись русских у Вендена, литовцы вернулись обратно. В это время под командованием брата Александра Ярослава русское войско двигалось к Дерпту, который вскоре пал под ударами союзного отряда. Немцы укрылись в замке на холме Тооомяги. Узнав, что литовцы ушли из-под Вендена, русские дружины вернулись в Новгород.

Во время похода в прибалтийские земли русских и литовских войск подняли восстание пруссы. Но поскольку их выступления носили разрозненный характер, а предводители не смогли объединить свои силы, немцы смогли подавить восстание, а затем начали уничтожение населения.

Вскоре после завершения похода в Новгород прибыли послы от купеческих гильдий немецких городов Гамбурга и Любека для заключения торгового договора, который вскоре был подписан.

Александр Невский не принимал участия в походе против Ордена. Его отвлекли более важные события, произошедшие на северо-востоке Руси.

Отношения Александра Невского с ханом Берке все более улучшались. В 1261 году в Сарае было даже открыто подворье православного епископа. Считалось, что епископ Сарайский является представителем интересов великого князя и всех русских людей при дворе хана. В случае очередной княжеской усобицы, хан посылал сарайского епископа вместе с татарским беком-христианином для решения на княжеских съездах спорных вопросов. В случае

продолжения удельной войны он был принуждаем к миру с помощью ханской конницы.

Но тут в северо-восточной Руси произошли события, которые могли бы самым негативным образом отразиться на умиротворяющей политике Александра.

Хан Берке, считая, что его баскаки присваивают большую часть дани (как то и было в действительности), передал сбор дани хивинским купцам-ростовщикам, называемым на Руси бесерменами. Бесермены, внося предварительно хану денежные суммы вперед, затем собирали дань в больших размерах, чем баскаки. Тем, кто не мог выплатить сразу, давали отсрочку под большие проценты. В случае невозможности выплаты дани, бесермены продавали людей в рабство. Никакого уважения к православии и христианской вере новоявленные баскаки не испытывали и нередко оскорбляли духовенство.

В 1262 году в Переяславле, Суздале, Ростове, Владимире, Ярославле и других городах северо-восточной Руси вспыхнуло восстание против бесерменов. Часть из них просто выгнали из города, но тем, кто был запятнан в корыстных преступлениях, пощады не было — их убивали на месте.

Опасаясь гнева Берке, Александр Невский решил ехать в Золотую Орду и предотвратить новое нашествие монголов на Русь. Но хана не очень взволновало избиение бесерменов, которых он сам презирал за жадность. К тому же это были не ханские чиновники, а обыкновенные откупщики. Он отнесся снисходительно к мятежу и даже вновь доверил сбор дани русским князьям. Во многом его действия объяснялись жела-

нием включить русские дружины в свое войско, отправившееся на войну с иранским правителем Хулагу. Александру пришлось почти целый год провести в Орде, пока Берке, наконец, не освободил русских от участия в походе.

Напряженные переговоры тяжело отразились на здоровье князя. К тому же пришлось готовиться к совместному с Миндовгом новому походу на Орден.

Осенью 1263 года Александр выехал из Орды и в тяжелейшем состоянии добрался до Городца на Волге, где остановился в Федоровском монастыре. Предчувствуя кончину, он принял схиму под именем Алексия и в ночь на 14 ноября 1263 года скончался. (Вскоре вслед за ним умер и Миндовг.) Современные исследователи полагают, что в смерти обоих князей виновна агентура Ордена, действовавшая как в Литве, так и на Руси.

Тело Александра Невского было перевезено во Владимир и погребено в монастыре Рождества Богородицы. В XIV веке Русская Православная Церковь канонизировала благоверного князя Александра Невского.

Особо почитал Александра Невского император Петр I. В 1724 году по его указанию были перенесены мощи святого из Владимира в Санкт-Петербург в основанную там Александро-Невскую лавру. В январе 1725 года Петром I был учрежден орден св. Александра Невского.

В разгар Великой Отечественной войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года был учрежден орден Александра Невского для награждения офицеров Советской армии. Согласно его статуту, им награждаются «за проявление в соответствии с боевым за-

данием инициативы по выбору удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесения ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск».

Князь Александр Невский принадлежал к поколению новых людей. Его жертвенное поведение в корне отличалось от нравов древнерусских удельных князей, а проводимая им политика на несколько столетий вперед определила принципы устройства Руси. Заложенная им традиция союза с народами Азии до XIX века привлекала к России народы, живущие на соседних территориях. Именно потомками Александра Невского, верными заветам своего великого отца, и прежде всего его сыном Даниилом Александровичем и внуком Иваном Даниловичем Калитой, на развалинах Киевской Руси стала строиться новая Русь, называемая вначале Московской и ставшая затем Россией.

АЛЕКСИАНО АНТОН ПАВЛОВИЧ

(? — 21.12.1810) — участник русско-турецкой войны (1787—1791), вице-адмирал

Начал службу на флоте в 1770 году волонтером в эскадре вице-адмирала Г.А. Спиридова. Участвовал в Наваринском и Чесменском сражениях.

В 1773 году был произведен в мичманы и вместе с отрядом капитана 2-го ранга Кожухова принимал участие в экспедиции к Сирийским берегам и во взятии Бейрута.

Во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов Алексиано с 1788 года командовал фрегатом черноморского флота «Таганрог», переименованного затем в «Иероним». Его

фрегат участвовал в сражении у Фидониси в составе эскадры контр-адмирала М.И. Войновича, затем в составе эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова в 1790 году принял участие в Синопском сражении, в боях у Керченского пролива и Тендры и в бомбардировании Анапы.

В 1798 году во время войны с Францией Алексиано, командуя кораблем «Богоявление Господне», участвовал при занятии островов Цериго, Занте и в блокаде и взятии Корфу, где он захватил французский 18-пушечный корабль.

По окончании военных действий вернулся в Севастополь.

Скончался в звании вице-адмирала Черноморского корабельного флота.

АЛЕКСИАНО ПАНАИОТИ

(? — 08.07.1787) — участник русско-турецких войн (1768—1774 и 1787—1791), контр-адмирал

На русском флоте начал служить волонтером в 1769 году, в Ливорно. Участвовал в Чесменском сражении 26 июня 1770 года, находясь на корабле «Ростислав», которым командовал капитан 1-го ранга Лупандин. В этом бою Алексиано отличился, взяв в плен и выведя из бухты турецкую полугалеру. За активные боевые действия он был произведен в звание лейтенанта и вскоре получил под свое командование 26-пушечный фрегат «Св. Павел», которым и командовал до 1776 года.

Алексиано Панайоти отличался решительностью, отвагой и инициативой, и ему нередко поручались отдельные операции и самостоятельные задачи. Так им была взята в 1771 году с помощью десанта крепость Це-

фало. За эту операцию он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В том же году Алексиано сжег у острова Станчо стоявший на мели турецкий корабль.

В 1772 году Алексиано у египетских берегов в заливе Дамьетта потопил два турецких фрегата и много мелких судов, а на следующий день захватил еще одно большое судно с восемью пушками, турецкими войсками и оружием.

В том же году под крепостью Родос Алексиано взял турецкий трекатр, поллаку и фелюгу, а при подходе к Яффе — еще две вооруженные турецкие поллаки со всей командой. Во время постоянных морских рейдов им было захвачено много турецких и французских судов, перевозивших для Турции провиант и оружие.

В 1773 году Алексиано в отряде капитана 2-го ранга Кожухова участвовал в блокаде и взятии Бейрута, а в следующем году с помощью десанта овладел крепостями на островах Карибода и Имбра.

В 1776 году Алексиано был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и переведен на Балтийский флот, где последовательно командовал кораблями «Александр Невский», «Исидор» и «Константин».

В 1783 году Алексиано был произведен в капитаны 1-го ранга и вновь переведен на Черноморский флот.

С началом второй русско-турецкой войны 1787—1791 годов Алексиано участвовал в составе эскадры контр-адмирала Джонса в боевых действиях в Днепровском лимане, командуя 66-пушечным кораблем «Владимир».

17—18 июня Алексиано, уже в чине контр-адмирала, командуя парус-

ной эскадрой, содействовал полному уничтожению турецкого флота под Очаковым.

8 июля 1787 года Алексано Панаиоти скончался в море, находясь на корабле «Владимир».

АЛЛАРТ (АЛАРТ) ЛЮДВИГ-НИКОЛАЙ, ФОН (? — 1728) — участник Северной (1700—1721) и русско-турецкой (1710—1713) войн, генерал-аншеф, барон

По происхождению саксонец, он долго служил в Венгрии и в 1700 году, рекомендованный Петру I польским королем Августом II, вступил в ряды русских войск в чине генерал-поручика.

Во время осады Нарвы руководил инженерными работами. Как искусному инженеру ему было поручено составить диспозицию и ведомость всего нужного для осады города, которые он и представил на другой день. В период осадных действий Алларт имел главный надзор над всеми осадными работами. Когда в сражении под Нарвой русские войска потерпели поражение, Алларт, вместе с герцогом де-Кроа и многими другими начальниками из иностранцев, заподозренными русскими солдатами в измене, вынужден был искать спасения у шведов. 19 ноября 1700 года он сдался в плен шведам, в котором и пробыл до 1705 года.

В 1705 году Алларт был обменен на коменданта Нарвы шведского генерала Арведа Горна и после освобождения в 1706 году был назначен чрезвычайным послом короля Августа II при Петре I.

После отречения Августа II вновь поступил на русскую службу и в

1706 году стал шефом Казанского пехотного полка. Алларт руководил инженерными работами по укреплению Полоцка и Копыса. В 1708—1709 годах он командовал дивизией. Во время осады Полтавы шведами принимал участие в бою у Мезина и на реке Ворскле. За участие в Полтавской битве получил орден Св. Андрея Первозванного.

В 1711 году вместе со своей дивизией принял участие в Прутском походе, во время которого был ранен.

В 1712 году возглавил союзные войска России, Польши и Дании, действовавшие в Померании против Стральзунда. В том же году, вследствие интриг, вышел в отставку, получив в пожизненное арендное содержание поместье Вельмарсгоф в Лифляндии (терр. Северной Латвии и Южной Эстонии).

Алларт снова вернулся на службу лишь в 1721 году. Некоторое время он командовал войсками, расположенными на Украине, но в апреле 1723 года сдал их генералу Голицыну, а сам перебрался в Петербург. В 1725 году императрица Екатерина I пожаловала ему орден Св. Александра Невского. В том же году он вновь вышел в отставку и поселился в своем имении.

Скончался в 1728 году.

Выделяясь в ряду современников своим образованием, Алларт отличался обширными знаниями по инженерным наукам. Его называли «одним из лучших инженеров своего времени» и «одним из искуснейших генералов». После него осталась богатая коллекция до 800 планов различных крепостей Европы. Он также известен как один из историков Петра Великого.

**АНГАЛЬТ-БЕРНЕБУРГ-ШАУМБУРГСКИЙ
ВИКТОР-АМАДЕЙ**

(02.05.1744 — 18.04.1790) — участник русско-турецкой (1787—1791) и русско-шведской (1788—1790) войн, принц, генерал-поручик (1782)

Сын принца Виктора-Амадея Адольфа. Вступив в 1772 году в русскую службу, он 10 июля 1775 года был уже генерал-майором. 26 ноября того же года он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а 28 июня 1782 года был произведен в чин генерал-поручика.

С началом русско-турецкой войны 1787—1791 годов принц Ангальт поступил в армию князя Г.А. Потемкина и отличился под Очаковым, при штурме которого он командовал двумя колоннами и первым ввел их на стены крепости, несмотря на упорное сопротивление турок. За это он был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

В следующем году принц принял непосредственное участие во взятии Каушан, Анкермана и Бендер, командуя авангардом армии. За боевые отличия принц Ангальт получил новые награды — ордена Св. Александра Невского и Андрея Первозванного. Принц заслужил такую высокую оценку своими успешными действиями, что был даже рассмотрен вопрос о замене им графа Мусина-Пушкина на посту командующего русской армией, действующей против шведов в Финляндии. Но это назначение не состоялось по вине самого принца Ангальта, который страстно добивался своего производства в чин генерал-аншефа, чем весьма рассердил императрицу.

В 1790 году в армии графа И.П. Салтыкова он воевал в Финляндии.

В самом начале военных действий, посланный главнокомандующим с отдельным отрядом для вытеснения шведов из Пардакоски и Керникоски, он 18 апреля, атакуя противника, был смертельно ранен — ему оторвало правую ногу пушечным ядром. Вынесенный с поля сражения, он через несколько часов скончался.

С именем принца Ангальт-Бернебургского тесно связано имя знаменитого русского полководца М.Б. Барклая-де-Толли, начавшего под его непосредственным руководством свою боевую службу. Принц первый обратил внимание на военные дарования Барклая. Умирая, принц передал ему свою шпагу, с которой Барклай никогда не расставался.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

(ок. 1111 — 29.06.1174) — князь Владимиро-Суздальский (1157)

Внук Владимира Мономаха, сын Юрия Долгорукого и дочери половецкого хана Аспы.

Когда Андрей подросток, отец выделил ему в управление недавно возникший городок Владимир на Клязьме. Там и прошла первая половина его жизни.

О его деяниях в ту пору известно то, что в 1147 году Андрей вместе с братом Ростиславом по требованию отца участвовал в походе против рязанского князя. А когда в 1149 году Юрий Долгорукий вступил в борьбу за владение киевским великокняжеским престолом, захваченным его племянником Изяславом, Андрей принял деятельное участие в этой войне. Андрей провел несколько лет на юге, участвуя во всех военных походах отца. Так, во время

похода в Волынскую землю, принадлежавшую Изяславу, двинувшись на соединение с отцом под Луцком, Андрей около Муравицы во время ночного переполоха был оставлен своими союзниками — половцами. Испуганный брат его Ростислав несколько раз советовал ему отступить, но Андрей решил дождаться рассвета, несмотря на настояния Ростислава и даже собственной дружины. Когда наступил день, Андрей бросился на противника, вышедшего из Луцка, и был окружен его превосходящими силами. С Андреем была только младшая дружина. Во время боя он получил два ранения, и ему едва удалось отбиться и ускакать. Затем он отличился в битве под Киевом в 1151 году, в сражении на реке Дубе и при осаде Чернигова, которая длилась двадцать дней.

Захватив великокняжеский престол в Киеве, Юрий оставил сына около себя и посадил его княжить в Вышгороде под Киевом. Но не по

сердцу пришлось это княжение Андрею, и он в 1155 году ушел в ростово-суздальские земли. Из Вышгорода он взял с собой икону Божьей матери, ставшую потом главной православной святыней под именем Владимирской.

После смерти Юрия в 1157 году Андрей должен был по старому порядку перебраться в Киев, предоставив Ростово-Суздальскую землю младшим братьям. Но он сам принимает власть в Ростове и Суздале. Он делает столицей земли город Владимир, обустраивает и укрепляет его, превратив тем самым в неприступную крепость. Князь Андрей становится властным правителем, привнеся в правление новые методы. Он стал первым князем, решившим начать борьбу с удельной системой. К 1162 году он изгнал со своей земли младших братьев и племянников, не раздав им уделов, как это было принято раньше. Гонениям подверглась и старшая дружина его отца: одну часть ее он также изгнал, другую — заключил в темницу. Совет бояр им не собирався, и все вопросы он решал единолично.

Поход Андрея на болгар в 1164 году был последним походом, в котором он принимал личное участие. Он выступил против них со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием. Этот поход был удачным для Андрея. Болгары были разбиты, уничтожено было несколько их селений и город Бряхимов.

Объявив себя великим князем Владимирским и Суздальским, Андрей подчинил себе соседних князей — рязанских, смоленских, муромских и полоцких, которые, став его

союзниками, начали принимать участие в устраиваемых им походах.

Основными задачами своей политической деятельности Андрей Боголюбский ставил принижение значение Киева и перенесение главенства над русскими землями во Владимир, а также подчинение своей власти вольного Новгорода. В эти города он желал сажать на княжение верных людей, которые признавали бы его, Андрея, старшинство над русскими землями.

В попытках объединить под своей властью русские земли князю Андрею не хватало гибкости и дипломатичности в отношениях с другими князьями. С годами Андрей, гордый, властный и вовсе не мягкосердечный, становился еще более тяжелым для окружающих, которые становились все неувереннее в своей судьбе. Его суровость и деспотизм вызывали к нему ненависть не только бояр, но и домашних. Удалив от себя старых бояр, он окружил себя новыми любимцами, людьми безвестными, сомнительного происхождения. Все это привело к тому, что против него был составлен заговор. Причиной его стало появление нового любимца — Прокопия и казнь одного из Кучковичей, родственников первой жены Боголюбского.

В ночь с 28 на 29 июня 1174 года князь Андрей был зверски убит боярами-заговорщиками в своем дворце в Боголюбове. Его смерть не вызвала в народе взрыва негодования, так как в последние годы он не пользовался большой народной любовью.

Он был похоронен во Владимире в Успенском соборе.

АПРАКСИН ПЕТР МАТВЕЕВИЧ

(24.06.1659 — 29.05.1728) — участник Северной войны (1700—1721), граф, сенатор

Старший сын стольника Матвея Васильевича, брат царицы Марфы Матвеевны, Петр Апраксин в 1680 году был пожалован в окольничьи. В начале царствования Петра I Апраксин был назначен воеводой в Новгород Великий. В этой должности он оставался до декабря 1699 года. В 1701 году он был вызван царем в Москву, и ему было поручено набрать и возглавить два новых полка. Вместе с этими полками под его командование были переданы и другие стрелецкие полки, которые должны были прикрывать от шведов северную границу Новгородской губернии, после поражения русской армии под Нарвой. Петр Матвеевич проявил себя прекрасным командиром и провел несколько успешных операций против шведов. Так, в июне 1702 года он уничтожил шведскую флотилию, а у реки Ижоры нанес поражение войскам шведского генерала Крониорта. Весной 1703 года Апраксин прикрывал осаду крепости Нисшанца. В 1704 году, занимая местность при устье реки Наровы, Апраксин отразил атаки шведского флота, пытавшегося доставить продовольствие в осажденную русскими войсками Нарву.

В конце 1705 года Апраксин был послан в Астрахань для содействия фельдмаршалу Шереметеву в подавлении стрелецкого бунта, получив назначение на пост астраханского наместника.

8 сентября 1708 года он заключил на реке Ахтубе с калмыцким ханом договор, по которому хан обязался быть в вечном подданстве России.

В декабре 1708 года при первом делении России на губернии Апраксин был назначен казанским губернатором. В это время ему было подчинено свыше тридцати городов, среди которых были Саратов, Симбирск, Уфа и другие. На этом посту Апраксин проявил себя отличным администратором, способствуя всем начинаниям Петра I. Он содействовал скорой доставке в Санкт-Петербург корабельных лесов, успешно строил суда на Волге, поставлял хороших лошадей в кавалерию и удачно воевал против крымских татар, тревоживших русские пределы.

В 1713 году Апраксин был переведен на службу в Петербург и спустя четыре года стал сенатором.

В феврале 1718 года Апраксин по подозрению в организации побега царевича Алексея был взят под стражу, отправлен в Москву и лишен имени. Но по дальнейшему ходу дела Апраксин был признан невиновным, и ему было возвращено все конфискованное имущество.

В том же году он принял участие в судебном процессе по делу царевича Алексея и в числе других подписал ему смертный приговор.

В 1722 году Апраксин был назначен президентом юстиц-коллегии, будучи в чине действительного статского советника.

В день торжественного бракосочетания цесаревны Анны Петровны с голштинским герцогом Карлом-Фридрихом Апраксин был пожалован в действительные тайные советники. В этом звании он и скончался в 1728 году. Похоронен в Златоустовском монастыре в Москве.

АПРАКСИН СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ

(13.06.1757 — 08.02.1827) — генерал от кавалерии (1788)

Единственный сын генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина, он со дня рождения был зачислен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк.

Службу начал с 1772 года и уже к 1777 году получил чин полковника и стал флигель-адъютантом.

В 1782 году Апраксин был назначен командиром Киевского пехотного полка, с которым в том же году участвовал в Крымском походе.

В 1783 году он стал командиром Астраханского драгунского полка, дислоцированном на Кавказе. Вместе с полком он принял участие в знаменитой Закубанской экспедиции А.В. Суворова.

Произведенный 12 февраля 1786 года в генерал-майоры, Апрак-

син командовал кавалерией резерва, действовавшей на правом фланге при штурме Очакова в 1788 году. Затем он участвовал в походе против польских конфедератов в 1794 году и штурмовал Варшаву. Апраксин был большим почитателем полководческого таланта Суворова и пользовался его расположением.

Произведенный 2 сентября 1794 года в чин генерал-поручика, Апраксин в 1796 году командовал корпусом на турецкой границе.

При императоре Павле I он был назначен шефом Астраханского драгунского полка и 12 марта 1798 года произведен в генералы от кавалерии.

В декабре того же года Апраксин был уволен в отставку по болезни. Вступивший на престол император Александр I вернул Апраксина на службу, и он получил назначение на должность Смоленского военного губернатора.

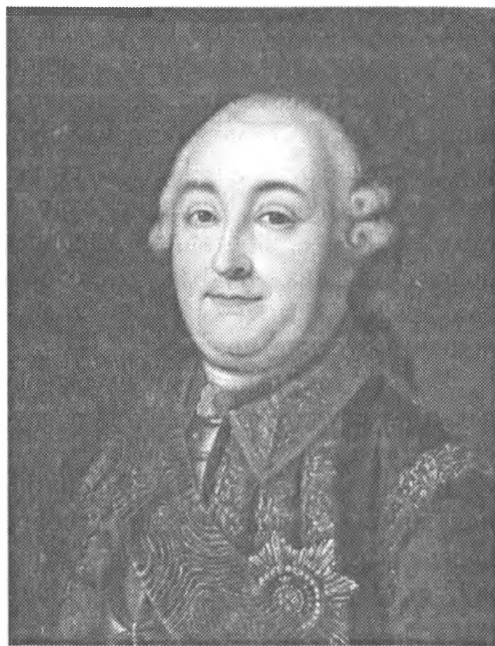
В 1807 году на Апраксина было возложено формирование 16-й пехотной дивизии, с которой он принял участие в походе в Молдавию.

В 1809 году Апраксин вторично вышел в отставку и поселился в Москве. В его доме часто проходили приемы, давались балы и званые обеды. Кроме обедов и приемов, Апраксин устраивал в своем доме на Знаменке литературные чтения, концерты и спектакли. Он имел свой театр, в котором играли как любители, так и императорские актеры и заезжие знаменитости.

Апраксин скончался 8 февраля 1827 года и был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве.

АПРАКСИН СТЕПАН ФЕДОРОВИЧ

(30.07.1702 — 06.08.1758) — участник русско-турецкой (1735 — 1739) и Семилетней (1756 — 1763) войн, генерал-фельдмаршал (1756)

Сын стольника, он еще в детстве был записан рядовым в лейб-гвардии Преображенский полк.

В 1727 году был произведен в капитаны лейб-гвардии Семеновского полка, а в 1734 году стал секунд-майором.

Апраксин вместе с полком участвовал в русско-турецкой войне 1735—1739 годов и отличился при штурме Очакова, за что был произведен в звание премьер-майора и награжден поместьями. В конце войны он стал генерал-майором армии и оставлен при фельдмаршале Минихе, который командовал русскими войсками. После взятия Хотина Апраксин был послан курьером ко двору и тогда же получил орден Св. Александра Невского.

С окончанием войны Степан Федорович назначается командующим войсками на границе с Персией в Астраханской губернии. В 1742 году он был отправлен с посольством в Персию, а по возвращении оттуда был произведен в генерал-поручики и назначен подполковником лейб-гвардии Семеновского полка и вице-президентом Военной Коллегии.

Звание генерал-аншефа он получил в 1746 году, а в 1751 году был награжден орденом Св. Андрея Первозванного.

В сентябре 1756 года он был произведен в генерал-фельдмаршалы и через месяц назначен главнокомандующим русской армией, готовившейся воевать с Пруссией. До этого назначения он не имел большого военно-административного опыта, так как своим продвижением по службе он был обязан не таланту полководца, а придворным связям и дружбе с канцлером графом А.П. Бестужевым, графом А.Г. Разумовским и с братьями Шуваловыми. Апраксин был не самой подходящей кандидатурой для борьбы с армией Фридриха. Перед ним как главнокомандующим стояла трудная задача по организации действующей армии, хотя интересы России не требовали участия ее в этой войне.

В течение 1755—1756 годов была проведена работа по реорганизации армии, но все-таки она не была завершена. К осени 1756 года, когда армия была сосредоточена на польской границе, полки были недостаточно укомплектованы, продовольственное снабжение встретило ряд затруднений, деньги для нужд армии отпускались в недостаточном количестве, да и план кампании еще не был разработан. Кроме того, все решения

главнокомандующего требовали одобрения заседавшей в Санкт-Петербурге Высшей Военной Конференции, состоявшей из канцлера Бестужева, фельдмаршала Бутурлина, князя Трубецкого, Воронцова и братьев Шуваловых. Такие продолжительные сборы, кроме причин военно-административных, были вызваны и политическими соображениями. Тяжелая болезнь императрицы и симпатии наследника престола Петра Федоровича и его двора к Пруссии заставляли медлить с началом военных действий. Однако настойчивые требования Франции и Австрии заставили Россию вступить в войну. К июню 1757 года армия сосредоточилась на Немане.

Положение Апраксина затруднялось еще тем, что у него не было помощника и отсутствовал штаб главнокомандующего. Для передачи приказаний по армии он был вынужден собирать всех старших начальников, а отсутствие боевого опыта и нерешительность приводили к тому, что управление армией осуществлялось путем военных советов, которые собирались по любому, даже самому незначительному поводу. Все это имело отрицательные последствия для ведения военных действий. 10 июня на военном совете в Ковно было принято решение начать наступление главными силами к Вережболову, а корпусу генерала Фермора было приказано выступить из Курляндии (Курземе) на Тильзит (Советск) и Мемель (Клайпеда). Фермор захватил Мемель 25 июня и мог продолжать движение к Кенигсбергу. Против армии Апраксина в Восточной Пруссии действовал тридцатитысячный корпус генерала Левальда, который располагался в районе города Велау.

25 июля русская армия заняла город Гумбиннен и к 9 августа вышла к Заалау. Продвигаясь навстречу друг другу, русская и прусская армии подошли 17 августа к окрестностям деревни Гросс-Егерсдорф. Не имея сведений о противнике, Апраксин решил выждать и дал сначала приказ занять достигнутые позиции и закрепиться на них. Но затем им был отдан новый приказ о начале продвижения вперед, несмотря на очевидную опасность предпринимаемой операции. Утром 19 августа во время перестроения русская армия была атакована пруссаками, но, несмотря на все выгоды своего положения, части армии Фридриха потерпели полное поражение, благодаря мужеству русских полков. Большой стратегической ошибкой Апраксина стало то, что он не стал преследовать противника, и успехи русской армии в 1757 году на этом и закончились. Кроме того, на военном совете 27 августа было принято решение не продолжать дальнейшего наступления, а отойти за Неман и расположиться в Курляндии на зимних квартирах. Причиной такого решения стало отсутствие продовольственного снабжения армии и большая заболеваемость среди солдат. Отход русской армии принял характер поспешного отступления, во время которого были брошены части обоза и уничтожены запасы вооружения. Популярность главнокомандующего в войсках заметно снизилась, а с началом беспорядочного отступления была потеряна окончательно. Войска, терпевшие большие лишения, стали обвинять своего главнокомандующего в измене и в умышленных действиях на благо Пруссии. Да и императрица Елизаве-

та Петровна выразила крайнее недовольствие действиями Апраксина, на которого свалили всю вину за неудачные военные действия. В конце сентября 1757 года Апраксин был вызван в Нарву, а его место занял генерал Фермор.

По прибытии в Нарву Апраксин был арестован и обвинен в государственных преступлениях. Над ним и канцлером Бестужевым было устроено следствие. Несмотря на то что вина Апраксина не была доказана, его имя еще долгое время связывалось с предательством интересов России. Только в конце XIX века Д.Ф. Масловскому удалось неопровержимо доказать, что действия Апраксина были вызваны стратегическими и тактическими причинами, а также вмешательством Военной Конференции в распоряжения главнокомандующего, которое негативно отразилось на операциях русской армии.

Сам Апраксин не дожил до окончания следствия. Он скончался 6 августа 1758 года и был похоронен на Лазоревском кладбище Александроневской лавры без торжественных церемоний и почестей.

АПРАКСИН ФЕДОР МАТВЕЕВИЧ
(27.11.1661 — 10.11.1728) — участник русско-турецкой (1686—1700) и Северной (1700—1721) войн, граф, генерал-адмирал (1708)

Младший сын М.В. Апраксина, брат царицы Марфы Матвеевны — супруги царя Федора Алексеевича.

В 1693 году он был назначен двинским воеводою и направлен в Архангельск. Этот город в то время был единственным портом России на севере, через который осуществля-

лась вся торговля с границей. Находясь в Архангельске, Апраксин осуществил постройку первого казенного купеческого корабля на верфи в Соломбо и посылал его за границу с торговой миссией.

В 1696 году Апраксин принимал участие в Азовском походе. Уезжая с посольством за границу, царь Петр оставляет Апраксина осуществлять надзор за судостроением на воронежской верфи. В августе 1699 года, уже после возвращения Петра, Апраксин участвует в первых маневрах русского флота. В феврале следующего Федор Апраксин становится главным начальником Адмиралтейского приказа, получив титул адмиралтейца. В это же время он получает назначение на должность азовского губернатора. За шесть лет он смог многое сделать для развития нового российского флота — были построены новые суда, город Азов был перестроен, а построенный Таганрог имел удобную гавань для военных кораблей и Троицкую крепость. В устье

реки Миус была также возведена Павловская крепость. Кроме этого была перестроена воронежская верфь и заложены новые — в Таврове и Новопавловске, — снабженные удобными доками и шлюзами.

В 1700 году, воспользовавшись благоприятной политической обстановкой в Европе, Петр I начал войну против Швеции, вошедшую в историю под названием Северной войны. Война продолжалась до 1721 года и закончилась победой России. В ходе Северной войны, в которой активное участие принимал военно-морской флот, с особой яркостью проявился талант Апраксина как флотоводца, внесшего существенный вклад в развитие военно-морского искусства, особенно в области совместных действий армии и флота.

С 1708 года Апраксин стал носить титул генерал-адмирала. Осенью того же года он возглавил командование войсками, оборонявшими Ингерманландию (одно из названий Ижорской земли) от шведов. Шведская армия летом 1708 года начала наступление в направлении Петербурга с целью захвата города. Войскам Апраксина противостоял двенадцатитысячный корпус под командованием генерала Либекера, расположенный в районе Выборга. Наступление шведов летом 1708 года было замедлено из-за проливных дождей, превративших дороги в непролазную грязь. В конце августа шведы перешли реку Сестру и через несколько дней появились в селе Колтуши, угрожая Петербургу. В распоряжении Апраксина имелось более 23 тысяч солдат, но большая их часть была распределена по отдельным укрепленным пунктам, так что против шведов он мог выставить отряд, значи-

тельно уступающий по численности войску Либекера. Продолжая наступление, Либекер смог закрепиться на южном берегу Невы и обеспечить переправу через нее основных сил и продолжил дальнейшее движение в глубь Ингерманландии. Понимая, что остановить шведов в решающем сражении имеющимися у него силами будет крайне сложно, Апраксин решил взять шведов измором. Он нашел достаточно эффективный способ борьбы с противником. Отрезав его от баз снабжения и лишив подвоза продовольствия и боеприпасов, он держал корпус Либекера в постоянном напряжении и на голодной пайке. Апраксин стал систематически беспокоить шведов мелкими нападениями, разоряя край и уничтожая продовольствие. Голодные и измученные шведские войска, лишенные возможности вернуться к Выборгу, так как эту дорогу преграждали части Апраксина, подошли к Копорью, отказавшись от нападения на Петербург и надеясь достигнуть Выборга морем. Там на Сойкиной мызе стояла шведская эскадра, и 29 сентября корпус Либекера начал погрузку на суда. Апраксин получил донесения о действиях шведов только 12 октября и бросился вдогонку за противником. Он успел лишь разгромить шведский арьергард, а основные силы шведов ушли на судах в Бьеркээунд. Шведская экспедиция окончилась неудачей. За проявленное воинское искусство и охрану Петербурга от вражеского нападения Петр I приказал выбить особую медаль с изображением на одной стороне портрета графа Апраксина и надписью: «Царского величества адмирал Ф.М. Апраксин», а на другой — изображение флота, пост-

роившегося в линию, с надписью: «Храня сие не спит: лучше смерть, а не неверность».

Летом 1709 года в ходе Северной войны произошел перелом в пользу России. Разгромив главные силы сухопутной армии шведов на Украине, Петр I перебросил основные силы своей армии на балтийское направление, за короткий срок заняв южное побережье Финского залива. В наступлении русской армии и флота в Финляндии, которое продолжалось в течение десяти лет, Федор Апраксин принимал самое активное участие. Командуя гребным флотом и десяти тысячным корпусом, он отличился в ряде крупных операций, первой из которых стало взятие сильной крепости Выборга, которую шведы использовали в качестве основной базы для нападения на Петербург. В марте 1710 года граф Апраксин со своим войском перешел по льду Финский залив и осадил крепость. К началу мая транспортная флотилия, пройдя через ледяные поля залива, доставила Апраксину необходимые для осады артиллерию, боеприпасы и продовольствие. Получив подкрепление, Апраксин перешел к решительным действиям. Он умело провел осаду и хорошо организовал взаимодействие сухопутных войск и гребной флотилии, которая штурмовала Выборг со стороны залива и не допустила в него шведскую эскадру, появившуюся перед входом в залив в середине мая. 13 июня Выборг был взят. После сдачи крепости Петр собственноручно возложил на Апраксина орден Св. Андрея Первозванного и золотую шпагу, украшенную бриллиантами.

После взятия Выборга Апраксин оставался в крепости, руководя управлением поврежденных осадой укреплений.

При перенесении боевых действий на территорию Швеции перед Апраксиным была поставлена задача завоевания южного побережья Финляндии. В 1712 году Апраксин был назначен главным начальником над Эстляндией (сев. Эстония), Ингерманландией и Карелией с подчинением ему всех сухопутных и морских сил, находящихся на этих территориях. В этом же году он был поставлен во главе особого корпуса, которому предстояло занять Гельсингфорс (Хельсинки) и Або (Турку), с взятием которых Петр I рассчитывал склонить Швецию к подписанию мира. Финская кампания началась в конце апреля 1713 года. Под командованием Апраксина находилось 200 кораблей гребного флота и шестнадцатитысячный десантный корпус. В начале мая флот подошел к Гельсингфорсу, защищенному с моря береговой артиллерией. Русский десант, высаженный на берег под прикрытием своей корабельной артиллерии, захватил город, вынудив шведов отступить к Борго. Город был превращен в промежуточную базу для развертывания дальнейшего наступления. Затем русские войска двинулись к Або, который был занят без боя 28 августа 1713 года. Захватив военные трофеи, войска отошли на зимние квартиры в Петербург. Заслужив Апраксина в этой кампании явилось то, что он смог в короткий срок хорошо подготовить гребной флот и десант к боевым действиям, а в ходе самой кампании обеспечить войска всем необходимым для успешного проведения военных операций.

В следующем году была поставлена задача — завершить завоевание Финляндии и утвердиться на побережье Ботнического залива. Гребной флот, который снова возглавил Апраксин, направился к Гельсингфорсу, а парусный вышел под флагом Петра I к Ревелю. Парусный флот должен был прикрывать гребной на случай нападения противника. На подходе к Гельсингфорсу флот Апраксина был встречен шведской эскадрой в составе 16 линейных кораблей и 12 более мелких судов, преградивших проход русской флотилии. Вступить в бой со значительно превосходящим по численности и силе противником Апраксин не решился и, не взяв на себя ответственность за дальнейший ход событий, обратился к Петру. Изучив обстановку, Петр I принимает неординарное решение, ставшее для шведов неожиданным. Используя полный штиль и совершив диверсию в тылу шведского флота, русская гребная флотилия с боем прорвалась мимо шведской эскадры, нанеся последней значительный урон. Сам Апраксин не принимал участия в этом бою, оставаясь во главе резервного отряда кораблей. Эта победа заставила шведов полностью очистить Финский залив и позволила России выйти в Балтийское море. Хотя всей операцией руководил лично Петр I, лавры победителя достались и Апраксину, как командующему гребным флотом.

В 1714 году над Апраксиным было назначено первое следствие по обвинению в злоупотреблениях в подведомственных ему частях. Несмотря на то что сам Апраксин был признан невиновным, но из-за того, что он допустил злоупотребления среди подчиненных, он был «оштрафован».

Апраксин продолжал командовать гребным флотом и руководил боевыми действиями в районе Або-Оландского архипелага, где шведы продолжали оказывать сопротивление. Часто во главе отрядов гребных кораблей он проводил смелые, дерзкие набег, и Петр писал ему, чтобы он «не вдавал себя в азарт». Обычно Апраксин отвечал на это, что «он иначе поступать не может, так как шведы как диаволы, вертятся у Гангута...»

В 1716 году, командуя галерным флотом, Апраксин действовал против шведов в Финляндии, а в 1717 году, командуя корабельным флотом в Балтийском море, он произвел высадку на остров Готланд. Высадив на остров десант в количестве 900 человек и не встретив со стороны шведов никакого сопротивления, отряд продвинулся в глубь острова на пять миль и захватил большое количество продовольствия и скота, предназначавшегося для обеспечения питанием шведских экипажей. Узнав об этой вылазке, Петр I остался весьма доволен действиями Апраксина.

В 1717 году Апраксин занял высшую должность в военно-морском флоте, став президентом Адмиралтейств-коллегии и сенатором. Это назначение положительно сказалось на всех сторонах жизни флота в целом и личного состава в частности, у которого Апраксин пользовался заслуженным уважением и авторитетом.

В 1718 году он становится вторым членом следственной комиссии по делу цесаревича Алексея Петровича. И в том же году «за злоупотребления» он вторично был подвергнут аресту и даже лишению имущества и достоинства, но затем, во внимание к прежним заслугам, дело ограничилось денежным взысканием.

В мае 1719 года граф Апраксин был назначен эстляндским генерал-губернатором и отправлен в Финляндию для руководства армией и флотом. Петр вручил ему инструкцию, которой он должен был строго руководствоваться при проведении операций на побережье Швеции. Впервые за период Северной войны русскому флоту пришлось проводить такие широкомасштабные операции с использованием многотысячных десантных войск и основных сил как гребного, так и парусного флотов. Опыта подобных операций русское командование не имело, поэтому и Апраксин и все те, кто был привлечен к военным действиям, проводили тщательную подготовку и разрабатывали детальный план операции. Но вся ответственность за действия войск легла на Апраксина. Он привлек местных жителей в качестве лоцманов и детально изучил фарватер, так как сложный рельеф побережья затруднял подходы кораблей к берегу. Проведя тщательную разведку, были разработаны маршруты следования кораблей и места высадки войск. Для защиты фарватера и мест высадки был выделен специальный отряд судов. Всего в подчинении у Апраксина находилось около 26 тысяч десантных войск, свыше 230 гребных судов различных типов и эскадра парусного флота в составе 21 линейного корабля, 5-ти фрегатов, 2-х бомбардирских кораблей и 12-ти вспомогательных судов. По плану высадка десанта проводилась на широком фронте севернее и южнее Стокгольма. Операция началась 13 июля 1719 года. Шведы, застигнутые врасплох, оказывали слабое сопротивление, но в некоторых местах, где стояли значительные гар-

низоны шведских войск, произошли серьезные бои. Основной удар десанта был направлен на разгром промышленных объектов. Так, в районе между Стокгольмом и Норгепингом, где действовал гребной флот под личным командованием Апраксина, были разрушены заводы по переработке меди и железа, уничтожены рудники и шахты, захвачены или сожжены десятки торговых кораблей. Боевые действия продолжались более месяца. Швеции был нанесен огромный урон. Но, рассчитывая на помощь Англии, шведское правительство не спешило заключить мирный договор с Россией.

Всего за период с 1719 по 1721 год на побережье Швеции было проведено около пятидесяти десантных операций. Все крупномасштабные морские предприятия были проведены при непосредственном руководстве Апраксина, который в большинстве случаев выступал прекрасным исполнителем планов царя Петра. Успехи русских десантов сыграли важную роль в согласии Швеции на заключение мира.

22 октября 1721 года при заключении Ништадтского мира Апраксин получил от императора право носить кайзер-флаг, утвердив его тем самым в звании генерал-адмирала.

В 1722 году Апраксин сопровождал Петра в Персидском походе в звании главнокомандующего флотом, а войсками командовал лично император. Местом сосредоточения войск стала Астрахань, как наиболее удобный порт в устье Волги. В этом походе флот обеспечивал поддержку действиям сухопутных войск на берегу и снабжал армию всем необходимым. По окончании похода и воз-

вращении в Петербург, генерал-адмирал Апраксин принимает командование Балтийским флотом, который к тому времени насчитывал 24 линейных корабля, 5 фрегатов и большое количество других видов парусных и гребных судов.

Со смертью Петра I закончилась и морская карьера Федора Матвеевича Апраксина. Только в 1726 году он во главе эскадры выходил в море на защиту Ревеля от нападения английского флота. В том же году он был назначен членом новоучрежденного Верховного Тайного Совета.

В 1727 году он отправился в Москву, где 10 ноября 1728 года в возрасте шестидесяти семи лет скончался. Он был похоронен со всеми воинскими почестями в Златоустовском монастыре.

По отзывам современников граф Ф.М. Апраксин отличался умом, любовью и искренним желанием быть каждому полезным. Вся его деятельность была тесно связана с российским флотом, который он страстно любил и которому отдавал свои знания и опыт.

АРСЕНЬЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ
(1730—1791) — участник Семилетней (1756—1763) и русско-турецкой (1768—1774) войн, генерал-лейтенант (1790)

Образование получил в Морском кадетском корпусе, который Арсеньев успешно закончил 1 января 1755 года. В звании мичмана поступил на службу во флот.

Участвовал в осаде Кольберга во время Семилетней войны 1756—1763 годов и в экспедиции на Архипелаг в 1769—1774 годах. В последней

экспедиции Арсеньев командовал фрегатом «Надежда» и за отличие в кампании 1773 года был произведен в капитаны 1-го ранга.

В 1775 году после возвращения флота в Россию Арсеньев был назначен председателем Ярославской палаты гражданского суда и оставался в этой должности до 1780 года, когда был вновь призван на морскую службу.

В 1780 году Арсеньев, как достойный и опытный моряк, хорошо знавший вместе с тем морской путь, по которому было решено увезти Брауншвейгское семейство, пребывавшее в заключении в Холмогорах, стал начальником небольшой экспедиции, в задачу которой входила отправка принцев Петра и Алексея и принцесс Екатерины и Елизаветы Брауншвейгских в Данию к их родной тетке — вдовствующей датской королеве Юлиане-Марии.

Приняв командование над фрегатом архангельской флотилии «Полярная Звезда», Арсеньев вышел с ним к Новодвинской крепости, где ожидал прибытия на речном судне из Холмогор принцев и принцесс. 29 июня Семейство вместе со свитой взшло на фрегат. В ту же ночь «Полярная Звезда» под купеческим флагом вышла в море.

Плавание фрегата по причине сильных бурь и неблагоприятной погоды было долгим, и только 30 августа Арсеньеву удалось прийти в Берген, где Брауншвейгская фамилия для дальнейшего следования до города Гарсена была переведена на датский корабль «Марс».

Перезимовав в Бергене, Арсеньев возвратился летом 1781 года в Россию, где был щедро одарен импе-

ратрицей, получив чин бригадира и денежное вознаграждение в размере трех тысяч рублей серебром.

В июле того же года он был назначен Тверским поручиком-правителем, то есть вице-губернатором.

28 июня 1783 года Арсеньев был произведен в генерал-майоры, в 1785 году награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

В 1786 году он получил назначение на должность генерал-губернатора Иркутска.

Оставаясь в этой должности до своей кончины, Арсеньев 5 февраля 1790 года был произведен в генерал-лейтенанты.

АРХАРОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

(07.05.1742 — январь 1814) — генерал от инфантерии (1796)

В возрасте двенадцати лет был зачислен в гвардию. Службу начал в 1758 году рядовым в лейб-гвардии Преображенского полка. Через три года Архаров был произведен в офицеры.

В 1771 году, когда в Москве свирепствовала моровая язва, Архаров был послан туда под командование графа Г.Г. Орлова. За энергичную и плодотворную деятельность был пожалован императрицей Екатериной II званием полковника и назначен московским обер-полицмейстером.

В 1773 году Архаров активно участвовал в усмирении крестьянского восстания под предводительством Е.Пугачева.

В 1775 году он был произведен в чин бригадира.

Деятельность Архарова на посту московского обер-полицмейстера на-

долго осталась в памяти москвичей. Николай Петрович обладал большой проницательностью и инициативой и знал до мельчайших подробностей жизнь Москвы. При нем служил полицмейстер Шварц — легендарная личность, одно имя которого держало в страхе преступников Москвы.

В 1777 году Архаров был произведен в генерал-майоры.

В 1782 году он стал губернатором Москвы, а через два года, произведенный в чин генерал-поручика, он стал исполнять должность генерал-губернатора Новгородской и Тверской областей и в то же время являлся директором водной коммуникации.

Во время русско-шведской войны 1788—1789 годов по инициативе Архарова для защиты открытой русской границы со стороны Финляндии специальным указом правительства были организованы отряды, состоящие из мелкопоместных дворян в управляемых им территориях. За это Архаров был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

В период правления Павла I Архаров был произведен в чин генерала от инфантерии, причем император, сняв с себя андреевскую ленту и возложив ее на Архарова, велел ему быть вторым после наследника престола генерал-губернатором Петербурга.

В апреле 1797 года он был снова награжден, но вскоре Павел I отправил Архарова в его тамбовские имения, с приказом пребывать там безвыездно.

Лишь в 1800 году, незадолго до смерти Павла I, Архаров получил разрешение поселиться в Москве.

Б

БАРЯТИНСКИЕ

княжеский род

Род ведет свое начало от князя Александра Андреевича Мезецкого, владевшего волостью Барятин в Мещовском уезде (теперь Калужская область), отчего и получила фамилия Барятинский.

Его правнук, *Юрий Федорович*, участвовал в целом ряде походов воеводой, был пленен литовцами и впоследствии выкуплен царем Иваном IV.

Племянник его, *Петр Иванович*, известный воевода, наместник Пронский; он имел пять сыновей, из которых старший, Федор, известен строительством острогов в городах Сургут и Березов. Федор являлся послом в Крым, затем стал сторонником Лжедмитрия II, поставившего его воеводой в городе Ярославле, послом в Швецию.

Четвертый сын, *Михаил Петрович*, новгород-северский и торопецкий воевода, был послом в Персии, где и скончался в 1618 году. Пятый сын, *Никита Петрович*, воевода коломенский, воронежский, верхотурский и вятский, защитник города Пскова «от немецких людей» и города Смоленска от поляков. За это Никита Барятинский получил награду — золотой «в два золотых угорских».

Князь *Данило Афанасьевич* Барятинский «за походы и военные службы» был первым в роду, кого пожаловали в бояре. Он же основал вместе с братом Алексеем в городе Брянске Поликарпов монастырь.

Князь *Юрий Никитич* Барятинский, умерший в 1685 году, боярин и воевода, участник целого ряда походов, особенно отличился при усмирении бунта Степана Разина.

Князь *Иван Петрович* Барятинский, боярин и воевода, полномочный посол в городе Стокгольме для заключения Кардисского договора. В 1697 году, потеряв всех детей, постригся в Даниловском монастыре под именем Ефрема и здесь же умер в 1701 году.

БАСМАНОВ АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВИЧ

(? — 1570) — воевода времен Ивана IV Грозного

В 1552 году Басманов отличился при осаде Казани и особенно во время ее штурма. Через три года после этого он принимал участие в битве при Судбищах, во время которой 7000 воинов в течение полутора дней противостояли натиску 60 000 крымцев.

Басманов участвовал также и в Ливонской войне, взяв в 1558 году город Нарву, а в 1563 году — Полоцк.

В 1564 году Басманов узнал о нашествии Девлет-Гирея и, спешно вооружив своих людей, укрепился в Рязани, куда и наступал Девлет-Гирей. Басманову удалось отбить все атаки крымцев и спасти город, за что Иван Грозный щедро наградил его. Однако вскоре Басманов попал в немилость и в 1570 году был казнен.

БАСМАНОВ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ

(? — 1606) — воевода времен Бориса Годунова

В 1601 году Басманов вместе с князем Трубецким был послан на защи-

ту Чернигова от войск Лжедмитрия I. Однако еще в пути они узнали о захвате этого города, а потому решили идти в Новгород-Северский и занять там оборону.

Сделано это было очень вовремя, и благодаря находчивости и хладнокровию Басманова все атаки войск Лжедмитрия I были отбиты.

21 декабря 1604 года, проведя удачную вылазку и нанеся поражение противнику, Басманов вынудил Лжедмитрия снять осаду.

В дальнейшем Басманов перешел на сторону самозванца и 17 мая 1606 года погиб, защищая его.

БАУР (БОУР) РОДИОН ХРИСТИАНОВИЧ

(1667—1717) — участник Северной войны (1700—1721), генерал от кавалерии (1717)

Военную службу начал в рядах шведской армии рядовым драгунского полка и к 1700 году получил чин ротмистра.

В сентябре 1700 года он добровольно перешел служить в русскую армию, явившись лично к Петру I, стоящему с войсками под Нарвой. Родион Христианович сумел заслужить доверие русского государя и к 1704 году дослужился до чина полковника. В этом же году под его командованием находилось несколько драгунских полков, вместе с которыми он принимал участие в боях в Прибалтике.

В 1705 году Баур был произведен в генерал-майоры и во главе конных полков удачно действовал в Курляндии.

Выполняя особое поручение государя, он в 1707 году осадил и взял город Быхов.

Но наиболее значительным в военной карьере Родиона Баура стал следующий, 1708 год. Командуя десяти тысячным драгунским отрядом, Баур действовал на левом фланге шведской армии. Он опустошал районы прохождения шведских частей, не оставляя шведам провианта и вынуждая их голодать. Его отряд постоянно атаковал противника, нанося ему ущерб и не давая покоя. А 9 сентября он атаковал на марше войско шведов и едва не захватил в плен Карла XII.

Баур неотступно следовал за неприятелем и активно действовал в тылу шведской армии. Особенно он отличился 28 сентября в сражении при Лесной, когда его своевременное прибытие и неожиданная атака довершили победу русской армии над войском Левенгаупта.

В 1709 году в день Полтавской битвы Бауру было поручено командование правым флангом русской армии. Во главе драгун он храбро сражался у редутов со шведами, захватив четырнадцать шведских знамен и штандартов. В конце сражения его конница была послана преследовать противника и гнала его до Переволочни. За отличия Петр I пожаловал Бауру свой портрет, украшенный алмазами, и значительные поместья.

После Полтавской битвы Баур под главным командованием Шереметева успешно действовал в Лифляндии, а в 1712 году был направлен с кавалерийским отрядом в Померанию, где также участвовал в ряде боев.

В 1716 году конница Баура была включена в состав корпуса, собранного Петром I под Копенгагеном для высадки в Сконию.

В январе 1717 года Баур был послан командовать дивизией на Украину, получив чин генерала от кавалерии. В том же году он скончался.

БАУР ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ (ФЕДОР ВИЛЛИМОВИЧ)

(1734—1783) — участник Семилетней (1756—1763) и русско-турецкой (1768—1774) войн, инженерный генерал

Швед по происхождению, уроженец графства Ганау Баур поступил на службу в гессенские войска, в составе которых участвовал в Семилетней войне (1756—1763). Позднее перешел на прусскую службу в звании инженер-майора.

После окончания Семилетней войны Баур вышел в отставку и посвятил себя ученым трудам.

В 1769 году императрица Екатерина II в ходе начавшейся войны с Турцией, пригласила Баура на русскую службу. Приглашение было принято, и он начал работать в генеральном штабе в звании бригадира. Спустя пять дней приказом императрицы он стал генерал-квартирмейстером и был направлен в армию П.А. Румянцева в чине генерал-майора.

В период кампании 1770—1771 годов Баур сумел стать правой рукой Румянцева и активным участником его побед. Он участвовал в сражениях при Ларге и Кагуле и особенно отличился в бою при Рябой Могиле, где командовал авангардом.

В конце 1770 года Баур представил проект о преобразовании генерального штаба и об учреждении «провожатых колонн». Проект был одобрен и вступил в силу указом 1 марта 1772 года. Баур приступил к

реорганизации генерального штаба. Работа штаба приняла независимый и самостоятельный характер, подчиняясь непосредственно только генерал-квартирмейстеру.

В последние годы жизни Баур как ученый инженер получал различные поручения по инженерной части. Так, например, он руководил гидравлическими работами вначале в Кронштадте и Риге, а потом на озере Ильмень, организуя работы по созданию вокруг него канала между Мстою и Волховом.

В 1783 году императрица, неизменно благоволившая к Бауру, назначила его главным начальником артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. Но он не успел проявить себя на новом месте. В том же году Баур скончался.

БЕРГ ГУСТАВ ГУСТАВОВИЧ

(1716—1778) — участник Семилетней войны (1756—1763), генерал-аншеф (1773)

Впервые полководческий талант Густава Берга проявился во время Семилетней войны 1756—1763 годов. Проявленная им инициатива и умелое руководство войсками привели к разгрому войск Фридриха Великого в сражении при Кунерсдорфе 1 августа 1759 года. Предпринятое им наступление лишило прусские войска артиллерии — батареи были захвачены наступающими, — и те были вынуждены отступить за Кунгруд.

В военной истории Густав Берг известен как лихой кавалерийский генерал, под командованием которого начинал свою боевую деятельность Александр Васильевич Суворов.

БОБРОК-ВОЛЫНСКИЙ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

(до 1356 — после 1389) — князь, воевода XIV века

Сын литовского князя Корната-Михаила Гедиминовича, женат на сестре Дмитрия Донского Анне, родоначальник рода Волынских. Выходец из Волыни, был тысяцким у нижегородского князя Дмитрия Константиновича, потом перешел на службу в Москву.

В 1371 году, посланный во главе московской рати против рязанского князя Олега, одержал над ним победу, чем принудил Олега оставить рязанский стол.

Совершал походы против волжских болгар (1376) и Великого княжества Литовского с князьями Владимиром Андреевичем и Андреем Ольгердовичем (1379).

В 1380 году во время Куликовской битвы вместе с князем Андреем Владимировичем Храбрым Боброк-Волынский командовал засадным полком и удачным выбором времени нападения изменил ход битвы в пользу русского войска.

БОРОЗДИН КОРНЕЛИЙ БОГДАНОВИЧ

(1708—1773) — участник Семилетней войны (1756—1763), генерал-аншеф (1764)

Начал службу при дворе в качестве пажа, умом и расторопностью обратил на себя внимание Петра I, который в 1720 году определил его в инженерную школу.

Окончив школу через шесть лет, Корнелий Бороздин в чине сержанта и начал службу в артиллерии.

В 1733 году он штурмовал Данциг (Гданьск), а затем принимал участие в Азовских и Крымском походах.

Постепенно продвигаясь в чинах, Бороздин во время Семилетней войны 1756—1763 годов достиг должности начальника всей армейской артиллерии. Он принимал активное участие во всех боях, был трижды ранен под Цорндорфом и Пальцигом. Но особенно Бороздин отличился под Кунерсдорфом, когда впервые была широко применена конная артиллерия. Его решительные и смелые действия остановили наступательный порыв пруссаков и внесли большой вклад в победу русских войск в этом сражении. За этот подвиг ему пожаловали чин генерал-поручика и он был награжден орденом Св. Александра Невского.

В 1764 году Бороздин был произведен в чин генерал-аншефа. Корнелий Богданович Бородин стал первым русским офицером, получившим это высокое звание, — до него этот чин имели только приглашенные на русскую службу иностранцы.

БРЕДАЛЬ ПЕТР ПЕТРОВИЧ

(? — 1756) — один из наиболее деятельных и способных морских начальников в России в XVIII веке, участник русско-турецкой войны (1735—1739)

Родился Бредаля в Норвегии и на русскую службу был принят по рекомендации адмирала Крюйса в 1703 году, получив назначение на гребной флот унтер-лейтенантом.

В 1706 году за отличие в битве со шведами под Кронштадтом он был произведен в лейтенанты.

Бредаля был достаточно близок Петру I, который доверял ему испол-

нение различных поручений. В 1714 году за проявленное мужество в битве при Гангуте был награжден золотой медалью, в 1715 году дважды ходил в крейсерство, захватывая шведские корабли и пленных.

Но военная карьера Бредаля не всегда была так безоблачна. Однажды Петр Петрович оскорбил офицера, за что его разжаловали в простые матросы. Правда, в 1728 году его простили, и вскоре он уже участвовал в ревизии Сестрорецких заводов, приводил в порядок флот.

В 1736 году Бредаля принимал активное участие во взятии Азова, а через год участвовал в Крымском походе, отличившись в бою около Гениги.

В 1741 году Бредаля назначили главным командиром Архангельского порта, и в следующем году он был послан с эскадрой, состоящей из десяти судов, из Белого моря в Балтийское, для действий против шведов. Однако, когда Бредаля вернулся из этого похода, большая часть судов пребывала в достаточно ветхом состоянии. Бредаля отдали в 1744 году под суд. Следствие тянулось очень долго: Бредаля умер, так и не дождавшись решения суда.

БРИНЬИ ПЕТР (ПЬЕР)

(? — 1754) — участник русско-турецкой войны (1735—1739), генерал-лейтенант (1737)

Бриньи по происхождению был французом и поступил на русскую службу по приглашению Петра Великого в начале Северной войны. В 1711 году Бриньи участвовал в Прутском походе и после него получил чин полковника.

Бриньи почти не принимал участия в военных действиях, а занимал-

ся в основном инженерными работами, строя укрепления и крепости.

В 1738 году Бриньи участвовал в походе на Крым под командованием фельдмаршала Ласси. Он был вместе со своей дивизией командирован вперед к Перекопу и, взяв город, способствовал дальнейшему продвижению русской армии.

Скончался Петр Бриньи в 1754 году.

БРОУН ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ

(15.06.1698 — 08.09.1792) — участник русско-турецкой (1735—1739) и Семилетней (1756—1763) войн, граф (1774), генерал-аншеф

Броун начал военную службу в 1725 году в составе войск курфюршества Пфальцского. В 1730 году он поступил на русскую службу, а в 1736 году в чине полковника участвовал в войне с Турцией и был тяжело ранен под Азовом.

Броуну удалось вернуться в армию лишь в 1738 году, и вскоре он уже принял участие в штурме крепости Очаков.

В 1739 году Броуна послали в австрийскую армию с особым поручением, но по дороге он попал в плен к туркам, трижды был перепродан из рук в руки, пока его, наконец, не выкупил французский посол, который потом помог Броуну бежать.

Броун оказал русскому правительству важную услугу: находясь в плену, он случайно завладел секретными бумагами турецкого правительства, которые и привез в Петербург. За это Броун получил чин генерал-майора.

В 1742 году во время русско-шведской войны Броун командовал войсками, охранявшими Санкт-Петербург.

По заключении мира ему присвоили звание генерал-поручика.

В 1756—1758 годах Броун принимал участие в Семилетней войне. Он участвовал в боях при Лазовице, Праге, Колине, Гросс-Егерсдорфе и Цорндорфе, причем в последнем сражении 5 раз был тяжело ранен, и только последнее ранение в голову заставило его покинуть поле боя. За проявленное мужество Броун был пожалован в генерал-аншефы и награжден орденом Андрея Первозванного.

БРЮС РОМАН ВИЛИМОВИЧ

(1668 — 19.10.1720) — участник Северной войны (1700—1721), генерал-поручик (1710), один из видных боевых сподвижников Петра I

Роман Брюс начал службу в «потешных» полках Петра, а в 1695 году был пожалован в капитаны Преображенского полка и ротные командиры. Со своей ротой Брюс участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 годов.

В 1700 году Роман Вилимович стал полковником и вместе со своим полком воевал под Нарвой и брал Шлиссельбург (1702). В 1703 году Брюс покорял Ниеншанц.

Во время строительства Петербурга Роман Вилимович Брюс должен был охранять город от шведских набегов. В 1704—1705 годах генерал Майдель трижды пытался разрушить город, и всякий раз Брюс успешно пресекал эти попытки, за что царь пожаловал ему звание генерал-майора. Роман Вилимович Брюс также отличился при взятии крепости Выborg.

Умер он в 1720 году и был похоронен в Петропавловской крепости.

БРЮС ЯКОВ (ДАНИЕЛЬ) ВИЛИМОВИЧ
(1670—19.04.1735) — участник русско-турецкой
(1686—1700) и Северной (1700—1721) войн,
генерал-фельдмаршал (1726)

Также начал службу в царском «потешном полку». В 1687—1689 годах он в качестве прапорщика принимал участие в крымских походах князя Голицына. В 1695 году, уже будучи капитаном, Брюс выступил в свой 1-й поход под Азов, где в основном занимался инженерными работами. Участвовал Брюс также и во 2-м походе и за отличия был произведен в полковники.

Заслуживают внимания действия Брюса под Полтавой 17 июня 1709 года. Командуя всей походной артиллерией (72 орудия), Яков Вилимович нанес шведам значительный урон с помощью перекрестного огня, а потом, выстроившись в 1-й линии армии впереди редутов, почти в упор расстрелял шведские позиции. По окончании боя Петр лично наградил Брюса орденом Андрея Первозванного.

В мае 1710 года Брюс вновь выступил в поход и, командуя артиллерией в армии графа Шереметева, участвовал в осаде и взятии Риги, а затем в покорении Финляндии, Ревеля, Пернова (Пярну) и Кексгольма (Приозерск). В последующие годы Брюс занимался в основном административной работой. Его авторитет понемногу ослабевал при дворе. Наконец, он подал в отставку, поселился в одном из своих поместий, в деревне Глинки, где и проживал до самой смерти, занимаясь астрономией. Похоронили Брюса там же, в Глинках.

БУРНАШЕВ СТЕПАН ДАНИЛОВИЧ
(18.10.1743 — 31.03.1824) — участник русско-турецких войн (1768—1774, 1787—1791),
генерал-майор (1789)

Окончил артиллерийский и инженерный кадетский корпус и участвовал в инженерных работах при постройке крепостей в Ораниенбауме и Чернигове.

С началом русско-турецкой войны 1768—1774 годов Бурнашев был зачислен в ряды действующей армии по собственному желанию. Он возглавил авангард корпуса князя Щербатова. Имея под своим командованием две тысячи егерей и легкую конницу, он штурмом взял крепость Арабат, для чего перешел вплавь Генический залив и неожиданно для противника оказался на Арабатской косе. Затем последовало взятие Керчи и Еникале. За эту войну Бурнашева наградили чином премьер-майора и орденом Св. Георгия 4-й степени. После этого Степан Данилович Бурнашев был назначен командиром Курского пехотного пол-

ка. Когда в полку вспыхнула эпидемия чумы, Бурнашев тотчас же принял необходимые меры и погасил эпидемию.

Когда началась вторая война с Турцией (1787—1791), Бурнашев снова вернулся в действующую армию. Возглавив бригаду и одновременно Рязанский карабинерный полк, он участвовал в битвах при Фокшанах и Рымнике. Во время битвы при Рымнике его войска были атакованы турками с трех сторон, и Бурнашеву пришлось временно отступить, но, дойдя до расположения русских войск, он развернул свои части и атаковал турецкие войска с такой силой, что не только остановил их натиск, но и заставил отступить. Его атака разделила наступающую турецкую армию на две части, которые по очереди были уничтожены. В бою им была захвачена большая часть неприятельских обозов. За участие в этом сражении Бурнашев получил орден Св. Георгия 3-й степени и звание генерал-майора. Затем он принял участие в сражении при Бендерах, командуя особым отрядом из нескольких пехотных полков.

По окончании войны Бурнашев стал губернатором Курского наместничества, потом сенатором.

В 1801 году Бурнашев вышел в отставку и последние 20 лет жизни посвятил литературной деятельности.

БУТУРЛИН АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ
(18.06.1694 — 31.08.1767) — участник Семилетней войны (1756—1763), граф (1760), генерал-фельдмаршал (1756)

Начал службу в гвардии рядовым. В 1716 году поступил во вновь учреж-

денную Санкт-Петербургскую морскую академию и по ее окончании пользовался доверием Петра I, который взял его в денщики.

После смерти Петра I Бутурлин по-прежнему оставался при дворе.

Императрица Екатерина I пожаловала его чином камер-юнкера, а в 1727 году Бутурлин стал камергером двора цесаревны Елизавета Петровна. Однако благосклонность Бутурлина к дочери Петра Великого очень не понравилась Петру II, поэтому новый император отправил Бутурлина в Украинскую армию, действовавшую против крымских татар.

В период царствования императрицы Анны Бутурлин также не пришелся ко двору и был отправлен служить на границу с Персией, где и пробыл с 1731 по 1733 год.

С 1735 по 1740 год Бутурлин находился в должности смоленского губернатора. Когда на российский престол взошла Елизавета, она вспом-

нила об Александре Борисовиче в 1742 году произвела его в генерал-аншефы и поручила командование над войсками в Эстляндии, Лифляндии и Великих Луках. В годы ее правления Бутурлин продвигался по служебной лестнице и получил ряд высоких наград. Вскоре он стал сенатором и московским губернатором. В 1747 году он получил звание генерал-адмирала, через два года — подполковника лейб-гвардии Преображенского полка, а в 1756 году был произведен в чин генерал-фельдмаршала.

В 1760 году он был возведен в графское достоинство и назначен главнокомандующим русской армии. Приняв командование в разгар Семилетней войны, он стал готовить армию к кампании следующего года, показав себя хорошим администратором. Но, к сожалению, как полководец Бутурлин не проявил себя с лучшей стороны, и вся кампания 1761 года не принесла значительных побед. В декабре того же года он был отозван в Санкт-Петербург, передав командование армией генералу Фермору.

Взойдя на престол, новый император Петр III благосклонно отнесся к Бутурлину за то, что он не предпринимал активных действий против Пруссии во время своего командования армией, и вновь назначил его губернатором Москвы. Этот же пост он занимал и при Екатерине Великой, которая с большим уважением относилась к фельдмаршалу.

БУТУРЛИН ИВАН ИВАНОВИЧ
(24.06.1661 — 31.12.1738) — участник русско-турецкой (1686—1700) и Северной (1700—1721) войн, генерал-аншеф (1721)

Иван Иванович Бутурлин был одним из сподвижников Петра I. Службу начал в Преображенском полку в звании майора (1687). Вместе с полком участвовал в Азовском походе (1695—1696).

Чин генерал-майора Бутурлин получил в 1700 году. С началом Северной войны он в сражении под Нарвой был захвачен в плен.

В плену он провел более девяти лет и, вернувшись на родину, был отправлен на границу Украины воевать против крымских татар, имея под своим началом восемь полков.

В 1712 году Бутурлин был переведен в Финляндию в качестве командира дивизии, войдя в состав войск графа Апраксина, занимавшего эту территорию. Участвовал в ряде

сражений, в том числе и в сражении при Гангуте (1714), когда впервые русский флот нанес поражение шведскому флоту. В 1719 году Бутурлин ходил на галерах в Швецию к Стокгольму. Затем выполнял ряд поручений дипломатического характера и сопровождал императора Петра I во время поездок в Голландию и Францию.

В 1718 году Иван Иванович стал подполковником Преображенского полка, а в следующем году — командующим Ингерманландского и Астраханского гвардейских полков, являясь также членом военной коллегии.

В 1719 году он принимал участие в Гренгамском сражении. После подписания Ништадтского мира в 1721 году был произведен в генерал-аншефы.

Позднее Бутурлин занимался административными делами. Например, он принимал участие в суде над сыном Петра I, Алексеем, и подписал ему вместе с другими смертный приговор.

Иван Иванович Бутурлин пользовался особым расположением императрицы Екатерины I, однако со вступлением на престол Петра II был сослан во Владимирскую губернию в свое родовое поместье Крутцы, где и провел последние годы жизни.

Скончался 31 декабря 1738 года.

БУТУРЛИН ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

(? — 1605) — русский воевода конца XVI — начала XVII века

В 1574 году он нанес поражение крымцам и ногайцам в битве при местечке Печерниковы Дубравы.

Участвовал в Ливонской войне и неоднократно отличался в сражениях. В 1580 году он разбил 9-тысячный отряд воеводы Филиппа Кмиты в бою у Спасских Лугов недалеко от Смоленска. Во время сражения были захвачены литовские пушки, знамена и пленные. В следующем году он нанес литовцам поражение под Шкловом, а затем во главе 15-тысячного отряда выступил под Ржев против войска Батория.

Иван Михайлович всю жизнь провел в военных походах: 1585 год — Финляндия, 1592 год — отражение нападения крымцев. Были походы в Дорогобуж, Тарусу, Калугу, Новгород, Псков, Рязань и другие города.

В 1604 году Бутурлин был послан в Грузию для оказания помощи грузинскому царю Александру по укреплению в Дагестане и в строительстве крепости в городе Тарки. В период строительства крепости его войска (отряд астраханцев и казаки) были осаждены горцами и турками. Укрепления были разрушены, а шедший на помощь русским царь Александр был убит. Бутурлину, сражавшемуся в одиночку с превосходящим противником, удалось отбить несколько атак, и ему было предложено сдать Тарки в обмен на свободный выход из города вместе с гарнизоном. Иван Михайлович согласился на эти условия, но когда его отряд покинул город, то в степи на него предательски напали, нарушив соглашение. Иван Михайлович Бутурлин погиб вместе с отрядом. Тогда же погиб и его сын Федор.

В

**ВЕЙСМАН ФОН ВЕЙСЕНШТЕЙН ОТТО
ИВАНОВИЧ**

(1726/27 — 22.06.1773) — участник Семилетней (1756—1763) и русско-турецкой (1768—1774) войн, генерал-майор (1770)

22 июня 1773 года российское войско потеряло своего Ахиллеса. Погиб в битве при Кючук-Кайнарджи Отто-Адольф Вейсман, барон фон Вейсенштейн, которого вся армия звала Отто Ивановичем. И еще его звали «русским Ахиллом», хотя был он лифляндским дворянином. Но он связал свою судьбу с русской армией, отдав ей свои талант, отвагу и саму жизнь, и оттого вошел в историю как русский генерал.

Когда точно родился он — неизвестно. Известно лишь, что собственноручно заполняя формуляр в январе 1770 года, он указал свой возраст — сорок три года, значит, дата его рождения — 1726—1727. Если дата и точное место рождения его неизвестны, то доподлинно установлено время начала службы — он вступил рядовым в русскую армию 12 октября 1744 года. За время службы он последовательно прошел все ступени профессионального роста. Так, 4 июня 1745 года его производят в капралы, 25 ноября того же года — в каптенармусы, 29 июня 1747 года он становится сержантом, и в том же году 7 августа — унтеркондуктором. С 22 сентября 1749 года — он офицер, подпоручик. 30 декабря 1750 года — поручик, а 17 января 1752 года — капитан.

Перед началом Семилетней войны с Фридрихом II Вейсман осуществлял разведывательную миссию в Пруссии. Был дважды ранен, и к 1763 году стал полковником. Через пять лет назначается командиром Белозерского пехотного полка. С началом войны с Турцией в 1768 году его полк вошел в состав 1-й армии под командованием генерал-аншефа А.М. Голицына. В 1769 году он со своим полком принимал участие в осаде крепости Хотин, где дважды водил своих grenадер в ночные штыковые атаки против защитников турецких укреплений.

1 января 1770 года Вейсман был произведен в генерал-майоры с назначением командиром бригады в авангарде Баура. Командуя бригадой, Вейсман участвовал в сражениях при Ларге (орден Св. Георгия 3-й степени) и Кагуле (орден Св. Александра Невского). В кампании этого же 1770 года он, выполняя приказ нового командующего армией П.А. Румянцева — о наблюдении за одной из важных в системе обороны турок крепостью Исакчи, решился на инициативу и внезапным ударом выбил неприятеля из его укреплений. Следующий год принес Вейсману всеобщую известность в армии.

Было принято решение о начале боевых действий за Дунаем. И первый же крупный удар — против Тульчи — поручается Вейсману. Потом еще неоднократно будет Вейсман ходить к этой крепости, но почин был сделан 23 марта 1771 года.

За пять дней до начала операции — 18 марта — Вейсман отправил на рекогносцировку Тульчи поручика Дмитриева с пятнадцатью grenадерами. Поручик, проведя рекогнос-

цировку на лодках, на обратном пути остановился на отдых в семи верстах от Измаила. И тут, 19-го числа увидел три большие лодки с сотней турок; лодки шли по течению. Противник, увидев русских, сразу же решил вернуться. Дмитриев преследовал его пять верст, после чего прекратил погоню.

Как выяснилось позднее, разведка не учла постоянные смены и пополнения неприятельских войск, и потому считалось, что в крепости около тысячи человек гарнизона. Оказалось, что турок было пять тысяч, и располагали они 29-ю орудиями. Но Вейсмана это не огорчило — он считал противника лишь после боя.

Генерал взял с собой 720 гренадер и 30 артиллеристов без орудий — с тем, чтобы было кому стрелять из пушек, которые он предполагал отбить у неприятеля.

В полдень 23 марта Вейсман двинулся от Измаила к Тульче с отрядом. Его заместителем был генерал-майор Озеров, командир гренадерского полка, отличившийся при Кагуле, которого Румянцев отправил с известием о победе к Екатерине II, а та за подобную новость и за храбрость произвела смелого бригадира в генералы.

При всех предшествующих поисках к Тульче русские партии выходили на турецкий берег ниже крепости. Там неприятель обычно и ожидал русских. Вейсман же решил на этот раз высадиться выше крепости. К тому же данное место сокращало плавание на не совсем надежных судах.

В ночь флотилия Вейсмана прибыла к мысу Четала, откуда начала продвигаться к устью реки Сомов — рукаву Дуная. И уже в три часа ночи

отряд высадился на неприятельский берег Дуная как раз против батареи при устье Сомов, чтобы зря далеко не ходить.

Капитан Вишняков с 60 гренадерами был послан захватить незаметно турецкий пикет, стоявший на батарее. Но опыта в подобных делах было еще мало: сухой камыш треском известил противника о неожиданном и нежелательном визите.

Тогда Вейсман делит свой отряд на две колонны, оставив для прикрытия судов всего 60 пехотинцев. Правая колонна отдается им под начало Озерова, а левую — Вейсман возглавляет сам. Соединиться обе колонны должны были в крепости.

Озерову поручались нагорные батареи турок.левой колонне, которая продвигалась берегом реки, досталось заниматься нижней батареей.

В крепости тем временем были сделаны три сигнальные выстрела и слышались крики собиравшихся отрядов. Вишняков с 90 гренадерами выбил турок с их батарей, переколов при этом более сорока человек прислуги и янычар.

Турки, наконец, опомнились и начали предпринимать активные действия: их конница, вылетев из крепости, упала на русские колонны, пытаясь сломить их быстрым натиском. Отбив первые приступы частыми залпами, гренадеры по приказу Вейсмана, выделив заградительные отряды, лишь ускорили движение на Тульчу.

В ходе движения правая колонна легко взяла одну батарею, и теперь колонна Озерова штурмовала вторую батарею. Перейдя глубокий овраг, гренадерская пехота, расчищая дорогу штыками, ворвалась на позиции.

Вейсман же в это время уже вступил в предместье и начал выбивать

турок из домов. Новая попытка контратаки турецкой кавалерии была отбита, и движение русской пехоты продолжалось.

Противник начал отходить к крепости Бабадаг, где располагался великий визирь с главным войском, оставив заслон в замке и каменной мечети, рядом с которой находились четыре батареи.

Около трехсот гренадер под командой премьер-майора Пеутлинга пошли в штыки на эти батареи и взяли 14 орудий. Все уцелевшие с батарей поспешили укрыться в мечети. Тогда гренадеры вынесли дверь и, ринувшись туда, перекололи более ста человек, пока остальные не сдались.

Тульча была взята к восьми часам утра.

Турецкая конница еще несколько раз пыталась наскочить на отряд Вейсмана, но ее без труда отогнали. Но начинал сказываться недостаток патронов у гренадер, да и подкрепление из Бабадага могло не прийти. И поэтому Вейсман решил возвращаться налегке, как и пришел: суда были слишком мелки для всех только что приобретенных трофеев. Взяты были лишь четыре медные пушки.

Все неприятельские суда были сожжены. Всех своих убитых и раненых (соответственно — 18 и 78 человек) Вейсман забрал и отплыл, на час всего опередив турок, громадными толпами спешившими на помощь Тульчи.

Неприятель потерял в этом деле более 500 убитыми и 51 пленного. У него было изъято 6 знамен, пушки и суда.

11, 12 и 13 апреля он непрерывно получал донесения, что турецкий лагерь у Исакчи день ото дня усиливается. Опасаясь, что это постоянное

усиление может расстроить его очередной задуманный поиск, Вейсман решил упредить неприятеля. Быстро решая подобные вопросы, он уже 14 апреля сажает на суда 1400 гренадер, 40 артиллеристов, 200 мушкетеров и на этот раз все же две пушки.

Поиск начинался с утра, и, когда флотилия взяла курс к мысу Чаталу, до полудня был еще час с лишним. Шли почти двенадцать часов и поздним вечером пристали к неприятельскому берегу. Сильный ветер затруднял продвижение, так что предстояло действовать днем против сильнейшего противника. Вейсман решил не рисковать понапрасну и прислушался к совету генерал-майора Озерова, рекомендовавшего перенести нападение с 15 на 16, с таким расчетом, чтобы предпринять его ночью.

Оставив на Чатале авангард секунд-майора Иохемсена и 206 гренадер для наблюдения за противником, отряд спустился к острову, прибыв туда с рассветом 15-го.

Дело началось в 4 часа дня 15 апреля: отряд во главе с Вейсманом двинулся снова к Чаталу, где сидел в засаде Иохемсен. Движение отряда обнаружил неприятельский пикет, который прогнали к Тульче, чтобы там ждали нападения. И действительно — скоро там послышались сигнальные пушечные выстрелы и ружейная пальба турок.

Спустя три часа после захода солнца Вейсман, оставив часть авангарда на Чатале, дабы подкрепление из Тульчи не могло занять мыса, двинулся с основными силами на Исакчу. Движение осуществлялось двумя колоннами по 700 гренадер в каждой. Впереди шел авангард Иохемсена, который сразу же взял направление на часть неприятельского лаге-

ря, располагавшегося у самого берега. Эта часть защищалась пятиорудийной батареей. К ней скрытно двинулся авангард. Турки увидели русскую пехоту только тогда, когда она подошла уже вплотную. Этот маневр позволил без боя занять две батареи.

Авангард дошел до пристани, где Вейсман разделил свой отряд. Правая колонна Озерова должна была следовать берегом реки вслед за авангардом к крепости, левую сам Вейсман повел туда же по горам.

Навстречу наступающим колоннам была выслана кавалерия, а янычары заняли виноградный сад, обнесенный плетнем и располагавшийся в предместье. Иохемсен с ходу попытался было выбить неприятеля с виноградника, но был встречен сильнейшим ружейным огнем. Тогда Озеров приказал капитану Колонтаеву взять сто гренадер его колонны и помочь авангарду.

Колонтаев, предварительно обстреляв янычар, повел своих людей в атаку сада с правой стороны. Ворвавшись в сад, гренандеры ударили в штыки. В это время из города к янычарам пришло очередное подкрепление, и они перешли в контратаку. Рукопашный бой прекратил лишь подход колонны Озерова, который, не теряя времени на пальбу, молча повел людей врукопашную и выбил турок с их позиций.

Озеров приказывает авангарду взять замок, располагавшийся недалеко на берегу реки, прикрытый двумя мощными батареями в 7 и 15 орудий.

Иохемсен стремительной атакой взял батареи на штык, а Озеров тем же универсальным орудием сбил янычар с батареи, которую они успели установить заранее у кладбища, и

занял само кладбище. Противник в беспорядке бежал к городу.

Тем временем Вейсман вел свою колонну по крутым лощинам. Это делало невозможным нападение на него неприятельской конницы, и поэтому турецкие кавалеристы дождались русских у самого города, навалившись тут уже сразу с трех сторон: фронта, тыла и левого фланга. Напор был так стремителен и силен, что гренандеры по приказу Вейсмана даже прекратили свое движение и занялись отражением конной атаки турок.

Хладнокровие гренандер, спокойно прицеливавшихся и стрелявших слитно и лишь по команде по почти уже вплотную подошедшему противнику, решило дело: конные массы были отброшены, и Вейсман тотчас же двинулся вперед — к двум батареям, стоявшим на высотах в конце города и имевшим соответственно 5 и 3 орудия.

Здесь вновь противник отступил, оставив гренандерам обе батареи и лагерь из 50 палаток.

К батареям вскоре подошла колонна Озерова, и отряд соединился, построившись в одну линию на высотах, на которых располагался город. Две взятые батареи послужили хорошими укрепленными пунктами позиции русского отряда, на которых и была отражена неприятельская конница, несколько раз с безумной храбростью рвавшаяся вперед на гренандер.

Но вот турки, понеся значительные потери как от ружейного, так и от орудийного огня еще недавно своих орудий, отъехали версты на полторы от позиции Вейсмана. Генерал не стал упускать подобной благоприятной возможности и тут же прика-

зал секунд-майору Кафтыреву взять 16 человек и овладеть магазином (складом) у реки, при котором находилась пятиорудийная батарея.

Офицер не стал медлить и повел бегом своих гренадер на батарею. Не останавливая движения, русская пехота заняла батарею, игнорируя слабый огонь уже лишшающегося всех надежд противника.

Турки попытались закрепиться в нескольких местах, но были выбиты отовсюду. Наконец, отступая, османы добежали до замка, который обороняли 500 лучших янычар.

Он так и остался единственным местом в крепости, где до конца сражения продолжало развиваться турецкое знамя — Вейсман решил не терять на него более людей и время: к Исакчи уже подошли по Дунаю два неприятельских судна.

Вейсман лишь приказал запереть янычар в замке, пока все его люди не уйдут из города. По его приказу зажгли три больших провиантских магазина, полных хлеба, остаток моста через Дунай и все неприятельские суда, на которые хватило горючего материала — 3 галеры, 23 канчбаса и 18 понтонов. Были сожжены и магазины, располагавшиеся в самом городе.

К полуночи русский отряд был в свою крепость, захватив в качестве трофея в общей сложности около 170 пушек и более шестидесяти судов. Особенно чувствительной была для неприятеля последняя потеря, ибо из 200 судов, служивших в прошлом году туркам для переправы через Дунай, у них теперь оставалось не более 60-ти.

Следующий поиск Вейсман совершил 19 июня того же года по пря-

мому указанию Румянцева, отдавшего аналогичные указания всем своим корпусам, располагавшимся в подходящих для этого местах.

Вейсман понимал, что своей немногочисленной флотилией, почти целиком состоящей из одних только легких судов, опасно десантироваться, поскольку неприятель может своими судами, отогнав легкую флотилию русских, отрезать тем самым десант, которому придется иметь дело и с гарнизоном, и с подкреплением, могущим подойти по Дунаю. Поэтому он решил направить на остров, лежащий против Тульчи, отряд для продолжения дорог через него.

Вскоре сообщение по острову, включая шесть небольших паромов и складной мост, было налажено, и Вейсман приказал генерал-майору Черешникову занять остров, расположить там батареи и не давать проходить мимо неприятельским судам вверх по реке.

Черешников занял остров 18-го, а в ночь на 19-е, в самое глухое время — в три часа, — скрытно пройдя остров, он должен был открыть огонь по турецким судам у Тульчи.

Вейсман же, соответственно, должен был к этому времени быть уже у Чатала, и как только островная батарея откроет огонь, начать десантирование при устье Сомов. Но дождь, сопровождавшийся сильным ветром, спутал планы: непогода началась еще вечером 18-го, так что, когда Черешников согласно диспозиции открыл огонь, Вейсман был еще далеко от Чатала, куда он добрался лишь к 9 утра 19-го.

Со стороны острова все усиливалась канонада. Слышалась и частая ружейная пальба, и Вейсман решил-

ся на дневную атаку, хотя дождь вымочил у солдат его отряда даже патроны.

Дабы разделить внимание неприятеля, он пошел не к самой крепости, а немного далее — к устью реки Сомов. По пути флотилии Вейсмана попала турецкая галера, поспешно отступившая, — фактор внезапности был окончательно потерян. Затем русским повстречались 11 турецких судов, решившихся было задержать их своим огнем. Авангард — легкие суда с 200 гренадерами во главе с гвардии капитан-поручиком Луниным — с помощью батальона гренадер, следовавшего за ним на запорожских судах, загнал неприятеля в камыши.

Как бы принимая эстафету, открыла огонь турецкая батарея, стоявшая на высоте близ устья, и тут же была взята гренадерами Лунина.

Из крепости подошла неприятельская кавалерия и атаковала русский авангард.

Каре Булдакова опрокинуло в двух лощинах турецкую конницу и осталось на высотах при взятой батарее, ожидая подхода основных сил отряда. Когда Озеров привел десант, турки уже вновь пошли в атаку, и их отбросили на этот раз уже общими усилиями.

Вейсман двинул к Тульче две колонны, возглавляемые им и Озеровым. Первая, его, — шла по горам, озеровская — недалеко от него — вдоль берега.

Как всегда, по пути отбили две кавалерийские атаки, после чего начали фронтальное наступление. В колонне Вейсмана Лунин со своим авангардом, идя левее ретраншемента осман, занимал ближайшие к нему строения, тем самым прикрывая тыл Озе-

рову и преграждая путь из города к укреплению, которое турки считали ключом ко всему городу. Батальон Пеутлинга, еще левее Лунина, должен был занять дорогу из города и встать против основного, городского входа в ретраншемент. Батальон Булдакова Вейсман лично вел на приступ со стороны реки, а триста гренадер подполковника Блюхера прикрывали атаку с тыла и флангов.

Колонна Озерова же, одновременно с этим, также обойдя ретраншемент слева, шла по берегу, поражая неприятельские суда, а затем атаковала тульчинские замок и мечеть.

Лунин, штыками положив более ста янычар, занял домишки у ретраншемента; рядом с ним стал Пеутлинг. Вейсман же и Булдаков подошли в эти минуты ко рву — две сажени глубиной и шириной, где подпали под сильный ружейный огонь из амбразур. Русские не отвечали — порох намок еще за Дунаем.

Генерал подал подчиненным пример, первым бросившись в ров.

Ретраншемент был взят, и Вейсман оставил в нем 160 гренадер Лунина. Туда же загнали всех пленных. Остальные же свои силы генерал построил в поле для прикрытия города в одну линию, расположив их так, что левый его фланг примыкал к ретраншементу, а правый приближен к Дунаю.

Последовала новая атака: конная и пешая. Гренадеры ударили в штыки, перейдя за несколько мгновений до этого на бег. Османы не выдержали и побежали. Их гнали полторы версты, пока Вейсман не остановил своих измученных солдат на высотах для отдыха. После часа ожидания он вернул своих людей к ретраншементу.

Озеров же в эти часы шел берегом реки вниз по ее течению, встречаемый оружейной пальбой неприятеля по его отряду. Преодолев зону огня, он отделил один батальон гренадер подполковника Берга для атаки кораблей, стоявших на берегу выше замка, а сам, с оставшимися двумя гренадерскими батальонами, двинулся на штурм каменной мечети, где расположилась многочисленная турецкая пехота.

К 11 утра весь город за исключением замка был в руках отряда Вейсмана, продолжавшего стоять со своей колонной, перестроенной в линию, недалеко от взятого ретраншемента. Сюда же двинулся с основной частью своих сил и Озеров, предварительно выделив команду для охраны кораблей и батальон Мелина, оставленный в городе для прикрытия тыла колонны Вейсмана.

Около трех часов дня неприятель решил еще раз попытаться военное счастье против основных сил русского отряда и начал атаку развернутым фронтом на неподвижно стоящий фронт Вейсмана.

Несколько последовательно проведенных турками атак было отбито, но вот турецкая кавалерия все же сумела на левом фланге опрокинуть два пехотных взвода и прорвалась за боевую линию русских. Раздались крики торжества, почти тут же сменившиеся горестными воплями: подоспевший из резерва капитан Тевкелев опрокинул зарвавшихся турецких кавалеристов, после чего противник начал откатываться всем фронтом, в чем ему помог Вейсман, преследовавший турок опять версты две.

Люди устали от многих часов непрерывного боя: отбив очередную атаку, гренадеры тут же ложились в

липкую грязь, образовавшуюся вследствие дождя и многочисленных передвижений множества людей, и несколько минут неподвижно лежали, восстанавливая силы для отражения новых нападений.

Около восьми вечера турки предприняли новое наступление на позицию: на подкрепление гарнизона визирь из Бабадага послал отборную конницу и послание, что если комендант Тульчи не отобьет город и ретраншемент, то поплатится жизнью.

Стоящие справа гренадеры несколько раз отбились от яростных наскоков турок, однако потом произошел конфуз. Здесь стоял — рядом с гренадерами — и отряд запорожцев, человек сто из которых, увлеченных боем и не в силах преодолеть свою ненависть к неприятелю, внезапно ринулись вперед, в надежде на всеобщую помощь. Однако гренадеры, не получая приказа, не двинулись с места, и запорожцы поэтому оказались в окружении многочисленного противника. Они начали отступать к своему фронту, и отступили, по дороге прорвав линию гренадер. Устремившиеся туда же янычары начали все больше разрывать ряды пехоты. Только высокая боевая выучка офицеров, стоявших в первых шеренгах гренадер, и их личное мужество позволили опять сомкнуть ряды, параллельно с этим переколов прорвавшихся внутрь боевых порядков турок.

К этому времени дождь перестал, порох подсох, так что русские открыли по уже отвыкшим от него за последние часы туркам интенсивный ружейный и артиллерийский огонь. Началось всеобщее отступление неприятеля, более уже не посмевшего возобновлять свои атаки.

Пленные донесли о решимости великого визиря отстоять Тульчу, так что вскоре следовало ждать подхода новых турецких войск. Поэтому Вейсман принял решение возвращаться в Измаил.

Сожжено было около тридцати судов, которые было невозможно взять с собой, а восемь спалили еще до этого. Перевезли на суда 8 захваченных пушек, остальные 15 основательно заклепали. После чего началась посадка на суда.

Дабы обмануть неприятеля, батальон прикрытия целую ночь продолжал, выставив часовых, путать противника, до тех пор, пока весь отряд не разместился на кораблях и не отплыл к Измаилу.

Вейсману под Тульчей противостояли 3000 янычар, 1800 конницы и 6400 моряков. Днем же по приказу визиря подошло еще 4000 конницы. Такое большое количество не прошло противнику даром — у русских был большой выбор целей, и противник потерял до двух тысяч убитыми и утонувшими. У Вейсмана в отряде не досчитались 67 убитых grenадер: солдат, офицеров и генерала.

Поздней осенью этого же года Вейсман вновь заставил заговорить о себе. Получив приказ на новый поиск, при помощи которого Румянцев намеревался отвлечь турок от небольшого по численности отряда Эссена и удержать их за Дунаем, генерал выполнил гораздо больший объем задач, чем перед ним были поставлены, и фактически поставил победную точку во всей кампании 1771 года.

На рассвете 19 октября флотилия Вейсмана отошла от измаильской пристани. Десантный отряд, состоявший из 7 батальонов grenадер и муш-

кетеров и 1 батальона егерей майора Мекноба, возглавлял генерал-майор Озеров. Под началом командира кавалерии генерал-майора Энгельгардта было 5 эскадронов гусар и 300 донских казаков. Отряд вез на этот раз по 10 больших и малых орудий, зарядные ящики.

Как и в прошлый раз на острове, лежащем против Тульчи, проложили заблаговременно дороги и с рассветом 19-го переправили туда всю кавалерию и артиллерийских лошадей. Сами же орудия за день до этого были доставлены к мысу Чаталу, где их прикрывала флотилия.

Пехота, ведомая самим Вейсманом, двинулась немного позже и лишь ближе к полуночи 19-го прибыла к Чаталу, где все и заночевали.

На следующее утро батальон егерей был выслан к устью реки Сомов, где по-прежнему на высоте располагалась неприятельская батарея. Недалеко от батареи был и лагерь Нидели-Анту-Раима-паши.

По пути к устью десантный отряд майора Мекноба был обнаружен небольшим турецким судном, входящим в речной разъезд, которое тут же устремилось к лагерю, после чего у противника началась суматошная тревога. Егеря же, высадившись, не задерживаясь бросились к батарее и овладели ей в штыковой, в спешке почти не заметив даже, что батарея пытается сопротивляться и в силу этого предприняла по наступающим несколько выстрелов.

Дорога к крепости была свободна.

Когда весь отряд был в сборе, Вейсман приказал разделиться пехоте на две колонны и построиться в две шеренги, назначив к каждой колонне особый резерв. Одну колонну возглавлял Озеров, имея в резерве

секунд-майора Травина, вторую — полковник Кличко с резервом из гренадер подполковника Блюхера, следовавшего несколько левее колонны. Батальон егерей шел впереди колонн посредине. Артиллерию поделили между колоннами и поставили в середину.

Более тысячи турецких конников попытались атаковать егерей и колонну Озерова, но были отброшены орудийными выстрелами в лощину, откуда противник намеревался ударить Озерову в правый фланг, но был выбит из лощины Травиним.

Колонны двигались к крепости, из которой по мере приближения русских все более усиливался орудийный и ружейный огонь и все более и более знамен развевалось на ее стенах.

Солдаты и офицеры Вейсмана, да и он сам тоже, приготовились уже было к жестокому бою, когда противник, находящийся в обороне, цепляется за каждый клочок земли, каждый камень и каждую щель, как вдруг огонь утих, а знамена и войска пропали со стен. Оказалось, что турки, во главе с комендантом, напуганные прошлыми приходами Вейсмана, решили еще раз не искушать судьбу и поспешно отходят к Бабадагу. Лишь их конница делала слабые попытки задержать русских, но и она скоро отступила, напуганная маневрами гусар и казаков.

Миновал лишь полдень, когда Вейсман расположил уже свою пехоту в замке и укреплениях крепости и выслал гусар и казаков Энгельгардта преследовать спешно отступающего противника. Русская кавалерия настигла турок, когда те поднимались на гору, и сумела отбить две пушки,

взяв в плен около десятка неприятельских солдат и в несколько раз больше порубив на месте.

Вейсман решил не почивать на лаврах по случаю того, что прогнал гарнизон Джафир-паши, — ведь комендант имел всего лишь 2500 человек — для генерала, прозванного «русским Ахиллом», этого было слишком мало, и он решил идти к Бабадагу, чтобы атаковать самого великого визиря, располагавшегося там с 20-тысячным отрядом.

Пока же, дав своим солдатам три часа отдыха, Вейсман занялся хлопотным делом обустройства крепости. По его приказу были разрыты все укрепления, выжжен город и частично разрушен замок. В это же время все городские запасы, 36 пушек и 80 бочек пороха были переправлены на суда его флотилии. После чего отряд ночью двинулся к Бабадагу.

Вейсман торопился пройти семиверстное дефиле (узкий проход между горами, водными преградами), начинавшееся недалеко от Тульчи, в котором его корпус легко можно было запереть. Но этого не произошло, так как неприятель не ожидал подобной дерзости. Дефиле уже было пройдено, когда навстречу русским попался небольшой отряд неприятельской конницы, тут же прогнанный гусарами.

Турки ударились в панику при первом же известии о наступающих русских. Османские солдаты решили, что на них наступают главные силы армии Румянцева. Не желая искушать судьбу, они бросились в стремительное бегство. Их не остановило даже то, что они находились под началом второго человека империи после султана. Великому визи-

рю удалось удержать в лагере лишь около восьми тысяч солдат, но этого оказалось явно недостаточно.

О паническом бегстве противника Вейсман еще не знал, а захваченные только что в плен турки утверждали, что у визиря сейчас 40 тысяч. Начиная движение к Бабадагу, Вейсман ожидал гораздо более высоких цифр, поэтому он лишь убыстрил движение. После дела он доносил Румянцеву 31 октября: «Решившись уже на сие важное предприятие, не помышляя я о сравнении числа войск наших с числом неприятеля, но уповал на храбрость солдат и ревность моих подчиненных офицеров. А дабы не дать медленностию времени визирю или встретить себя, или обозреть мои силы, поспешал я с крайнею возможностью. Должен признаться я Вашему Сиятельству, что лестно было мне видеть ревность идущего со мною войска, соответствующую прямо вашим высоким намерениям; ибо я видел, что всякий шел с тем, чтобы или остаться там на месте, или победить. А сие самое уже и предвещало мне победу, замечая что не число, а твердость духа и добрая воля торжествует».

Даже мост по дороге к Бабадагу оставили без охраны.

Через три километра открылся и лагерь великого визиря.

При самом подходе к лагерю турки открыли по наступающим русским колоннам сильную артиллерийскую пальбу — у визиря было в совокупности около 100 орудий. В ответ на это Вейсман выставил перед колоннами поделенные на две батареи свои полевые орудия, затеявшие оживленную дуэль с турками. Настолько оживленную, что скоро ту-

рецкие орудия были принуждены замолчать, и почти сразу же началось повальное отступление из лагеря.

Пехота Вейсмана заняла батареи, а половину кавалерии он бросил на преследование и наблюдение за отступающими.

Одновременно с этим он направил полковника Кличко занять Бабадаг, сам же с основными силами остался у плотины, недалеко от города. Полковник нашел в городе множество магазинов, пушек, утвари, ценных вещей и палаток. Взорвав и заклепав 8 больших пушек, Кличко забрал все, что мог, а что не мог, оставил в городе, предварительно окружив Бабадаг пикетами, а затем поджег город. Сам Кличко же уже в четыре часа дня присоединился к Вейсману.

Тот, дабы не терять времени и удачного стечения обстоятельств, уже было совсем собрался нанести туркам визит в Мачине, как стало известно, что крепость эту только что покорил отряд Милорадовича. Тогда Вейсман решил двинуться в знакомые места — к Исакче. Более 60 бывших неприятельских пушек он отправил к Тульче, выделив для прикрытия батальон гренадер подполковника Булдакова и более ста кавалеристов. С остальными же 23 октября отправился к Исакче.

За день отряд, не встречая сопротивления, прошел более тридцати километров и остановился на ночевку в поле. С рассветом русские колонны вновь двинулись вперед, разбрасывая, как игрушечные, неприятельские разьезды и заслоны.

В Исакче уже было известно о Бабадаге, и защитников крепости охватило оцепенение: они не решились

оборонять крепость и решили отходить к Мачину, о падении которого они пока еще не знали.

Вейсман, готовясь к взятию крепости, решил помешать отступить противнику свободно и с небольшими потерями.

Турки, видя, что дорога, по которой они намеревались отступить, занимается противником, решили этого не допустить и, выйдя из крепости, всей своей кавалерией приготовились напасть на Энгельгардта. Но тот их опередил, предприняв нападение первым. Противник был рассеян по ближайшим кустам и, вновь собравшись и обойдя Энгельгардта стороной, успел выйти на мачинскую дорогу, где был встречен в дефиле Лалашем. В это время подоспели и Энгельгардт с Блюхером, атаковав неприятеля с тыла. Потери турок составили более 300 убитыми и около 100 пленными.

Он подходил к крепости по бабадагской дороге под огнем крепостных батарей — артиллерия стреляла по русской пехоте почти непрерывно, надеясь ее тем самым задержать и дать возможность отойти из крепости своим пехотинцам. Это туркам частично удалось, так как густой лес облегчал их тихое исчезновение.

Отряд Вейсмана занял крепость, откуда только что был изгнан двухтысячный гарнизон. Добычей его стали более 80 пушек и мортир, часть из которых были доставлены в Измаил, а частью брошены в реку.

Укрепления Исакичи были по приказу Вейсмана разрыты; замок разрушен сильным взрывом; город полностью сожжен. Делать больше в этих краях было нечего. Вейсман решил вернуться в Измаил, но предварительно он завернул снова к Тульче.

Из крепостей началась массовая переправа жителей на русский берег Дуная — всего решило уйти с русскими порядка 16 тысяч человек. Их, собственно, и прикрывали батальоны, оставленные генералом.

Наконец, переправились и все местные жители, вся конница, вся артиллерия. Начала покидать турецкий берег и русская пехота. Последний солдат сел на корабль в три часа дня.

Экспедиция эта была фантастической по своим результатам. Во время экспедиции, имея дело с превосходящими силами противника, полководческий талант Вейсмана помог избежать больших потерь в русском отряде — потери составили всего двадцать человек убитыми. Турецкие же потери были на порядок больше: 800 убитых, множество раненых и более 120 пленных. Противник лишился 170 пушек и мортир, множества кораблей, булав и знамен.

Вейсман за кампанию 1771 года был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

Следующий год не принес ни Вейсману, ни другим русским военачальникам, да и самой армии новой славы. 1772 год прошел в бесплодных переговорах о мире.

В 1773 году боевые действия возобновились.

По диспозиции главнокомандующего отряд Вейсмана — четыре тысячи регулярного войска и до 2,5 тысячи казаков — располагался в Бессарабии и на нижнем Дунае. Именно этот отряд добился в ходе кампании 1773 года наиболее значимых успехов.

Первый поиск новой кампании Вейсман запланировал совершить на Карасу. 26 мая его экспедиционный

корпус собрался примерно в семнадцати километрах от объекта поиска, у деревни Карамурат.

Неприятель спокойно стоял в своем лагере, что дало возможность Вейсману не торопясь провести рекогносцировку.

Он решил в ходе наступления совершить обход и предпринять атаку с восточной стороны, где войска его не были бы так стеснены, как с севера.

27 мая в два часа ночи Вейсман выступил из Карамурата. Авангард под командой полковника Левиза состоял из трех казачьих полков, двух карабинерских, батальона гренадер и батальона егерей. За авангардом следовали основные силы отряда, разделенные на две колонны под началом Вейсмана и генерал-майора Голицына. Артиллерия шла между колоннами непосредственно перед арьергардом, находившимся под началом премьер-майора Глебова и состоявшим из трехсот пехотинцев при 4 орудиях, казачьего полка и сотни арнаутов.

Пройдя более двенадцати километров, отряд в пятом часу утра подошел к тому месту, где заканчивается залив.

Кавалерия противника попыталась было ударить на авангард, но быстро была приструнена меткой ружейной пальбой. Неприятель побежал, ища поддержку и спасение у главных своих сил, насчитывающих до двух тысяч конницы.

Левиз немедленно повел атаку на эти силы своим авангардом, вернее сказать, конной его частью — казаками и карабинерами, — построив их предварительно в линию.

Турки тотчас же начали отступать, разделяясь надвое. Вейсман, видя подобное состояние противника, приказал Левизу продолжать наступле-

ние, не предпринимая, однако, ничего решительного до прибытия пехоты колонн Вейсмана и Голицына.

Начальник авангарда, выполняя приказ Вейсмана, с двумя полками карабинеров и одним полком казаков продолжил преследование противника, отступающего к своему лагерю. Но вот тот, получив подкрепление, перешел в контратаку, Левиз подавил данную попытку сразу же и, продолжая гнать турецкую конницу, приблизился к единственной защите лагеря с восточной стороны — ретраншементу.

Пока авангард вел свои удачные баталии, подошли основные силы Вейсмана. Оценив обстановку, он приказал своей артиллерии подойти на максимально близкое расстояние и открыть огонь по ретраншементу и коннице, отсиживающейся в ложине. Его приказ был исполнен быстро и точно: под воздействием русского артиллерийского огня пушечные залпы из ретраншемента вскоре вовсе умолкли, а конница начала отступление.

Тогда Вейсман повел на укрепление свою пехоту. Но противник не стал выжидать атаки русской пехоты и начал поспешно очищать ретраншемент и лагерь. Было всего лишь 8 часов утра.

Вдогон отступающему неприятелю Вейсман выслал кавалерию полковника Лалаша, преследовавшего турок до полного изнеможения лошадей более десяти верст. Пехота осман несколько раз пыталась контратаковать преследовавшую ее кавалерию, но безуспешно — русская конница врубалась в ряды сопротивляющихся, моментально их выкашивая, и вновь противник показывал свой тыл.

В этом деле турки потеряли более 1200 убитыми и более 100 человек пленными. У них было отобрано 20 пушек, весь обоз, весь лагерь и 10 знамен. Вейсман же в этом бою лишился 58 человек убитыми.

После боя пленные показали, что с утра в Карасу было около пяти тысяч пехоты и около восьми тысяч конницы. Вейсман вновь оказался верен своему правилу — считать противника лишь после боя: дабы не забивать себе голову перед сражением скрупулезным бухгалтерским подсчетом, а оставлять ее свободной для вопросов чистой стратегии и тактики.

Вскоре Вейсман получил приказ перейти Дунай у Измаила, подняться вверх по правому берегу до Гуробала, что более чем в тридцати километрах от Силистрии, и тут прикрыть переправу главных сил Румянцева, решившего перенести театр военных действий за Дунай, где уже шестьсот лет после киевского князя Святослава не ступала нога русских.

Во взаимодействии с Вейсманом был отряд генерала Потемкина, некоторое время назад овладевший крепостью Гирсово, так что теперь отряд Вейсмана мог двигаться непосредственно через эту крепость к Гуробалу.

Здесь переправу держал десяти тысячный корпус двухбунчужного паши Османа. Русские ударили противнику во фланг и сбили его. Корпус Осман-паши был частично разбит, частично рассеян, что позволило главным силам фельдмаршала беспрепятственно перейти через Дунай.

После воссоединения дивизии Вейсмана с главной армией Румянцева она перешла под командование старшего по чину генерал-поручика

Ступишина, а генерал-майору Вейсману был поручен авангард, самое острое молниеносного клинка Румянцева в его борьбе с османами.

12 июня главнокомандующий приказал генерал-поручику Ступишину выступить к Силистрии, где засел 15-тысячный гарнизон Хассан-паши, двумя колоннами под командованием Вейсмана и Потемкина.

Оба корпуса безо всякого сопротивления со стороны турок перешли по понтонному мосту через реку Галац и остановились недалеко от крепости в пределах видимости также и нового лагеря Осман-паши, переместившись со всем своим 20-тысячным войском поближе к Силистрии.

Благодаря быстрым и энергичным действиям, а также умелому натиску отряда Вейсмана, русские передовые силы подошли к стенам крепости.

Ворота крепости были закрыты — комендант Силистрии сказал, что ему не нужны в гарнизоне трусы, и поэтому разбитые отряды Осман-паши вновь собрались и предприняли еще одну атаку на русских. Тогда им навстречу вновь понеслась кавалерия Ступишина, ведомая Потемкиным. В несколько минут все было кончено: османы рассеялись уже окончательно, и преследование их было приостановлено лишь выстрелами из крепости.

Хассан-паша так и не пустил никого из разбитого войска к себе в крепость, кроме раненого в бою Осман-паши, и 20-тысячный корпус перестал существовать, разбредясь по окрестностям.

Вскоре к Силистрии подошла главная армия. Румянецв нашел перед собой мощную крепость, гарнизон которой намеревался защищаться

весьма упорно. Усилившись за последнее время до 30 тысяч, защитники крепости отвергли все предложения о сдаче, а комендант передал, что русские не получат не только крепости, но и ни одного гвоздя, ни одного камня из нее.

Оборонительные укрепления были защитниками крепости значительно усилены. По приказу коменданта были обустроены с точки зрения долговременной обороны и прочно заняты даже высоты юго-восточнее крепости, из которых особенно важное значение имела одна, расположенная южнее стен Силистрии, — так называемый Нагорный редут.

Румянцев решил взять окопы окопы редута, мешавшие ему начать бомбардировку крепости. Атака была предпринята на рассвете 18 июня силами отрядов Потемкина, Вейсмана, Игельстрома и, отдельно, запорожцев. Удача сопутствовала и на этот раз одному Вейсману, который обошел окопы с тыла и выгнал из них турок. Его отряд держался в занятых укреплениях целый день и отошел лишь по приказу Румянцева...

— Ваше сиятельство, — голос Вейсмана дрогнул, — Ваше приказание выполнено: Нагорный редут очищен от русских. Там осталась лишь пролитая кровь, павших утром...

— Отто Иванович, знаю, что тяжело. Тяжело отступать в двух шагах от победы. Но вы еще не знаете, почему я отдал сей приказ. Мы отходим от Силистрии: на выручку ее идет Нуман-паша с базарджикской армией. У него двадцать тысяч, включая и тысячу ялынкалыджи, которые, как вы знаете, пехота весьма отборная, давшая клятву биться с неверными лишь на саблях. Так вот, поку-

да есть у меня возможность для маневра — я армией рисковать не буду: часть ее еще может быть разбита, вся же она — нет. Слишком многое в этом случае поставлено на карту. Ее поражение — это не только ее гибель, потеря всего того, что завоевывалось кровью нашей последние годы, но и гибель многого, многого другого. Вот почему, жертвуя частью, я должен спасти целое — и так до предела. Сейчас же пока — не предел. Так что действуйте, генерал! Да и к тому же, кто сказал, что в данном случае должна быть непременно жертва?

Вейсман повел свои 10 батальонов пехоты и 5 полков конницы наперерез туркам, дабы перехватить наступление Нуман-паши от Кючук-Кайнарджи на север.

Ночь застала русских на походе в нескольких верстах от неприятельского лагеря. Вейсман остановил свой корпус на ночевку в горах, а утром по теснине — единственному возможному пути к хорошо укрепившимся туркам — повел солдат вперед. На выходе из ущелья генерал приказал перестроиться в боевой порядок. Впереди шел авангард в составе Кабардинского пехотного полка, двух гренадерских батальонов, полка казаков и егерей. Вейсман доверил авангард Кличко, ведущему своих солдат чуть правее главных сил. Слева от Вейсмана шла конница, составлявшая как бы арьергард русских.

Нуман-паша расположил свой лагерь на высоте, по подошве которой турки отрыли множество рвов. Единственный специально оставленный проход к укреплениям блокировали спаги (легкая кавалерия). По ним и открыл огонь Кличко. Сначала те

растерялись, но потом, оправившись, при поддержке своей артиллерии, пошли в наступление.

Но Вейсман уже также миновал проход, и его каре находились теперь левее авангарда, в деле. Он решил ударить по центральному укреплению, где скопилась почти вся артиллерия осман и большая часть пехоты.

Каре бегом пошло в гору, но когда до цели оставалось не более ста шагов, навстречу боевым порядкам Вейсмана хлынула толпа янычар и ялынкалыджи. Они кинулись на русские каре и прорвали центр главного из них. Тут дрался сам Вейсман, подбадривая солдат лишь своим примером, без всяких слов. Янычар было в три раза с лишним больше, чем солдат в каре Вейсмана, и они своей массой начали отжимать русских от лагеря. Один турок, яростно рубившийся саблей и уже долгое время действовавший как щитом своим пистолетом, зажатым в левой руке, приблизился к русскому генералу. Отбив шпагу Вейсмана и повернув противника кистевым нажимом, он в упор разрядил в него свой пистолет. Заряд пробил Вейсману левую руку и сердце. Последние его слова были:

— Не говорите людям...

Но его опасения и надежды турок, издавших ликующий рев, когда Вейсман упал, оказались напрасными. Два гренадера, держа на весу тело генерала, завернутое в плащ, мерно пошли вперед. Их обогнали остальные. Противник был сбит с позиции и попал под настоящую резню. Пленных в этот раз не брали.

Одновременно с этим Кличко, отбившись от спагов, повел штурм лагеря. Началось повальное бегство осман. Генерал-майор Голицын, заме-

нивший Вейсмана на посту командира корпуса и на его месте в первой шеренге атакующих, бросил вдогон отступающим кавалерию, бывшую до этого в резерве. Турки потеряли до пяти тысяч, русские — убитыми пятнадцать, но среди них и «русского Ахилла».

Тело Вейсмана забальзамировали в Измаиле и отправили для захоронения в Лифляндию, на мызу Сербен, пожалованную ему незадолго до этого Екатериной II.

Суворов, узнав об этой смерти, прошептал:

— Вейсмана не стало — я остался один.

Так же думал и Румянцев. Когда русские отошли за Дунай, на передовом посту армии у Гирсова Вейсмана заменил Суворов.

ВЛАДИМИР II ВСЕВОЛОДОВИЧ МОНОМАХ

(1053 — 19.05.1125) — великий князь

Киевский (с 1113)

Сын Всеволода Ярославича и дочери византийского императора Константина IX Мономаха — Марии.

В 1076 году князь Владимир — один из руководителей русско-польского войска в Богемском походе. Но главное было ему предназначено свершать на юге — воевать с половцами.

В 1080 году зимой, а не как обычно по ранней осени, князья-ханы Асадука и Саука привели на Стародуб свою конницу. Мономах пошел на них со своей дружиной, а доверенные люди уже летели в степь — к родне мачехи, зовя степняков в помощь против степняков, приучая и кочевников к этому яду борьбы своих со своими за власть, славу и богатство.

На Десне отяжеленные добычей половцы попали под русские и половецкие же, но враждебные им мечи. Ханов пленили. Степные вожди, не желая умирать, расплатились знанием, рассказав, что есть еще их силы, предводительствуемые Белкатгином, собирающие свою жатву недалеко от здешних мест.

Мономах скоро напал и на Белкатгина после многоверстового ночного перехода и малого отдыха перед боем. Хан бежал, бросил пленных, обоз и своих воинов, частично плененных, частично зарубленных.

Через полгода — новая беда ломилась в дом: Ростислав по молодости нарушил хрупкую дружбу с переяславскими торками — непрочными союзниками Руси. Часть торков обложила Переяславль, желая напомнить здешнему князю, что город его стоит на границе Степи, часть двинулась привычной дорогой на Киев.

Попытка объять необъятное и на этот раз сыграла с ними жестокую шутку — торков, естественно, решили бить по частям. Мономах быстро

двинулся к Переяславлю и, наткнувшись по пути на одну из орд, взял ее в мечи. Торков раскидали, а потом повернули коней и пошли в еще одну атаку.

С этой стороны удара ждали еще меньше — все были повернуты еще туда, откуда прибыли русские всадники: и спины так и остались спинами, испуганными, сжимающимися, готовыми принять удар. Многих торков здесь положили, многих, разоружив, пригнали по домам, самых же знатных повели на арканах к Переяславлю. Лето 1080 года подошло к концу.

Но не было конца, как говорили книжники, нестроению Земли. Подняли голову вятичи, никогда не любившие Киев, опять оживился Всеслав, на Волыни делили власть внуки Ярослава — сыновья Изяслава, Игоря, Ростислава. Со всем этим довелось разбираться главному помощнику великого киевского князя, главной опоре Всеволода — Владимиру Мономаху. На это ушло несколько лет, а в середине 1084 года очередной раз напомнила о себе вроде бы успокоившаяся Степь — опять большим походом пошли на Переяславское княжество половцы.

Здесь под Прилуками Мономах неожиданным ударом из крепости разметал их конницу. Назавтра была новая битва у Белой Вежи, стоившая неприятелю около тысячи зарубленных и двух плененных ханов.

Пришельцев гнали от одного пограничного городка к другому — Святославль, Торческ, Юрьев, Краснов. У Варина им был дан еще один бой и еще раз отняты пленные и обозы с награбленным добром.

В тот же год сидящие на Волыни Ростиславичи — Володарь и Василь-

ко — решили попытать счастья в нескончаемой шахматной партии власти и еще раз разыграть польскую силу. Всеволод, узнав о походе поляков на Владимир-Волынский, собрал общее войско и сам пошел на юго-запад. Князья повинились и были прощены, но Польшу великий князь решил покарать, чтобы не подбрасывала она своих дров в костер русских усобиц. Несколько городов сделались невольной жертвой большой политики — их показательно захватили и разграбили.

После этого русская рать ушла обратно. Владимир вернулся в Киев, где угасал его отец, где старая дружина и бояре не могли простить новому великому князю, что он в обход них выдвигает молодых подручников. Всеволод и сам видел, что молодые, чувствуя его немощь и оттого свою временность, нещадно пользуются властью, обирая всех, кого можно и нельзя. Но других у него не было, ибо лучшие люди Киева, ныне им обижаемые, всегда стояли за род Изяслава, привыкнув к его тихому правлению и видя, что дети пошли в отца.

И когда в 1093 году Всеволод умрет в Киеве, на его место сядет сын Изяслава Святополк. Мономаха же выгонит из Чернигова при помощи своих старых друзей-половцев Олег Святославович, и вновь князь Владимир Всеволодович окажется в Переяславле. Но прежде чем это произойдет и страна вновь ввергнется в пучину междоусобицы, иная волна накроет Русь почти с головой — белые и черные половцы с низовья Левобережья и с правого берега Днепра, все колена ханов Шарукана и Боняка пошли вместе в набег. Впервые, как бы подавая пример русским

князьям, намекая им, непонятливым, что в единстве — сила.

Десятки тысяч степных воинов до поздней осени безнаказанно топтали земли южных княжеств. Князья вместе с дружинами затворились по городам, отдав всю остальную землю на разор.

Смерть Всеволода еще раз оживила Степь — ведь даже при его жизни Русь не сумела дать объединенный отпор. Придя к новому великому князю Святополку, степняки потребовали возобновления мира и дани. Киев отказал — впереди снова была война. Но к этой войне князья не были готовы. Лучше всех это понимал Мономах, долгие годы водивший объединенные русские рати в походы против Степи. Святополк позвал с собой в поход двоюродных братьев — Мономаха, князя Черниговского и Ростислава, правившего в Переяславле.

Шли только конными дружинами трех князей — пешей рати не было, остальные князья на призыв Святополка не отозвались. У Стугны увидели на том берегу костры степняков. Мономах предложил сдержать здесь противника и заключить с ним мир, откупившись. Остальные же решили драться. Их даже не остановил ночной дождь, добавивший в реке воды. Переправившись, встали на виду половцев у древнего вала. Здесь и сломал неприятель русские порядки, начав с киевской дружины.

Медленно-медленно дружины подавались назад, сминаемые все новыми лавами противника. Мономах командовал отходить черниговцам и переяславцам (Святополк и остатки его дружины успели к этому времени уже добежать до города Треполя, откуда они через день и уйдут к Кие-

ву). Отступали к реке. И на переправе потеряли еще многих, одетых в железную броню. Одним из утонувших был князь Ростислав.

Так Мономах потерял брата-союзника и дружину. Князя все-таки пустили половцев на Русь. Те растеклись по всему левобережью Днепра, осадив городок торков — Торческ. Святополк послал на помощь городку новое войско. Торческ пал. Святополк решил, наконец, искать мира со Степью и начал сватать за себя дочь хана Тугоркана, главного вождя степняков правобережья. Мир был заключен, дани уплачены, князь повенчан. Через несколько недель Мономаха выгонит из Чернигова Олег.

Олег, севший и на этот раз в Чернигове при помощи половцев, обосновался здесь прочно: все же это была земля его отца, и его здесь привечали. Мономах укреплял Переяславль, чувствуя, что в Степи сейчас идет нечто особенное — она объединяется, а значит, не будет ему покоя.

Тугоркан ушел на Византию. Ему на смену из Степи вышла новая орда, ведомая ханами Итларем и Китаном, и подошла к Переяславлю.

Степняки потребовали великих дани за мир. Мономах объявил им, что столько, сколько они просят, у него нет и надо за этим слать в Киев. Пока же он готов дать залог — сына. Маленький Святослав уехал к половцам, а оттуда в город приехал хан Итларь, как посол, почти уже как владыка, но — и как почетный заложник.

Из Киева прибыл гонец: Тугоркан был разбит греками, у Итларя и Китана, стало быть, войска не очень много, но Святополк ничем не может помочь — нет ни людей, ни денег. Все предстояло решать и вершить на ме-

сте. Собственно, выход был только один, и Мономах дождался, когда его предложат ему, и лучше, чтобы не свои, а пришлый, дружинник из Киева. Столичный посланец, умело подталкиваемый на нужные слова, скоро их произнес: надлежало перебить небольшую орду половцев и в городе, и у его стен, не надеясь, что с ними можно договориться, и не боясь, что в ответ на это последует немедленный набег-расправа Степи. Единственная сложность была в заложнике — его решили выкрасть.

Совесть же свою Мономах успокоил быстро — да, он нарушит свою клятву, которой обещал безопасность хану-послу, но разве тот сам не нарушил ее, забыв о мире, заключенном между половцами и Русью? Да и если он даже будет проклят, но спасет город, — что перевесит на весах его собственной совести?

Так как из Киева помощи не ожидалось, в ночь на 24 февраля 1095 года, по приказу Мономаха, несколько дружинников, одетые как половцы, и торков, знавших половецкую речь, вышли из-за тихо приотворенных городских ворот в темноту. К лагерю степняков. Их вел киевский гонец Славята, сам предложивший этот план. Охрану перебили. По сигналу городские ворота открылись и оттуда ринулась вся Мономахова рать. Отбившие княжича дружинники, не дожидаясь подмоги, бросились к шатрам Китана — Славята вытащил хана из его полумрака и зарубил на снегу.

В городе не узнали ничего. Вернее, в той его части, где поселили предусмотрительно напоенных половцев. Утром их позвали на завтрак. Степняков заперли в большой избе и расстреляли через специально проделанные отверстия в потолке.

Теперь должно было ждать ответа из Степи — там не могли бы забыть о гибели своих вождей. Ждать, сидя в своих городах, и надеясь, что сумеешь отбиться от врага. Или как надумал сейчас Мономах — не ждать, но пойти к половцам в гости. Он так и предложил Святополку, который, прознав об избиении степных послов, привел брату свою дружину в помощь. Обещался помочь и Олег — но не пришел, да и не до походов ему было — он принимал чудом спасшегося сына Итларя, с немногими людьми убежавшего из-под Переяславля.

Киевский князь в конце концов согласился, и русская рать растаяла в мгlistой метельной круговерти зимней степи. Войско скрытно подошло к первому половецкому стану и напало на него. И вновь неожиданный ночной пеший бой оказался не для кочевников — большая их часть легла под русскими мечами, лишь малая пробилась к лошадям и ушла в соседний лагерь, бросив семьи и добро на произвол победителя.

Войско князей пошло по следам этих счастливых и ударило по очередному лежбищу половцев. И вновь многие погибли, немногие спаслись, бежав к соседям. И снова шли по этим, кое-где запятнанным кровью следам. И так несколько раз. Пока в округе не осталось ни одного половецкого лагеря, пока не устали дружинники и Мономах холодным умом не решил — хватит. Теперь можно и уходить — не стоит так долго испытывать удачу. Из Степи пошли сотни и сотни пленников, десятки и сотни телег с добычей, все то, что некогда Степь вывезла от своих соседей или приобрела в других местах в обмен на вывезенное.

Князья же решили закончить дело с ханами-послами и потребовали у Олега Черниговского выдать им спасшихся из-под Переяславля. Потребовать-то потребовали, но ответа не дождались — как бы отвечая, Степь выдавила к русским рубежам новых половцев, но уже не своих приднепровских, а дальних, причерноморских. И вновь были стычки, грабежи, пожары, погони.

Мономах предложил собраться всем князьям решить вопрос об общих усилиях против степной угрозы. Написали Олегу — он отказался, сказав, что никто ему не судья. Его долго уговаривали и, лишь убедившись, что в своем нежелании дружбы он столь же крепок, как и в ненависти к ним, пошли походом на Чернигов. По пути к ним присоединился Давыд Игоревич, вызванный с Волыни.

Но обложить в Чернигове Олега не успели — он, зная, что слишком тесная дружба со Степью оттолкнула от него часть горожан, бежал оттуда в Стародуб. В мае 1096 года началась осада крепости. Более месяца обложенный город держался, а потом его жители сами предложили Олегу помириться с братьями, ибо они уже более не могли умирать за него.

Олег сдался. У него забрали Чернигов и выделили Муром. Проигравший уехал, но забот не убавилось. Хан Боняк сжег знаменитое Берестово у самого Киева, а вскоре к Переяславлю подошел Тугоркан — именно к городу Мономаха, поскольку к Киеву было ему идти неудобно: там сидел его зять, здесь же — предатель и убийца его ханов.

Святополк не страдал сентиментальностью и, когда Мономах попросил о помощи, повел к нему свою

рать. Братья шли вместе — в день подступа Тугоркана к Переяславлю Мономах был в Киеве.

Братья с дружинами тихо подобрались к собравшемуся штурмовать городские стены неприятелю и с ходу ударили по его тылам. Одновременно с этим открылись крепостные ворота, и оттуда вышли все, могущие держать оружие: на границе со Степью привыкли думать своей головой, решать быстро и правильно — другим здесь было не выжить. И теперь переяславцы поняли, что это их единственный шанс выжить.

Половцы, не привыкшие к долгому прямому бою, да еще и в окружении, как-то разом утратили воинский кураж. И скоро началась не битва, но избиение. Князья приказали на этот раз дружинникам пленных не брать, кроме самых знатных ханов, узнаваемых уже на Руси в то время даже не по одежде и повадкам, а в лицо. А горожане никогда особенно и не любили брать в плен своей волей, разумно предполагая, что сегодняшней пленный, назавтра выкупленный, послезавтра зарубит тебя прямо на пашне лихим наскоком. Надежнее было не рисковать.

Степняки рассыпались по округе в тщетной надежде спастись, но русские кони, кормленные ячменем, имели большую выносливость, чем пасущиеся лишь на траве степные, и половцев догоняли и секли весь день — под городом, по берегам Трубежа, приютившего Переяславль, и далее до Днепра. Лишь малая часть сильных духом воинов (такие всегда есть в любом войске, и только тогда оно становится непобедимым, когда таких большинство) осталась прикрыть своего хана, ибо в бою — первый удар туда, где вождь и стяги,

символ войска: падут они — и конец. Они мужественно бились, но мужества было не меньше и у нападавших, к тому же их ненависть была конкретнее и ярче, а воинского умения больше. Тугоркан бился в первом ряду своих, как и положено полководцу, защищая стяг. Но чей-то ловкий удар прекратил его сопротивление, знамя его почти тут же рухнуло, и толпа — более не войско — думала лишь о спасении. Оно досталось очень немногим, а миновало же большинство, включая сына Тугоркана, родного брата жены Святополка.

Зять приказал похоронить тестя в Берестове, только что разграбленном соседом ныне уже не опасного хана. Другие еще были опасны — пока шла битва под Переяславлем, хан Боняк вышел под Киев ранним утром 20 июля. И не идя на городской приступ, тут же пошел громить пригород и округу. Разор был большой — половецкое войско увидели уже почти у городских стен, и мало кто из окрестных жителей успел спрятаться в городе.

Боняк разгромил, осквернил и ограбил Печерский и Выдубицкий монастыри, таща все мало-мальски ценное, сжигая и ломая, что не мог унести, надругаясь над тем, во что верили его противники. Что было с точки зрения вечной войны непримиримых врагов совершенно правильно: ибо сломить неприятеля можно не только мечом, но и иным поступком и даже словом, уничтожающим все самое дорогое.

Сделав все, что задумали, половцы ушли — и вновь их не догнали киевский и переяславский князья. Многие же — и князья, и их приближенные — радовались их неудаче. Первым, как всегда, дал о себе знать

Олег. Он шел на Муром, где пока сидел сын Мономаха Изяслав (ибо Муром был Олегу обещан не сразу, а немного погодя, но Олег не захотел ждать), и потребовал себе город. Ему отказали, и в сентябре того же многострадального 1096 года его войско пошло в бой. Воинов у него было меньше, но полководцем он показал себя таким, каких мало на Руси, и сейчас он в полной мере использовал свой опыт; его отборные дружинники, прошедшие с ним тысячи верст в походах и боях, прорвали заслон Изяславовых телохранителей и зарубили муромского князя.

Обезглавленное муромское войско, разом лишившись вождя и стяга, побежало в город, который тут же открыл свои ворота подъехавшему Олегу, — приехал по праву сильного новый господин и хозяин. Затем Олег двинулся к Суздалю, который оказал не очень стойкое сопротивление. Следующий город — Ростов — не сопротивлялся вовсе. Войско шло дальше — от городка к городку, и скоро весь Ростово-Суздальский край до Белоозера управлялся Олеговыми наместниками, решившими пока суть да дело быстро собрать побольше даней с земли. Ибо кто знает, какой ответ даст Мономах, узнав о случившемся?

Мономах дал ответ. Узнав от сына Мстислава Новгородского о смерти его брата и своего сына, он как-то разом понял, что и его зацепили острым когтем усобицы, от которых единое достижение на Руси — разор и гибель. И не стал посылать рать на убийцу сына, но послал письмо: «...не враг я тебе, не мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от пове-

ления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за поганых, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, ибо я человек... Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою... Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога не видать мира душе своей на том свете! Не от нужды я пишу это, ни от беды какой-нибудь посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего на свете».

Олег не ответил, вернее дал ответ, начав созывать дружины из Чернигова, Тмутаракани, Смоленска, Ростова, Суздаля. Мономах послал против него свою рать, дав наказ Мстиславу также двинуть войска из Новгорода. Отец решил отомстить, наконец, за сына, но его первенец не мог решиться умертвить дядю и своего крестного отца. Поэтому, разбив Олега, он не разорил его земли, но уговорил примириться с двоюродными братьями.

Олег примирился, и результатом этого примирения стал съезд в 1097 году в замке Мономаха — Любече — всех главных русских князей. Итогом съезда стали общие слова князей: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны. Да с этих пор объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей». Так решено было воевать со Степью сооб-

ша, усобицы же прекратить, закрепив за каждым князем земли его отца. За попытку изменить этот порядок князья поклялись наказывать отступника все вместе.

Но мира, провозглашенного в Любече, не получилось: сразу же по окончании съезда Святополк Киевский вместе с Давыдом Игоревичем Волынским захватили своего племянника Василька и ослепили его. Земли Василька на юго-западе Руси Давыд захватил себе. Сердце Мономаха не выдержало: вместе с Святославичами — Олегом и его братом Давыдом — он пошел на Киев. Здесь Святополку предъявили ультиматум, и великий князь принял его: он поклялся, что не виновен в преступлении и готов вместе с остальными покарать волынского клятвopеступника. Объединенная рать двинулась на Волынь, но здесь пришло известие, что князь Василько Ростиславович простил своего дядю Давыда и просит остальных его не наказывать.

Войско ушло обратно, Василько же начал войну, ни с кем не желая разделять сладость мщения. Он обложил Давыда в Волыни, добился выдачи своих палачей и расстрелял их из луков на виду всего города. Это было только начало, затем в борьбу за власть на Волыни включились поляки, венгры, половцы, Киев, Переяславль. Было много крови, смерти, обид. Лишь через два года наваждение как-то кончилось, и все обнаружили, что сидят по своим старым местам. И поэтому в 1100 году в городе Витичеве опять был новый съезд князей, который вынес приговор по Волыни и начал готовить общие силы против Степи — против Боняка и Шарукана.

Правда, одно дело решить, а совсем другое — начать на самом деле подготавливаться к походу. Всем князьям, кроме сидящего на самом порубежье Мономаха, вдруг стало недосуг, и пошли разговоры, что лучше-де заключить со Степью мир, отказавшись все же от дани половцам, ибо ныне Русь окрепла.

Ханы поспешно откликнулись на предложенные переговоры — прослышали о решении князей предпринять общий поход и жаждали опять получить с князей откуп, а уж потом прийти с неожиданной облавой, чтобы взять еще. Мир же им не нужен — иначе откуда добыча? Да и не мог быть с ними мир, ибо в этих делах хан за хана не отвечал; договор заключал один, а грабил его лучший друг и сосед, на другой же год менялись. Все понимали это, но Степь хотела сбить накал противостояния русских, князья же не желали тратить силы на то, что и так должен был делать в силу обстоятельств Мономах, не хотели помогать ему этим совместным походом укрепиться и возвыситься. Сейчас заодно против него были и Святополк, и Олег с братом Давыдом.

Кроме всего прочего, старшие князья не могли простить Владимиру, что именно его сын Мстислав правит в Новгороде. Давыд Святославович пытался там укрепиться, так город его не принял.

И все же мир, вечный мир — отныне без выкупов — был заключен 15 сентября 1101 года. Через год — опять по осени — вечность для половцев кончилась: Боняк пошел на Переяславль. Мономах был в Смоленске и привел рать оттуда. Святополк также приготовил дружину, чтобы встать плечом к плечу с братом:

он соблюдал интересы не только всей Руси, но и Киева, ибо половцы, пограбив переяславские земли, прошлись и по киевским. Братья преследовали Боняка не один день, но везде видели лишь его следы — пепелище и разорение, — сам же хан так и не дался в руки. Вновь ушел с добычей к себе.

И вновь Мономах предложил бить кочевников не тогда, когда они неуловимой облавой шарят по Руси, не тогда, когда они, отяжеленные добычей, исчезают как призраки в пыльном мареве, но на местах их природных кочевий, у их станов, где они беспечны, ибо чувствуют себя в привычной, степной безопасности, где их добро и их семьи, все, что они по обязанности сильного будут защищать у своего рода. Киевский князь, глядя сумрачным взором на очередное разорение своей земли, на этот раз согласился.

Но к марту 1103 года, когда собрались их дружины, он уже проиграл Владимиру Новгород, и потому его воины начали роптать. Они возражали не против самого похода в глубь Степи, но против его сроков, говоря, что весной погубят они и крестьян-смердов, и коней их, и пашню. Переяславский князь, также не вчера рожденный, отвечал им, веря, что слово его разойдется из дружинных шатров по Руси, и многие поймут его суровую правоту: «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут! А почему не промыслите о том, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половчанин застрелит его из лука. А лошадь его возьмет, а в село его приехав, возьмет жену его и все именье? Так лошади вам жаль, а самого смерда разве не жаль?»

После этих слов все долго молчали, вспоминая годы набегов, смер-

тей, годы оглядливой жизни, убивающей пугливых и делающих седыми до срока смелых. Думали о жене, детях, доме, лишиться которых можно в одно мгновение. И успеешь ли их защитить? Наконец, Святополк встал. Все смотрели на него, князь же, выпрямившись, произнес: «Вот, я готов уже». Мономах обнял брата. Пора было начинать сбор сил. Из Чернигова со всей дружиной явился Давыд Святославович, из Полоцка — сын Всеслава, также Давыд. Шли и пешие рати с Волини, Смоленска, Ростова.

Поход готовили тщательно — пеших воинов, главную, по мысли Мономаха, силу против нестойких душой степных конников, вооружили луками, топорами, копьями, щитами. Для них же приготовили ладьи, на которых разом и двинулись, как только Днепр чуть освободился ото льда. Доплыв до острова Хортицы, далее двинулись своим ходом к реке Молочной, несшей воды в Азовское море. Шли, выставив вперед сторожевые заставы, возглавляемые сыном Мономаха Ярополком.

Молодой князь взял с собой в передовой отряд, помимо конных, еще и пеших воинов, надеясь не только заметить вражескую разведку, но и перехватить ее, как задумывал отец. Так и произошло. Половецкие сторожа оказались более беспечными и просмотрели русскую разведку. Та же по приказу Ярополка пропустила степняков мимо и, только взяв половцев в кольцо, обнаружила себя. Лишь малой части степных воинов удалось прорваться — остальные полегли тут же. Но и прорвавшиеся не избежали общей участи — их слабые по весне кони скоро подставили своих всадников под русские мечи. Здесь погиб и предводитель половец-

кой сторожевой заставы хан Алтунопа, хорошо известный на Руси как опытный воин, не проигравший ни одной битвы. Значит, поняли русские, время хана прошло. А может быть, начинала теплиться мысль и всех остальных степных вождей тоже?

4 апреля русские князья, воодушевленные легким разгромом половецкого дозора, приняли предложение Мономаха — или вынудить степняков к общему, главному сражению, или разорять их станы до самого Дона, пока те все же не примут сечу. Половецкие ханы решили дать бой. Зная, что идет большой поход русских, они долго совещались: принять битву, не желанную им сейчас, или уйти в Степь. Но кони еще не нагуляли силу, в лагерях было много добра, которое так просто не увезешь. Да и отступив без сопротивления, не надломят ли они хоть чуть-чуть волю своих воинов? И не избавит ли это навсегда от глубинного страха перед Степью русскую рать?

Они решили принять бой. Принять, по сути дела, на условиях противника: не было возможности летучим отрядам кочевников с маху ударить, взять свое, посечь сколь успеется — и отскочить, становясь невидимым и недостижимым для противника. Оставалась еще одна воинская хитрость, столь любимая половцами, — притворным отступлением заставить противника забыть, поломать свой строй: в этот миг слитно отступавшие степняки разом поворачивались к своим загонщикам и разом били их, думающих уже больше о личной мести, славе или добыче. Но когда ханы повели своих воинов вперед, они поняли, что сегодня этого не получится. Ибо Мономах

привел из своих земель — прежде всего из Смоленска, Ростова, Суздаля — кроме конных дружин, пешую рать, которая уже не раз верно послужила ему и против половцев, и против чешских рыцарей.

Только сейчас он сделал то, что ранее не всегда успевал и мог сделать, — он сумел найти время обучить свою пехоту действиям в строю, бесчисленное количество раз заставляя их размыкать и смыкать строй, превращая шеренги людей, вооруженных кто копьями, кто топорами, кто луками, в единое целое. Веря в то, что пешая рать сможет сковать конную силу половцев, он приложил максимум усилий, чтобы она, его рать, как можно более походила на войско его предков — Святослава, Игоря, Владимира, чьи воины всегда гасили ответным ударом любой наступательный порыв вражеской кавалерии, в том числе и той, что была обучена биться с пешими войсками.

И сейчас, глядя на разворачивающуюся с оледеневшими лицами на поле грядущей брани пешую русскую рать, Мономах думал, что такова судьба Руси — всегда идти путем жертв, дабы избавиться от еще больших потерь. Как опытный полководец и умелый воин он понимал, что конные лучники — самый грозный вид войска, недаром Византийская империя уже сотни лет все свои главные победы одерживала с помощью привыкших воевать именно так варварских союзников. И, подобно своей предшественнице Римской империи, проигрывает битвы, если придется воевать с таким войском.

Пехота не может противостоять конным стрелкам, какими бы большими ни были щиты и мощными

луки: у врага такие же стрелы и свобода маневра, и победа должна быть за ним.

Теперь против Мономаха шли конные лучники. Но им некого было противопоставить. И встали те, кто, пожертвовав собой, должен был погасить порыв конных лав, смешать их и подставить под удар русских конных флангов.

Волна за волной накатывала степная конница на русский волнорез, который подавался лишь на считанные шаги и тут же упруго выгибался обратно, пропуская через себя лишь редкие капли отдельных храбрецов, которых добивали тут же, не давая времени осмыслить всю ненужность своего геройства. Перед русской пехотой образовалась мешанина из мечущихся и умирающих лошадей, из мертвых и пытающихся выползти за пределы русских копий степных всадников. Новые атаки, и ханы это видели, давались все тяжелее. Пока не стали невозможны. Половецкие полководцы решили было отвести свое войско, дабы, перегруппировав, попробовать новый удар в новом месте. Но не успели: Мономах дал сигнал, и по степнякам с флангов стегнули русские дружины, взяв половецкого кабана в стальные клещи мечей.

Боковой удар свежих войск на свежих конях сломил мужество неприятеля, и он ударился в массовую панику — бегство. Их преследовали на тех же свежих, тренированных на долгий круглогодичный бой лошадях, и поэтому спаслись немногие. Степь потеряла в этот день тысячи своих храбрых и умелых воинов, включая двадцать ханов, имена которых десятилетиями вызывали зубовой скрежет ненависти и страха: Урусоба,

Кчия, Арсланопа, Китанопа, Куман, Асупа, Куртх, Сурьбан и иные.

А одного хана — Белдюзя — взяли в плен дружинники Святополка живым и израненного, и грязного, окровавленного привели к киевскому князю. Хан предложил за свою жизнь и свободу большой выкуп, но Святополк отправил его к Мономаху, командовавшему битвой и потону принимавшему после нее самые главные решения.

Князь двинул рукой, и его ближние дружинники крест-накрест махнули саблями. На это молча глядели многие пленные и все русское войско, знавшее не хуже своего вожда меру воздаяния за свершаемое.

Лишь самый краткий отдых позволили русские князья своему войску после окончания битвы. Как только запаленное дыхание людей и лошадей не стало слышно по степи, как только перестали дрожать руки, державшие оружие, воины двинулись вперед. Надо было закончить начатое, разорив все, что можно, дабы отбить охоту к новым набегам на годы и годы.

Было захвачено и разбито множество половецких станов: тысячи русских пленных, бывших там, вернулись в свои дома, десятки тысяч лошадей — главное богатство степняков — угнали на Русь. Множество иной добычи увезли в эти дни в Переяславль и Киев, Чернигов и Смоленск, Ростов и Суздаль, в иные города — страна возвращала украденное у нее за многие годы и десятилетия.

Русь колокольным звоном встречала победителей.

В 1107 году, в августе, Боняк с Шаруканом вновь привели все свои силы большим походом, пригласив

к нему многих ханов из других орд. Их общие силы осадили Лубен, но предусмотрительный Мономах, чувствуя, к чему идет дело, еще с лета спрятал в Переяславле сильную дружину, состоящую из дружин многих княжеств и городов. С ней и пошел князь Владимир против врага. Даже не пошел — полетел, ибо его войско, с ходу переправившись через Сулу, так скоро ударило на степняков, что их разведка не успела среагировать на передвижения врага.

Ханы были настолько не готовы к битве, что даже не успели отдать приказ развернуть боевые стяги. И тут же решили, что и нечего их разворачивать — время есть только на то, чтобы бежать и спастись. Так они и поступили. Как самые мудрые и многоопытные, они бросились в Степь конными, некоторым же из подданных, менее умным и дисциплинированным, но более ленивым и беспечным, бежать пришлось пешком. А куда убежать в степи пешему от конного? До первой кочки, на которой удобнее вытянуть шею — либо под саблю, либо под аркан.

Все убежавшие в беспамятстве пешими уже никогда больше не грозили русским границам. Как и большинство конных, ибо их преследовали зло и неутомимо до самой реки Хорол, где Шарукан, пожертвовав всем своим сопровождением и телохранителями, сумел уйти. Иные легли в ковыле. На десятки верст, куда их складывали русские, не желавшие их более видеть у своего дома.

Уже в январе 1108 года орды хана Аепа, кочевавшие недалеко от границ Руси, захотели с ней мира и дружбы.

Договор заключили, и единый монолит половцев был нарушен, ибо

Аепа просил не даней, а возможности и права выжить, если его дорога пересечется с русским путем. Все ближе этот путь подходил к кочевой тропе Шарукана, вождя донцов, от которых было больше всего забот и хлопот.

Но Мономах решил поделить хлопоты поровну, и в начале 1109 года по его примеру переяславский воевода Дмитр Иворович отправился вместе с конницей и пехотой пройти по половецким станам, чтобы и летом помнилось.

Придя к Донцу, он разгромит конные сотни половцев, измотав их пешей ратью и добив атаками дружин с флангов. А потом пройдет по их лагерям, громя их, освобождая пленных и забирая добычу, — то, ради чего и рискует степняк жизнью. Привез он своему князю и тайное знание, выданное не слишком сильными духом пленными, — стоит на Дону и готовится Шарукан к летнему походу, пишет ласковые письма на Днепр Боняку, зовет его с собой. А тот не против, желая вновь пощупать крепость русских границ, почувствовать щекочущий запах гари вчерашних домов сегодняшних твоих рабов.

Надобно было сбить половцев с их забывчивого желания, и объединенные дружины Киева, Переяславля и Чернигова по весне 1110 года пошли к городу Воиню, туда, где был незримый рубеж со Степью. Здесь и встретили русские полки половецкие орды, шедшие за добычей и славой. Увидев блеск русских мечей, степные конники резко повернули своих лошадей и затерялись вдали. Русская земля еще год могла жить спокойно. Еще один год мира в череде бесконечных лет войны.

Русские князья решили следующим, 1111 годом пойти на Степь всей Русью. Они обратились с просьбой к митрополиту Никифору, и он прислал в их войско, собранное из дружин Святополка, Мономаха, Давыда и Олега Святославовичей и их сыновей, из пешей рати многих русских княжеств, епископов и священников. Чтобы всем было видно: идет не войско на войско, но вера на веру, вера защитительная на веру грабительскую.

Войско выступило в поход 26 февраля 1111 года — вновь победило мнение Мономаха о том, что половцев нужно бить по зиме, когда кони их слабы, люди не ожидают удара, морозы же главные прошли.

7 марта на реке Ворскле, пройдя более 250 верст, русская рать вновь помолилась о грядущей победе перед большим крестом, воздвигнутом на прибрежном холме. Помолившись, вновь двинулись к Дону. Но неприятеля все не было — он собирался в глубине степи с силами и духом и на время уступил русским свою столицу Шарукань.

Подойдя к городку 19 марта, князья послали вперед священников — дабы они молитвенным пением напомнили всем бывшим там русским людям о том, какого они корня. Молитвы не только пробудили память у сидевших в городке православных, но и разум у всех остальных: вожди Шарукани вышли из-за ворот городка и сдали его на милость победителя. Милость была оказана — жизнь и свобода дарованы. Избавление же от пленных, табунов и богатства половцы посчитали удачей, ибо все ныне взятое у них было когда-то отнято и ими. Но иначе — среди крови, огня и смертных криков.

Утром Мономах двинул войско к городку Сугрову, откуда не раз лихие наезды проходились по русской земле. Сугров был укреплен более Шарукани — и вал насыпан повыше, и колья по нему натканы, так что и защитники его были посмелее — решились не сдаваться, а биться с неприятелем, веря, что главное войско, к которому уже кинулись гонцы, придет на помощь, но помощь не пришла. Русские начали закидывать их деревянные бастионы горящими стрелами и огненной паклей.

Подождав, когда огонь сгонит с вала его защитников, тараном вынесли главные ворота и взяли город. Когда уходили, город уже догорал, скрывая в огне всех тех, кто предпочел смерть плену.

Войско молча стояло на берегу реки, глядя на ее глубокие, спокойные воды и вспоминая, что приходило с ее берегов и что стоило до них дойти. Наконец, среди всеобщей тишины Мономах сошел с коня, снял шлем и зачерпнул им донской воды. Поднял так, чтобы было видно всем — и все увидели, как плеснула солнечным лучом чистая вода в золоченом шлеме. И выпил ее — символ скорой победы. За ним пили Святополк, Давыд Черниговский, младшие князья, их дети и племянники, боярские воеводы, дружина — все войско.

На утро разведка донесла, что невдалеке на речушке Сольнице собираются степные силы. Ханы уже приняли решение дать бой, и суждено ему было произойти здесь, в этом месте.

Князья выехали перед войском и расцеловались на глазах у всех, прощаясь. Все старое было забыто и отринуто — ныне никто не знал, кому суждено выйти из сечи. То же самое

начали делать и воины — прощаясь и со старыми друзьями, и с только что знакомыми, породненными единым строем и общей судьбой: победить или умереть.

В сумерках 24 марта на них двинулось никогда еще не виданное и изумляющее своим числом половецкое войско. Не виданное и своим маневром, ибо наученные горькой практикой фланговых ударов, они теперь решили равномерно ударить и смять все войско Мономаха, и поэтому удар одновременно пришелся и по центру русских, и по обоим их флангам. Степняки лишь на считанные минуты остановились перед неприятельским строем, чтобы дать залпы из луков, и тут же, не отступая, не перестраиваясь, пошли врукопашную, веря, что их достаточно для того, чтобы прорвать русские порядки, расщепить их, а уже потом и добить.

Бой перемещался долгое время лишь на несколько шагов вперед-назад, но, наконец, воины Мономаха, более привычные к строю и тесноте рукопашного боя, начали все ощутимее нажимать на врага. Половцы не стали ждать окончательного перелома и отступили еще многими силами в то время, как на землю пала ночь.

Через день-два Степь начала приходиться в себя, подошли и еще многие сотни и тысячи воинов, и опять можно было попробовать решить вопрос с русскими не хитростью, но силой. Князья думали также и, прознав о новом скоплении врага, решили идти ему навстречу.

Как и три дня назад, Мономах был на правом фланге построившегося к битве войска, Святополк в центре, Давыд с сыновьями и племянниками — сыновьями Олега — слева. Войско построилось, готовое, как всегда,

отразить все атаки, но внезапно Мономах увидел, что неприятель готовится не просто ударить по его войску, но окружить его целиком. И увидел, что сил для этого у ханов достаточно — все вокруг было черно от их воинов. На этот раз не только конных, но и пеших. И тогда князь Владимир приказал не ждать воли половцев, но навязать им свою, и двинул русское войско вперед, на врага.

Как бы вторя людской брани, в небе разразилась буря, и русский полководец решил использовать ее — он приказал своему правому крылу забирать еще правее, лишь затем завернув его на степняков. Получилось по задуманному, и половецким воинам приходилось отворачиваться не только от русских стрел и блеска мечей, но и от дождя и ветра. Но они держались. И так крепко, что пришлось почти шестидесятилетнему Мономаху самому повести избранную дружину вперед.

В это время пришла просьба о помощи от Святополка, принявшего на себя главный удар противника. И Мономах повел туда под своим стягом переяславцев. Его боковой удар отрезвил степняков и дал передышку киевлянам. Они начали понемногу идти вперед. Вперед также шаг за шагом пошло и правое русское крыло, и, наконец, они сделали то, на что их с самого начала нацеливали князья-полководцы: вбили клин между конными лавами и теперь терзали каждый отряд отдельно, не давая им более выстроить единую линию-цепь.

Половцы бросились в отступление, к спасительному Дону. Их долго преследовали сначала по полю, усеянному телами павших, а потом по все более и более чистой степи — и все равно половцев полегло в бою

более десяти тысяч. И были еще тысячи пленных, которые скоро сами стали выходить к русскому обозу, зная, что лучше сдаться сегодня уставшему победителю, чем завтра попасть под облаву.

Русские захватили громадную добычу. Мономах, по сговору со всеми князьями, объявил, что вся добыча принадлежит только войску — за заслуги перед Русью, князьям же хватит лишь славы.

Слава была великая — по всей Европе, в Константинополе и Риме, в Германии, Польше, Венгрии, Чехии, в иных странах эхо донской победы было сравнимо с самыми громкими битвами крестоносцев, так же, как и русские, сдерживавших великий натиск Востока.

Имя вождя победного крестового похода Руси гремело по многим странам, владыки которых были весьма не прочь породниться с великим воином и самым сильным русским князем. И в это время среди родни Мономаха появились и король Венгрии, принцы Норвегии и Дании. Начинали более пристально и благосклонно относиться к нему и большие люди русских княжеств: осенью победного 1111 года в Киеве, Чернигове, Новгороде, Смоленске горели дома, и погорельцы вместе с сочувствующими им грозились власти, обвиняя ее во всех грехах. Лишь один князь был люб на Руси — Мономах, вечный защитник Земли (недаром потом его образ сольется в былинах с образом Владимира Святого — тот защищал страну от печенегов, этот — от половцев). Тот, кто устроил после славной битвы 1103 года пир для всего Переяславля, чтобы знали все люди: не князь — победитель, но все они, за что им честь и слава.

Тот, кто перед следующим походом в 1107 году выбрал время и приказал оковать золотом и серебром, украсить драгоценными камнями раку князей Бориса и Глеба в Вышгородской церкви, и сам трудился всю ночь со своими мастерами. Тот, кто некогда отказался от Киева, соблюдая заповедь деда, и кто пошел в свой последний поход в Степь, осененный крестом и под церковные гимны. Князь, любимый всеми, знающий много лучше других — и уже делом не раз противодействовавший этому, — что поток народного гнева начинается подобно горной лавине с единого камешка, и если дать ему упасть, то через минуту сотни и тысячи будут лететь с грохотом и гулом, все сметая на своем пути.

Поэтому, когда в апреле 1113 года Святополк Киевский внезапно умер, лишь у немногих бояр возникла мысль послать гонцов к Олегу и Давыду Святославичам, которые были старшими в роду. Большинство было за то, чтобы звать на великое княжение Мономаха.

Почти сразу же после успокоения Киева он идет войском против очередных половецких орд, почувствовавших, что ослабела киевская власть. Надлежало и Степь переубедить в этом ошибочном мнении, как уже переубедилась Русь. Степь все поняла без личной встречи, заочно: узнав, что против них вновь идет сам Мономах, половцы растворились в весеннем мареве исходившей паром земли.

По весне 1116 года подняло голову как всегда держащееся на особицу Полоцкое княжество — ныне уже при сыне Всеслава, князе Глебе. Пришлось идти на кривичей — Глеб, вторгшийся в смоленские земли, не желал мира, веря в свою удачу.

Узнав об общем походе против него, князь Глеб бежал в Минск и приготовился к штурму. Но Мономах не торопился, демонстрируя, что он пришел не для единого приступа, но для долгой осады, а это грозило половчанам полным разорением и позорным пленом. Именно так понял Глеб, видя, что у стен Минска Мономаху ставят основательную избу, и дрогнул. А дрогнув, смирился и покался. Как вскоре так же дрогнет перед осадой еще один князь-усобичник — сын Святополка Ярослав, князь Владимиро-Волынский. Их пример вразумил прочих, и больше при Мономахе княжских усобиц почти что и не было.

Потом опять настал черед половцев, которых громили уже с печенегами, задыхавшимися под давлением половецких ханов. После них пришло время чуди, беспрестанно тревожившей новгородские земли. По приказу Мономаха его сын Мстислав прошелся мечом по их землям до самой Балтики.

А вскоре Мстиславу последовал еще один приказ — оставить Новгород на подростшего сына, названного в честь прадеда Всеволодом, и сесть в Белгороде, поближе к Киеву. Как некогда отец, теперь, когда ему пошел уже седьмой десяток, Мономах решил все более опираться на первенца, оставаясь при нем главным советчиком и верховным судьей всего содеянного на Руси. Стараясь не вмешиваться без необходимости, понимая, что опыт приходит только с делами.

По весне 1119 года Мономах начал готовить поход на Византию в поддержку другого своего внука, претендента на византийский престол — Василия, названного так в честь деда, также в крещении Васи-

лия. Рать готовилась мощная, и Константинополь ужаснулся, представив себе все последствия скорого похода и скорых битв с русами. Следствием этого ужаса стало посольство из Царьграда в Киев, привезшее как обычно множество золота, драгоценных тканей, обещаний уступить земли в Северном Причерноморье, подписать выгодный договор. И впервые — императорский венец, императорскую же хламиду, драгоценный пояс, скипетр и яшмовую чашу: византийские святыни, свидетельствовавшие о признании Константинополем Мономаха не князем, но цесарем, царем.

Царь Мономах и его держава к этому времени достигли вершины, слагаемой из славы и силы. Все земли были собраны в единое целое, князья забыли об усобицах и самовластии. На всех границах поляки, болгары, чудь, половцы, Венгрия не тревожили страну ни набегом, ни пожаром, понимая, что противостоять им будет не дружина одного из князей, но войско могучей державы, конное и пешее, не раз доказавшее свою непобедимость в битвах против половцев, самые дальновидные из которых к 1120 году решили уйти от греха с границ Руси: часть их ушла в Грузию, часть к границам с Венгрией.

Страна расцветала ремеслами и торговлей, земледелием и разведением скота, добычей меха, меда, воска, рыбы, каменным строительством и зарождавшейся литературой. В «Поучении» своим детям сам князь, обобщая свой опыт, дал наставления сыновьям и как властителем, и как людям, коим суждено жить в этом мире в окружении прочих. Добро в жизни — вот основа всего, добро к людям, к стране, тебя вскормившей. Ибо

«молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его, просящими хлеба».

Да, он состарился — все целиком было в руках сына Мстислава, который в мае 1125 года после смерти отца на Альте, у небольшой часовни, поставленной в память святого князя Бориса (Мономах приехал сюда специально, почувствовав приближение неминуемого), взошел на великое киевское княжение.

ВЛАДИМИР I СВЯТОСЛАВОВИЧ СВЯТОЙ
(? — 15.07.1015) — великий князь Киевский
(с 980), Креститель Руси

В 970 году князь Святослав, уходя в поход, посадил малолетнего Владимира, своего незаконного сына от ключницы Малуши, князем-наместником в Новгороде. Посадником при Владимире стал дядя, брат Малуши, Добрыня, его главный воспитатель с первых лет жизни.

Так на шестом году жизни Владимира началось его первое восхождение к великокняжеской власти. 970 год стал во многом определяющим для Руси, ибо Святослав тогда первым раздал детям уделы, тем самым укрепив власть Киева, но в дальнейшем этот раздел земель обернется трагедией.

Владимир рос под неусыпным оком Добрыни, который готовил душу и тело племянника к испытаниям, ибо понимал, что не будут в Киеве вечно терпеть его посадником, а Владимира — наместником Новгорода. И хотя сам Ярополк, старший сын Святослава, свято блюдет отцовские заветы по разделу державы, но есть у него советчики и воеводы, которым не дает покоя мысль, что держава роздана в три пары рук. И ее надлежит собрать! Да ведал он и о своей душе, что нет в ней покоя, что хочет она большего и готовил к большему. Себя и племянника.

Учил он его суровой воинской науке, в которой важное место занимали: верстовые пробежки, плавание в утренних холодных протоках, тягание тяжестей, метание дрота и привитие навыков лучной стрельбы. И исподволь — эпизодическое командование дружиной, воспитание небольшого дальних походов — от переходов по болотному и лесному бездорожью до кратких посылок «за море» — на побережье Балтики, для взаимного узнавания князя с родней ильменцев — варягами. А как отдых — лихие охоты, рыбалки, воспитывающие терпение и умение подманить жертву, поощрение стычек-драк со сверстниками.

Весной 975 года сын главного воеводы Святослава — Свенельда, который и принес в Киев весть о смер-

ти князя, а ныне главный воевода Ярополка — Лют, охотясь, заехал в глубь древлянских земель. Олег и его окружение, недовольные безраздельным влиянием на киевского князя его воеводы, решили подсесть корень Свенельдов, и приказали убить Люта. Ответным ходом воевода убедил Ярополка пойти на Олега и полностью подчинить его земли себе. Началась война, в ходе которой Олег был убит. Ярополк был потрясен гибелью брата и с укором и ужасом произнес, обращаясь к Свенельду, что именно этого воевода и хотел с самого начала, а он, князь, — не хотел.

Но раскаяние запоздало — по Руси уже побежали слухи об одном из самых страшных преступлений — братоубийстве. Добрыня понял, что это шанс. Он знал, что Ярополк не желает зла единственному теперь брату, но убедил Владимира, что ему угрожает смерть.

И Добрыня склоняет Владимира к бегству из Новгорода за море. Они убежали, а Ярополк, естественно, посадил в городе своих людей, что в скором времени преподали Владимиру как лишнее подтверждение ненависти к нему брата. Шел на исход 977 год.

Два года проведет Владимир за морем и лишь в начале 980 года вернется на Русь. Эти два года стали для него хорошей военной школой, ибо жизнь его протекала в основном среди викингов-норманнов, исповедовавших культ меча, войны и личной храбрости.

С сильной дружиной Владимир и Добрыня прибыли в Новгород. Владимир был милостив: он отпустил людей брата с тем, чтобы сказали они в Киеве, что идет против них Владимир и Новгород.

Но прежде чем киевлянам было суждено испытать горечь поражения, тяжесть меча, обученного за морем Владимира, пала на землю кривичей — на Полоцкое княжество. Здесь правил варяг князь Рогволод.

Земли половчан лежали между Киевом и Новгородом, поэтому и Владимир, и Ярополк стремились иметь его своим союзником. Оба брата направили свои посольства к князю, прося руки его дочери Рогнеды, но Владимир запоздал — Ярополк успел первый сговорить за себя княжну. И вообще он был великий князь Киевский, человек по натуре спокойный и добрый, а Владимир же — личность пока явно сомнительная, к тому же слава его громких подвигов — военных и особенно любовных — докатилась и до Полоцка. Поэтому ничего удивительного нет, что Рогволод устами дочери ответил посланцам Владимира, что не хочет его дочь разувать сына рабыни (старый обычай — перед брачной ночью молодая разувала своего мужа), но Ярополка хочет.

Оскорбление Владимиру и Добрыне было нанесено публично и требовало публичного воздаяния. Поэтому в данном случае Владимир с дядей действовали как опытные воины — их войско тотчас же по получении подобного ответа двинулось к Полоцку.

На глазах отца, матери, братьев и многих иных она была унижена Владимиром, как олицетворение пресечения старой династии, как символ неспособности бывших князей полоцких защитить честь собственных дочерей, сестер, жен. После этого Добрыня громогласно назвал Рогнеду «дочерью рабы» — прежней династии более не существовало. Тут же Рог-

волод и его сыновья были подняты на мечах перед языческим кумиром.

После взятия Полоцка войско Владимира, в состав которого он включил и западных кривичей, признавших законность его власти, двинулось на Киев.

Киевский князь забеспокоился — киевляне были ненадежны.

Ибо Ярополк, воспитанный при дворе бабки-христианки и проникшись идеями новой веры (хотя из политических соображений и продолжавший исповедовать язычество), опирался на двор и дружину, доставшуюся ему по наследству от Ольги (дружина Святослава почти вся пала в походе), а в приближенных княгини и в ее войске было множество христиан. Они противостояли населению Киева, состоявшего из язычников. Так что князь был вынужден балансировать между дружиной и посадом, христианами и язычниками.

Отдавая дань значимости горожанам-язычникам, он приближает к себе воеводу Блуда — воеводу не дружины, а главу городского ополчения.

Однако, не выражая энтузиазма сражаться под знаменами Ярополка, киевляне тем не менее сохраняли ему формальную лояльность, ибо его власть и власть его людей была весьма мягкой и осторожной и вполне устраивала подданных.

Все это учитывал Добрыня и поэтому научил племянника обратиться к Блуду с предложением помочь ему, Владимиру. Когда же Владимир убьет брата — то Блуд станет ему вместо отца. Не он, Владимир, начал братоубийство, а Ярополк. И ныне он пришел на брата, убоявшись той же участи.

Князь решил опереться на воеводу-язычника, а воевода поверил языч-

нику-князю. В борьбе против склоняющегося душой к христианству Ярополка Блуд решил помочь Владимиру. Когда Ярополк начал собирать войско для отражения подходящего к Киеву Владимира, Блуд отговаривал его, аргументируя это тем, что на Киев нападать не посмеют, намекая, что и войско будет собрать трудно. В результате, когда Владимир подошел к городу, Ярополку пришлось лишь с одной дружиной запереться в крепости на Старокиевской горе. Блуд внушил Ярополку недоверие к собственной дружине и посоветовал ему тайком бежать в пограничный городок на реке Роси Родню, а затем к печенегам, за помощью.

Ярополк бежал, Владимир вошел в Киев. Здесь он повторил полоцкий ритуал — беременная жена брата была также взята Владимиром.

Владимир обложил Родню, и когда осада стала нестерпимой, Ярополк по совету Блуда сдался на милость победителя. Он надеялся, что брат не посмеет совершить над ним кровавый обряд, но был казнен двумя язычниками из дружины Владимира по всем правилам — поднятием на мечах в Родне пред статуей бога Рода. Отныне по всем законам и обычаям Владимир был единственным властителем Руси.

В 986 году в Киев приехал греческий философ. Грек поведал князю об основных догматах православия и посоветовал ему принять крещение. Несмотря на то что Владимир проявил известное колебание в своем окончательном принятии веры, он все же послал бояр в Константинополь для окончательного знакомства с православием.

Перед ними открылись двери храма Св. Софии, где посланцы увидели

праздничную службу, убранство храма и были поражены увиденным. «Ввели нас туда, — рассказывали посланцы князю Владимиру, — где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех странах. Не можем забыть красоты той, ибо каждый, если вкусит сладости, не возьмет потом горького. Так и мы — не можем уже оставаться прежними».

И бояре, и «старцы градские» одобрили выбор своих послов. На вопрос Владимира, где принять крещение, совет во всем положился на волю своего князя.

На следующий год прибыло посольство Византийского императора с просьбой помочь в подавлении восстания малоазиатского наместника и полководца Варды Фоки, Владимир потребовал за помощь руки сестры императора Анны, хорошо зная, что родственники императоров могут сочетаться браком лишь с людьми своей веры. Император поспешно согласился на это условие.

988 год оказался удачным для русского оружия — шеститысячный отряд славян во многом способствовал разгрому Фоки, но Анна на Русь не прибыла: император не посмел открыто отдать свою сестру за язычника и варвара. Но он хорошо знал намерения Владимира, и поэтому его тайная служба предложила князю осадить и взять Корсунь (Херсонес), важную колонию империи, а взамен ее получить, теперь уже официально, руку Анны.

Владимир пошел к Корсуню. Но крепость оказалась сильно укреплен-

ным городом, который так просто было не взять. Анастас был раздосадован — ему приходилось в этом случае почти открыто выступать на авансцену событий. Он возвращается в Корсунь и отсюда извещает князя о месторасположении городского водопровода. Владимир перекрыл доступ воды в город, и через несколько дней Корсунь сдалась.

Жители, не посвященные в хитросплетение политики властителей, ожидали разграбление города варварами, но ничего подобного не случилось. Владимир был необычайно милостив, и скоро горожане вернулись к мирной жизни.

Тем временем киевский князь принял крещение, и было решено, что в скором времени последует и крещение всей Киевской Руси. Анна выехала навстречу своему будущему супругу. Анастас стал духовником Владимира, которому отныне пришлось покончить с привольным образом вождя-язычника.

Он распустил свой гарем, насчитывавший более восьмисот наложниц, и выдавал их замуж за своих приближенных.

Отныне у него одна жена — Анна. И один Бог — Христос, который скоро станет богом всей Руси.

Слово Христово, его учения звучали на Руси и до Владимира. Считается, что впервые о новой христианской вере славяне услышали еще в I веке н.э. Именно в это время в земли северного и восточного Причерноморья из Сирии приходит с целью проповеди христианская миссия, руководимая апостолом Андреем Первозванным и включавшая апостолов Матфея, Варфоломея, Симона Зилоту и Иуду. Пройдя Причерноморье, апостолы, ведомые Святым Андреем по

пути, в дальнейшем названному «из варяг в греки», добрались до ильменских земель, а там, через Европу — по знаменитому «янтарному пути», по которому везли с берегов Балтики солнечный камень еще до зарождения средиземноморских цивилизаций, — вернулись в Рим. По одному из преданий, проходя мимо горы, на которой спустя несколько веков Кий заложит город своего имени, Андрей Первозванный обратил внимание на это место, предрек ему великое будущее и воздвиг на ней большой крест.

Пророчество святого сбылось, и имя гордого города было известно во всех четырех сторонах света. Как города сильного, прекрасного, богатого. Теперь же ему надлежало, по замыслу князя Владимира, стать и городом христианским, православным.

В Киеве возник первый храм — Десятинная церковь, в которую были переданы корсунские трофеи.

Владимир приказал сокрушить изображения прежних языческих богов — одни были изрублены, другие сожжены.

На месте «Перунова холма» была построена церковь Св. Василия, чье имя при крещении принял Владимир.

Владимир, сыновья и дружинники — все они крестились в одном источнике, получившем с этих пор название Крещатик.

После свержения изображений языческих богов по всему Киеву стали ходить митрополит и греческие священники, выступая перед горожанами с проповедью христианского учения. Знать крестилась, желая угодить своему князю, но простой люд колебался.

Чтобы заставить остальных горожан принять новую веру, Владимир приказал наутро всем собраться на

Днепре, предупредив, что любой, кто этого не сделает, станет его врагом.

Теперь большинство горожан, поняв невозможность дальнейшего сопротивления, придя к Днепру, вошли в воду. Туда же пришел и Владимир вместе с греческим духовенством. Массовый обряд крещения совершился.

Выбор новой религии дал князю нового союзника — Византию. Потому военно-политические последствия совершившегося были очень велики.

В 992 году Владимир пошел войной на восточнославянских хорватов, но поход так и не состоялся, поскольку началось нашествие на Русь печенегов.

Переправившись через приток Днепра — Сулу, печенеги устремились к Киеву. Но Владимир уже проведаль о нашествии и сосредоточил на реке Трубеж значительные силы. Здесь и произошло знаменитое событие, запечатленное в преданиях. Разойдясь по разным сторонам Трубежа, ни русы, ни печенеги не смели перейти на другой берег. Князь печенегов предложил выбрать с каждой стороны по одному богатырю, которые в поединке должны были выступить за целое войско. В случае победы руса предводитель печенегов обещал три года не воевать, а в случае победы своего богатыря подвергнуть Русь опустошительному нашествию. Владимир приказал разослать глашатаев по своему стану, чтобы найти такого богатыря, но сделать этого так и не удалось. Печенеги уже привели своего богатыря, а Владимир не знал, как ему быть, и снова стал искать человека в своем войске. В это время подошедший к нему старик сказал, что его младший сын, ос-

тавшийся дома, обладает огромной физической силой, и с самого детства его никто не мог повалить на землю. Когда Яна Усмешвеца привели к Владимиру, князь спросил его — сможет ли он одолеть печенега? Ян предложил испытать себя на огромном быке, к которому приложили раскаленное железо. В тот момент, когда разъяренный бык пробежал мимо Яна, тот схватил его рукой за бок и вырвал кожу вместе с мясом. Владимир теперь не сомневался в силе своего богатыря.

На следующее утро оба противника сошлись между войсками и стали бороться. Ян удавил печенега и бросил на землю. Русская рать бросилась на печенегов и погнала их далеко в степь. На месте поединка Владимиром был основан город Переяславль.

В течение 993—995 годов Русь не подвергалась нашествиям печенегов, и Владимир использовал это время для возведения вокруг Киева мощных оборонительных укреплений по течению рек — притоков Днепра. Главной базой его стал Белгород на реке Ирпень.

Небольшие крепости были возведены недалеко друг от друга, так чтобы из одной можно было различать сигнальный огонь, зажженный в ней и извещающий о приближении врага. На отдельных участках крепости соединялись земляными валами. Гарнизоны крепостей состояли в основном из людей, набранных в Новгородской земле.

Система оборонительных укреплений еще не была приведена в надежное состояние, а печенеги вновь пришли на Русь (996 год) и появились около Киева.

Узнав о появлении степняков у Василева, Владимир с небольшим отрядом двинулся туда. Его воины столкнулись с превосходящими силами неприятеля и бежали. Под Владимиром убили коня, и, не найдя другого, он спрятался под мостом и терпеливо дождался ухода врагов.

Князь обратился к Богу с молитвой о своем спасении и дал обет в случае избавления поставить в Василеве храм во имя Преображения Господня — в день произошедшего с ним случая. Печенеги ушли обратно в степи, даже не попытавшись взять Киева.

Война с печенегами привела к изменениям политики Владимира на южных рубежах Руси. Из наступательной она превратилась в оборонительную. Князь уже перестал мечтать о полном господстве в степях и полном закреплении на Черноморском побережье.

Осложнилось положение и на севере Руси. Весной и летом 997 года новгородские земли подверглись нападению отрядов норвежского ярла Эйрика. Главные события развернулись у ворот Новгорода и всей Руси — Старой Ладogi, которая была осаждена и после долгого сопротивления взята. Город был разрушен, множество народа перебито, угроза создалась в отношении Новгорода.

Владимиру пришлось собирать войска и идти в новгородские земли. Воспользовавшись отсутствием князя и его дружины, печенеги вновь перешли на Русь и осадили Белгород. Они рвались к Киеву, но Белгород, гарнизон которого был достаточно силен, задержал их набег, и печенеги начали его длительную осаду, после чего отошли.

Орды печенегов продолжали почти каждый год приходиться на Русь, и любое перемирие, заключенное с ними, было лишь временным.

Летом 1013 года русская земля подверглась нападению Польши и печенегов, вступивших в союз.

Но союз этот оказался непрочен — степняки рассорились с поляками, и Болеславу тогда не удалось завоевать червенские города.

Тогда польский король решил пойти на более сложную комбинацию, используя в своей игре пасынка Владимира Святополка. Он предложил Киевскому князю женить Святополка на своей дочери. Брак стал венцом мирных соглашений 1013 года, покончивших с войной.

Вместе с дочерью Болеслава на Русь приехал известный проповедник Колобжецкий епископ Рейнберн, прославившийся кровавой борьбой со славянами-язычниками Поморья. Рейнберн за короткое время сумел найти общий язык со Святополком, и тот начал готовить мятеж против князя Владимира. Узнав о заговоре, Владимир приказал заключить под стражу Святополка, его жену и самого Рейнберна. Все они находились в заточении в Вышгороде до самой смерти Киевского князя. Рейнберн же умер в темнице.

Так же как и отец, Владимир надеялся, что доверяя земли самым близким людям — сыновьям, — он не ошибается, и так для страны будет лучше. Жизнь докажет обратное. Но уже сформируется обычай, и его сын Ярослав, выйдя победителем из десяти лет усобиц между братьями, вновь раздаст Русь своим сыновьям. И его дети, и внуки, пытаясь лишиться окончательной власти над землями племен старых князей, раздавали ее

новым, раздробляя единое государство.

Владимиру до последних лет придется не только воевать с поляками, смирать печенегов, противодействовать вновь пустившейся в хитросплетения политике Византии, но и вновь приводить к покорности поднявших голову вятичей, завоевывать и присоединять земли северных племен — веси, мери и муромы (и строить там города Ростов и Муром).

Годы шли в трудах и заботах, для него — в основном в военных, ибо сыновья сидели по отдельным городам, но страна имела одну границу. И все ее стороны требовали сбережения и защиты.

Жена Анна, не вынеся печали и одиночества, скончалась в 1011 году. А через год князь удивил многих, женившись на немецкой графине-католичке, внучке германского императора Оттона I. Это ухудшило отношения с сыновьями, и спустя некоторое время — в конце 1014 года — один из них, Ярослав, сын Рогнеды, сидевший в Новгороде, отказался платить отцу и Киеву дань.

Владимир велел исправлять дороги и мостить мосты, собираясь в поход на непокорное чадо. Но выполнить задуманное не успел — напала внезапная болезнь, он быстро слабел и 15 июля 1015 года скончался.

ВОЙНОВИЧ МАРКО ИВАНОВИЧ

(? — 1807) — участник русско-турецких (1768—1774, 1787—1791) войн, граф, адмирал (1801)

Начал службу на флоте в 1770 году мичманом на корабле «Св. Георгий Победоносец», который был отправлен из Кронштадта в Средиземное море. Но уже на следующий год

Войнович командует поллакой «Ауза» и вместе с фрегатом «Слава» участвует в бомбардировке крепости Митилены.

1772 год. Военные действия продолжаются. И Войнович в заливе Лаго атакует турецкие суда — десять из них он сжигает, а три берет в плен. За заслуги он получает орден Св. Георгия 4-й степени. Затем в составе отряда капитана 1-го ранга Конеева он сражается в Патрасском заливе против турецких кораблей — и снова успех.

В 1773 году Войнович плавал в Сирию и Египет, а в следующем году участвовал в блокаде и взятии Бейрута.

В конце русско-турецкой войны 1769—1774 годов он производится в звание капитан-лейтенанта и вплоть до 1777 года плавает в Черном и Средиземном морях. Затем — перевод на Балтику, сначала командиром фрегата «Святой Марк», а потом на бомбардировочный корабль «Страшный».

С 1780 года он снова на юге в Астраханской флотилии, и в следующем году становится ее командиром. В том же году Войнович возглавляет экспедицию в Каспийское море. Под его началом было три фрегата, один бомбардировочный корабль и два пушечных бота. Целью экспедиции было укрепление на островах восточного берега и создание благоприятных условий для прокладки пути в Индию. Эта экспедиция успеха не имела и на следующий год вернулась в Астрахань.

В 1783 году Войнович был произведен в капитаны 1-го ранга и вновь возвратился на Черноморский флот.

1784 год принес первые неудачи — во время шторма, который сильно потрепал русскую эскадру, один фрегат затонул, «Мария Магдалина», занесенная в Босфор, досталась туркам, а остальные суда нуждались в ремонте. Следующий, 1785 год дает Войновичу шанс проявить себя как полководца — с этого года он возглавляет русскую эскадру. Но эта новая война складывалась для Войновича трудно. Во время сражения при Фидониси 3 июля 1788 года, командуя эскадрой из 36 судов, он вступил в бой с турецкой эскадрой, насчитывающей 49 судов. Своими нерешительными действиями Войнович никак не способствовал успеху, и только действия авангарда под командованием Ф.Ф. Ушакова принесли победу русской эскадре, полностью разгромив противника. Сам Войнович даже не преследовал отступивших турок и возвратился в Севастополь. Несмотря на то что за это сражение он получил орден Св. Георгия 3-й степени, его действия получили негативную оценку Г.А. Потемкина, который при выяснении разногласий между Войновичем и Ушаковым поддержал последнего. Это послужило причиной перевода Войновича на Каспий, а его место занял более решительный Ушаков.

В 1791 году Войнович был уволен от службы, но через несколько лет (в 1796 году) он возвращается на нее в должности члена Черноморского адмиральского управления. В том же году Войнович становится вице-адмиралом, а в 1801 году — адмиралом.

Затем он принимает Черноморское штурманское училище, до конца своих дней оставаясь его директором.

ВОЙТИШИЧ ИВАН
киевский воевода XII века

Об Иване Войтишиче известно, что он ходил за Дунай с ратью Владимира Мономаха в 1116 году. Этот поход был организован в наказание за убийство в Доростале зятя Мономаха, и во время похода были захвачены многие города.

При сыне Мономаха Мстиславе Войтишич участвовал в походе 1127 года против Давида Всеславича, который был выгнан из Полоцка. На место Давида Мстислав посадил своего брата Рогволода.

В 1139 году Войтишич ездил в Новгород в качестве посла князя Всеволода Ольговича.

В 1146 году на киевском престоле утвердился Игорь Ольгович. Зная о том, что киевляне не слишком желали видеть его в Киеве, Игорь Ольгович стремился привлечь к себе людей, пользующихся в городе почетом и уважением. Одним из таких людей был Иван Войтишич. Не желая прямо конфликтовать с князем, Войтишич и его сторонники поддержали Игоря, но сами тайно пригласили на княжение в Киев Изяслава Мстиславича. Когда тот подошел с войском к Киеву, Войтишич выступил ему навстречу с войском Игоря Ольговича, но в последнюю минуту перед сражением перешел на сторону Изяслава.

ВОЛКОНСКИЙ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ
(1753—1821) — участник русско-турецкой войны (1787—1791), князь, генерал-аншеф

Николай Сергеевич Волконский был потомственным военным. Именно он послужил прототипом Л.Н. Толсто-

му для создания образа старого графа Николая Андреевича Болконского в романе «Война и мир».

Волконский принадлежал к дворянскому роду и с молодых лет находился при императорском дворе. В 1780 году он в составе свиты императрицы Екатерины II присутствует при ее встрече в Могилеве с австрийским императором Иосифом II, а в 1786 году сопровождает императрицу в Тавриду.

Русско-турецкая война 1787—1791 годов застаёт его в чине бригадира. В 1788 году Волконский отличается во время штурма Очакова, командуя пехотой левого резерва. На следующий год он командует Софийским и Тверским конно-егерскими и двумя Донскими казачьими полками, а в 1790 году — Сибирским гренадерским и Витебским мушкетерским полками, с которыми и принимал участие в военных действиях до окончания войны.

После войны Волконский переводится на дипломатическую службу и в 1793 году отправляется в Берлин в качестве посла на бракосочетание наследного принца Фридриха-Вильгельма.

Выйдя в отставку, Волконский уезжает в свое имение, в котором и проживает до конца жизни.

ВОРОНЦОВ СЕМЕН РОМАНОВИЧ
(02.06.1744 — 28.06.1832) — граф (1760), участник русско-турецкой войны (1768—1774), генерал от инфантерии (1797), дипломат

Племянник канцлера императора Петра III Романа Воронцова и брат фаворитки императрицы, Семен Воронцов родился в 1744 году. В шестнадцать лет окончил Пажеский корпус и был

зачислен поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк.

Он прибыл к Румянцеву в чине премьер-майора. Командующий направил Воронцова к егерям. Здесь были собраны лучшие из лучших, и Воронцову было доверено возглавить их.

Егерский батальон Воронцова входил в авангард корпуса генерала Баура.

Самыми значительными в русско-турецкой войне (1768—1774) были победы русской армии при Ларге и Кагуле, — прежде всего они потрясли Османскую Порту и всю Европу, раз и навсегда утвердив мощь русского оружия в землях блистательного султана. Именно в этих сражениях и отличились более всего егерские роты Воронцова.

За Ларгу — уже подполковник 3-го гренадерского полка, в состав которого входили его егеря, в дальнейшем переименованного в гренадерский Екатеринославский, — Семен Воронцов награждается орденом Св. Георгия 4-й степени под номером «12» — «за оказанную храбрость при

овладении неприятельских ретранше-мента и батарей».

Через две недели был Кагул...

В пятом часу 21 июля 1770 года, под мерный грохот полковых барабанов, русские каре начали подступ к турецкому лагерю.

Согласно диспозиции главнокомандующего генерал-аншефа Румянцева, русская армия наступала четырьмя группами. Авангард генерал-квартирмейстера Баура (4 тысячи штыков) атаковал турок в охват левого флага их укреплений; дивизия генерал-поручика Племянникова (4,5 тысячи) должна была атаковать левый фланг турецкой позиции с фронта, в лоб; дивизия генерал-аншефа Олица (7,5 тысячи солдат) совместно с дивизией Племянникова также атаковала левый фланг турок; дивизия генерал-поручика Брюса (3 тысячи человек) и авангард генерал-поручика Репнина (5 тысяч пехоты) шли на правый фланг противника. Главные силы конницы (до 3,5 тысячи сабель) генерал-поручика Салтыкова двигались между дивизиями Олица и Брюса.

Последовавший бой потребовал от каждого предельного напряжения сил. Корпус Баура штурмовал боковые укрепления. После четверти часа ураганного артиллерийского огня главнокомандующий турецкой армией великий визирь Халильбей, под началом которого в этом сражении находилась 150-тысячная армия, бросил и против этого корпуса, как прежде против Олица, Репнина и Брюса, спагов — свою отборную конницу. Издавна турки лучше всего владели белым (холодным) оружием. Вот и теперь, когда они с криками и рвущим душу визгом на рысях пошли на сшибку, казалось, что их удар будет страшен. Но этого не про-

изошло — русская армия уже научилась обходиться с османскими конными лавами. Ружейный и орудийный огонь охладил наступательный запал спагов — их отогнали. Тогда они ударили русским в тыл, надеясь хоть этим задержать их наступление. Но Баур, оставив арьергард, лишь убыстрил движение своего каре. На подступах к укрепленной высоте русским преградили дорогу янычары, с которыми завязалась жаркая рукопашная, постепенно перемещавшаяся в глубь турецкой обороны.

Русские военачальники знали, что, как правило, османов хватает лишь на самый малый наступательный порыв, а долгое напряжение боя они не выдерживают. Вот и теперь: янычары стали все чаще оглядываться назад и наконец побежали. Укрепление пало, но отдыхать было еще рано.

Воронцов быстро понял суть — удар с фланга в центральный ретраншемент был действительно необходим, ибо события в середине наступающих русских порядков менялись стремительно.

Удар пришелся в угол правого фаса и фронта. Здесь были полки Астраханский и первый Московский. Едва передний ряд астраханцев успел выстрелить, как тут же был смят янычарами, ятаганами — ружей те в атаку даже не взяли — прокладывавшими себе дорогу внутрь каре. Турок было вдвое больше, чем солдат у Племянникова, и сейчас в рукопашном бою это фатально сказывалось: в несколько минут два угловых полка были смяты и расстроены. За ними та же судьба постигла Муромский, 4-й гренадерский и Бутырский полки. Строя больше не было. Каре оказалось разорванным пополам. В руках янычар уже два полковых знамени,

которые они срочно отправили к себе в лагерь, зарядные ящики. Русских быстро теснили к войскам Олица, наступавшего чуть-чуть сзади и немного левее Племянникова, и янычары сквозь разорванные ряды передового русского каре уже промчались перед фронтом главного отряда Румянцева, начиная с ним пока отдельные стычки.

Турки вывели на прорыв достаточно сил, но немало их оставалось еще и в ретраншементе. Поэтому они достаточно спокойно восприняли появление на фланге их укрепления небольшого отряда русских — батальона егерей. Разгоряченные общим успехом, они собирались также помолодецки расправиться и с этой жалкой кучкой гяуров. Но Воронцов, зная свои силы и увидев, что происходит перед турецким ретраншементом, решил действовать пока иначе. Расположив своих егерей рассыпным строем, он приказал открыть плотный ружейный огонь по янычарам, чтобы они не могли и поднять головы, одновременно выбивая защитников укрепления и прикидывая, откуда его лучше штурмовать.

В решающем же месте боя — у каре Племянникова — обстановка все обострялась. Наступала та минута сражения, когда особенно значимо усилие каждого на весах общего успеха. Еще один натиск турецкой пехоты — и тогда гибель русской армии станет неизбежной. Оторванная от баз, имея в своем тылу 80-тысячную конницу крымского хана, она вся поляжет здесь, вся без остатка.

Военачальники главного каре — каре Олица — во главе с Румянцевым несколько мгновений как зачарованные смотрели на появившуюся перед их фронтом яростную толпу

янычар во главе со своими знаменосцами. Но вот, наконец, и голос командующего, успевшего и сумевшего за несколько кровавых секунд принять единственное, ведущее к победе и спасению, решение:

— Отсежь турок от лагеря картечью! Лишить их подкреплений!

Начальник артиллерии генерал-майор Мелиссино бросился выполнять приказ.

— Салтыкову ударить во фланги и тыл!

И нарочные тотчас отправились к командиру русской конницы.

Вскочив на коня, он бросился к полкам дивизии Племянникова, отступающим в расстройстве:

— Стой, ребята!

Громкий знакомый голос заставил остановиться ближайших к нему. На них натыкались другие, и скоро вокруг Румянцева оказалось достаточно людей, вновь вспомнивших о своем солдатском долге, для того чтобы заново начать отбиваться от янычар уже грудь в грудь. Бой принял новое ожесточение, ибо турки, поняв, кто этот генерал, столь быстро вернувший своих солдат для боя, отчаянно рвались к нему. Отбиваясь от наседавших на него янычар, командующий продолжал руководить:

— Солдаты! Разбирайтесь по ротам! Становись в каре! Слышите? Наши уже рядом!

Помогали отбиться от турок и егеря: ведя плотный ружейный огонь, они раз за разом сметали с флангового фаса ретраншементов всех тех, кто пытался отбить их медленный, но неуклонный наплыв на укрепление. И вот уже почти никто из турок не рисковал высунуть головы из-за бруствера, а егеря тем временем прибли-

зились почти вплотную к валу. Крики неприятеля, переходившие временами в захлебывающийся вой, крики, доносившиеся со стороны схватки с каре Племянникова, лучше всякого сигнала сказали Воронцову — «Пора!» — и он повел батальон на штурм укрепления, доверившись штыку.

Как раз в этот момент 1-й гренадерский полк под командованием бригадира Озерова, отделившись от главного каре, в штыковой атаке опрокинул турецкую пехоту и пробился к Румянцеву. Пять минут гренадеры сдерживали янычар, с визгом и возгласами «Алла!» рвавшихся для последнего удара по разгромленному каре Племянникова. За эти пять минут, подчиняясь магии голоса и личного примера командующего, раздробленные, растерзанные полки заново построились и приготовились к контратаке.

Снова раздался призыв Румянцева:

— Солдаты! Товарищи! Вы видите, что ядра и пули не решили дела. Не стреляйте более из ружей, но с храбростью примите неприятеля в штыки!

С этими словами он подобрал с земли одно из многочисленных валившихся там ружей:

— Вперед! — и стальной еж каре со штыками-иголками быстро покатились на начинающих терять запал янычар. Тяжелая русская конница, на рысях пришедшая к месту сражения, ударила по туркам с тыла. Те побежали. Не отставая, пехота на плечах отступающих ворвалась в укрепление, где его защитников уже добивали егеря Воронцова. Многие из тех, кто еще пять минут тому назад торжествовал победу над гяурами, так и

не узнали, что в эти мгновения они были обречены, поскольку у них в тылу уже были русские снайперы.

По взятии этого укрепления османы почти и не сопротивлялись — началось повальное бегство. Турок долго и успешно преследовал кавалерийский отряд генерала Игельстрома. Уже у Дуная, когда неприятель, переполняя лодки, массами тонул, к реке вышел подоспевший в последнюю минуту корпус Баура, с ходу открывший ружейный и артиллерийский огонь. Егеря, как всегда, и на этот раз стреляли метко.

В этом бою именно роты Воронцова, взяв на штыки турецкое укрепление, отбили 40 орудий и два знамени, захваченные янычарами в ходе атаки на корпус Племянникова.

В ознаменование ратных заслуг Воронцов семнадцатым во всей русской армии получил орден Св. Георгия 3-й степени. Вскоре он был произведен в полковники и назначен командиром 1-го гренадерского (лейб-гренадерского) полка, которым командовал до своего выхода в отставку в 1776 году.

В 1788 году он поступил на дипломатическую службу и долгие годы был чрезвычайным российским послом в Лондоне.

В 1806 году он окончательно растался с государственной службой и вел частную жизнь. Умер на восемьдесят восьмом году жизни, пережив многое и многих.

ВОРОТЫНСКИЕ древний княжеский род

Происходит от черниговского князя Михаила Всеволодовича и его третьего сына Семена. Его правнук, Федор,

в середине XV века получил в удел город Воротынск — отсюда и пошла фамилия Воротынские.

Из потомков Федора особенно выдвинулся *Иван Михайлович* Воротынский, который первым из «верховских князей» перешел на русскую службу. Он «победоносный воевода», участвовал в XVI веке в войнах против Литвы и татар. В 1508 году отразил крымских татар, явившихся на Украину, и преследовал их до реки Рыбницы. В 1512—1513 годах Иван Михайлович участвовал в осаде города Смоленска, а в 1517 году отразил крымцев, неожиданно появившихся возле города Тулы. Правда, в 1521 году он попал в опалу, обвиненный в государственной измене, и смог освободиться от обвинений только в 1525 году. В период правления Елены Глинской Иван Михайлович опять был без причины обвинен, схвачен и умер в заточении в 1534 году.

Сын Ивана Воротынского, *Владимир Иванович*, участвовал в казанском походе и окончательном взятии Казани. Во время болезни царя Ивана IV он принадлежал к числу сторонников царевича Дмитрия и не побоялся вступить в спор с князем Владимиром Андреевичем, приглашая его принести присягу Дмитрию. Умер он в 1553 году.

Судьба еще одного представителя рода Воротынских, *Михаила Ивановича*, очень трагична. См. подробнее о нем ниже.

Остальные представители рода Воротынских, жившие в XVI веке, тоже пострадали от репрессий Ивана Грозного.

Род князей Воротынских пресекся в 1679 году, когда скончался *Иван Алексеевич* Воротынский, двоюрод-

ный брат царя Алексея Михайловича по матери.

ВОРОТЫНСКИЙ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ
(ок. 1510 — 1573) — князь, боярин, русский
воевода

В первой половине XVI века набеги крымских и казанских татар следовали один за другим. На каждый мирный год приходилось три-четыре года войны.

Огромные усилия, средства и человеческие ресурсы потребовались Российскому государству, чтобы создать оборонительную систему на южной границе. Постепенно различные пограничные укрепления соединялись в единый оборонительный комплекс — «засечную черту».

«Засечная черта» состояла из укрепленных городов, лесных и водных преград, фортификационных сооружений, прикрывавших большие дороги и открытые пространства, удобные для вторжений крымской конницы.

Российское государство не обладало в то время необходимыми средствами для того, чтобы надежно и полностью прикрыть весь тысячекilометровый рубеж обороны. Требовался умелый маневр наличными силами, полководческое искусство воевод, способных противостоять сильному, хитрому и коварному врагу. Пограничные войны с крымскими татарами требовали быстрых перемещений полков, обходных рейдов, дерзких вылазок в степь для перехвата отступавших с добычей ордынцев, упорной обороны укрепленных городов и речных переправ, организации разведки.

Пограничные воеводы были опытными и искусными полководцами. Наиболее известен из них Михаил Иванович Воротынский, составитель первого русского устава сторожевой службы.

Военная карьера Михаила Воротынского началась поздно. Попав вместе с другими Воротынскими «в опалу», Михаил, как и его братья, несколько лет провел в темнице. Но в 1543 году он уже служит воеводой пограничного города Белева. В 1544 году Михаил Воротынский упоминается в качестве воеводы Большого полка и наместника в Калуге, но участия в боевых действиях не принимает. Набег крымских татар на Рязань был отражен местными воеводами без помощи больших полков.

В середине 40-х годов воеводу Михаила Воротынского переводят на «Казанскую краину», куда переносит-

ся центр тяжести борьбы с татарами. В 1545 году воевода Михаил Воротынский стоял в Васильсурске, построенном в 1522 году в устье реки Суры. В 1547 году он был воеводой полка правой руки в войске, ходившем на Казань. В 1549 году, являясь «воеводой левой руки», стоит в Ярославле. В следующем году он служит наместником в Костроме, но уже в июле срочно отзывается в Коломну и идет с другими воеводами к Рязани стеречь крымцев.

«Приговор» 1552 года о казанском походе сообщает, что «в большом полку воеводы боярин князь Иван Федорович Мстиславский да слуга князь Михаил Иванович Воротынский». Следовательно, Михаил Воротынский занимает второе место в военной иерархии Российского государства.

Казанский поход готовился в сложной обстановке. Необходимо было учитывать возможность нападения крымского хана. Местом сбора войск была назначена Коломна, откуда можно было идти как на Казань, так и быстро перебросить полки на юг, на «крымскую краину». На Казань было решено идти, лишь получив достоверные сведения о намерениях крымского хана.

В начале июля русское войско по двум маршрутам — через Владимир и Муром и через Рязань и Мещеру — двинулось к Свияжску.

13 августа русское войско пришло в Свияжск. Получив боеприпасы, продовольствие, пушки, войско 17 августа начало переправу через Волгу. За два дня на судах и плотках были перевезены многие десятки тысяч воинов, тяжелые пушки, ядра и порох.

19 августа началась осада Казани. Казань была сильной крепостью. С двух сторон ее защищали речки Казанка и Булак. Лишь с Арского поля можно было идти на приступ, но за полем находился лес, из которого татары могли наносить удары в тыл русскому войску. Крепкие деревянные стены с пятнадцатью башнями и рвы глубиной до пятнадцати метров окружали столицу Казанского ханства. Город защищали тридцать тысяч татар и три тысячи ногаев. Кроме того, в Арском лесу находился почти тридцатитысячный отряд конницы князя Япанчи.

Русское войско осадило город со всех сторон. На Арском поле разбила лагерь большой и передовой полки. Левее, за речкой Булак, стоял Царский полк, в котором находилась ставка Ивана Грозного.

30 сентября был предпринят первый штурм Казани. Против Арских ворот взорвали подкоп. Воевода Михаил Воротынский повел воинов Большого полка на приступ. Была захвачена Арская башня, передовые отряды завязали бои на улицах города. Михаил Воротынский слал гонцов к царю, прося помощи и настаивая на общем штурме. Но другие воеводы оказались не готовыми к приступу, из города пришлось уйти. Тем не менее Арская башня осталась в руках ратников Большого полка.

Весь день 1 октября по городу били «большие пушки». Со всех сторон ратники несли к стенам города хворост и землю, заваливая рвы. Были закончены подкопы под Ногайские ворота и под стену неподалеку от Арских ворот.

В ночь с 1 на 2 октября Воротынскому стало известно, что казанцы

прознали о подкопах. Промедление грозило срывом всего плана. Воевода сумел убедить царя начать общий штурм раньше намеченного срока.

Сигналом к штурму послужил взрыв подкопов. Через проломы ратники Большого полка воеводы Михаила Воротынского ворвались в город. Преодолеть стены смогли и воины Передового полка. Другие штурмовые колонны успеха не добились, но отвлекли внимание осажденных. Ратники Михаила Воротынского уже сражались на улицах, когда противник смог подтянуть подкрепление против Большого полка. Казанцы смогли потеснить русских воинов, но в город уже вошла половина Царского полка — Иван Грозный откликнулся на просьбу о помощи и поддержал одного из лучших своих воевод.

Особенно упорно казанцы обороняли мечеть и ханский дворец. Но постепенно сопротивление ослабевало. После того как «царь» Едигер был взят в плен, шеститысячный отряд казанцев попытался вырваться из города, спустившись со стены к речке Казанке, но был встречен с противоположного берега пушечным огнем. Вскоре почти всех уцелевших защитников города пленили. Царь Иван Грозный в окружении своих воевод торжественно въехал в город.

После взятия Казани Михаил Иванович Воротынский был включен в состав «ближней думы» царя, но по-прежнему оставался воеводой. В 1553 году Михаил Воротынский вместе с князем Иваном Шуйским возглавлял Большой полк в Коломне. В 1554 году он стоит во главе русского гарнизона Свияжска. Весной 1556 года Михаил Воротынский уже на «Крымской Украине», во главе

Большого полка в Коломне, летом — с Большим полком «на устье Протвы», а осенью в Передовом полку в Калуге. Во время похода 1557 года в Коломну для отражения возможного набега крымцев Михаил Воротынский был «дворцовым воеводой» при царе.

В 1558 году началась Ливонская война, но Михаил Воротынский, хорошо себя зарекомендовавший в боях с татарами, был оставлен на «крымской краине». В июне бежавший из Крыма пленник сообщил о готовящемся походе крымского хана. В Калугу были выдвинуты войска, и первым воеводой Большого полка стал Михаил Воротынский. Им же он остается и в следующем году. В 1560 году Воротынский записан воеводой «на Туле», затем возвращен в пограничный Одоев, но вскоре вновь вызван в Тулу. В 1562 году, когда крымский хан Девлет-Гирей с пятнадцатитысячной ордой сжег посады Мценска, напал на Одоев, Новосиль, Белев и другие окраинные города, лишь умелые действия пограничных воевод, главным из которых фактически являлся Михаил Воротынский, позволили отогнать хана.

Тем временем Ливонская война затягивалась. Россия воевала на два фронта. Крымский хан Девлет-Гирей за двадцать пять лет войны предпринял не менее двенадцати больших походов, не говоря уже о не считанных мелких нападениях. «Украину» постоянно заслоняли десятки воевод с войсками, и на самом опасном участке, как правило, оказывался воевода Михаил Воротынский.

После 1562 года имя Михаила Воротынского неожиданно исчезает из разрядных книг. Причиной тому была опала, связанная с изменой князей

Вишневицкого и Бельского. Князя Воротынские были отозваны с южной границы и заключены под стражу, отчины их конфискованы. Александра Воротынского сослали в завожский город Галич, а Михаила с семьей — в Белоозеро.

В 1565 году Михаил Воротынский был возвращен из ссылки и назначен воеводой Большого полка. Ему возвратили Одоевский удел. Перед Земским собором 1566 года Воротынский вместе с князьями Мстиславским и Бельским руководил Боярской думой.

В 1567 и 1568 годах Михаил Воротынский, будучи воеводой полка Правой руки, стоит со своей ратью в Серпухове. Летом 1568 года князь получил под свое начало Большой полк, таким образом вновь возглавив оборону южной границы.

В 1670 году Михаилу Воротынскому была поручена реорганизация сторожевой службы.

Ему предстояло создать важнейший военный документ — первый русский устав сторожевой и пограничной службы. Воевода начал с изучения документов Разрядного приказа, касающихся пограничной службы на южной границе.

В самом начале 1571 года в Москву съехались опытные служилые люди, их подробно расспрашивали и ответы записывали. Одновременно на границу были посланы «станичные головы» с целью проверки постановки сторожевых застав.

После полуторамесячной напряженной работы был, наконец, одобрен и принят «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» — первый в истории России пограничный устав.

Пограничная служба состояла из двух основных элементов — сторожей и станиц. Сторужа представляла из себя постоянную заставу, за которой было закреплено тридцать—пятьдесят верст степной границы. На ней несло службу до десятка сторожей, часть из них находилась в удобном для наблюдения месте, а остальные по двое ездили по степи. Даже если крымцам удавалось незамеченными проскользнуть мимо дозора, их выдавали следы.

Подвижные сторожевые заставы — станицы — состояли из четырех-шести всадников, которые непрерывно ездили вдоль границы, отыскивая следы татарской конницы.

В 1571 году Девлет-Гирею удалось совершить успешный набег на Российское государство. Основные русские силы направлялись в поход на Ревель и потому не успели помешать крымскому хану. 40-тысячное крымское войско сожгло московские посады и Земляной город, начались пожары в Кремле. Но полного успеха Девлет-Гирею добиться не удалось. Полк воеводы Михаила Воротынского, стоявший на Таганском лугу, отразил все атаки татар.

В 1572 году Девлет-Гирей вновь привел свою орду к границам Российского государства. Хан вывел в поле всю свою орду — до 60 тысяч человек, не считая присоединившихся к его войску многочисленных отрядов из Большой и Малой Ногайских орд. Девлет-Гирей не без оснований надеялся на успех; он знал, что главные силы Руси находятся на западной границе.

В распоряжении «большого воеводы» Михаила Воротынского, на которого была возложена оборона всей

южной границы, оставалось не более 20 тысяч ратников, но воевода грамотно распорядился своими силами.

Не надеясь разбить хана в «прямом бою», Михаил Воротынский приложил все силы для укрепления берега реки Оки. Вдоль берега установили частокол, против бродов и переправ поставили пушки. Но для обороны всего укрепленного рубежа их оказалось слишком мало.

В ночь с 27 на 28 июля ногайская конница Тербердей-мурзы неожиданно захватила один из бродов, охранявшийся всего двумя сотнями дворян. Вслед за ногаями через Оку стала переправляться вся орда Девлет-Гирея.

Ногайская конница быстро продвигалась к Москве. Но Михаил Воротынский, понимая, что не смог преградить путь орде, принял смелое решение: задерживая фланговыми ударами продвижение хана к Москве, главными силами догнать татар и навязать им сражение. Хану удалось прорваться на серпуховскую дорогу, ведущую к Москве, но с тыла уже подходили русские полки.

Главное сражение с ордой состоялось при Молодях, в 45 верстах от Москвы. 28 июля полк Дмитрия Хворостинина разбил арьергард хана, возглавлявшийся его сыновьями. Девлет-Гирей направил против Дмитрия Хворостинина двенадцать тысяч крымских и ногайских всадников, но к Молодям уже успел прибыть с главными силами Михаил Воротынский. Он поставил передвижную крепость «гуляй-город», а Дмитрий Хворостинин заманил татар под огонь пушек и пищалей «гуляй-города».

30 июля состоялось еще одно большое сражение при Молодях. Русские полки отбили все атаки та-

тарской конницы. В плен был взят главнокомандующий ханского войска Дивей-мурза, в бою погиб предводитель ногайской конницы Тербердей-мурза.

2 августа хан Девлет-Гирей возобновил приступы. Он торопился: татарам была подкинута ложная грамота, будто бы на помощь Михаилу Воротынскому спешит новгородская рать.

К концу дня Михаил Воротынский, оставив в «гуляй-городе» воеводу Дмитрия Хворостинина с частью войска, сам незаметно вышел из укрепления и ложиной пробрался в тыл к ханскому войску. По условленному сигналу Дмитрий Хворостинин открыл сильный огонь из пушек и пищалей, а затем устроил вылазку. Одновременно на татар напали полки Михаила Воротынского.

Девлет-Гирей, думая, что появились подошедшие из Новгорода большие полки Ивана Грозного, в панике бежал.

3 августа на реке Оке русская конница разбила пятитысячный отряд, прикрывавший бегство Девлет-Гирея. Но самому хану все же удалось уйти.

Битва при Молодях оказалась последней битвой воеводы Михаила Ивановича Воротынского. По ложному доносу слуги в 1573 году Михаил Иванович был схвачен, пытан и умер по дороге в свое Белоозерское имение.

ВСЕВОЛОД ЮРЬЕВИЧ БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

(22.10.1154 — 13.04.1212) — великий князь

Владимирский (1176)

Сын Юрия Долгорукого. Получил прозвище Большое Гнездо за многодетность — 10 сыновей и 4 дочери.

С 1176 года Всеволод становится великим князем Владимиро-Суздальским.

Во время его княжения пределы княжества значительно расширились, благодаря ряду победоносных походов. Первым из них был на Рязань.

Из-за Рязани у Всеволода произошел конфликт с князем Святославом Всеволодовичем черниговским, некогда радушно приютившим его. Святослав вторгся в земли Всеволода, но потерпел поражение и должен был удалиться в Новгород. Через некоторое время (в 1182 году) князья помирились.

Затем Всеволод ходил походом на Волжскую Болгарию. Но этот поход был прерван из-за смерти любимого племянника Изяслава Глебовича, и, заключив в 1183 году мир, Всеволод возвращается во Владимир.

Через три года он вновь посылает на болгар войско, которое возвратилось с богатой добычей и пленниками.

В военных походах Всеволод привлекал на службу половцев. Полу-

чая от него деньги, половцы также не гнушались устраивать набеги на юг Владимиро-Суздальского княжества. Чтобы прекратить это, Всеволод в 1198 году пошел походом на половцев и погнал их от Дона до Черного моря.

В 1206 году князь Черниговский Всеволод Святославич (Чермный) выгнал сына Всеволода Ярослава из южного Переславля, и великий князь выступил в поход. В Москве к нему присоединился старший сын его Константин с новгородцами, а также муромские и рязанские князья.

Все были уверены, что двинутся на юг, но в это время Всеволоду донесли, что рязанские князья, которые дружат с князьями черниговскими, замыслили ему изменить во время похода.

Великий князь, позвав рязанских князей на пир, приказал схватить их и в цепях отправил во Владимир. Пронск и Рязань были взяты, последние рязанские князья с их семействами были выданы Всеволоду, который поставил в Пронске и Рязани вначале своих наместников, а потом и своего сына Ярослава.

Однако рязанцы не захотели иметь Ярослава своим князем, и Всеволод опять подошел к Рязани с войском. Приказав жителям выйти из города, он сжег Рязань, а жителей расселил в Суздальской земле. Подобной участи в 1208 году подвергся и Белгород.

Влияние Всеволода распространилось на Киев, Чернигов и Галич. Его могущество отразилось в «Слове о полку Игореве», где говорится о нем, что он может Волгу расплескать веслами, а Дон вычерпать шлемами. В княжение Всеволода продолжался расцвет культуры Владимиро-Суз-

дальского княжества: расширен Успенский собор во Владимире (1185 — 1189), построены Дмитриевский собор (1193 — 1197), Владимирский детинец (1194 — 1196) и Рождественский собор (1192 — 1195).

Г

ГАННИБАЛ ИВАН АБРАМОВИЧ

(05.06.1736/37 — 12.10.1801) — участник русско-турецкой войны (1768—1774), генерал-поручик (1778)

Старший сын «арапа Петра Великого» — Ганнибала Абрама Петровича (1697—1781), от второго брака.

С раннего детства был приписан на службу. Попал на флот после окончания кадетского корпуса.

В феврале 1769 года из подполковников артиллерии Ганнибал был назначен цейхмейстером морской артиллерии.

Во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов он принимал участие в морском походе в Архипелаг.

Адмирал Г.А. Спиридов в поисках надежного порта для русского флота на берегах Морейского полуострова нашел наиболее пригодной Наваринскую гавань и приказал майору князю Долгорукову овладеть ею.

Долгоруков не решился штурмовать хорошо вооруженную и защищенную многочисленным гарнизоном крепость. Тогда Спиридов поручил взять Наварин Ганнибалу.

Прибыв к Наварину с фрегатом и двумя кораблями, Ганнибал после обстрела крепости высадил отряд в триста человек, к которому присое-

динились добровольцы из числа греческого местного населения. Переправив корабельные орудия большого калибра на берег, Ганнибал устроил с западной и восточной сторон крепости батареи. Осада Наварина длилась 15 дней, и 10 апреля 1770 года крепость была взята. Ганнибал был назначен комендантом покоренной крепости.

Когда граф А.Г. Орлов решил оставить Морею и искать противника в море, Ганнибал, перевезя артиллерию на корабли, взорвал пороховые погреба и Наваринскую цитадель.

Во время битвы в Хиосском проливе 24 июня 1770 года Ганнибал возглавлял флотскую артиллерию. Кроме того, он готовил брандеры, которые в ночь на 26 июня взорвали весь турецкий флот, укрывшийся в Чесменской бухте.

Во время пребывания флота в Архипелаге Ганнибал командовал морской артиллерией, за что был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

7 декабря 1772 года он был произведен в генерал-майоры, а 10 июля 1775 года награжден орденом Св. Анны.

7 июля 1776 года Ганнибал был назначен генерал-цейхмейстером морской артиллерии, а год спустя стал членом Адмиралтейств-коллегии.

25 июля 1778 года он получил назначение на должность главного командира крепости Херсон, которую было решено создать на месте бывшего укрепления Александр-шанц. К возложенному на него поручению он отнесся со всей серьезностью и ревностно принялся за его выполнение.

Сформировав двенадцать рот мастеровых, он заготовил лесные материалы в верховьях Днепра и доста-

вил их на место. Наняв внутри России более пятисот плотников, Ганнибал в короткое время выстроил верфь и уже в августе заложил укрепленный город.

Благодаря его стараниям уже через три года существовал Херсон с дворцом, адмиралтейством, литейным домом, арсеналом, верфями, казармами и частными домами. В крепости был расквартирован гарнизон и 220 орудий. На верфи строились различные суда. В гавани находились военные и купеческие корабли. Ганнибал привлек в Херсон и его окрестности много выходцев из Греции и Италии. В городе основывались иностранные торговые дома.

1 января 1779 года Ганнибал был произведен в генерал-поручики с оставлением в должности генерал-цейхмейстера.

В 1780 году в знак признания его заслуг ему были пожалованы земли, а 21 апреля 1781 года Ганнибал был награжден орденом Св. Александра Невского.

16 мая 1783 года он получил орден Св. Владимира 1-й степени.

В феврале 1784 года Ганнибал вышел в отставку. Скончался в Петербурге 12 октября 1801 года и был похоронен в Александро-Невской лавре.

ГЕРБЕЛЬ РОДИОН (РУДОЛЬФ) НИКОЛАЕВИЧ

(1716 — 03.12.1780) — участник русско-турецких (1735—1739, 1769—1774) и Семилетней (1756—1763) войн, инженер-генерал-поручик (1770)

Родион Гербель родился в Швейцарии и еще в юном возрасте выехал вместе с отцом — известным архитектором петровского времени, в Россию.

В пятнадцатилетнем возрасте он был определен на службу в Инженерный корпус.

Во время русско-турецкой войны 1735—1739 годов Гербель участвовал в осаде Азова и в 1737 году был назначен флигель-адъютантом к генерал-лейтенанту Левендалю. В этой должности он принимал участие в штурме Очакова.

В 1738 году Гербель был переведен поручиком в Рижский драгунский полк и участвовал с полком в сражении при Ставучанах и при взятии Хотина. На следующий год он снова был определен в Инженерный корпус.

Произведенный в 1742 году в капитан-поручики, Гербель в составе посольства был отправлен на конгресс в Або, а затем оставался в Стокгольме до заключения мира со Швецией.

В 1750 году он был произведен в капитаны, а в 1755 году — в майоры.

Во время Семилетней войны 1756—1763 годов Гербель участвовал во всех сражениях — при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, Пальциге и Кунерсдорфе, при осаде и взятии Мемеля, Кюстрина и Кольберга (Колобжег), при взятии Кенигсберга и Берлина. За участие в осаде форта Плау 12 января 1758 года он был произведен в полковники.

В сентябре того же 1758 года Гербель отличился в сражении у Паскрутского поста, в котором благодаря его распорядительности и отчаянной храбрости его часть сумела быстро оттеснить с этой территории пруссаков. Потом все в том же году он отличился при подрыве шлюзов Фридрихстрабенского канала, который был полностью выведен из строя. За активное участие в кампа-

нии 1758 года он был произведен в чин полковника.

Следующий чин — генерал-майора — Гербель получил в 1762 году и тогда же за приведение в надлежащий вид финляндских крепостей был награжден орденом Св. Анны.

После войны Гербель был командирован в Нарву, а затем вернулся в Санкт-Петербург и с 1766 по 1774 год возглавлял инженерный корпус, занимая должность инженер-генерала.

Во время русско-турецкой войны 1769—1774 годов Гербель был командирован во 2-ю армию под командованием графа П.И. Панина, в задачу которой входила блокада Бендер.

Гербель укрепил лагерь под Бендерами и составил план осады этой крепости. Все осадные работы производились под его непосредственным руководством. Несмотря на многочисленную и хорошо обустроенную турецкую артиллерию, подходы к крепости велись искусно и быстро. Гербелю удалось также успешно бороться с контрминными подкопами противника. Впервые в практике осадных работ он применил действие усиленных горнов, что позволило спустя восемь недель овладеть крепостью.

14 сентября был взорван горн с четырьмястами пудами пороха, взрыв завалил крепостной вал и образовал своеобразный мост, по которому войска пошли на приступ.

После взятия крепости Гербель руководил работами по восстановлению укреплений, разрушенных в ходе осады.

Произведенный в генерал-поручики, он был награжден за свои труды при осаде Бендер орденом Св. Александра Невского.

В 1772 году Гербель работал на северной границе России, возводя там

защитные рубежи, и предпринял строительство более мощных укреплений российской столицы, заботясь о ее обороне в случае нападения неприятеля.

В 1774 году Гербель по состоянию здоровья вышел в отставку.

ГЕРМАН ИВАН ИВАНОВИЧ

(1740 — 09.06.1801) — барон (1796), участник русско-турецкой войны (1768—1774), генерал от инфантерии (1799)

Согласно одним сведениям, Герман был сыном саксонского деревенского кузнеца, по другим — происходил из лифляндских дворян. Также сведения о его образовании весьма различны. Согласно первой версии, он, изучив на родине богословие, отправился с рекомендациями в Лифляндию, где получил место дворецкого. Барин его, которому он заявил о своей страсти к военной службе, одобрил его намерение стать солдатом и добыл ему первый военный чин.

По другим сведениям Герман получил прекрасное образование в германских университетах, а в формуляре его значится, что он умеет говорить на языках — русском, немецком, латинском, французском, английском, знает математику, инженерные науки, философию, историю, натуральные права и политику.

О начале его военной службы в России известно, что 18 января 1770 года он «вступил на русскую военную службу из статских чинов «кондуктором 2-го класса» в инженерный корпус, а 24 ноября 1770 года «был переведен в генеральный штаб колонновожатым офицером».

Вскоре Герман обратил на себя внимание не только своими многосто-

ронными познаниями, но и как отличный и боевой офицер — инженер и топограф.

Герман участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 годов. Сражался при Ларге и Кагуле, а во время рекогносцировки на Дунае был ранен.

После выздоровления ему было поручено составление карты Молдавии и описание Валахии. По завершению этой работы он был назначен старшим квартирмейстером при корпусе графа Эльмпта в Польше.

В 1773 году Герман находился при особом корпусе на шведской границе, а затем был переведен в Оренбургский край на должность старшего квартирмейстера к генерал-аншефу А.И. Бибикову.

В 1774 году во время восстания Е.И. Пугачева он находился в числе усмирителей бунта, состоя в отряде князя П.М. Голицына и командуя авангардом. Участвовал в боях против пугачевцев при Татишевой крепости, у Сакмарского городка и других, за что 7 мая был произведен в обер-квартирмейстеры майорского чина.

В это же время Германом была составлена карта всего Оренбургского похода.

В 1775 году Герман получил от Екатерины II поручение составить план Царицынского загородного дворца близ Москвы.

В том же году он был послан секретным курьером в Астрахань и Кизляр для исследования края и персидской границы, где составил карту местности между реками Тереком, Кубанью, Доном и Волгой и написал журнал своего путешествия.

В 1776 году Герману было поручено определение границ земли войска Донского, что он исполнил в сле-

дующем году, составив также карту этой земли.

Произведенный 24 мая 1777 года в подполковники, Герман на следующий год был переведен из генерального штаба в действующие войска, а с 1778 по 1782 год служил в Кабардинском пехотном полку.

В этот период им было положено начало создания Кавказской линии — им было заложено 9 крепостей для защиты от набегов горцев на Волгу и Дон. Также им был составлен проект постройки Херсонской крепости, и строительство крепости ему же и было поручено. Закончив создание крепости в 1782 году, Герман получает чин полковника, а на следующий год он награждается орденом Св. Владимира 4-й степени и становится командиром Владимирского пехотного полка, расположенного на Кавказской линии.

Командуя полком, Герман постоянно участвовал в экспедициях против горцев и в 1784 году построил на Кубани крепости Преградный Стан и Прочный Окоп.

В 1787 году Герман получил в командование один из отрядов, входивших в состав Кавказского корпуса, и служил генерал-квартирмейстером.

Он принимал участие в военных действиях против горцев и в 1788 году отличился в боях у реки Лабы, Черных гор и у реки Мамы. Воюя против турок, Герман отличился в сражении при Анапе. Тогда же он составил карту Кавказа.

В апреле 1789 года он был произведен в бригадиры, а в феврале следующего года — в генерал-майоры. Он становится командиром бригады, состоявшей из Кабардинского, Владимирского и Казанского полков.

Получив известие, что турки под командованием сераскира Баталпаши следуют от Лабы к Кубани для набега на южные районы России, Герман выступает им навстречу и 30 сентября 1790 года наносит поражение в верховьях Кубани. Его добычей стал весь турецкий лагерь и вся артиллерия — 30 орудий, а также в плен был взят сам сераскир.

21 января 1791 года Герман был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

Покинув в 1791 году Кавказ, Герман некоторое время находился на Балтийском гребном флоте и строил порт и крепость в Роченсальме, а в 1792 году был назначен генерал-квартирмейстером в армию генерал-аншефа М.В.Кречетникова в Литве. Тогда же им была составлена карта Литвы.

В 1793 году Герман командовал корпусом правого крыла этой армии и за боевые заслуги награжден орденом Св. Анны, а в 1794 году командовал особым корпусом в армии князя Н.В. Репнина в Польше. За польскую кампанию Герман был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени.

План кампании, составленный Германом во время войны и увенчавшийся успехом, еще более укрепил за ним репутацию хорошего стратега.

В 1795 году Герман состоял в должности генерал-квартирмейстера при главной квартире князя Репнина.

В 1796 году Герман на короткое время уходит в отставку, возможно в связи с заболеванием, и в декабре 1796 года вновь возвращается на службу. Он назначается шефом Шлиссельбургского мушкетерского полка.

27 декабря 1797 года он был произведен в генерал-лейтенанты, а в

следующем году назначен генерал-квартирмейстером российской армии и награжден орденом Св. Александра Невского.

На этой должности он активно занимается изучением пограничных областей России, рассылая на границы офицеров для составления планов и карт местности. Он лично ездил летом 1798 года на юг России для принятия мер к укреплению Севастополя и берегов Черного моря.

Производившиеся под его руководством картографические работы обратили на него внимание императора Павла I, который стал видеть в нем «человека основательного и полезного для службы».

В 1799 году Герман был награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского и получил под свое командование один из корпусов, предназначенных для посылки в Италию против французов.

Император поручил Герману после соединения с корпусом Розенберга помогать ему своими советами, а в случае необходимости принять главное командование над обоими корпусами.

Павел I был такого высокого мнения о дарованиях Германа, что даже величайшего русского полководца хотел поставить под его контроль, и когда решено было послать Суворова главнокомандующим в Италию, он поручил Герману «иметь наблюдение за его, Суворова, предприятиями, которые могли бы повести ко вреду войск и общего дела, когда будет он слишком увлекаться своим воображением, заставляющим его иногда забывать все на свете». «Хотя он, — писал Павел I Герману, — по своей старости уже и не годится в Телемаки, тем не менее, однако же, вы буде-

те ментором, коего советы и мнение должны умерять порывы и отвагу воина, поседевшего под лаврами».

Герман ответил императору относительно своего тайного поручения: «В бою он (Суворов) любит глубокий строй, и я также предпочитаю это построение, с тем, однако же, различием, что, по моему мнению, оно должно быть приспособлено к параллельному боевому порядку, для уменьшения вреда, наносимого неприятельскою артиллериею».

Герману, однако, не пришлось сделаться ментором Суворова: вместо корпуса, посылаемого в Италию, он получил в командование другой корпус, предназначенный для совместных действий с английскими войсками против французов в Голландии.

31 августа 1799 года он достигает берегов Голландии и 2 сентября высаживается на берег. Войска, несмотря на утомленность после долгого морского путешествия, в тот же день быстрым маршем двинулись по сыпучему песку. Офицеры корпуса, решив узнать, сколько им предстоит пройти и где остановиться, получили от Германа ответ — остановиться можно «на плечах французов».

К 7 сентября собравшийся русский отряд соединился с англичанами, и герцог Йоркский, главнокомандующий объединенными силами, назначил датой сражения следующий день.

Герман не нашел нужным отсрочить столкновение с противником из-за усталости русских войск. Получив в командование первое отделение союзной армии, он рано утром, еще в темноте, двинулся вперед, без проводников и без материалов, для устройства переходов через реки и каналы.

Англичане выступили гораздо позднее и двигались медленно с большой осторожностью, поэтому они не смогли вовремя оказать Герману поддержки. Начав бой с французами в одиночку, русские войска выбили французов из трех ретраншементов, взяли несколько батарей, завладели тремя укрепленными деревнями и четырнадцатью пушками, захватив в плен около тысячи французов. Но затем удача им изменила. Французы воспользовались промедлением англичан и всеми силами ударили на русские войска, занявшие город Берген.

Герман дважды отразил противника, но, поняв, что в Бергене удержаться не удастся, дал приказ к отступлению из города. Начав отход, русские войска были атакованы французской кавалерией и пехотой. Русские ударили в штыки, но не могли осилить численно превосходившего противника. Герман вместе со всем штабом был взят в плен. Потери среди русских войск убитыми, ранеными и пленными были до трех тысяч человек.

Еще до получения известия о поражении Германа он был 24 сентября 1799 года произведен в генералы от инфантерии.

Когда же эта печальная весть достигла Петербурга, разгневанный император Павел I 27 сентября исключил Германа из службы «за дурной поступок». Герцог Йоркский и сам английский король Георг III выступили защитниками Германа перед Павлом I.

Герцог объяснял неудачу русских более всего их излишним воинским рвением. «Главное несчастье для нас, — писал он, — заключалось в потере храброго Германа, который пользовался уважением и доверием

войск. Останься он цел, он дал бы иной оборот сражению».

Французы также оправдывали Германа, приписывая его неудачу только тому, что англичане не поддерживали его своевременно.

Пленный Герман был отправлен в крепость Лилль. Французы были готовы обменять его на всех французских генералов, взятых в плен в Италии, но Павел I не согласился на это, и Герман пробыл в плену до заключения мира.

По возвращении из плена Герман представил рапорт с объяснением случившегося и 6 ноября 1800 года был снова принят на службу, но уже не получил никакого назначения.

События последних лет, да и не молодой возраст — более шестидесяти лет — существенно ослабили его здоровье, и 9 июня 1801 года Иван Иванович Герман скончался.

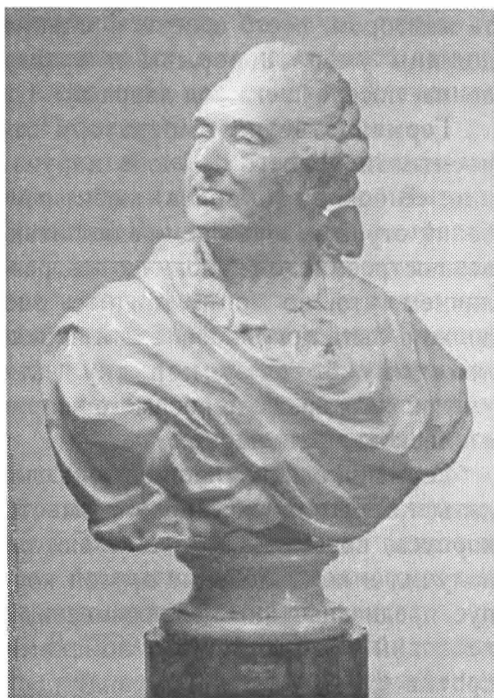
ГОЛИЦЫН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

(17.11.1718 — 11.10.1783) — князь, участник польской кампании (1734—1735) и русско-турецкой войны (1768—1774), генерал-фельдмаршал (1769)

Сын генерал-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына. Выбрав как и отец карьеру военного, Александр Голицын в возрасте семнадцати лет был отправлен за границу к принцу Евгению Савойскому, чтобы под его руководством изучить военное дело.

Свое первое боевое крещение он получил во время польской кампании (войны за польское наследство) 1734—1735 годов.

Вернувшись в Россию, он был определен по дипломатическому ведомству и в 1740 году в чине капитана отправлен в свите посла А.И. Румян-

цева в Константинополь. После выполнения этой миссии он был произведен в камергеры и назначен полномочным министром в Саксонию.

В 1744 году Голицын был произведен в чин генерал-поручика, а в 1757 году во время вступления России в Семилетнюю войну 1756—1763 годов вошел в состав русской армии, действовавшей против Пруссии.

В сражении при Кунерсдорфе 1 августа 1759 года Голицын командовал левым флангом боевого порядка русской армии и во время сражения был ранен. За боевые отличия он был произведен в чин генерал-аншефа и награжден орденом Св. Александра Невского.

В 1769 году Голицын был назначен командующим войск, расположенных в Ливонии.

С началом русско-турецкой войны 1768—1774 годов он назначается командующим войсками I-й армии, с которою двинулся к Хотину. Раз-

бив здесь сорокатысячный корпус Караман-паши 18 апреля 1769 года, Голицын не решился, однако, на штурм самой крепости и отступил за Днепр.

В июле того же года он снова подступил к Хотину, но уже в августе снова отступил. Нерешительность Голицына побудила императрицу Екатерину II отозвать его от армии и заменить П.А. Румянцевым.

До приезда Румянцева Голицын 29 августа одерживает победу над войсками великого визиря Молдаванчи-паши и занимает сначала Хотин, а затем и Яссы.

После возвращения в Петербург Голицын 20 октября 1769 года был произведен в генерал-фельдмаршалы, а после заключения Кючук-Кайнарджийского мира ему была пожалована шпага с алмазами и надписью «За очищение Молдавии до самых Ясс».

ГОЛИЦЫН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(1643 — 21.04.1714) — князь, участник чигиринских (1677; 1678) и крымских (1687; 1689) походов, сподвижник и любимец царевны-правительницы Софьи

Происходил из старинного княжеского рода. Получил прекрасное для своего времени домашнее образование, владел греческим и латинским языками.

С 1658 года служил при дворе Алексея Михайловича стольником, что позволило образованному и умному юноше быстро выдвинуться и получить звание боярина.

В 1676 году он был отправлен воеводой в Малороссию для «бережения городов» от набегов турок и татар. Голицын был участником чиги-

ринских походов. До 1681 года оставался на юге, осуществляя связь между царем и украинскими воеводами.

Вернувшись в Москву, Голицын принял деятельное участие в уничтожении местничества и в разработке вопросов по преобразованию войска. В результате его деятельности основой русской армии стали стрелецкие полки и полки «нового строя». В армии было введено единоначалие, и ее делами стали заниматься три приказа — Разрядный, Иноземный и Рейтарский.

Майский переворот 1682 года, поставивший царевну Софью во главе государственного управления, еще более упрочил положение Голицына. Он был поставлен во главе Посольского приказа, назначен был наместником в Новгороде, сделан ближним боярином и в 1684 году получил титул «царственныя большия печати и государственных великих посольских дел оберэгатель». Голицын в продолжение семи лет был фактически первым человеком в государстве.

Желая блеском военных побед упрочить свое положение, царевна Софья решила покорить Крым и во главе двухсоттысячного войска в 1687 году отправила туда Голицына. Ни первый поход, ни второй — 1689 года не увенчались успехом. Правда, во время похода 1689 года Голицыну удалось дойти до Перекопа и даже вступить в сражение с противником, но ему все-таки пришлось отступить, понеся большие потери.

Несмотря на это Голицын был щедро награжден и в 1687 и в 1689 годах.

Но в 1689 году правление Софьи было закончено. С началом царство-

вания Петра I Голицын был отправлен в вечную ссылку, в которой и скончался.

ГОЛИЦЫН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

(? — 1619) — князь, один из крупнейших деятелей Смутного времени

Василий Васильевич был воеводой в городе Смоленске, но в 1602 году его уже в Москве пожаловали в бояре. В декабре 1604 года Голицын первым воеводой Передового полка был отправлен против Лжедмитрия I.

Вскоре Голицын с частью войска перешел на сторону Самозванца, который назначил его главным воеводой в походе к городу Туле.

Василий Васильевич был недолго на службе у Лжедмитрия: уже в 1606 году он являлся одним из главарей заговора, в результате которого был свергнут Самозванец, и серьезным конкурентом Василия Ивановича Шуйского, избранного на царство. Будучи очень властолюбивым человеком, Голицын не мог оставаться подданным своего соперника. Он вел против него интригу, сидя в Москве в осаде, когда России угрожал Лжедмитрий II.

К 1610 году у Голицына было уже много сторонников, а как только умер Скопин-Шуйский, Василий Васильевич был даже объявлен кандидатом на трон. Но ему помешало взойти на престол противодействие других бояр.

В числе немногих бояр он был избран для заключения договора с гетманом Жолкевским о короле Владиславе и подписал договор, хотя сам мечтал о престоле. Гетман настоял, чтобы Голицын был отправлен в качестве посла к королю Сигизмун-

ду под город Смоленск. Здесь Василий Васильевич вместе с митрополитом Филаретом стойко защищал русские интересы, заслужив славу верного патриота. Уже в конце марта послы были заключены под стражу, а затем отправились вглубь Польши.

В 1618 году был заключен Деулинский мир, открывший Голицыну путь на родину, но он умер по дороге в город Гродно в 1619 году.

ГОЛИЦЫН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

(01.11.1675 — 10.12.1730) — князь, участник Северной войны (1700—1721), азовских (1695—1696) и персидских (1722—1723) походов, генерал-фельдмаршал (1725), президент Военной коллегии (1728)

Сын курского воеводы. Начал службу рядовым лейб-гвардии Семеновского полка, в котором до этого был барабанщиком.

Произведенный в 1694 году в прапорщики, Голицын участвовал с

полком в азовских походах и за боевые отличия получил чины поручика и капитана.

В 1698 году Голицын участвовал в подавлении восстания стрельцов, которые были разгромлены войсками Гордона и Шеина близ Воскресенского монастыря.

В следующем году принимал участие в Азовском походе Петра I.

Михаил Голицын был активным участником Северной войны 1700—1721 годов. В 1700 году он сражался под Нарвой, где был ранен.

В 1702 году при штурме Нотебурга Голицын командовал отрядом Семеновского полка. Шведы отчаянно сопротивлялись, и Петр, сомневаясь в возможности взятия крепости, уже послал Голицыну приказ отступить. «Скажи Государю, — отвечал тот посланному, — что теперь я принадлежу одному Богу». Его отряд продолжил штурм крепости, который увенчался успехом. За этот подвиг Голицын был награжден золотой медалью, деревнями и произведен в полковники.

В 1703 году Голицын находился при взятии Ниешанца, в 1704 году — брал Нарву, в 1705 году — Митаву.

На следующий год он был произведен в генерал-майоры. Голицын одержал 30 августа 1708 года блестящую победу при селе Добром над отрядом шведского генерала Росса и на поле сражения был награжден Петром орденом Св. Андрея Первозванного.

28 сентября 1708 года в сражении при Лесной Голицын участвовал в разгроме корпуса генерала Левенгаупта, сделав многое для победы над шведами. Петр I, ставший свидетелем его храбрости на поле боя, произвел его в генерал-поручики, пожаловал

ему свой портрет, усыпанный бриллиантами, и предоставил Голицыну право просить все, что он пожелает. Голицын воспользовался этим случаем и попросил царя простить князя А.И.Репнина, который был разжалован в рядовые за поражение при Головчине. Репнин был прощен.

В 1709 году в Полтавском сражении Голицын командовал гвардией и, преследуя с Меншиковым бежавших шведов, принудил их под Певелочной положить оружие.

В 1710 году он участвует во взятии Выборга, в 1711 году защищает Украину от крымских татар и бунтующих запорожцев, а затем участвует в Прутском походе.

С 1714 по 1721 год Голицын становится главнокомандующим войсками в Финляндии. В феврале 1714 года он разбил шведов при Лапио, за что был произведен в генерал-аншефы «за мужество и стойкость».

Затем Голицын участвовал в морском сражении при Гангуте, а 27 июля 1720 года одерживает блестящую победу над шведским флотом в Гренгамском сражении.

Во время похода Петра в Персию Голицын оставался командовать войсками в Санкт-Петербурге, а с 1723 по 1728 год он был командующим всеми войсками на Украине.

Уже после смерти Петра императрица Екатерина I в память боевых заслуг пожаловала Голицыну 21 мая 1725 года звание генерал-фельдмаршала.

20 сентября 1728 года Голицын был вызван в Санкт-Петербург и по указу императора Петра II назначен президентом Военной коллегии, занимая этот пост до 1730 года. Он также был сенатором и членом Верховного тайного совета.

В 1730 году, при восшествии на престол Анны Иоанновны, Голицын поддерживал позицию ограничения самодержавия, за что вместе в братом Дмитрием попал в опалу.

Удаленный от всех дел — государственных и военных, — он умер в Москве 10 декабря 1730 года.

ГОЛИЦЫН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (МЕНЬШИЙ)

(1681—1764) — участник Северной войны (1700—1721), генерал-адмирал (1756), президент

Адмиралтейств-коллегии, князь

Младший брат генерал-фельдмаршала князя Голицына.

Михаил Голицын указом Петра I был отправлен в Голландию в 1708 году для обучения морскому делу. Службу на флоте начал на голландских судах, на которых ходил в плавания в Испанию и Италию.

После своего возвращения в Россию в 1717 году Голицын участвовал в завершающем этапе Северной войны 1700—1721 годов и, командуя отрядом галер, отличился в сражении при Гренгаме 27 июля 1721 года.

В 1726 году еще в чине лейтенанта он был назначен советником Адмиралтейств-коллегии, а в следующем году сразу был произведен в капитан-командоры. В 1732 году был назначен президентом Юстиц-коллегии.

Во флот он вернулся в звании генерал-кригс-комиссара — ранг равный вице-адмиральскому.

Войдя в состав реформированной А.И.Остерманом Адмиралтейств-коллегии, Голицыну в 1737 году было поручено наблюдение за постройкой судов в Таврове на Дону. Он был отправлен на театр военных действий

с Турцией в Крымскую армию. Однако, пробыв здесь два года, он так и не смог ни выбрать места для верфей, ни вывести в море выстроенные еще до него на Дону прамы и галеры. Деятельность его выразилась в постройке одних ботов и лодок, о типе которых шла всю войну бесконечная переписка с Адмиралтейств-коллегией.

После окончания войны Голицын был отстранен от должности генерал-кригс-комиссара и вскоре получил новое назначение на должность астраханского генерал-губернатора.

Вступление на престол Елизаветы Петровны приблизило его ко двору, как старшего из оставшихся в живых представителей рода князей Голицыных.

Определенный в начале в сенат, он был произведен в действительные тайные советники с назначением послом в Персию, а затем в 1746 году вновь переименован в адмиралы.

После возвращения в 1748 году в Россию Голицын стал возглавлять главное командование над флотом.

Уже престарелый, больной и совершенно чуждый строевому флоту, не понимавший причин его упадка, Голицын в основном осуществлял строительные работы. При нем был устроен канал в Кронштадте, облицован камнем Петербургский галерный порт и построен в столице Никольский морской собор.

Назначенный перед началом Семилетней войны 1756—1763 годов генерал-адмиралом, Голицын уже не мог принять командования над флотом из-за болезней.

Уволенный от службы при Петре III, Голицын был восстановлен в своем звании Екатериной II, но глубокая старость не позволила ему продолжить службу.

Два года спустя после восстановления на службе Михаил Михайлович Голицын скончался.

ГОЛОВИН АВТОНОМ МИХАЙЛОВИЧ

(1667—1720) — участник Северной войны (1700—1721), сподвижник Петра I

Служить начал комнатным стольником при малолетнем царе Петре I, а затем помогал юному Петру в создании регулярной армии.

В 1695 году Головин был уже в звании генерала и являлся полковником лейб-гвардии Преображенского полка.

В 1696 году участвовал в военном походе к Азову в качестве командира дивизии и принимал самое активное участие в овладении этой крепостью.

В 1700 году он сформировал восемь пехотных полков и один драгунский, составивших дивизию. Затем, приняв командование этой дивизией, Головин в том же году был отправлен под Нарву.

Составленная из одних рекрут, дивизия не выдержала столкновения с регулярным и испытанным в боях шведским войском. Разгромив дивизию, шведы взяли в плен и ее командира. Головин был отвезен в Стокгольм, где находился в продолжение восемнадцати лет.

Петр, высоко ценя военные таланты Головина, несколько раз пытался его выменять, но Карл XII отказывался, и лишь в конце 1718 года удалось обменять Головина на графа Реншильда.

После своего возвращения в Россию в январе 1719 года Головин был награжден Петром орденом Св. Андрея Первозванного.

Но он уже не мог быть полезным своему Отечеству — изможденный тяжелым пленом, Автоном Михайлович Головин умер в 1720 году.

ГОЛОВИН ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

(1672—1737) — участник Северной войны (1700—1721), адмирал (1737), главный кораблестроитель русского флота при Петре I

Иван Михайлович Головин в 1697 году был отправлен в Голландию для обучения корабельному делу. Там он осваивал эту науку вместе с царем Петром на ост-индской верфи в Амстердаме.

В 1701 году Головин снова был послан за границу — в Венецию — для изучения строительства галер.

После возвращения в Россию он был направлен на службу в русскую армию.

Северная война 1700—1721 годов позволила Ивану Михайловичу быстро продвигаться в чинах. Принимая самое активное участие в боях со шведами, он уже к 1712 году достигает звания генерал-майора.

В Гангутском сражении 1714 года Головин командовал отрядом из девяти судов, а в сентябре с тем же отрядом, произведя высадку десанта на шведский берег, сжег город Умео и истребил несколько судов неприятеля.

На обратном пути отряд Головина попал в сильный шторм, во время которого было разбито сначала четыре судна, а затем еще одно при подходе к берегу.

В 1715 году Головин командовал восемью галерами и, находясь в авангарде флота, был взят в плен шведами, но вскоре возвращен путем обмена пленными.

В 1717 году он был назначен главным кораблестроителем, с подчинением ему всех служб, задействованных в постройке судов.

В мае 1720 года Головину было поручено руководство Петровским якорным заводом, а в июне он был назначен камер-советником в Адмиралтейств-коллегию.

В 1721 году он участвовал в персидском походе Петра I.

В 1725 году уже после смерти Петра он был назначен генерал-кригс-комиссаром флота и пожалован орденом Св. Александра Невского.

В июле Головин становится членом Адмиралтейств-коллегии.

В 1730 году Головин стал полным генералом, а через два года, в 1732 году, он был переименован в адмирала и назначен командиром галерного флота.

ГОЛОВИН ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ

(1650 — 03.07.1706) — граф, генерал-адмирал (1699), генерал-фельдмаршал (1700), дипломат

Федор Алексеевич Головин был одним из ближайших соратников Петра I.

Во время правления царевны Софьи Головин был отправлен на Амур для защиты территории от китайцев.

27 августа 1689 года им был заключен известный Нерчинский договор, по которому границей между Китаем и Россией были признаны реки Аргунь, Гозбица, впадающая в Шилку, и Становой хребет. Значительные уступки, сделанные Головиным при заключении договора, объяснялись невозможностью в то время вести с Китаем серьезную войну.

Во время первой поездки Петра I за границу в 1697 году Головин, состоявший в то время наместником

Сибири, был назначен одним из трех послов «великого посольства». На долю его, кроме представительства и переговоров, достались все заботы о распределении молодых людей, посланных для учебы за границу, по учебным заведениям, а также приглашение иностранных мастеров и иностранных офицеров на русскую службу, закупки материалов для строительства российского флота и многие другие обязанности.

После возвращения из-за границы, с учреждением в декабре 1698 года в Москве Приказа военно-морского флота для заведования служащими на флоте иностранцами, Головин возглавил управление этим приказом. Кроме того, в его ведении был и монетный двор.

После смерти первого русского адмирала Франца Лефорта 10 марта 1699 года Головин был пожалован кавалером вновь учрежденного ордена Св. Андрея Первозванного, а в апреле того же года чином адмирала. В этом звании он командовал первой русской эскадрой в Азовском море, состоящей из десяти кораблей

и двух галер, имея флаг на корабле «Скорпион».

Эскадра провожала в Керченский пролив корабль «Крепость», на котором отправлялось в Константинополь украинское посольство.

В 1701 году Головин стал во главе основанной в Москве, в Сухаревой башне, Навигационной школы.

С 1699 по 1706 год он возглавлял посольский приказ, стоя во главе русской внешней политики. Он вел обширную дипломатическую переписку и руководил действиями русских послов.

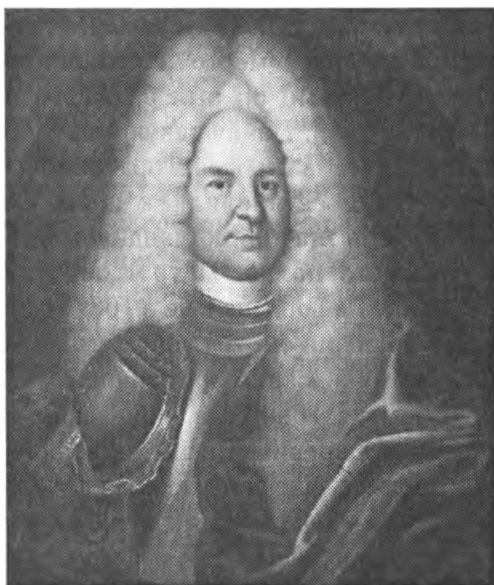
Петр I высоко ценил ум и способности Головина, выделяя его из среды современников. Федор Алексеевич сразу стал ярким сторонником преобразований, проводимых Петром в России, и много сделал для их успеха. Он многому учился сам и помогал в учебе другим.

Извещая в письме о смерти Федора Алексеевича Головина, царь подписал его «печали исполненный Петр».

ГОРДОН ПЕТР ИВАНОВИЧ (ПАТРИК ЛЕОПОЛЬД)

(21.03.1635 — 29.11.1699) — участник азовских походов (1695—1696), генерал-майор (1678), генерал-лейтенант (1683), военный инженер

Родившись в Шотландии, Гордон был дворянином-католиком. Покинув родину в шестнадцатилетнем возрасте, он поступил в Браунсбергскую коллегию в Данциге, которую успешно окончил в 1655 году. Затем он служил в шведских войсках. Во время сражения за Варшаву он был взят в плен и перешел на польскую службу. Русский посол в Варшаве Леонтьев, обратив внимание на талантливого молодого офи-

цера, уговорил его перейти на русскую службу, и с 1661 года Гордон начинает служить в российских войсках в чине майора.

2 октября Гордон прибыл в Москву, был зачислен в Иноземный приказ, а через четыре года переведен в полк иноземного строя Крауфорда в чине подполковника.

В 1668 году он по «государевым делам» был послан в Англию.

Вернувшись в Россию, Гордон был направлен для прохождения службы на Украину, где отличился в усмирении бунтовавших казаков.

В 1677 году Гордон принимал участие в Чигиринском походе, во время которого проявил себя как отличный специалист по устройству укреплений при Бужинской переправе. На следующий год он отличился при обороне Чигирина, за что был произведен в чин генерал-майора.

Затем он был направлен в Киев, где занимался устройством укреплений города.

В 1683 году Гордон получил звание генерал-лейтенанта, но после

разногласий с В.В. Голицыным, занимавшим первое место в правлении царевны Софьи, он был разжалован в прапорщики. Найдя такую меру наказания весьма суровой, Гордона вскоре снова восстановили в прежнем звании и назначили командиром 2-го Бутырского полка. Петр I обратил внимание на Гордона еще в 1687 году, когда во время смотра войск его полк был признан одним из лучших.

События 1689 года, приведшие к падению царевны Софьи и воцарению Петра I, еще более сблизили царя и Гордона — Бутырский полк одним из первых перешел от Софьи на сторону Петра.

Как только в Немецкой слободе была получена грамота с предписанием всем иноземным офицерам явиться в Троице-Сергиеву лавру, где находился в то время Петр, Гордон как старший из иностранных офицеров сразу принял решение следовать с полком к Петру. Правда, он поставил в известность о своих действиях князя Голицына, как того требовала служба. Голицын решил задержать Гордона, сказав, что должен сообщить о грамоте царевне, но Петр Иванович ответил, что когда царю и его семейству грозит опасность, то начальник должен исполнять долг присяги, хотя бы он и не получил на это приказ от высшего (Голицына) начальства. Не дождавшись до вечера ответа от Голицына, Гордон со своим полком и всеми иноземными офицерами отправился в лавру, куда и прибыл на другой день. Его решительные действия привели к тому, что Петру I удалось захватить власть без кровопролития, и между царем и Гордоном с тех пор возникли доверительные, можно сказать дружеские

отношения. После прихода в лавру Петр Гордон становится во главе всех военных начинаний царя Петра.

Гордон не только делился с царем своими знаниями военной науки, но и постоянно совершенствовал их. Он много читал различных военных сочинений по артиллерии, фортификации, устройству и образу действий войск в европейских государствах. А свои занятия с царем Гордон вел по специфической разработанной им методике. Он вел с царем беседы на различные военные темы, попутно рассказывая об устройстве армий в разных странах Европы, о новом вооружении или о различных стратегиях и тактиках, применяемых знаменитыми полководцами. Затем они переходили к практическим занятиям, во время которых Петр I отрабатывал приемы владения различным оружием и навыки построений войск. В учениях также принимали участие и «потешные полки», которые вместе с царем и под его руководством овладевали воинской наукой. На этих учениях особое внимание Гордоном обращалось на стрельбу в цель и на действия гренадер, роту которых он завел в своем полку.

Учения отдельных полков перешли затем в учение всех выборных полков, а отдельные упражнения пехоты — в совместные упражнения пехоты и конницей.

Венцом занятий Гордона с Петром были маневры. Самые значительные — Кожуховские — состоялись в 1694 году.

В 1695—1696 годах Гордон принимал участие в осаде Азова, где руководил всеми осадными работами.

В 1698 году Гордон принимал активное участие в ликвидации стре-

лецкого бунта. Отряд под его командованием, состоящий из «потешных полков» и выборных солдатских полков, 18 июля разгромил стрельцов у Вознесенского монастыря.

ГРЕЙГ САМУИЛ КАРЛОВИЧ (СЭМЮЭЛЬ)
(30.11.1735 — 15.10.1788) — участник Семилетней (1756—1763), русско-турецкой (1768—1774) и русско-шведской (1788—1790) войн, адмирал (1782)

Шотландец по происхождению, родился в семье капитана торгового судна. Окончил приходскую школу и в 1750 году поступил на службу в английский флот. Участвовал в сражениях во время Семилетней войны 1756—1763 годов, а после ее окончания в 1764 году в чине лейтенанта с разрешения короля Георга III перешел на русскую службу. Он получил чин капитана 1-го ранга, но с условием, что первый год на русской службе будет плавать в звании волонтера под командованием адмирала Полянского.

В течение двух лет Грейг плавал в Балтийском море, командуя различными кораблями. За это же время он разработал и применил новый способ вооружения судов и предложил для покрытия подводной части строящихся кораблей состав, изобретенный им лично.

В начале русско-турецкой войны 1768—1774 годов Грейг, произведенный в капитаны бригадирского ранга, на корабле «Три иерарха» вошел в состав эскадры адмирала Г.А. Спиридова, следовавшей в Средиземное море.

У берегов Морей Грейг в 1770 году участвовал в осаде Модона, затем у берегов Малой Азии в Хиосском сражении командовал флагманским кораблем. В том же 1770 году Грейг фактически руководил боем при Чесме, в котором был уничтожен турецкий флот. Официально он был советником графа А.Г. Орлова по вопросам морских операций, в которых тот был мало осведомлен. Орлов имел звание главнокомандующего и держал свой флаг на корабле Грейга.

Победа в Чесменском сражении доставила Грейгу орден Св. Георгия 2-й степени и сделала его потомственным русским дворянином.

В том же году Грейг участвовал в осаде крепостей на островах Лемнос и Парос, а в течение следующего года, командуя кораблем «Саратов» и отрядом других судов, он ходил к острову Тассо и ликвидировал турецкие склады на европейском берегу у города Орифанто.

Грейг участвовал в блокаде Дарданелл и осаде крепости на острове Митилена, где сжег два строившихся турецких корабля и галеры.

В 1774 году Грейг был назначен начальником эскадры (4 корабля и

2 фрегата), отправлявшейся из Кронштадта на усиление русской эскадры в Архипелаг, куда он уже прибыл после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

В 1775 году Грейг доставил в Санкт-Петербург на флагманском корабле «Исидор» захваченную Орловым самозванную дочь Елизаветы Петровны княжну Тараканову. Самозванка пользовалась поддержкой влиятельных европейских кругов, враждебных императрице Екатерине. Императрица тогда же повелела объявить Грейгу «свое благоволение и ободрить милостями, и что служба его не забудется». Он получил чин вице-адмирала и стал начальником Кронштадтского порта. На этом посту он проявил себя талантливым судостроителем и инженером.

В 1775—1776 годах Грейг командовал эскадрой у Красной Горки.

За особые заслуги в деле строительства российского флота и боевые отличия в 1782 году он был произведен в адмиралы. В том же году он был избран членом Лондонского королевского общества и почетным академиком Петербургской академии наук.

В 1788 году Грейг был назначен командовать эскадрой, снаряженной для отправления в Средиземное море, но начавшаяся русско-шведская война 1788—1790 годов заставила оставить флот на Балтике. Грейг был назначен командующим флотом для обороны Кронштадта и Санкт-Петербурга.

6 июля 1788 года Грейг атаковал шведский флот у острова Гогланда, взял в плен корабль «Принц Густав» с вице-адмиралом Вахтмейстером и заставил противника спешно

укрыться в Свеаборге. Во время сражения Грейг применил тактику ведения боя, принятую в то время многими флотами, которая заключалась в сохранении правильного строя. Несмотря на то что такая тактика уже изживала себя, он в Гогландском сражении проявил твердость своего характера и энергию. Стремительно идя в атаку на шведские корабли, ему удалось сорвать план противника, заключающийся в уничтожении русского флота и прорыву к Санкт-Петербургу.

Затем при блокаде шведского флота под Свеаборгом Грейг захватил и сжег корабль «Густав-Адольф».

За победу при Гогланде Грейг был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и получил «похвальный лист» от Адмиралтейств-коллегии.

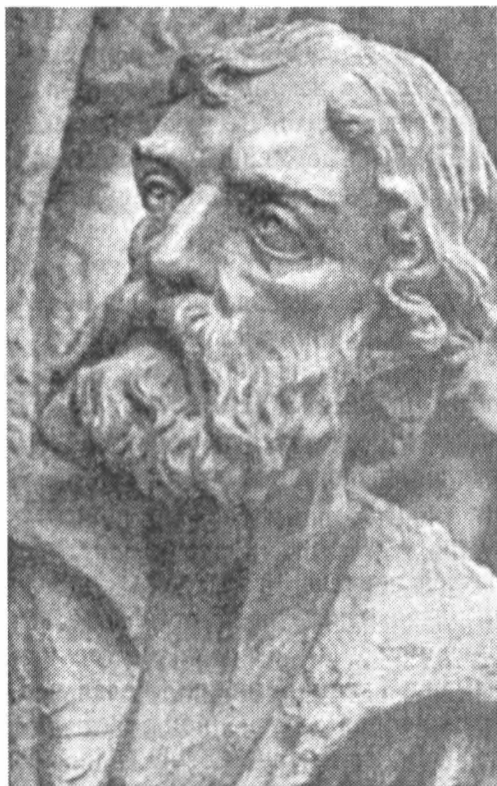
В октябре 1788 года Грейг тяжело заболел и на борту корабля «Ростислав» «для лучшего спокойствия больного» был отправлен в Ревель. 15 октября 1788 года на этом же корабле Грейг скончался. Он был похоронен в Ревеле в гробнице из белого мрамора, сооруженной по приказу Екатерины II.

Достоинным продолжателем его славных дел стал его сын — адмирал Алексей Самуилович Грейг.

Историк флота Ф.Веселаго так оценил деятельность Самуила Карловича Грейга: «Ему, кроме славных побед над турками и шведами, русский флот обязан введением полезных усовершенствований в морском и боевом вооружении и управлении судов, в улучшении портовой и адмиралтейской деятельности и образовании многих превосходных офицеров».

Д

ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ ГАЛИЦКИЙ
(1201—1264) — князь Галицкий (в 1211—12 и с 1238) и Волынский (с 1221)

В лихолотное время — в XIII веке — жил князь Даниил Романович Галицкий. Жил и действовал не во благо свое, но державное, и потому добрая память осталась о нем в веках, перейдя из памяти народной в летописи, а оттуда — вновь в общую память. Даниил родился в первый год нового века — в 1201 году — в Волынской земле.

Отцом его был Роман Мстиславович, о котором современник-русич писал, что «он ходил по заповедям Божиим, побеждал поганых язычни-

ков, устремлялся на них, как лев, гневен, как рысь, губителен, как крокодил, пролетал по их земле, как орел». Решительный и смелый, реальный политик и сын своего смутного времени, он воспользовался первой же возможностью, чтобы захватить Галицкое княжество, лежавшее между землями Польши, Венгрии и Руси. Отдаленность от центра диктовала галицким князьям независимую политику. За княжество-перепутье, княжество-средоточие стоило бороться. Долгие годы длилась эта борьба — Роман погиб в бою в 1205 году, но погиб князем Галицким.

После смерти отца четырехлетний Данила был изгнан боярами из Галича, долго жил в Польше и Венгрии, вернулся на родную землю лишь в 1219 году, но не самостоятельным князем, а воеводой Мстислава Удалого, отвоевавшего Галич у венгров. Однако и в те годы еще продолжалась борьба с венграми за Галицкое княжество. И достойным помощником князя Мстислава стал юный воевода.

Во время осады Галича венгерским полководцем Фильнием вместе с народным ополчением Данила держал оборону города до тех пор, пока князь не приказал ему двигаться на соединение со своим войском. Вот здесь, пожалуй, впервые проявился полководческий дар Даниила Романовича. Он сумел столь успешно провести ночной прорыв сквозь кольцо осаждавших, что русские почти не понесли потерь. Объединив силы, Мстислав Удалой разбил венгерское войско.

В 1221 году князь Мстислав помог Даниилу закрепиться на Волыни, и стал тот князем Волынской земли. А на пороге стояла новая беда: к

Руси подступили монголо-татарские полчища. Половцы обратились за помощью к недавним своим врагам — русским князьям, которые, собравшись на совет, вместе решили: «Лучше нам встретиться с врагами на чужой земле, чем на своей». Объединенное русское войско вместе с половцами вышло в поход и подошло к берегу реки Калки.

Летопись рассказывает, что молодой Даниил Романович, услышав о близости неведомого доселе врага, вскочил на коня и с несколькими такими же храбрецами поскакал «увидеть невиданные рати».

Грянула битва. Князья и дружины, как всегда, бились храбро. И, как всегда, князья бились впереди дружин. И почти впереди всех — Даниил. Он врезался в неприятельский строй и яростно рубился, не замечая «по молодости и горячности своей» того, что ранен в грудь. Но не было единства в русском войске, и это обернулось поражением. Началось отступление, а затем и бегство. Тогда и молодой князь «обратил коня своего на бег». И лишь у реки, намереваясь напиться, почувствовал рану, которой не замечал.

Битва на Калке показала весь ужас усобиц, но тлен уже слишком глубоко зашел в души властителей, и они ничему так и не научились. Вновь — из года в год — продолжались братоубийственные войны. Участвовал в них и Даниил. Но поскольку земли его были на границе некогда единой Руси, то чаще он обнажал меч на врагов русской земли.

Через шесть лет после Калки Даниил пошел воевать в Польшу, помогая князю Конраду. Поход был удачен и почти бескровен. А на об-

ратном пути Даниил завернул в Галич. К тому времени умер его покровитель и тесть, князь Мстислав Удалой. Галицкое княжество вновь захватили венгры. Правивший Галичем ставленник венгерского королевича, боярин Судислав, воспользовавшись отсутствием князя Даниила, начал захватывать его земли.

Даниил осадил город. По его зову, признавая в нем властителя, стекался народ из всей Галицкой земли — от Боброка до Ушицы и Прута. Подобное единодушие заставило венгерского царевича и Судислава сдаться. Показательно, что последнему при уходе из города все дружно кричали: «Вон, вон, мятежник земли!»

Королевич не желал смириться с потерей княжества, собрал большое войско и двинулся к отвергшей его земле. Предпринятая венграми осада не удалась, и пришлось им по раскисшим от дождей дорогам ретироваться обратно.

Однако чего не смогли добиться внешние силы, сделала внутренняя измена. Галицкие бояре, желая неограниченной собственной власти над городом, навели венгров на Галич. На этот раз поход возглавил сам венгерский король. Даниил был вынужден уйти в Киев к своему союзнику князю Владимиру. Вместе с ним и с половцами он дважды разбил короля и двинулся на Галич.

Город попал в стальное кольцо осады, которая длилась девять недель — Даниил ждал заморозков, чтобы по льду перейти Днепр. В стане осажденных начался голод. Умер посаженный на престол города отцом королем венгерский королевич Андрей, и тогда все галичане решили на вече звать к себе Даниила. Но если

бы это был конец смуте! Прошло еще долгих семь лет, прежде чем князь въехал в город как правитель.

Казалось, можно отложить меч. Но на Русь двинулись полчища Батыя. Галич и Волынь разделили трагические судьбы других городов Руси.

Даниилу, как и всем уцелевшим русским князьям, дабы не навлечь новых напастей на свои земли, пришлось временно смириться с иноземным игом. Он копил силы, восстанавливал порушенное, отстраивал новое. Не имея возможности сбросить ярмо восточных завоевателей, Даниил Романович все же изыскивал силы отражать нашествия с запада.

Решительная битва галицкого князя с объединенными силами венгров, болеславских поляков и черниговцев произошла 17 августа 1245 года. Она показала всем силу галицкого войска и пресекла попытки венгров и поляков захватить земли южной Руси.

Согласно тщательно обдуманному плану, Даниил поставил на правом фланге сильный полк своего брата Василька, в центре малую дружину верного человека Андрея, на левом фланге он встал сам.

Сначала польские рыцари атаковали полк князя Василька, но безуспешно, и завязалась сеча. Венгры и черниговцы обрушились на малую дружину Андрея, и тот начал медленно отходить к реке, увлекая за собой противника. Тем временем полк, ведомый лично Даниилом, незаметно прошел в тыл венгров, где стояли их отборные силы, предназначавшиеся для внезапного удара. Русские смяли неприятельские порядки и так основательно, что отняли у вражеского воеводы Фильния главное зна-

мя и разодрали его. Узрев угрозу с тыла, поляки и черниговцы «поворотили на бег».

В этой битве Даниил Галицкий показал себя выдающимся полководцем. Через сто тридцать пять лет его маневр — фланговый удар в тыл — повторит на Куликовом поле «засадный полк» Дмитрия Донского, победителя татар.

Пока же Русь стонала под набегами монголо-татарских завоевателей. Вскоре беда пришла и в Галич. Орда, доселе знаемая там лишь как грозная сила, впервые потребовала выплаты дани. Сил противостоять не было. Орда дань получила, но с того времени стал князь готовиться сбросить ненавистное ярмо. Для сего надлежало быть сильным. Не только мощью своего княжества, но и союзниками. И Даниил начал медленно и осторожно созидать то и другое.

Однако при этом он не забывал о безопасности своих западных и северных рубежей. Позднее князь удачно воюет с ятвягами, заселившими гродненские леса и болота и совершавшими оттуда опустошительные набеги на русские земли. В результате походов Даниила ятвяги, лишившиеся князя Стеконта, большей части войск и поселений, были смиренны и обложены данью.

Обезопасив границы, Даниил начал долгую и сложную политическую игру против татар. Он задумал — ни много, ни мало — организовать общеевропейский крестовый поход, дабы разгромить Орду и отбросить ее опять в необозримые степи востока, откуда и пришли беспощадные завоеватели. Для этого князь Галицкий с 1246 года начинает налаживать контакты с папским Римом.

Даниила прежде всего волновали военно-политические вопросы, Рим же — вопросы веры. Но все же в 1253 и 1254 годах появляются папские буллы, призывающие к крестовому походу христиан Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Эстонии и Пруссии.

На следующий год папский легат коронует Даниила и уверяет его, что «папа уважает греческую церковь, проклинает тех, кто осуждает ее обряды, и намерен скоро собрать собор для соединения церквей». Тогда же король Галицкий начинает все более решительно вести себя с татарами. Он укрепляет города Львов, Стожок, Кременец, Луцк, Владимир и начинает отбирать города у татар почти до Киева. Так продолжалось пять лет, и казалось, что уж виднеется луч надежды во мраке нависшего ига.

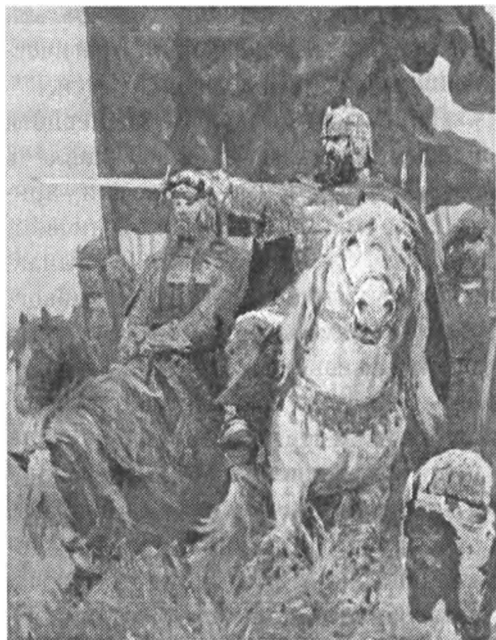
Однако Запад не помог — время крестовых походов ушло безвозвратно. Даниил остался один на один с обозленными сатрапами грозной Орды и, дабы не подвергать разору русские земли, был вынужден отступить. Укрепления у городов пришлось срыть. Покорность была подтверждена, и дань выплачена.

Но все же он сделал немало — сумел сплотить под своей властью почти всю южную Русь, которая менее других земель пострадала от монголо-татар. Даниил своим сыновьям оставлял целый необъятный мир южнорусских племен, уважаемых европейскими соседями.

В течение последних лет жизни он тяжело болел и в 1264 году скончался в Холме, столице своего княжества, своем любимом городе, основанном им самим.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ДОНСКОЙ

(12.10.1350 — 19.05.1389) — великий князь Московский (с 1359) и Владимирский (с 1362)

В 1359 году в Москве скончался великий князь Иван Красный, и, воспользовавшись неразберихой в Орде, суздальский князь Дмитрий Константинович получил ярлык на великое княжение. Дмитрия Константиновича поддержали новгородцы, и суздальский князь сел в стольном Владимире. Вскоре покровитель суздальского князя Навруз был убит другим полководцем Хызром, объявившим себя ханом, и московские бояре повезли к нему десятилетнего сына Ивана Красного Дмитрия. Хызр дал ему ярлык на великое княжение как наследнику московских князей. Но и Хызр вскоре был убит своим сыном. Первенство в Орде захватили ханы из Синей Орды, слабо связанные с Сараем. В Причерноморье же к власти пришел темник Мамай. Вначале он опирался на свою «тьму» (де-

сять тысяч воинов), к которой затем присоединились бывшие враги монголов — придонские половцы, теперь называвшие себя татарами.

Мамай выставил ханом Абдула, а вельможи из Сарая — брата Хызра Мюрида. Вначале москвичам показалось, что влияние Мюрида сильнее, и они выпросили у него ярлык для Дмитрия. На следующий год такой же ярлык они получили от Абдула. Узнав, что Абдул сам утверждает московских князей, взбешенный Мюрид послал ярлык на княжение Дмитрию Константиновичу. Но к тому времени ярлык ему оказался уже не нужен.

Желая после смерти своего брата Андрея овладеть Нижним Новгородом, Дмитрий Константинович теперь нуждался в союзе с Москвой и поэтому отступился от великого княжения. В 1365 году Дмитрий Московский женился на его дочери Евдокии.

Используя нужду очередного ордынского хана в деньгах, митрополит Алексей сумел добиться ханской грамоты, подтверждавшей наследственные права московских князей из династии Ивана Калиты на великое княжение. Митрополит Алексей по-прежнему оставался главой московского правительства. Его почитали как на Руси, так и в Орде, после того как он исцелил жену хана Джанибека.

Под его благословением был составлен в 1364 году договор между Дмитрием и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем, князем Серпуховским. Согласно этому договору, Владимир Андреевич имел право распоряжаться своими землями как вотчиной, но обязан отдавать Дмитрию дань, предназначенную для хана, считать врагов великого князя собственными врагами, вместе со сво-

ими боярами участвовать во всех походах, предпринимаемых Дмитрием, получая от него за время похода жалование. Бояре из уделов московского и серпуховского князей могли переходить на службу друг к другу, но остальные люди уже не могли этого делать и не могли получать земель в чужом уделе. Таким образом, удельное дробление Московской земли не ограничивало верховную власть московского князя.

Из всех русских князей для Москвы наибольшую опасность представлял тверской князь Михаил, сын Александра Михайловича Тверского, — человек упрямый и настойчивый в своих целях. Вначале он княжил в Микулине, а затем овладел Тверью и назвался великим князем Тверским. Его целью стало подчинение своей власти ближайших родственников, князей Тверской земли. После смерти князя Семена Константиновича между Михаилом и его дядей Василием Кашинским возник спор за владение, завещанное покойным князем Михаилу Александровичу. Так как многое в этом споре касалось церковных дел, тверской епископ Василий решил его в пользу Михаила Александровича. Но митрополит Алексей вызвал епископа в Москву и сделал резкое внушение за проявленную самостоятельность, поскольку считал, что Москва терпит убыток от таких решений. На помощь князю Кашинскому из Москвы было послано войско с задачей выгнать Михаила Александровича из Твери.

Однако справиться с тверским князем было не просто — он опирался на помощь великого литовского князя Ольгерда, женатого на его сестре Ульяне. Кашинцы и москвичи успели лишь разорить тверскую

землю, как неожиданно появился Михаил с литовским войском. Василий и его племянник Иеремий пошли на мир с Михаилом Александровичем, дали клятву во всем повиноваться ему, но Иеремий сразу же бежал в Москву и начал умолять Димитрия забрать себе тверской удел.

Митрополит Алексей и Дмитрий пригласили Михаила в Москву на третейский суд, чтобы договориться полюбовно о мире. Митрополит заверил князя в полной безопасности. Вместе со своими боярами Михаил Александрович приехал в Москву, и его тут же взяли под стражу и посадили в темницу. Приехавшие с ним бояре были тоже арестованы, но вскоре в Москву явились ордынские послы, и, опасаясь их гнева, было решено выпустить Михаила, взяв с него клятву повиноваться московскому князю. Пока князь находился в темнице, русское войско успело овладеть городком на реке Старице, где вместе с князем Иеремией был посажен и московский наместник.

Взбешенный вероломством московского князя и митрополита, Михаил поклялся отомстить. Отправившись в Литву, он убедил Ольгерда двинуть войска на Москву, совершенно неподготовленную к обороне. О походе Ольгерда в Москве узнали лишь тогда, когда литовское войско вместе с тверской и смоленской ратью приближалось к границе. Дмитрий не успел собрать войска, и москвичи остались одни против сильного и опасного врага. Идя на Москву, литовские войска разоряли и жгли русские селения, убивали жителей. 21 декабря 1368 года произошло решающее сражение на реке Тростне. Командовавшие московским войском воеводы Димитрий Минин и Акинф

Шуба пали в битве, а само московское войско потерпело полное поражение. Дорога на Москву была открыта. Дмитрий вместе с митрополитом, князем Владимиром Андреевичем, боярами и множеством народа заперся в недавно построенном каменном Кремле. Посад около Кремля был сожжен самими москвичами. Три дня и три ночи простояли литовцы около Кремля, но брать город штурмом не решались. Ольгерд стал опасаться подхода на помощь Москве новых войск и решил отходить. Предварительно он приказал сжечь посад за Москвой-рекой — Заречье, а также другой посад, находившийся за дубовую стеною — Загородье. Возвращаясь в Литву, войска Ольгерда разоряли все то, что они не успели ограбить в начале своего Московского похода. Множество народа было угнано в Литву. Подобного нашествия Московская земля не видела со времен Батыя.

В отместку Дмитрий решил разорить тверские и смоленские земли. Русская рать во главе с самим Дмитрием вошла в Тверскую землю. Были захвачены Зубцов и Микулин, множество жителей угнано в полон. Сам князь Михаил Александрович вновь убежал в Литву.

Но Ольгерд уже не мог помочь своему тестю, поскольку был занят войной с Орденom. Тогда Михаил Александрович отправился в Орду, где без особого труда достал себе ярлык на великое княжение от ставленника Мамай хана Мамант-Салтана. Узнав об этом, Димитрий приказал перехватить Михаила на обратном пути. Но извещенный о засаде, князь опять пробрался в Литву, и, наконец, Ольгерд решился помочь своему шуринау.

Начался новый поход. Несколько дней литовская рать вместе с прежними союзниками простояли у Волока, но не сумела его взять и 6 декабря 1370 года подошла к Москве. Дмитрий вновь заперся в Кремле, а рать Владимира Андреевича тем временем стояла в Перемышле. Литовцы сожгли только что отстроенный московский посад и окрестные села. После недельного стояния под Кремлем Ольгерд заговорил о вечном мире с Москвой и даже предложил выдать свою дочь Елену за князя Владимира Андреевича. Ольгерда побуждала к этому необычайно теплая зима, сопровождавшаяся оттепелью, разливами рек и порчей путей. Опасаясь удара с тыла, Ольгерд спешил уйти от Москвы.

Перестав надеяться на Литву, Михаил Александрович вновь отправился в Орду, где ему предложили войско. Но князь понимал, что после нашествия Орды его возненавидят во всех русских землях. На Руси уже мало обращали внимания на ярлыки, и нередко Дмитрий самостоятельно приводил к присяге на верность себе жителей Владимирской земли. Когда ордынский посол Сарыходжа вместе с Михаилом Александровичем приехал во Владимир, Дмитрий ответил: «К ярлыку не еду, на великое княжение не пушу, а тебе, послу цареву, путь чист». После полученных даров и почетного приема в Москве Сарыходжа уехал в Орду, где стал ярым сторонником Дмитрия.

В бешенстве Михаил разорил Мологу, Углич, Бежицкий Верх и, вернувшись в Тверь, выслал в Орду своего сына Ивана требовать помощи против Дмитрия. После совета с митрополитом и боярами Дмитрий вместе с князем Ростовским Андреем и

своими боярами также отправился в Орду. Митрополит Алексей проводил его до Оки и благословил на путь. В Орде Дмитрий не только подкупил Мамай, но даже выкупил удержанного за долг сына Михаила Александровича Ивана, взяв его в заложники к себе во двор до выкупа. Мамай дал Дмитрию ярлык на княжение и объявил, что отныне будет брать с него дани в меньшем размере, чем бралась при предыдущих ханах. Михаилу Александровичу Мамай напомнил, что когда ему давали великое княжение и войско, то он его не взял, полагаясь на самого себя, так пускай теперь сам и выпутывается как знает.

Михаилу ничего не оставалось, как вновь ехать просить помощи в Литву. Но после брака дочери Ольгерда Елены и Владимира Андреевича великий князь Литовский уже не мог воевать против Дмитрия. Другие же литовские князья не были настолько связаны с Москвой.

Но в это время у самого Дмитрия появился новый противник. Князь Рязанский Олег, верный завещаниям своих предков, сохранял исконную вражду с Москвой. После поражения рязанцев при Скорнищеве Дмитрий овладел Рязанью и отдал ее князю Владимиру Пронскому, надеясь, что он сохранит ему верность. Но после того как Дмитрий в очередной раз пошел на Михаила, который с литовцами подходил к Москве, Олег выбил из Рязани Владимира Пронского и снова стал править в своем городе.

Весной 1372 года Михаил Александрович вместе с литовцами захватил Торжок, посадил там своего наместника, а потом, войдя в Московскую землю, взял Дмитров и пытался овладеть Переславлем, но был отбит.

Вернувшись в свою вотчину, Михаил Александрович заставил кашинского князя идти вместе с ним на Торжок, откуда горожане выгнали посаженных им наместников. Война с Москвой у Михаила Александровича постепенно перерастала в войну с Новгородом.

Раньше, когда тверские бояре покупали земли в Новгородской земле, тверской князь не раз пытался притязать сам на эти владения. Новгородцы протестовали, но безуспешно. И все же они были согласны признать Михаила великим князем, если его утвердит хан. Но так как великим князем остался Дмитрий, то новгородцы и знать не хотели наместников Михаила. Тверские купцы, пришедшие в Новгородскую землю, были ограблены.

31 мая 1372 года Михаил Александрович с войском подошел к Торжку и потребовал выдать тех, кто ограбил его купцов, и принять его наместников.

Под предводительством своего воеводы Александра Абакумовича ушкуйники* вышли на битву, но устоять против тверичан не смогли. Многие, в том числе и Александр Абакумович, пали в битве. Новгородцы бежали из Торжка, а тверичи и литовцы, пользуясь сильным ветром, стали зажигать посад. Торжок сгорел дотла. Многие горожане погибли в пламени, другие бросались в воду, третьих убивали на месте. Дома и храмы подверглись ограблению, а женщины насилью. Город был буквально стерт с лица земли.

Михаил вернулся в Тверь, но, опасаясь мести Дмитрия, умолял Ольгер-

да о помощи. Его сестра еще раз упростила литовского князя вступить за брата. Великий князь Литовский вновь пошел на Москву и смог временно приостановить поход Дмитрия на Тверь. Как и ранее, к его войску присоединились отряды Михаила Александровича. Но на этот раз москвичи уже не допустили литовцев до Кремля и встретили войска Ольгерда у Любутска (около Калуги). Простояв некоторое время по обеим сторонам крутого оврага, князья не решились начать битву. Наконец, Дмитрий и Ольгерд заключили перемирие, по условиям которого московский князь обещал не трогать тверских владений Михаила, а тот, в свою очередь, поклялся, что не будет искать великого княжения, возвратит все похищенное в Московской земле и выведет из нее всех своих наместников. В случае невыполнения Михаилом своих обещаний Ольгерд обещал больше не оказывать ему помощи.

Казалось, помощи Михаилу ждать больше неоткуда. Но неожиданно у него появился новый союзник.

Когда в Москве умер тысяцкий Василий Вельяминов, Дмитрий решил упразднить этот пост, известный со времен Киевской Руси. И Дмитрию, и его боярам была не нужна лишняя сила, способная оказывать влияние на принимаемые решения, — сила, имеющая в своем распоряжении несколько тысяч вооруженных людей. Но сын покойного тысяцкого Иван, рассчитывая занять пост отца, был взбешен случившимся и вместе с богатым купцом Некоматом решил вступить в борьбу с великим князем Московским. Перебежав в Тверь к Михаилу, они стали подстрекать его добиваться великого княжения.

* В Новгородской земле XIV—XV вв. члены дружин, собиравшихся боярами для захвата земель на Севере (прим. ред.).

Михаил послал их обоих в Орду за ярлыком, а сам опять уехал в Литву. Вероятно, он не надеялся на успех их миссии, как вдруг Некомат в июле 1375 года привез ему ярлык на великое княжение, вероятно, купленный в Орде за большие деньги. Обрадованный Михаил немедленно объявил войну Дмитрию. Он рассчитывал теперь сокрушить Москву объединенными силами Литвы и Орды.

Однако все получилось не так, как рассчитывал Михаил. Ему пришлось биться не только с московским войском, но и отрядами других русских городов. Среди них были отряды новгородских ушкуйников, готовые отомстить тверичам за Торжок.

В августе 1375 года союзники вступили в Тверскую землю. Взяв Микулин, они подошли к Твери. В течение четырехнедельной осады вся Тверская земля была разорена, жители убиты или угнаны в плен. Теперь Михаил окончательно понял, что помощи ему ждать неоткуда, и послал владыку Евфимия просить мира. Несмотря на то что судьба представляла Дмитрию шанс раз и навсегда покончить с Тверью, присоединив ее земли к московским, он не пошел на это. В заключенном мирном договоре Михаил обязывался за себя и своих наследников считать московского князя старейшим, ходить вместе с ним на войну, не искать великого княжения. Многие статьи договора предусматривали и обязательства Михаила перед другими русскими землями. Князь должен был отказаться от союза с Ольгердом и не помогать ему, если тот будет воевать против смоленского князя за его участие в походе на Тверь. Он также обязывался не трогать кашинских земель и таким образом отсесть

от своего княжества ее добрую половину. Михаил Александрович принимал обязательства и перед Новгородом, обязуясь вернуть все награбленное в Торжке, возратить Новгороду все земли, купленные его боярами, и все товары, захваченные у новгородских купцов. Но самой важной в договоре была статья, предусматривающая военный союз против Орды. Все это говорило о том, что Москва накопила достаточно сил, чтобы помериться ими с Ордой.

Дмитрий не мог забыть и тех, кто пытался навести Тверь на Москву. Имения Ивана Вельяминова и Некомата подверглись конфискации в великокняжескую казну. Через несколько лет они с помощью хитрости были схвачены и привезены в Москву. 30 августа 1379 года на Кучковом поле (в районе Сретенки) состоялась первая публичная казнь в Москве, приведшая в ужас московский люд. Москвичи не только переживали за красивого казненного молодца, но и понимали, что казнь эта совершается и над древними вечевыми традициями. Все это не помешало братьям казненного Ивана оставаться воеводами великого князя.

Ольгерд обрушил свой гнев на Смоленск. Город был разграблен, жители уведены в плен.

Мамай также был в ярости — в Москве не посчитались с его ярлыком. В качестве наказания он подверг набегу нижегородскую и новосильскую землю.

Когда Мамай прислал в Нижний Новгород, принадлежащий суздальским князьям, своих послов, епископ Дионисий выступил против заключения мира. Толпа бросилась на ордынцев. Защищаясь, посол выпустил стрелу в Дионисия, но стрела застряла в

широком облачении епископа. Все посольство было убито — затравлено собаками и спущено под лед.

Взбешенный Мамай послал на Нижний ушедшего с волжского левобережья царевича Арапшу. Суздальские отряды попытались преградить ему путь на реке Пьяне, но проявили беспечность, перепились и были наголову разбиты. После этого ордынцы взяли почти беззащитный Нижний Новгород, где устроили резню, мстя за гибель своих послов.

На следующий год Мамай послал на великого князя войско мурзы Бегича. Ордынцы уже шли по рязанской земле, когда Дмитрий, перейдя Оку, также вступил на рязанскую землю. 11 августа на берегу реки Вожи войско Бегича было разбито и сам мурза убит. Мамай послал свои отряды разорять рязанские земли, мстя за то, что на них произошло поражение его лучших сил. Переславль-Рязанский был сожжен, множество рязанцев уведено в рабство. Не успев собрать достаточных сил, Олег убежал и после ухода ордынцев примчался в Орду, где клялся верно служить Мамаю, действуя с ним заодно против Москвы.

Все эти годы одним из главных создателей русской политики и советником Дмитрия оставался митрополит Алексей.

После поражения на Воже Мамай понял, что Русь крепнет и недалек час ее освобождения из-под власти Орды. Он поднял всю волжскую Орду, привлек хивинцев, буртасов, ясов, а у генуэзцев в Крыму нанял людей, которые должны были стать решающей силой его войска. На генуэзские деньги были набраны аланы (осетины), касоги (черкесы) и

половцы. Общая численность войска Мамаю составила около 200 тысяч человек.

У обоих предводителей появились союзники. На помощь Мамаю выступил литовский князь Ягайло. А союзником Дмитрия стал хан Тохтамыш, который с войском из сибирских татар шел к Сараю.

Мамаю не оставалось ничего другого, как бить своих противников по частям. И он решил разбить вначале Дмитрия, предварительно соединившись с войсками Ягайло.

Летом 1380 года Мамай остановился на реке Воронеж, где назначил сборное место для своих войск.

В свою очередь, Дмитрий объявил клич по всем русским землям с призывом встать на ее защиту. Со всех княжеств, исключая Тверское и Рязанское, стали собираться ополчения, чтобы противостоять полчищам Мамаю. У Дмитрия набралось около 150 тысяч человек.

В августе все войско Дмитрия выступило из Москвы в Коломну. В это же время к великому князю Московскому приехали послы от Мамаю с требованием выплаты дани в том размере, в котором Москва платила при ханах Узбеке и Джанибеке. Но Дмитрий отвечал, что он будет платить только такую дань, о которой договорился во время своей последней поездки в Орду.

20 августа Дмитрий получил благословение от коломенского епископа Герасима и пошел из Коломны на устье реки Лопасни. На марше к нему подошли отряды князя Владимира Андреевича Серпуховского и московские ополченцы. В течение 26—27 августа русские отряды переправились через Оку и пошли по рязанс-

кой земле к Дону. На пути к Дмитрию прискакал гонец от преподобного Сергия с грамотой, в которой его благословляли на подвиг: «Иди, господин, иди вперед, Бог и Святая Троица поможет тебе».

В конце августа — начале сентября Мамай уже шел от Воронежа навстречу русской рати. На военном совете долго спорили, переходить ли Дон или сражаться на своей земле. Литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи говорили, что если русское войско останется на своей земле, то оно будет слабо биться, а если перейдет Дон, то, не надеясь спастись бегством, будет сражаться храбро. Если же суждено будет принять смерть — ее все примут. Дмитрий согласился с ними и приказал искать броды и мостить мосты. Конечно, Дмитрий понимал слабость своего плохо вооруженного и малоискусного в бою народного ополчения. Но он не мог позволить ему оставаться в роли обороняющейся стороны, укрепиться вдоль берега и препятствовать форсированию реки ордынцами. Ведь те ожидали подхода литовского войска Ягайло, потому битву нужно было дать немедленно.

Но наступать на конное войско ордынцев пешей ратью было невозможно. Народное ополчение не знало строевой выучки и представляло силу лишь постольку, поскольку составляло плотную массу, остающуюся на месте. Дмитрий сделал все, чтобы вынудить ордынцев ударить первыми.

На рассвете 9 сентября 1380 года русские отряды перешли Дон и уже при солнечном восходе двинулись к устью реки Непрядвы.

Вся русская пехота была расположена глубокими цепями с тем, что-

бы каждый ратник чувствовал за своей спиной товарища. Вперед был выдвинут конный отряд. В этом сражении русские воеводы прибегли к типичному приему ордынцев. Десятитысячный засадный полк конницы был спрятан за небольшой рощей.

Переведя русское войско через Непрядву, Дмитрий поставил его в открытое поле, не возведя при этом никаких оборонительных сооружений. При этом он учитывал большое преимущество ордынцев, которые при прямом столкновении неизбежно раздавили бы даже элитные силы кавалерии русской рати, не обладавшие численным превосходством. Поэтому конница и была оставлена в засаде.

По плану Дмитрия, сравнительно небольшие конные полки сторожевого авангарда должны были завлечь ордынцев к Большому полку, которому в сражении отводилась решающая роль. Большой полк составляло народное ополчение, а также усиливавшие его дружины русских князей и «двор» великого князя. Именно против него Мамай и должен был бросить все свои резервы.

После короткой схватки ордынцы сбили и отбросили в сторону Передовой и Сторожевой полки. Русские конники привели погоню к Большому полку, на который Мамай, окрыленный достигнутым первоначальным успехом, бросил все свои силы.

Незадолго до начала главной атаки на Большой полк, Дмитрий снял с себя великокняжеские доспехи и передал их для облачения своему другу с юношеских лет боярину Михаилу Андреевичу Бренку, ставшему под великокняжеское знамя. Издавна считалось, что пока знамя развевалось

над войском, никто не мог покинуть его ряды. Каждая сторона потому старалась захватить или сбить знамя противника и удержать поднятым свое. Командующий войском находился непосредственно у знамени. Но великий князь Московский отказался от старинного обычая. Он демонстративно ушел из-под стяга, потребовав, чтобы воины стояли до конца, даже если знамя будет потеряно.

Дмитрий надел одежды простого воина и, пересев на другого коня, въехал в пеший строй.

Ордынцы могли издали засыпать Большой полк стрелами, но Мамай хотел быстрой победы и предпочел прямой удар. Нависшая угроза прорыва была отражена свежими пешими полками суздальцев и владимирцев. Несмотря на то что русская пехота понесла наибольшие потери, сломить ее не удалось. Ордынцы изменили направление атаки, повели главный удар против конного полка левой руки. Потеснив его, ордынцы повернулись спиной к Зеленой дубраве, в которой скрывался десяти тысячный Засадный полк под предводительством князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Михайловича Боброк-Волынского. Владимир Андреевич, видя, как ордынцы теснят русских, порывался ударить, но Боброк удерживал его до тех пор, пока ордынцы, устремившись преследовать русских, не повернулись к ним тылом.

В это же время ветер, дувший в лицо сидевшим в засаде русским, изменил направление, и Боброк дал знак: пора. Весь Засадный полк стремительно бросился на ордынцев, никак не ожидавших нападения. Одновременно перешли в наступление и все русские полки.

Удар Засадного полка вызвал панику в рядах ордынцев, уже считавших себя победителями. На протяжении двадцати—тридцати верст русские преследовали и рубили их. Бежал с поля и хан Мамай.

Русские воины одержали решающую победу в Куликовской битве, но потери их оказались необычайно велики — из 150 тысяч человек, принявших участие в битве, в живых оказались лишь 30 тысяч.

Особое значение Куликовское сражение имеет для становления русской государственности. Воины различных княжеств сражались как представители единой этнической общности против общего врага. Так зарождалось новое государство — Московская Русь, пришедшее на смену как Киевской Руси, так и удельным княжествам.

Немаловажную роль играло и то, что князь рязанский Олег (которого обвинили в предательстве) с пяти тысячным войском сумел задержать подход литовцев. Пока литовцы отогнали Олега, битва уже закончилась. Литовцам достались лишь русские обозы, в которых они перерезали всех раненых.

Похоронив своих убитых, Дмитрий, получивший после этой победы прозвище Донской, не стал преследовать ордынцев, а вернулся с торжеством в Москву. Он намеревался немедленно послать войска на рязанскую землю против князя Олега, которого подозревал в измене. Но рязанцы приехали к нему с поклоном, объявив, что их князь бежал, а сами они согласны быть в подчинении у великого князя Московского. Дмитрий отправил к ним своих наместников.

Мамай же бежал в свои степи. Здесь он столкнулся с Тохтамышем.

Бывший союзник Мамай Ягайло уже давно покинул его и ушел к себе в Литву. Тохтамыш разбил Мамай на берегах речки Калки и объявил себя владетелем Орды. Сам Мамай бежал в Кафу (Феодосию), где был убит генуэзцами.

Воцарившись в Сарае, Тохтамыш отправил послов к Дмитрию с сообщением, что их общий враг убит и теперь он занял его место. Великий князь Московский отпустил послов с дарами и большой честью, но дал понять, что не собирается далее покоряться Орде. На следующий год Тохтамыш отправил ко всем русским князьям царевича Акхозю с требованием покорности и дани, но царевич доехал лишь до Нижнего Новгорода и не решился ехать далее.

Стремясь посорить Дмитрия с Тохтамышем, его противник нижегородско-суздальский князь Борис Константинович написал хану донос, что Москва и Рязань хотят перейти на сторону Литвы, вновь ставшей к тому времени главным противником Орды. Тохтамыш поверил ему, тем более что на правдивость доноса будто бы указывали и факты, говорившие о том, что великий князь Московский желает вести самостоятельную политику.

В 1382 году по приказу Тохтамыша русские купцы в Болгарах были ограблены и задержаны. Это было сделано для того, чтобы они не смогли подать вести в Москву о готовящемся походе. Их суда были перевезены к ордынским берегам. Переправившись на них через Волгу, Тохтамыш стремительно двинулся к Москве, надеясь застать великого князя Московского врасплох.

Чтобы избавить свою землю от ордынского разорения, князь Суздальский отправил к Тохтамышу сво-

их сыновей Василия и Семена с изъявлением покорности, но хан и сам не позволял своим воинам грабить земли, по которым они проходили, поскольку он спешил к Москве.

На границе своей земли Тохтамыш встретил Олег, который поклонился ему и указал броды на реках. Он уверил Тохтамыша, что есть полная возможность овладеть Москвой и захватить в ней Дмитрия. Чтобы оградить свою землю от разорения, Олег повел их в обход на Серпухов, который ордынцы полностью уничтожили.

Весть о подходе Тохтамыша с опозданием дошла до Дмитрия. Великий князь Московский вместе с войском выехал из столицы и, соединившись с некоторыми князьями, стал совещаться, что можно предпринять в этих непредвиденных обстоятельствах. Поскольку никто из них не смог предложить князю ничего дельного, Дмитрий не решился идти навстречу Тохтамышу и, покинув Москву на произвол судьбы, выехал в Переяславль, а оттуда — в Ростов, и далее в Кострому, поручив оборону Москвы митрополиту Киприану.

Узнав, что великий князь убежал, в Москве возникла паника. Одни москвичи говорили, что надо бежать, другие — что надо затвориться в Кремле. Собралось вече, на котором чернь потребовала затворить ворота и никого не выпускать из города. Митрополит Киприан и бояре первыми стали уезжать из Москвы. Их выпустили, но ограбили почти все имущество. Когда вслед за ними стали убегать и другие, чернь затворила ворота, угрожала убивать всех покидающих город; некоторые кидали в них камни с кремлевских стен. Приехавший в Москву Ольгердов внук

князь Остей принял на себя руководство обороной. Он убедил чернь выпустить всех желающих, а с оставшимися затворился в Кремле, куда сбежалось население со всех окрестностей Москвы. Посад вокруг Кремля был сожжен москвичами.

23 августа передовые ордынские всадники подъехали к Кремлю и спросили москвичей, нет ли среди них великого князя Дмитрия. Москвичи ответили отрицательно. Осмотрев укрепления Кремля, ордынцы удалились, но вскоре стали прибывать главные силы Тохтамыша.

Поскольку в городе осталось имущество бояр и купцов, чернь принялась его грабить и пропивать найденное, похваляясь, что не боится ордынцев. Но когда к городу подошла вся рать Тохтамыша, москвичи пришли в ужас. Завязалась перестрелка из луков, ордынцев обстреливали также из «тюфяков» — первых русских огнестрельных орудий. Во врага летели камни, бревна, со стен лили кипяток. Суконник Адам поразил стрелой сына одного знатного мурзы. Смерть его весьма опечалила Тохтамыша.

Наконец, после трехдневной осады хан решил пойти на хитрость. В полдень к стенам Кремля подъехали знатные мурзы, вместе с которыми находились сыновья суздальского князя Василий и Семен. Мурзы объявили, что поскольку Дмитрий убежал, хан не собирается разорять своего улуса, а хочет только, чтобы москвичи почтили его честью и дарами и сам хочет пожаловать москвичей. Василий и Семен клятвенно убеждали москвичей, что все это истинная правда.

В Кремле стали собирать посольство к Тохтамышу. Впереди шел князь Остей, за ним духовенство с

иконами и крестами, а следом бояре и чернь. Ордынцы дали им выйти за ворота, но затем неожиданно бросились на них и стали рубить саблями. Одновременно другая часть ордынцев ворвалась в открытые ворота Кремля, на которых уже не было стражи, и полезла по лестницам на крепостные стены. Москвичи стали искать убежища в храмах, но ордынцы настигли их и там, истребляя всех от мала до велика. Резня продолжалась до тех пор, пока у ордынцев не утомились руки и не затупились сабли от рубки.

Уходя, ордынцы подожгли город. В огне погибли последние уцелевшие жители. Среди пепелища и в храмах лежали кучи трупов, которых некому было ни обнять, ни оплакать.

Ордынцы рассеялись по окрестностям Москвы. Были разорены волости Звенигорода и Юрьева, Дмитрова и Можайска. Набеги сопровождалась пожарищами, избиением людей и угоном их в рабство. Казалось, наступили времена Батыя. Но тогда даже самые недалекие князья предпочитали умирать вместе со своим народом, а теперь победитель Мамай сидел, запершись в Костроме. Отряды ордынцев дошли даже до Переяславля. Жители, сев на суда, смотрели с середины Плещеева озера, как горит их родной город.

Лишь серпуховской князь Владимир Андреевич у Волока разбил наголову ордынский отряд, захватив множество пленных. Это известие так подействовало на Тохтамыша, что он стал отступать к рязанской земле. Несмотря на то что Олег указал броды на пути к Москве, ордынцы разорили его владения, уведя в Орду множество пленных. Олег успел убежать.

Вернувшись вместе с Владимиром

Андреевичем в Москву, Дмитрий первым делом позаботился о погребении мертвых, чтобы предотвратить распространение эпидемий. По подсчетам, в Кремле погибло только от ордынских сабель 24 тысячи человек, не считая сгоревших и утонувших. Люди постепенно возвращались и начинали отстраивать город.

Всю свою злобу Дмитрий выместил на рязанской земле, разорив в ней все, что не успели ордынцы. Олег опять успел убежать.

После этого Дмитрий вызвал из Твери сбежавшего митрополита Киприана. Взбешенный тем, что тот укрылся в земле его злейших врагов, Дмитрий выгнал митрополита из Москвы. Киприан уехал в Киев, а Дмитрий вызвал из Чухломы сосланного туда Пимена, предложив ему занять освободившуюся митрополию. Но уже через несколько месяцев он вновь невзлюбил его и отправил к патриарху суздальского епископа Дионисия, а вместе с ним и просьбу о низложении Пимена.

Напуганные нашествием ордынцев князя один за другим ездили в Орду. Но Тохтамыш не доверял теперь никому. Уходя от Москвы, он задержал у себя одного из сыновей суздальского князя — Василия, отправив Семена к отцу. Чтобы доказать свою покорность, Дмитрий Константинович весной 1383 года вновь отправил Семена к Тохтамышу. Но помочь своему сыну унаследовать княжество он не смог. Как только Дмитрий Константинович умер, в Орду приехали городецкие князья, которым Тохтамыш передал ярлык на Суздальское княжество. В Орду отправился и Михаил Александрович Тверской вместе с сыном Александром в надежде получить ярлык

на великое княжение. Несмотря на то что они пробирались окольными дорогами, Дмитрий узнал об их поездке и срочно отправил в Орду своего сына Василия. Тохтамыш задержал Василия в качестве заложника, чтобы обеспечить верность Дмитрия и возвращение долга в 8 тысяч рублей.

В городах появились ханские послы, напомнившие о временах баскаков. Несмотря на тяжелейшие условия, Дмитрий шел на любые уступки Тохтамышу.

Он добился своего, и миссия тверских князей не увенчалась успехом. Тохтамыш, не доверяя упрямому тверскому князю, сказал ему, что сам знает, кто и как ему служит, и видит, что Московский князь исправился после понесенного наказания. Более того, Тохтамыш удержал в Орде сына Тверского князя.

Олег, овладев вновь своим княжеством, захватил Коломну, со времен Даниила Александровича принадлежавшую Москве. Все попытки Дмитрия выбить его из Коломны не увенчались успехом. И тогда в 1385 году при посредничестве преподобного Сергия между обоими князьями был заключен мир, в утверждение которого сын рязанского князя Федор женился на дочери Дмитрия.

После ордынского погрома Дмитрий озаботился пополнением своей великокняжеской казны. Его выбор пал на новгородцев, для нападения на которых у него имелись веские причины (пока Дмитрий воевал с Ордой, новгородские ушкуйники грабили Кострому, Ярославль, Нижний Новгород, Вятку и продавали русских людей в рабство восточным купцам).

Поскольку ушкуйники досадили всем, то ополчение 29 городов объе-

динилось под знаменами великого князя Московского, к которому пришли люди даже из Торжка, Бежичей и Вологды — волостей новгородских. В конце 1386 года Дмитрий во главе огромной рати вступил в новгородские земли и двинулся к главному городу. По пути его войско разоряло и жгло села. Множество ограбленных и выброшенных из домов новгородцев погибло от лютого мороза.

Высланных к нему новгородских послов великий князь не пожелал слушать и уже к началу следующего года находился в пятнадцати верстах от Новгорода. Жители стали поджигать свои посады, а сам Новгород наскоро укреплять острогом по земляному валу. Они снова послали к Дмитрию посольство во главе с владыкой Алексием, который бил от имени новгородцев челом великому князю. За вины ушкуйников Новгород обещал заплатить 8 тысяч рублей.

Но Дмитрию было мало предлагаемых денег, он грозился идти дальше и взять город. Новгородцы решились защищаться до последнего.

10 января в Новгороде разнесся слух, что рать великого князя приблизилась к Жилотугу — притоку Волхова на восточной окраине города. Было объявлено всеобщее вооружение, толпы новгородцев бросились за город — принимать последний бой. Одновременно к Дмитрию вновь отправилось для переговоров посольство во главе с двумя архимандритами.

Опасаясь кровопролития, Дмитрий, наконец, принял предложенные условия мира. Новгород выплачивал великому князю немедленно 3 тысячи рублей, а остальные деньги Дмитрий соглашался взять с Заволочья (Двинской земли), так как заволочане так-

же участвовали в разбоях вместе с ушкуйниками. Но кроме того, Дмитрий добился для себя ежегодной подати с черных людей, которые станут собирать его наместники через особых чиновников «черноборцев».

После заключения мира войско Дмитрия повернуло назад. Множество новгородцев было уведено в Московскую землю.

19 мая 1389 года на сороковом году жизни великий князь Дмитрий Иванович скончался. Перед своей смертью он наделил сыновей уделами, но обязал их находиться под рукой своего старшего сына Василия, ставшего великим князем.

ДОВМОНТ (ДАУМАНТАС) ПСКОВСКИЙ (? — 20.05.1299) — князь Псковский (с 1266)

Литовский князь Довмонт появился в Пскове летом 1266 года. Лишь триста воинов привел он с собой, спасаясь от своего врага — Воишелга, младшего сына великого литовского князя Миндовга.

Псковские бояре, принявшие изгнанника, преследовали свои интересы. На смену великому князю Александру Невскому, при котором враги остерегались нападать на земли северо-западной Руси, пришел новый великий князь Ярослав Ярославович. В Пскове он посадил наместником своего сына, княжича Святослава. Но Святослав, выполняя наказ отца, больше думал не о защите города, а об упрочении власти великого князя. Потому-то и приняли бояре Довмонта — князя, способного защитить город и от Литвы, и от Ордена, и к тому же более послушного посаднику, тысяцкому, боярам и духовенству Пскова, нежели великому князю.

Укрепившись в Пскове, Довмонт стал водить свою дружину и псковских «ратных мужей» на врага. Князю сопутствовал успех, хотя воинов под его началом было пока немного.

Большое значение имел поход Довмонта на Полоцк, где княжил его злейший враг князь Герденя. Небольшая конная рать сумела незамеченной пробраться по дремучим лесам в междуречье реки Великой и Двины до самых стен Полоцка и внезапно захватила его. Ворвавшись в город, Довмонт взял в плен княгиню и детей князя, захватил богатую добычу и сумел безнаказанно уйти. Пока князь Герденя созывал на помощь своих союзников и собирал войско для погони, обозы с добычей переправились через Двину и ушли в Псков. Сам Довмонт во главе своей дружины и части псковичей (две тре-

ти их ушли с обозом) остановился в пяти верстах за Двиной. На самом берегу реки осталась лишь стража. Дозорные своевременно известили князя о появлении у брода литовцев. Их было семь сотен — дружины князя Гердени и его союзников, князей Гогорта, Лотбея и Лючайлы.

Не дав литовцам полностью переправиться через реку, конная рать Довмонта ударила по врагу. Первым в бою пал князь Гогорт. Герденя со своими дружинниками бросился обратно через брод. Остальные литовцы, даже не успевшие занять боевой порядок, были опрокинуты в реку и вынуждены вплавь добираться до противоположного берега. Но лишь семи десяткам воинов удалось добраться до близлежащего острова.

Победа Довмонта над Герденей произвела большое впечатление не только на псковичей, но и на новгородцев. Поэтому когда великий князь Ярослав позвал новгородцев в поход на Псков, новгородское вече ответило ему отказом.

Вскоре Довмонт повел псковскую дружину в новый поход на Литву. Поход оказался успешным, и в 1267 году вместе с псковичами пошли на Литву и новгородцы. И вновь успех. Причем потери были невелики. Присмирившие литовские князья теперь остерегались нападать на псковские земли. Но оставался другой, еще более опасный враг — Ливонский орден. Вскоре князю Довмонту пришлось столкнуться с рыцарями-крестоносцами.

Немцы лишь выжидали удобного случая, чтобы в очередной раз напасть на владения русских князей.

Зимой 1268 года в Новгороде собралось большое войско. Здесь были и владимирцы с князем Святославом,

старшим сыном великого князя, и переяславцы с князем Дмитрием, и тверичи с князем Михаилом, а также суздальцы, смоляне, полочане. Собралось и новгородское городское ополчение, во главе которого встали посадник Михаил Федорович и тысяцкий Кондрат. Подошли отряды ладожан и ижорцев. Привел псковскую дружину и князь Довмонт.

Обеспокоенные немцы прислали пышное посольство. К ливонскому магистру и в Ригу отправились ответные посольства. Как только послы возвратились, было объявлено о походе на Раковор.

17 февраля войско подошло к Раковору и остановилось в трех верстах от города, на берегу реки Кеголи.

Но утром 18 февраля к реке Кеголе подошли немцы. Ливонский магистр не сдержал обещание и нарушил им же самим предложенный мир. Немецкая рыцарская рать приняла привычный для нее боевой порядок. «Свинья» (боевое построение немецких рыцарей), выставив вперед копьа, преградила дорогу русским полкам.

Дмитрий Переяславский выстроил свои полки так, как это обычно делали русские князья. В центре встало пешее «чело» (передняя часть русского боевого построения) — новгородское ополчение, справа и слева от него — конные княжеские дружины. Но для немецких рыцарей, хорошо знакомых с таким построением, была подготовлена и новинка. На левом крыле Дмитрий Переяславский поставил лишь дружину тверского князя Михаила, а остальные конные полки сосредоточил на правом — здесь оказались и сам Дмитрий с отборной переяславской конницей, и князь Довмонт с крепкой псковской ратью.

Это сражение началось так же, как Ледовое побоище. Зловеще поблескивая оружием и доспехами, немецкая железная «свинья» приблизилась к русским полкам и с оглушительным лязгом врубилась в пешие ряды новгородцев. Под ее страшным напором новгородцы пятились, но продолжали держать строй. Несмотря на тяжелые потери, центр русского войска не рассыпался. Рыцарский клин, не сумев пробить «чело», распался. Теперь рыцари сражались поодиночке, и этим воспользовались новгородцы — легче стало стаскивать закованных в железо немцев с лошадей.

С левого фланга устремилась в атаку тверская дружина князя Михаила. Но навстречу ей выехали готовые к этому резервные отряды рыцарей и втянулись в бой. И тогда с другого фланга ударили переяславцы, псковичи и владимирцы. Удар был гораздо более сильным, чем могли ожидать немцы, и рыцари бросились кто куда: часть поскакала к недалекому лесу, часть устремилась к Раковору, спеша укрыться за крепостными стенами. Лишь приближение еще одного немецкого отряда спасло рыцарей от полного разгрома. Русским дружинам пришлось прекратить преследование и перестраиваться для нового боя. Но немцы не решились нападать — перед их глазами находилось поле, залитое кровью, усеянное множеством трупов в рыцарских доспехах и покрытое плащами крестоносцев. Простояв до темноты, ночью рыцари ушли. Переяславские дозоры нигде их не обнаружили.

Три дня простояло русское войско, хороня павших. Особенно тяжелы были потери среди новгородцев. Немало полегло и псковичей.

Не раз князь Довмонт защищал новгородские земли, но и новгородцы не оставляли Псков в беде. В 1269 году немцы появились под стенами Пскова. Попытка взять город приступом закончилась неудачей. У князя Довмонта не оказалось сил, чтобы отогнать рыцарей от города. Новгородцы на конях и в лодках-насадах двинулись к Пскову. По сообщению новгородского летописца, немцы бежали, едва завидев новгородский полк.

Немцы нечасто осмеливались нападать на сам Псков, как правило, ограничиваясь лишь набегам на пограничные псковские земли. Так, в 1271 году немцы напали на несколько окраинных псковских сел и попытались уйти в свою землю, но князь Довмонт нагнал их. У него было всего шестьдесят воинов на пяти стругах, немцев же оказалось восемьсот. Но псковичи по частям разбили врага. Много немцев полегло в бою, еще больше потонуло в реке во время бегства. Два немецких насада все-таки успели переплыть на остров, покрытый густыми зарослями. Но беглецам не удалось спастись. Князь Довмонт приказал поджечь сухую траву. Немцы сгорели в огне.

В 1272 году ливонский магистр, собравшись с силами, организовал большой поход на Псков, но вновь потерпел поражение. По свидетельству новгородского летописца, к Пскову подошли конные рыцарские отряды и отряды кнехтов на кораблях. Были у врага и осадные пушки, что свидетельствует о намерении немцев взять Псков штурмом.

Очевидно, магистр надеялся ворваться в Псков до того, как подойдут новгородские полки. Однако он

просчитался. Довмонт не стал ждать помощи из Новгорода, а напал на немцев лишь с псковской дружиной. Рыцари, не ожидавшие такой дерзости, не сумели отбить нападение. Псковичи рассеяли немецкие полки, а Довмонт ранил немецкого магистра в лицо.

Отступив от Пскова, рыцари тем не менее продолжали нападать на пограничные земли. И тогда Довмонт перенес войну на территорию противника. С псковской дружиной князь повоевал несколько чудских сел и привел в Псков немалый полон.

Более чем на четверть века после этого похода исчезают из русских летописей записи о немецких нападениях на Псковскую землю и о походах самого Довмонта. Псков пребывал в мире.

А между тем на Руси настало тревожное время. Князья боролись за великое княжение Владимирское, дававшее вместе со стольным градом Владимиром власть над остальными князьями. Сперва на престоле сменяли друг друга Ярославичи — Ярослав Тверской и Василий Костромской. Затем великим князем стал Дмитрий, старший сын Невского, но на него пошел средний Александрович — князь Андрей Городецкий.

В 1281 году князь Андрей перекупил в Орде у нового ордынского хана Тудаменгу «ярлык» на великое княжение Владимирское. Сажать Андрея на великокняжеский престол отправились во главе конных татарских туменов ханы Кавдыгай и Алчедай.

Татары, разыскивая великого князя Дмитрия Александровича, рассыпались по всей русской земле. По словам летописца, они опустошили

окрестности Мурома, Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова и Твери и гнались за великим князем Дмитрием Александровичем до Новгорода. Но схватить Дмитрия им не удалось — вместе с семьей и боярами он заранее укрылся в своей крепости Копорье, где хранилась и княжеская казна.

В Копорье Дмитрий Александрович хотел переждать ордынское нашествие, но его предали новгородские бояре, с которыми вместе столько раз он сражался против рыцарских ратей.

Новгородцы перехватили Дмитрия в пути и потребовали передать новгородским наместникам Копорье. В залог они взяли двух дочерей князя Дмитрия, его ближних бояр с женами и детьми. В Копорье, где осталась княжеская казна, встал новгородский гарнизон. Преследуемый татарами и преданный новгородцами, Дмитрий Александрович «иде за море».

И вот тут в усобицу, в первый и последний раз в своей жизни, вмешался Довмонт. Неизвестно, бывшее ли боевое братство сыграло свою роль или родство (Довмонт был зятем Дмитрия Александровича), а может и то и другое, но Довмонт Псковский решительным ударом взял Копорье и Ладогу, освободил людей князя Дмитрия и вернул ему казну.

Дмитрий Алексеевич вернул себе великое княжение. А спустя четыре года он впервые в русской истории разбил в «прямом бою» ордынское войско, вторгшееся в его владения. В 1285 году князь Андрей Александрович Городецкий вновь попытался с помощью ордынцев захватить престол своего брата Дмитрия, но великий князь собрал рать и разбил татар.

В 1293 году на Русь обрушилась «Дюденева рать». Дмитрий Александрович вновь был вынужден покинуть стольный град Владимир. И Довмонт с честью принял великого князя в Пскове, не побоявшись ни ханского гнева, ни обиды нового великого князя Андрея.

В 1299 году, ставшем последним годом жизни Довмонта, псковский князь совершил свои последние подвиги.

В один из весенних дней немцы незаметно подкрались к городу. Кнехты переползли через частокол, ограждавший псковский посад, и разошлись по спящему городу. Посадских сторожей ночные гости вырезали тонкими, похожими на шило, «ножами-убивцами».

Тревогу подняли собаки.

Зревела, будя воинов, труба на Смердье башне. Набатом отозвался большой колокол Троицкого собора. На ходу вооружаясь, воины бежали к стенам. На башню поднялись князь Довмонт и воеводы. Надо было спасти псковичей, погибших на улицах посада. Но Довмонт знал и суровый закон обороны городов: если враг у стен, нельзя открывать ворота, ибо в таком случае воевода рискует впустить врага в город и потерять не только посад, но и детинец.

И все же Довмонт решился. Он сам и его воины обладали большим опытом, да и простые псковичи верили в него, нельзя было обрекать их на смерть. Из раскрытых ворот вылетела дружинная конница и сразу же растворилась в темноте посадских улиц, освещаемых лишь огнем пожаров.

Дружинникам предстоял страшный бой — бой в тесноте, между глухими частоколами, в тупиках и во

дворах, когда неясно, где враг — спереди или сзади. Своих узнавали по белым рубахам — посадские люди выбегали из домов без кафтанов. Узнавали и по женскому плачу и детским испуганным крикам. Мужики пробивались к детинцу вместе с семьями. Чужих отличали по лязгу доспехов и той оторопи, которая охватывала немцев при виде хорошо вооруженных дружинников.

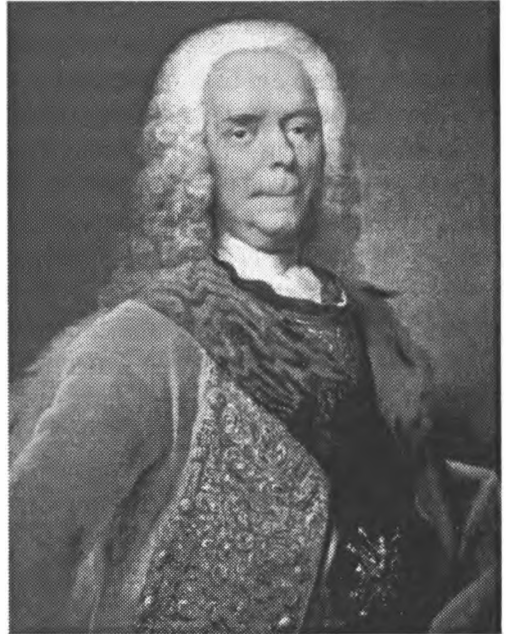
Дружинники сбивали немецкие заслоны, прикрывали беглецов, медленно отходя к воротам. Спасли многих, но и погибло немало.

Утром псковичи вышли в поле и разбили немцев, собиравшихся осадить город.

Псковичи праздновали победу, но эта победа оказалась последней в жизни Довмонта. В мае того же года он умер, возможно, от мора, охватившего город. Тело его положили в Троицкую церковь. А над гробом поместили оружие князя «на похвалу и утверждение граду Пскову».

ДОЛГОРУКОВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
(январь 1667—11.02.1746) — участник Северной войны (1700—1721), русско-турецкой (1710—1713), Персидского похода (1722—1723), генерал-фельдмаршал (1728)

Старинный род Долгоруковых дал России многих государственных и военных деятелей. Одним из наиболее известных военных был Василий Владимирович Долгоруков. Его происхождение уже давало ему возможность приблизиться к царскому окружению. Как и многие другие знатные люди, он начал службу стольником, но очень быстро перешел на службу в Преображенский полк.

Василий Владимирович заслужил доверие царя в 1708 году во время подавления восстания К.Булавина. Оно было подавлено особо жестоко, а Долгоруков неукоснительно и четко придерживался инструкции, данной ему царем, — «ходить по тем же городам и деревням, которые пристают к воровству, и оные жечь без остатка, а людей рубить, а заводчиков — на колеса и колья». Наградой Долгорукову стал чин подполковника гвардии Семеновского полка.

В Полтавском сражении (1709 год) Долгоруков командовал конницей и своими действиями немало способствовал победе над шведами. Затем он участвовал в Прутском походе (1711 год) и во всех важнейших сражениях русско-турецкой войны 1710—1713 годов.

Долгоруков пользовался неограниченным доверием царя Петра, который брал его с собой во время зарубежных поездок по Европе.

Но в 1718 году Василий Долгоруков во время следственного дела царевича Алексея был изобличен в переписке с царевичем. Несмотря на прежние заслуги, Долгоруков был лишен всего имущества, чинов и наград и сослан в Казань. Только через шесть лет, в 1724 году, благодаря прошениям за него друзей и родственников, Василий Владимирович был возвращен из ссылки. Он получил чин бригадира и снова был принят на службу.

После смерти Петра I императрица Екатерина награждает Долгорукова чином генерал-аншефа, но не оставляет его в столице, а отправляет в Персию, назначив главнокомандующим русскими войсками.

В 1728 году при Петре II, являясь дядей царской невесты, он был возвращен в Петербург, произведен в чин генерал-фельдмаршала и стал членом Верховного тайного совета.

В период правления Анны Иоанновны, как и все «верховники», он подвергся опале и в 1731 году был заключен в крепость в Ивангороде. В 1739 году Долгоруков был отправлен в Соловецкий монастырь на вечное заточение.

Но судьба снова проявила к Василию Владимировичу благорасположение. Взошедшая на престол Елизавета Петровна в 1741 году вернула его в Петербург. Ему были возвращены все чины и награды, и он вскоре становится президентом Военной коллегии. В этой должности он оставался до конца жизни.

ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

(01.07.1722 — 30.01.1782) — князь, участник русско-турецких (1735—1739), (1768—1774) и Семилетней (1756—1763) войн, генерал-аншеф (1762)

В дни и месяцы блестящих дунайских побед румянцевской армии отличилась и 2-я армия — был взят Перекоп и весь Крым: кошмар татарских набегов на Юг России наконец-то кончился...

За тридцать пять лет до этого, а именно в 1736 году, русские войска уже брали Перекоп. Тогда-то впервые для истории прозвучало имя Василия Долгорукова.

Он родился в семье князя Михаила Владимировича Долгорукова — губернатора Сибири и члена Верховного тайного совета. Образованный еще при Екатерине I, Совет стал играть важнейшую роль в государстве в годы правления Петра II и непосредственно после его смерти. Именно члены Совета решили пригласить на трон Анну Иоанновну — дабы ограничить самодержавие. Подобных умонастроений новая императрица не забыла.

Она считала Долгоруковых своими личными врагами. Старшее поколение рода при ней в большинстве своем оканчивало жизнь на плахе, а младшие были отданы в солдаты без права выслуги. Василий разделил судьбу своих близких.

Лишь случайность, помноженная на дерзкую храбрость, позволила ему достичь офицерского чина: перед штурмом Перекопа фельдмаршал Миних пообещал, что первый солдат, взойдя на укрепление живым, будет

произведен в офицеры. Первым стал 14-летний Василий Долгоруков.

Далее он отличился при штурме Очакова (1737) и Хотина (1738), в русско-шведской войне — в деле при Вилайкоках (1740). К 1747 году он был уже полковником и командиром Тобольского пехотного полка. Долгоруков резко выделялся из числа остальных командиров и общепризнанно считался одним из самых талантливых офицеров. Участие в походе на Рейн в 1748 году и почти во всех основных сражениях Семилетней войны (1756—1762) принесло ему чин генерал-поручика и орден Св. Александра Невского...

В 1768 году — с началом русско-турецкой войны — генерал-аншефу Василию Долгорукову была вверена охрана границ России с Крымом, а после назначения его командующим 2-й армией именно перед ним была поставлена задача ликвидировать Крымское ханство.

Покорение Крыма зависело от занятия главнейших его пунктов. Русским надлежало взять: Перекоп (или Орь) — укрепленную линию, загораживающую вход на полуостров; Керчь и Еникале, пункты, обеспечивающие соединение Азовского и Черного морей; Кафу (Феодосию), Арабат и Козлов (Евпаторию), приморские города-крепости, которые обуславливали прочное занятие ханства.

В соответствии с этим командующий поделил свою 38-тысячную армию на три отряда. Первый, главный, которому надлежало брать Перекоп и далее Кафу, он повел сам. Второму отряду генерал-майора князя Щербатова при помощи Азовской флотилии вице-адмирала Синявина ставилась задача овладеть Арабатом, а затем идти к Керчи и Еникале. От-

ряд же генерал-майора Брауна должен был взять Козлов.

К апрелю 1771 года 2-я армия была приготовлена к походу и собралась в главной квартире в Полтаве. 20 апреля Долгоруков двинулся в поход.

Шли не спеша, по пути создавая магазины и укрепленные пикеты. Поэтому лишь 12 июня армия остановилась в четырех верстах от Перекопа. Неприятельская кавалерия попыталась провести рекогносцировку, но казаки и легкие войска, завязав перестрелку, вскоре загнали ее за укрепление, откуда защитники его уже более не отваживались высунуться, а лишь ожидали осады и штурма.

Осмотрев укрепленную линию, которая на пересечении ее с дорогой, идущей в Крым, имела крепость Перекоп, что давало продольную оборону перешейка, командующий решил брать ее штурмом на следующую ночь — пока осаждаемым не пришла помощь.

Главный удар предполагалось нанести по той части линии, которая примыкала к Черному морю. Для тыльной же обороны Долгоруков намеревался отправить часть кавалерии и пехоты в обход неприятельского правого фланга — вброд через Сиваш. Одновременно с этим он запланировал ложную атаку части линии, также примыкавшей к Сивашу.

В ночь с 13 на 14 июня к воротам, бывшим на линии, подошла русская пехота с пушками, тем самым заперев их и лишив турок возможности нанесения ударов во фланги и тыл штурмовым колоннам русских.

На направление главного удара командующий двинул четыре пехотных полка, построив их в три каре. Одновременно со стороны Сиваша на-

чалась жаркая перестрелка, свидетельствовавшая, что ложная атака начата. Неприятель, зная, что сивашский участок — слабейший, начал перебрасывать туда часть своих сил. А в это время пехотные каре подошли незамеченными к укреплениям, упоравшимся в Черное море, спустились по лестницам в ров и пошли на вал.

Долгоруков, вспомнив свою раннюю молодость, посулил офицерские шарф и шпагу первому, кто взойдет на вал. Солдаты валились вперед.

В один миг вся часть линии почти от моря до крепости со всеми бывшими на ней батареями оказалась в руках штурмующих.

Тогда же кавалерия генерал-майора князя Прозоровского, шедшая по Сивашу, вышла по отмели на берег — уже в Крыму — и заняла позицию напротив укрепления. Противник бросил против них всю свою конницу, надеясь опрокинуть Прозоровского в Сиваш. Но русская конница, выдержав массированный удар, совместно с подоспевшей пехотой сама перешла в атаку и опрокинула татар. Таким образом — за исключением самой крепости — вся линия перешла в руки штурмующих.

С утра 14-го Долгоруков перевел по устроенному за ночь в валу проходу половину своей армии в Крым, а другую часть оставил на противоположной стороне прохода. Гарнизон крепости, увидев себя со всех сторон окруженным, поспешно капитулировал, так что уже 15 июля российская армия вступила в Перекоп...

Пятьдесят тысяч татар и семь тысяч турок не выполнили предназначенного им солнцеликим султаном — ключ от Крыма был выбит из их неловких дланей.

Назавтра колонны Брауна и Щербакова вышли по своим маршрутам, а сам командующий задержался еще на сутки, устраивая в крепости армейский магазин.

Наконец, утром 17 июля 27-тысячный отряд под его началом двинулся к Кафе — важнейшему и значительнейшему в системе крымской обороны городу полуострова. Шли тремя колоннами — каждая в составе дивизии — форсированными маршами, торопясь преодолеть как можно скорее испепеленное неистовым солнцем безводье.

29 июня отряд подступил к Кафе.

К этому времени русские войска уже добились значительных успехов: Щербаков 18 июня взял Арабат, 21 июня — Керчь и Еникале, а Браун — 22 июля — Козлов. Крепости эти достались русским малой кровью. Иное дело Кафа. Начальник турецкого войска Ибрагим-паша собрал там не менее 95-тысячное войско.

Подойдя к городу, Долгоруков построил пехоту в три боевые линии, между первой и второй расположил несколько эскадронов кавалерии, а остальную конницу направил на фланги первой линии, выставив перед кавалеристами еще и полевые орудия.

Боевые линии русских пошли в наступление. Отчаянная атака татарской конницы была отбита, и та отступила в земляной ретраншемент, расположенный впереди крепости с севера. Сюда же двинулся и русский командующий.

Высланная им вперед артиллерия открыла плотный огонь. Выдержав всего лишь несколько залпов, неприятель поспешно отступил в крепость. Кавалерия Долгорукова заняла окопы и бывший за ними лагерь, а

легкие войска в эти же минуты бросились по левому флангу, берегом моря, вперед, отрезая защитникам ретраншемента дорогу к столь вожденной сейчас крепости.

Маневр этот был проделан столь успешно, что отступающие — и так уже бежавшие не в идеальном порядке — просто-напросто рассеялись и перестали существовать как воинское подразделение, став лишь толпой испуганных людей, поодиночке ищущих спасение в близлежащих горах. Часть из них, лишенная и этой возможности, бросалась в неверные волны, намереваясь доплыть до расположенных недалеко от берега кораблей.

Однако русские, выставив на берегу батареи, не дали им такой возможности и разбили часть турецких судов. Остальные корабли предпочли убраться в открытое море, лишив пловцов последней надежды на спасение.

Тем временем основные силы русского отряда продолжали идти к крепости. Уже были выставлены на господствующих над городом высотах батареи, как неприятель, потеряв надежду на удачу, а с ней и весь кураж, выкинул белый флаг... Среди пленных оказался и Ибрагим-паша.

К концу июля Крым был полностью покорен. На территории полуострова оставались лишь жалкие кучки отчаянно метавшегося неприятеля.

Заняв небольшими отрядами Ялту, Балаклаву, Судак и Бахчисарай — в последнем городе, кстати, отсиживался крымский хан Селим-Гирей, бежавший затем в Стамбул, Долгоруков оставил на Щербакова спокойствие Крыма, а сам 5 сентября выступил с армией на Украину на зимние квартиры.

Екатерина в рескрипте Долгорукову благодарила его за победы и поздравляла с орденом Св. Георгия 1-й степени. Он получил этот орден четвертым — после Румянцева, Алексея Орлова и Петра Панина.

Вернувшись из Крыма, Долгоруков был приглашен Екатериной II на обед и посажен рядом с фельдмаршалом Александром Михайловичем Голицыным. Императрица налила рюмку и, отдав ее пажу, тихо сказала ему: «Князю Долгорукову» и — громко:

— Подайте господину фельдмаршалу!

Паж подошел к Василию Михайловичу, но тот указал на Голицына:

— Вот фельдмаршал!

После обеда присутствующие поздравляли Долгорукова, но он этих поздравлений не принял, хотя и ждал фельдмаршальского жезла за свое деяние.

Однако более со стороны Екатерины такого широкого жеста не последовало. Так судьба на хрупких весах случая обмерила старого генерала...

В день торжественного празднования мира с Оттоманской Портой (10 июля 1775 года) Долгоруков получил шпагу с алмазами, алмазы к ордену Св. Андрея Первозванного, который он имел с 1767 года, и титул Крымского. Обиженный генерал-аншеф подал в отставку.

Вновь служба позвала его в апреле 1780 года — он был назначен главнокомандующим в Москве, то есть фактическим генерал-губернатором второй столицы. На этом посту он заслужил всеобщую любовь своей добротой, доступностью, щедростью, широким гостеприимством и бескорыстием. Осуществляя верхов-

подвластных ему вогульских и остецких «князей». Кучум поддерживал отношения с ногаями и бухарским ханом. Незадолго до похода Ермака в Сибирь из Бухары прибыл Шербети-шейх во главе отряда в сто человек. Таким образом, Кучум обладал довольно большими, особенно по сибирским меркам, силами.

Строгановы, оставшись без военной поддержки со стороны государства, нашли выход в том, что стали привлекать на защиту Приуралья от набегов из Сибири казацкие отряды. Против Кучума было решено организовать поход.

Поход тщательно подготовили. Первоначально казаков насчитывалось пятьсот сорок человек, затем их численность увеличилась втрое — до тысячи шестисот пятидесяти человек. Основными дорогами в Сибири являлись реки, поэтому для похода было построено около сотни стругов — больших лодок, каждая из которых могла вмещать до двадцати человек с оружием и запасами продовольствия.

Рать Ермака была хорошо вооружена. На струги было установлено несколько пушек. Кроме того, у казаков имелось триста пищалей, дробовые ружья и даже испанские аркебузы. Пушки стреляли на двести—триста метров, пищали — на сто метров. Чтобы перезарядить пищали, требовалось несколько минут, то есть по нападавшей татарской коннице казаки могли сделать только один залп, а затем начинался рукопашный бой. По этой причине огнестрельное оружие имело не более одной трети казаков, остальные были вооружены луками, саблями, копьями, топорами, кинжалами и самострелами.

Что же помогло отряду Ермака одержать победу над татарскими отрядами?

Во-первых, большой опыт самого Ермака, его ближайших помощников и четкая организация войска. Ермак и его соратники Иван Кольцо и Иван Гроза считались признанными воеводами. Дружина Ермака разделялась на пять полков во главе с выборными воеводами. Полки делились на сотни, сотни — на полусотни и десятки. В войске имелись полковые писари, трубачи, литаврщики и барабанщики, подававшие сигналы во время сражений. В течение всего похода соблюдалась строжайшая дисциплина.

Во-вторых, Ермак избрал верную тактику для борьбы с татарами. Татарская конница была быстра и неуправима. Ермак добился еще большей маневренности, посадив свое войско на суда. Относительно большой численности отрядов Кучума были противопоставлены умелое сочетание «огненного» и рукопашного боя, использование легких полевых укреплений.

В-третьих, Ермак выбрал для похода наиболее выгодное время. Накануне похода Ермака хан послал своего старшего сына и наследника Алея с лучшими воинами на Пермский край. Некоторое ослабление Кучума привело к тому, что от вступления в его войско стали уклоняться остецкие и вогульские «князья» со своими отрядами.

Поход начался 1 сентября 1581 года. Рать Ермака, проплыв по реке Каме, свернула в реку Чусовую и стала подниматься вверх по течению. Движение стругов замедляли сильное встречное течение, многочисленные

подводные камни и мели. Затем по речке Серебрянке «судовая рать» добралась до Тагильских перевалов, где было удобно перебраться через Уральские горы, или «Камень», как их тогда называли. Казакам пришлось на руках нести тяжелые струги, пушки, припасы.

Достигнув перевала, казаки построили земляное укрепление — Кокуй-городок, где и зазимовали. Весной струги перетасили на реку Тагил, уже по другую сторону «Камня». Всю зиму Ермак вел разведку и покорял окрестные улусы вогул.

По реке Тагил рать Ермака спустилась в реку Туру, где начинались владения Сибирского хана.

Близ устья Туры произошло первое серьезное столкновение русской «судовой рати» с главными силами сибирского войска. Шесть сибирских мурз, во главе которых стоял племянник хана Маметкул, попытались остановить казаков обстрелом с берега, но успеха не добились. Казаки, отстреливаясь из пищалей, вошли в реку Тобол.

Второй крупный бой произошел у Бабасановых юрт, где казаки высадились на берег и соорудили остроги из бревен и жердей. Маметкул атаковал укрепление с целью сбросить казаков в реку, но русские воины сами вышли в поле и приняли «прямой» бой.

Потери с обеих сторон были большими, но первыми не выдержали татары и бросились бежать.

В первых боях с татарами казаки успевали сделать лишь один залп из огнестрельного оружия, а затем им приходилось вступать в рукопашный бой, теряя одно из самых важных своих преимуществ. Но затем Ермак распорядился делать первый залп

лишь половине своих казаков. Второй залп следовал, когда выстрелившие перезаряжали пищали, чем обеспечивалась непрерывность огня.

Недалеко от Иртыша, где реку Тобол сжимали обрывистые берега, казаков ожидало новое препятствие. Путь стругам преградила засека из спущенных в реку и связанных цепями деревьев. Засека обстреливалась с высоких берегов татарскими лучниками.

Ермак приказал остановиться. Три дня готовились казаки к сражению. Атаковать было решено ночью. Основные силы высадились на берег и незаметно подошли к татарскому войску. К засеке устремились струги, на которых оставалось лишь двести казаков. Чтобы татары ничего не заподозрили, на свободные места были посажены чучела.

Подплыв к заграждению, казаки со стругов отрыли пальбу из пушек и пищалей. Татары, собравшись на высоких берегах Тобола, ответили стрелами. И в это время на татар с тыла напал отряд, посланный Ермаком в тыл неприятелю. Не ожидавшие этого воины Маметкула в панике бежали.

Разбив преграду, «судовая рать» устремилась к Искеру. Укрепленный городок Карачин, расположенный в шестидесяти километрах от Искера, Ермак взял неожиданным ударом. Кучум сам повел войско, чтобы отбить городок, но был вынужден отступить.

После поражения под Карачином хан Кучум перешел к оборонительной тактике, видимо, убедившись в стойкости казаков. Вскоре казаки захватили и Атик — другой укрепленный городок, прикрывавший подступы к столице Сибирского ханства.

Перед штурмом Искера казаки собрались на свой традиционный «круг», чтобы решить, напасть ли на город или отступить. Были и сторонники и противники штурма. Но Ермак сумел убедить сомневающихся: «Не от многих бо вои победа бывает».

Хану Кучуму удалось собрать за укреплениями на Чувашском мысу действительно большие силы. Кроме конницы Маметкула здесь находилось целое ополчение из всех подвластных хану «улусов».

Первый приступ казаков не удался. Второй штурм также не принес успеха. Но тут хан Кучум допустил губительную ошибку, приказав своим воинам атаковать казаков. Причем сам хан благоразумно остался стоять со своей свитой на горе.

Татары, разломав в трех местах укрепления, вывели свою конницу в поле и со всех сторон устремились на небольшую рать Ермака.

Казаки встали плотными рядами, заняв круговую оборону. Пищальники, сделав выстрел, отходили в глубину строя, перезаряжали оружие и снова выходили в первые ряды. Стрельба из пищалей велась непрерывно. Если татарской коннице все же удавалось приблизиться к казацкому строю, то русские ратники встречали врага копьями и саблями.

Татары понесли огромные потери, но прорвать казацкий строй так и не смогли. В бою был ранен предводитель татарской конницы Маметкул. Хуже всего для хана Кучума было то, что его наспех собранное войско стало разбегаться. Вогульские и остяцкие отряды «убегоша во свои жилища». Отборная ханская конница понесла невосполнимые потери.

В ночь на 26 октября 1582 года хан Кучум бежал из столицы. На следующий день в Искер вошел Ермак со своей ратью. Здесь казаки нашли значительные запасы продовольствия, что было особенно важно, так как предстояло зимовать в Сибирском «царстве».

Хан Кучум бежал в Барабинскую степь, но сопротивление не прекратил. Неподалеку от Искера находились и конные отряды «царевича» Маметкула.

Чтобы удержаться в крепости, удаленной от России на тысячи километров, было необходимо наладить отношения с местными жителями. Ермак сразу же постарался установить дружеские связи с вогульскими и остяцкими «князьями». Уже на четвертый день после бегства Кучума в Искер прибыл местный князек Бояр. Он привез казакам рыбу и другие припасы. Мир и союз Ермаку предложил князь Алагей, владения которого были на Оби. Добровольно признали власть Ермака князья Ишбердей и Суклем.

Первая зимовка Ермака в завоеванном Искере стала трудным испытанием. Не прекращались бои с конными отрядами Маметкула, наносившими быстрые, коварные и подчас весьма болезненные удары. Татары мешали казакам ловить рыбу, охотиться, поддерживать отношения с местными вогульскими и остяцкими «князьями».

Быстротечные схватки нередко перерастали в упорные, кровопролитные бои. В начале декабря 1582 года татарский отряд неожиданно напал на казаков, рыбачивших на озере Абалак, и убил многих из них. Ермак поспешил на выручку, но под Абалаком

на него напало многочисленное войско Маметкула. Русские ратники одержали победу, но потери оказались значительными. В бою пало четыре казацких атамана и множество простых казаков.

Разгромив большое татарское войско, Ермак сразу же постарался поставить под свою власть соседние земли. В разные стороны по Иртышу и Оби были разосланы казацкие отряды. Один из таких отрядов сумел пленить самого «царевича» Маметкула, которого предал «ближний ясашный мурза» хана Кучума Сенбашта Тагин, «по недружбе» к Маметкулу сообщивший казакам, где тот кочет.

Против Маметкула Ермак послал немногим более пятидесяти казаков, но опытных и искушенных ратному делу. Казаки напали на татарский стан ночью. Перебив стражу, они живьем захватили Маметкула, который даже не успел выбежать из шатра.

Летом 1583 года казацкая «судовая рать» двинулась по Иртышу, подчиняя местных князьков и собирая ясак. Выйдя на реку Обь, казаки попали в малонаселенные места и после трехдневного плавания по великой реке повернули обратно.

Казаков становилось все меньше и меньше. Ермак решил просить помощи у царя Ивана Грозного. В Москву из Искера была отправлена первая станица из двадцати пяти казаков с атаманом Черкасом Александровым во главе. Собранный ясак повезли на двух стругах. Кроме ясак Черкас Александров повез в Москву донесение Ермака о «сибирском взятии».

Царь Иван Грозный сразу оценил важность полученного донесения. Посольство было встречено ми-

лостиво. Было принято решение о подготовке зимнего похода на помощь Ермаку. Но потом поход был отсрочен, так как выяснилось, что зимой Уральские горы непреодолимы для конницы.

Отряд стрельцов повел к Ермаку воевода князь Семен Болховской. Царским повелением Строгановым было приказано подготовить пятнадцать стругов.

Отряд Болховского прибыл в Искер в 1584 году, но радость казаков была недолгой. Подкрепление было немногочисленным. Кроме того, стрельцы не привезли с собой продовольствия, казаки же сумели заготовить припасы только для себя.

Зимовка оказалась тяжелой: сорокаградусные морозы, сильные ветры, глубокие снега. Охота почти ничего не давала. У Ермака осталось лишь около двухсот боеспособных воинов. Все присланные стрельцы вместе с воеводой Семеном Болховским умерли от голода.

Весной Искер был окружен войсками Карачи — главного ханского сановника. Обложив город плотным кольцом разъездов, Карача остановился в трех верстах от Искера, на Сусканском мысе. В стане были его сыновья, слуги, отборные телохранители. Он надеялся взять город осадой и голодом.

Но Ермак нашел выход из этой непростой ситуации. Темной июньской ночью несколько десятков казаков во главе с Матвеем Мещеряком незаметно вышли из города и напали на стан Карачи. Казаки порубили стражу. На месте схватки остались лежать два сына Карачи, но сам он сумел бежать.

На следующий день Карача снял осаду Искера и стал отступать на юг.

Ермак с сотней своих казаков устремился следом за ним. Это был последний поход легендарного казачьего атамана.

Сначала поход проходил удачно, казаки одержали над татарами две победы: возле Бегичева городища и в устье Ишима. Но затем последовал неудачный штурм городка Кулары. Атаман приказал двигаться дальше. По реке казацкие струги поднялись до урочища Атбаш, окруженного непроходимыми лесами и болотами.

Свой последний бой Ермак принял в ночь с 5 на 6 августа 1585 года. Казаки заночевали на острове, не подозревая, что врагам известно о месте их ночевки и они ждут только удобного момента для нападения.

Татары напали на сонных казаков, видимо, сумев вырезать дозоры. Но избиения сонных не получилось. Начался настоящий бой. Силы Кучума явно превосходили силы Ермака, и казаки стали пробиваться к стругам, чтобы отплыть от острова.

Видимо, Ермак отступал одним из последних, задерживая татар и прикрывая своих товарищей. Он погиб уже у самой реки или утонул, не сумев из-за ран подняться на судно.

Сибирские казаки, потеряв своего вождя, решили покинуть Сибирское ханство. Долгий путь предстоял им: по Иртышу, Оби и далее через уральские волокы в Печору.

Казаки покинули Искер незадолго до того, как туда подплыла рать царского воеводы Мансурова, насчитывавшая несколько сот человек. Мансуров проплыл мимо Искера, занятого татарами, и попытался догнать казаков, но это ему не удалось. Тогда воевода решил зимовать в Сибири. Так близ устья Иртыша возник укрепленный Обский городок.

Смерть Ермака не привела к потере Западной Сибири. Служилые люди остались в Обском городке и подчинили местных «князей».

Память же о славном атамане Ермаке навсегда сохранилась в народе.

3

ЗАГРЯЖСКИЙ АРТЕМИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ (1675—1754) — участник Северной (1700—1721) и русско-турецкой (1735—1739) войн, генерал-лейтенант

Один из участников Азовских походов, отличившихся при взятии этой крепости.

Загряжский принимал активное участие в военных действиях в период Северной войны 1700—1721 годов. В 1702 году он сражается под Ревелем и Юрьевом, а затем штурмует Нотебург (Петрокрепость). В 1705 году он принимал участие в бою со шведами под Мурманской.

В следующем году Загряжский участвовал в Астраханском походе Шереметева против стрельцов; и в том же году он принимает участие в осаде Выборга.

В 1712 году Артемий Загряжский был произведен в чин полковника и получил под свое командование Киевский драгунский полк.

Загряжский принимал участие в походах на Польшу. В 1733—1734 годах он отличается при осаде Данцига, командуя кавалерией действующей армии.

В 1735—1739 годах Артемий Григорьевич участвует в войне с Турцией — в 1735 году был в Крым-

ском походе при взятии Азова, в 1738 году в составе армии Миниха перешел Днепр. Это был последний поход, в котором принимал участие Загряжский.

Напряженная армейская жизнь сказалась на его здоровье, и в том же 1738 году он был направлен в столицу для несения статской службы. В течение двух последующих лет он не мог приступить к службе из-за слабого здоровья, находясь все время на лечении.

Только в июне 1741 года он получил новое назначение — должность губернатора Казани.

В 1753 году Артемий Григорьевич Загряжский окончательно вышел в отставку.

ЗАРУЦКИЙ ИВАН МАРТЫНОВИЧ

(? — 1614) — казачий атаман

Активную деятельность начал во время Лжедмитрия I.

В 1606—1607 годах вместе с казаками присоединился к И. Болотникову, выступившему против Василия Шуйского. Когда Болотников был разгромлен под Москвой, Заруцкий был отправлен к Лжедмитрию II с письмами и остался у последнего на службе. Став «боярином», он активно помогал «царевичу Дмитрию» в создании и организации войска. Заруцкий был главным атаманом донских казаков и принимал участие во всех сражениях войск «царевича».

После смерти Лжедмитрия II Заруцкий женился на его вдове Марине Мнишек, имея далеко идущие планы — посадить на российский престол ее сына.

После начала польско-шведской интервенции в 1611 году Иван Заруцкий примкнул к первому земскому ополчению, возглавленному Ляпуновым. Ополчение выступило против поляков, засевших в Москве. Заруцкий вскоре становится одним из руководителей ополчения, но ему хотелось большего.

С помощью интриг и ложного письма ему удалось оклеветать Ляпунова перед казаками, которые и убили Ляпунова.

Надежды Заруцкого на лидерство в ополчении не оправдались, так как смерть Ляпунова привела к распаду первого ополчения, а с одними казаками противостоять полякам было нереально.

В планы Заруцкого вмешался и князь Пожарский, который стал организатором второго ополчения и призывал не признавать законность требований Мнишек и ее сына на престол. Тогда Заруцкий решил убить Пожарского, но попытка провалилась.

Новое ополчение все больше приобретало общенациональный размах, к нему стало примыкать больше и больше людей. И в это время Заруцкий с каждым днем стал терять своих сторонников. Ему пришлось бежать в Астрахань, надеясь там начать новый этап борьбы. Но астраханцам не пришлось по душе ни сам Заруцкий, ни «родня царевича Дмитрия». В 1614 году они восстали против Заруцкого и его казаков.

Вместе с Мариной Мнишек Заруцкий бежит на Яик, но, лишившись поддержки казаков, он был вскоре схвачен и выдан стрельцам.

В Москве после проведения следственного дела он в том же году был казнен.

ЗАХАРЬИН-КОШКИН ЯКОВ ЗАХАРЬЕВИЧ
(? — 15.03.1510 или 1511) — боярин и воевода

Яков Захарьевич был наместником Новгорода и в этой должности водил новгородские полки на Тверь в 1485 году. Результатом этого похода против тверского князя Михаила стало завершение процесса территориального объединения русских земель.

В 1495 году по приказу Ивана III он командовал русскими войсками во время похода на Выборг.

В 1500 году он являлся фактическим главнокомандующим в войне с Литвой 1500—1503 годов, причем результатом военных действий стал отход к Руси Чернигово-Северской земли. Через два года Кошкин-Захарьин вновь ходил походом в Литву, а во время нового похода 1506 года он сумел отвоевать восточную часть Смоленской земли.

Затем в 1508 году он принимал участие в войне с Сигизмундом.

Умер Яков Захарьевич в 1510 (по другим сведениям в 1511) году.

ЗУБОВ ВАЛЕРИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ
(28.11.1771 — 21.06.1804) — участник русско-турецкой (1787—1791) войны, польской кампании (1793—1794), граф (1793), генерал-аншеф (1796), генерал-адъютант (1796)

Службу в действующей армии Валериан Александрович Zubov начал в 1789 году в период русско-турецкой войны 1787—1791 годов.

Получив чин подполковника, он прибыл в войска. После взятия крепости Бендеры Zubova отправили с этим известием в Петербург, где он был произведен в полковники.

Zubov вернулся в армию в 1790 году. Он принимал участие в штурме Измаила и, командуя частью колонны, захватил участок у Килинских ворот. За это он получил звание бригадира и был назначен командовать лейб-гвардии Измайловским полком.

В 1791 году Валериан Zubov получил орден Св. Александра Невского, а в следующем году, за проявленное мужество во время польской кампании, получил звание корнета кавалергардского корпуса, шефом которого был его брат Платон.

В 1793 году Zubov вновь в Польше — в составе войск под командованием Суворова. Во всех боях, в которых он участвовал, его отличали личная храбрость и мужество. В одном из таких сражений Zubov лишился ноги и вынужден был покинуть армию почти на три года.

В конце 1795 года Zubova назначили командиром 35-тысячного корпуса, действовавшего против Персии. В середине апреля 1796 года Zubov выступил в поход и уже 3 мая захватил крепость Дербент.

Вскоре выяснилось, что эта война, целью которой служил захват всей Передней Азии вплоть до Тибета, а также черноморских проливов, требует огромных средств. Да и сама цель этой войны была плохо продуманна — автором этого проекта был брат Валериана Zubova Платон — последний фаворит императрицы. После смерти Екатерины II военные действия были сразу же прекращены.

И

ИВАН III

(27.01.1440 — 27.10.1505) — великий князь
Московский (1462—1505)

Старший сын Василия II Темного. В период правления Ивана III завершилось объединение русских князей под властью «государя всея Руси», и шел процесс создания нового русского войска, пришедшего на смену княжеским дружинам и феодальным ополчениям.

В отличие от прежних князей, лично водивших полки в сражение, таких как Андрей Боголюбский, Александр Невский, Дмитрий Донской и других, Иван III не принимал личного участия в походах, часто во время войны оставался в столице или в другом стратегически важном пункте.

Поскольку борьба за оборону отечества и возвращение ранее захвачен-

ных соседями русских земель выдвинула немало способных воевод, в верности которых великий князь успел убедиться, он выступал теперь как верховный главнокомандующий, доверяя ведение военных действий воеводам.

Правда, в 1452 году он (формально) лично возглавлял войско во время междоусобной войны.

В конце 60-х годов XV века Казанское царство сильно беспокоило Русь — из его пределов беспрестанно совершались набеги на русские земли, которые проводили татары и подвластные им черемисы, населявшие восток Европейской России.

Иван III отправил отряды разорять черемисскую землю, а в 1467—1469 годах вел успешные военные действия против Казани. Так, в 1468 году ему удалось добиться того, что вместо хана Ибрагима, которым были недовольны некоторые высокопоставленные лица Казани, был приглашен на правление царевич Касим, которому еще отец Ивана III дал приют и поместье в русской земле. В поддержку ему было организовано два военных похода, но оба они были неудачными, так как Казань, боясь усиления Москвы, поддержала Вятская земля.

Великий князь не остановился на прежних неудачах и в 1470 году снова послал под Казань войско во главе со своими братьями. Результатом этого похода стал заключенный мир между Москвой и Казанью, по которому были освобождены все русские пленники, находившиеся в Казани, и приняты другие условия великого князя.

Продолжая политику своего отца, Иван III путем силы или дипломатии стал подчинять себе русские зем-

ли. Одним из первых в 1463 году было подчинено Ярославское княжество, затем в 1474 году — Ростовское, в 1485-м — Тверское и через четыре года — Вятская земля.

Одним из немногих военных походов, в котором принимал участие Иван III лично, был поход в Новгородскую землю в 1471 году.

Антимосковская боярская группировка во главе с Марфой Борецкой (Марфой Посадницей) заручилась поддержкой польско-литовского короля Казимира IV, обещавшего оказать Новгороду военную помощь в борьбе с Москвой. Но в этот момент обострились польско-венгерские отношения, которые помешали королю Казимиру прислать в помощь войска, состоящие в основном из польской шляхты.

Используя это, Иван III решил придать походу на Новгород общерусский характер, указывая в своих посланных грамотах на необходимость борьбы с новгородцами, которые готовятся перейти на сторону «латинян».

Начав военные действия, он постарался охватить Новгород своими войсками с востока и запада, чтобы перекрыть все пути, ведущие на Новгород, по которым могла бы подойти к городу помощь. В этом случае воеводы, посланные в Новгород, должны были действовать на значительном расстоянии друг от друга, а сам великий князь собирался выступить с главными силами лишь когда воеводы приблизятся к Новгороду. В поход он выступил 20 июня и, не торопясь, двигался к озеру Ильмень через Тверь и Торжок. Такой поворот событий заставил новгородцев раздробить свои силы. В июле 1471 года в битве на реке Шелони

новгородцы потерпели поражение. В конечном итоге оборонять сам город было уже некому. После приезда из Новгорода посланцев просить мира «по всей воле» великого князя, Иван III даже не пошел к Новгороду, а вернулся с победой в Москву. Так была завершена последняя феодальная война на Руси, и новгородские земли практически вошли в состав Русского государства, правда, официально оставаясь независимыми, но с обязательством впредь не вступать в отношения с Литвой. Через несколько лет в Новгороде снова «оживла пролитовская партия». Иван III, собрав войско, опять двинулся в поход на Новгород. Город был окружен со всех сторон и городским властям предъявлен ультиматум, по которому политическая самостоятельность Новгорода уничтожалась — «вечю колоколу во отчине нашей в Новгороде не быти, а господарство свое нам держати». В январе 1478 года Новгородская республика перестала существовать и формально.

Для проводимой им политики было характерно то, что он никогда не искал внешнеполитических решений чисто военными средствами, а старался сочетать их с дипломатическими.

С большим вниманием великий князь следил за обстановкой на южных рубежах Руси.

В 1476 году, после получения известия о новом нашествии ордынского хана Ахмата, Иван III быстро двинулся в Коломну, где еще ранее были сосредоточены значительные военные силы. Это заставило хана повернуть на запад, чтобы обойти русские войска. Получив новую информацию о продвижении ордынцев к Алексину, русские войска скорым

маршем двинулись туда же и нанесли хану Ахмату серьезное поражение. Разбив Ахмата, Иван III вообще отказался от уплаты дани Орде, что привело к возникновению новой ситуации, в ходе которой и Орда и Москва стали готовиться к войне и искать союзников.

Ордынцы сумели договориться о совместном выступлении с королем Казимиром IV и заручились поддержкой Ливонского ордена, начавшего нападать на западные земли Москвы, дабы оттянуть часть русского войска от южной границы.

Этой мощной коалиции Иван III противопоставил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, используя противоречия между Крымом и Большой Ордой.

Зимой 1480 года Орда начала подготовку к вторжению в Московское государство, объявляя публично о желании захватить его и пленить великого князя.

Великий князь тоже не терял времени даром, и когда небольшой ордынский отряд появлялся на берегу Оки, ему пришлось скоро удалиться, увидев там стоящие русские полки. Иван III, поняв, что ордынцы производят разведку, стал еще быстрее собирать войска. Он также учитывал и возможность нападения на Москву и организовал оборону города. Кроме того, он хотел вынудить противника раздробить силы путем ударов по второстепенным направлениям.

Хан Ахмат на первом этапе войны намеревался соединиться с войсками Казимира IV в низовьях Угры, куда вела прямая дорога, прикрытая со стороны московских владений рекой. Необходимо было не дать Казимиру IV соединиться с ханом. А это могло быть достигнуто с помощью на-

падений Менгли-Гирея на польско-литовские владения и вооруженными выступлениями русских князей, подчиненных королю, так как их уделы находились в захваченных Казимиром западнорусских землях.

На военном совете в Москве было решено сосредоточить глазные силы под командованием младшего сына великого князя Ивана Меньшого и его брата Андрея Меньшого не в Коломне, а в районе Серпухова и Тарусы. Это позволяло сразу обеспечить оборону с нескольких сторон, если бы хан Ахмат попытался обойти оборонительную линию через польско-литовские владения. Одновременно было решено послать русскую судовую рать под командованием воеводы князя Василия Звенигородского и татарского служилого царевича Удовлета по Волге в ордынские улусы.

100-тысячное войско хана Ахмата подошло к верховьям Дона 23 июня. Теперь полки из Серпухова и Тарусы были переведены в Калугу и непосредственно расставлены на берегу Угры, так как стало ясно направление движения ордынского войска.

Ордынцы по-прежнему двигались по водоразделу между верховьями Волги и Дона и по территории княжеств, подчиненных Литве. Они не тронули Тульский край и обошли Елецкое княжество. Ахмат, не желая раньше времени ввязываться в бои, форсировал Оку не там, где стояли русские заставы, а в пределах литовских владений. Затем, как правильно рассчитали русские воеводы, он двинулся к устью Угры, где вела большая дорога через Калугу, Малоярославец и Медынь в глубь русских земель.

В начале октября обе рати оказались друг против друга на берегах

Угры. Здесь в час дня на переправах и началось сражение. Дважды пытался Ахмат форсировать небольшую, но бурную реку — но оба раза был отброшен русской ратью.

Здесь впервые в русской военной истории заметную роль сыграли «тюфяки» — короткие стреляющие картечи пушки, а также и «ручницы» — огнестрельное оружие, имеющее коническую форму для веерного разброса картечи. В этом сражении были использованы многочисленные отряды «пищальников» и «наряд» — первые орудия и их обслуга. Но поскольку «наряд» еще не имел достаточного опыта и не обладал маневренностью, то пушки были поставлены на переправах через Угру.

Таким образом, Иван III смог использовать сильные стороны своего войска и одновременно создать ситуацию, при которой численное преимущество ордынцев не проявилось в полной мере, так как у них не было простора для фланговых и обходных маневров, и оставался путь лишь на переправах через Угру. Не пришел на помощь к Ахмату и Казимир IV, на владения которого совершил набег Менгли-Гирей.

Через некоторое время активные военные действия на Угре прекратились и начались переговоры, которые не дали никаких результатов.

Ахмат все еще надеялся перейти Угру на западе — в глубине литовских владений. Он послал туда ордынское конное войско для разведки, а сам оставался на Угре. Но и здесь ордынцев встретило достаточно сильное русское войско, и здесь им также не удалось перейти реку.

Сразу же после покрытия реки льдом Иван III приказал отвести полки с берегов Угры, поскольку она

утратила свое оборонительное значение. Он оттянул полки в глубину и собрал их вместе, поскольку ордынцы все же могли пойти на Москву.

Но хан Ахмат так и не решился перейти Угру. Простояв здесь несколько дней, он 11 ноября увел свои войска в степь.

По пути он попытался пограбить русские земли, но Иван III быстро организовал преследование, и, узнав, что войска великого князя близко, ордынцы лишь ускорили свое бегство.

Сам Ахмат был убит в степи ногайскими татарами.

Так закончилось «стояние на Угре», и Русь навсегда освободилась от даннической зависимости от Орды. Правда, еще не раз наследники Ахмата пытались нападать на русские земли, но сил для нового «большого похода на Русь» у Орды уже не было.

Вражда Большой Орды с Крымом по-прежнему продолжалась, а Иван III поддерживал ее дипломатическими, а в случае необходимости и военными средствами, посылая в степь конные отряды «детей боярских» и служилых татарских «царевичей» или просто ограничивался демонстрациями на своей южной границе.

В 1491 году войска Большой Орды подступили к самому Перекопу. Весной две русские рати, посланные Иваном III, двинулись в Дикое поле. Пройдя двумя направлениями, они в назначенном месте соединились, и, пока осажденный крымский хан сидел за перекопскими укреплениями, шестидесятитысячное русское войско разорило Большую Орду, взяв много пленных и лошадей.

При Иване III в 1487—1494 и 1500—1503 годах велись войны с Великим княжеством Литовским. По-

водом для войн стали переходы русских князей, ранее служивших Литве, к Москве. Правителем в Литве был зять Ивана III князь Александр. Причиной перехода русские князья выставляли гонение на православную веру.

Переходившие к великому князю Московскому отдавали под его верховную власть свои наследственные владения (Чернигов, Стародуб, Гомель, Любечь, Новгород-Северский и Рылск).

Активные военные действия начались в 1500 году, когда Иван III послал своему зятю грамоту о разрыве отношений и направил войска в Литву. Его поддержал и союзник Менгли-Гирей, который стал нападать на южные земли, принадлежавшие Литве.

Русские войска брали города, и многие князья, служившие Александру, были взяты в плен или по собственной инициативе переходили к великому князю Московскому.

14 июля 1500 года князь Даниил Щеня наголову разбил литовское войско, взяв в плен гетмана (главного предводителя) князя К.К. Острожского — потомка древних князей Острожских.

Тогда Александр заключил союз с Ливонским орденом, войска которого под командованием магистра Платтенберга вступили в псковскую землю. Но вскоре из-за начавшихся в войсках болезней, уносивших жизни многих солдат, ливонцы ушли обратно, преследуемые русскими войсками.

Результатом войны с Литвой стал отход к Руси многих городов и западных земель.

Основной военной опорой при Иване III становится войско служи-

лых людей (дворян), являвшихся регулярно на военную службу «конно и оружно». Число ратных людей и характер вооружения определялись размером поместья.

Вступая в правление, Иван III в 1462 году получил территорию размером около 430 тысяч кв. км, а к 1533 году при вступлении на престол его внука — Ивана IV — территория государства была увеличена в шесть раз. Так незаметная «Московия, стиснутая между Литвой и татарами», превратилась в годы правления Ивана III в огромное государство на востоке Европы.

ИГОРЬ РЮРИКОВИЧ

(877—945) — великий князь Киевский (с 912)

С молодых ногтей Игорь будет находиться в самой гуще, в самом центре войны и политики. Именно его, малого возрастом, покажет Олег киевским князьям Аскольду и Диру на днепровском берегу, и малыш станет

свидетелем жестокой расправы с князьями и преданной им дружиной, рано — наверное, даже чересчур рано — начав постигать жизнь со всей ее жестокостью и кровью. Учился он и науке власти, когда сладкоречивому воину-мудрецу, недаром прозванному в дальнейшем Вещим, т.е. ведающим, знающим то, что скрыто от глаз обычных людей, удалось убедить киевлян принять его владычество после умерщвления их князей.

При Олеге, будучи его ближайшим подручным и официальным приемником, Игорь будет сопровождать великого князя Руси во многих походах. И через много лет его сын Святослав, слушая уже почти былин-ные рассказы об их подвигах, прежде всего запомнит (это поразит его и останется в памяти навсегда) даже не то, как использовали росы все окружающее, переделывая по-своему (например, корабли на колесах у стен Царьграда), но удивление и беспомощность неприятеля перед неожиданностью, перед воинской сметкой, помноженной на русскую доблесть.

Приняв власть после Олега, Игорь продолжит его дело: вооруженной рукой смирит древлян, понадеявшихся, что после смерти первого великого князя они могут вновь стать независимыми от Киева, смирит уличей, установит мир с печенегами, вновь появившимися на границе Руси из глубин Степи (пока лишь благодаря искусству дипломата, но через пять лет — в 920 году — склонит их к миру уже и силой оружия). Через год после вокняжения он организует поход на Каспий, окончившийся неудачей из-за двуличия хазар, бывших его временными союзниками. Вскоре русские поселенцы, поддер-

жанные военной мощью Киева, начнут продвижение к устью Дона, создадут колонию на Таманском полуострове, недалеко от Керчи, приблизившись тем самым к границам Хазарии и византийским колониям Крыма. Византия сразу вспомнит, что хазары ее старинные союзники, и не откажет им в просьбе построить на Дону сильную крепость Саркел, ориентированную своими защитными бастионами на запад (позднее, когда Святослав разгромит каганат, там возникнет русское княжество). Кроме того, Византия начнет и прямое противодействие усилению Руси, раз за разом нарушая договор с ней, заключенный Олегом.

В конце концов терпение Игоря иссякло — в 941 году во главе большого войска он выступил, как и многие до него, походом на Константинополь, вновь морем и сушей. Но на этот раз русские ошиблись в расположении болгар — те сообщили в Империю о приближающемся противнике, и греки сумели подготовиться. Пригороды столицы они, правда, и на этот раз не сумели спасти — Игорь прошелся по ним огнем и мечом. Вскоре пришел черед росов узнать силу и ярость огня — «греческого огня», самой страшной тайны Империи и самого ее мощного оружия, горючей смеси, секрет которой не могли разгадать много столетий. Выпускавшийся под давлением через специальные медные трубки, он огненной струей поражал всех врагов Византии. От него не было спасения — попадая в воду, он горел и там. Русские ладьи приняли бой на поражение с флотом византийцев, состоявшим из крупных кораблей, вооруженных «греческим огнем». Бит-

ва длилась весь день и весь вечер. Ладьи пытались сблизиться с противником, чтобы взять его на abordаж, и горели, горели... К вечеру большая часть флота, видя тщетность усилий прорвать неприятельскую оборону, ушла к побережью Малой Азии, где еще несколько месяцев на мелководье билась с греками. Лишь часть их через год вернется домой. Игорь же, возглавлявший пешее войско, с болью смотрел, как флот его тает в вечерней дымке. Лишь несколько передовых ладей прорвались к европейскому берегу. Взяв их под свое начало, князь двинется обратно, громя где можно неприятеля. Тот мобилизует все свои силы, и конно-пешее его войско будет часто висеть на плечах славян. Только осенью с малыми силами он вернется в Киев, вернется, горя желанием наказать неприятеля, так легко разбившего его рать, желая преподать урок и болгарам за их излишнюю ретивость.

Забыв о годах, он, как в молодости, будет деятелен, деловит, энергичен. Его молодая жена Ольга помогает ему во всех делах, утешая в минуту усталости добрым умным словом, любящим взглядом, всегдашней готовностью разделить его тяжесть на двоих. Именно тогда у них родится Святослав, их единственный сын.

Решив окончательно дать понять всем, что победы над Русью дело временное и ненадежное и что она не забывает обид, он перед вторым походом против греков посылает сильный отряд воинов на Каспий — против Халифата, чьи люди в 913 году разбили росов. На этот раз воины ни с кем не вступали в союз, полагаясь лишь на свои силы, и — трижды разбивают многотысячное войско арабов.

А потом наступил и черед Византии — в 944 году Игорь выступил в новый поход с еще более мощной силой. И опять болгары поспешили доложить в Византию. Но на этот раз даже это не могло спасти греков. Союзники русских — венгры — также бросили свои лавы под стены Константинополя, и тот решил не искушать судьбу: Руси был предложен мир, конечно, менее выгодный, чем в 911 году, зато Византия признала владения русских в устье Днепра и на Тамани и усовершенствовала великий союз с Русью, направив его против Хазарии. Может быть, этому способствовало и то, что, заключив мир, Игорь оставил приведенных с собой печенегов, главных врагов хазар, в Болгарии, приказав им жестоко проучить болгар.

Вернувшись из-под стен Царьграда, Игорь, не дав себе отдохнуть, приступил к одной из главных обязанностей правителя — сбору дани с подвластных племен, которая называлась полюдьем. Начинался сбор дани всегда с земли древлян, неохотно покорявшихся полянскому Киеву, считая себя равным ему. И на этот раз при встречах с князем звучали такие же речи. Игорь, еще не отдохнувший после константинопольских событий, сразу вспомнил, что именно древлянская земля пыталась выскользнуть из-под его руки после смерти Олега и многим пришлось за это поплатиться. Не виноватым, а просто попавшимся под тяжелую властную княжескую руку. Но все-таки приходит конец — дань вся полностью, как посчитал князь, была собрана, и он хотел уже идти в другие земли, к иным племенам. Но справедливой дань считал лишь князь — его ближняя дружина считала ина-

че. Они стали просить князя вернуться к древлянам, чтобы вторую дань взять себе. Игорь, не желая спорить, согласился. Но древляне решили, что, если допустить такое один раз, от киевлян никогда не будет покоя, не будет с ними никакого сладу. Правда, поначалу они попытались отговорить князя и дружинников от их намерения, но тут нашла коса на камень: Игорю, только что получившему богатые дары от греков, ничего не было нужно, то был вопрос взаимоотношений власти с подданными. И Игорь пошел на древлян.

Те, возглавляемые князем Малом, собрались силой земли и захватили Игоря с дружиной. Приговор был быстр и суров: дружинников казнили железом, князя почтили почетной казнью — размычкой: он был привязан за ноги и за руки к двум склоненным к земле деревьям. Потом деревья отпустили... Смерть по тогдашним европейским меркам почетная и нерядовая (тюрки заимствуют ее у европейцев, но будут казнить так воров-грабителей — степнякам чужд и враждебен лес, унижающий кочевника своей особенностью скрывать все от его зорких глаз). Для европейцев же, издревле окруженных лесами, такая казнь, происходящая с минимальным участием человека, в основном силами природы, полагалась только знатному сословию. Совершалась она не в низкой стихии, где таится всякое зло, — в земле или в воде (так думала и Ольга, в скором времени казня послов Мала), но в чистой и возвышенной стихии воздуха и неба...

К

КАТЫРЕВ-РОСТОВСКИЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ (? — 1640) — московский воевода, князь

Иван Михайлович начал военную службу при правлении Бориса Годунова и продолжал ее во времена правления Лжедмитрия I и Василия Шуйского.

В 1608 году он во главе отряда по приказу царя Василия Шуйского выступил против Лжедмитрия II, с которым вступил в переговоры с целью измены Шуйскому. За это Катырев был сослан в Тобольск воеводой.

В 1612 году он был отозван из Тобольска и принял участие в избрании на царство Михаила Федоровича Романова, подписав соответствующую грамоту.

При царе Михаиле Романове Катырев-Ростовский оставался в Москве, неся как придворную, так и военную службу.

В 1614 году он в качестве первого воеводы Большого полка принимал участие в Тульском походе против татар. В 1615 году он защищал от татар Замоскворечье, будучи также первым воеводой Большого полка.

В 1618 году Катырев вновь защищает Замоскворечье, на этот раз от поляков, а на следующий год он выступает в Тулу для борьбы против крымских татар. После этого Катырев-Ростовский занимал различные административные должности.

Скончался в 1640 году.

**КАХОВСКИЙ (КОХОВСКИЙ) МИХАИЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

(1734—1800) — участник Семилетней
(1756—1763), русско-турецкой (1768—1774)
войн, генерал от инфантерии (1796)

Боевое крещение Михаил Васильевич Каховский принял, участвуя в военных действиях во время Семилетней войны 1756—1763 годов. Он сражался при Цорндорфе, Пальциге и Кунерсдорфе и в 1760 году за боевые отличия был произведен в чин поручика.

В 1768 году он был назначен оберквартирмейстером в армию князя Голицына, с которой участвовал в кампании 1769 года против турок.

В 1771 году Каховскому поручили командование особым отрядом, в задачу которого входило «держатъ кордон» по рекам Западная Двина и Днепр.

С началом русско-турецкой войны он получает назначение на должность командира 2-й дивизии, входящей в состав Екатеринославской армии. Кроме этого, он становится и управляющим Таврической областью.

Вскоре способности Каховского по управлению Крымом были должным образом оценены, и после отъезда командующего Потемкина из армии и его смерти по пути в Санкт-Петербург Каховский вступил в командование всей армией и Черноморским флотом. Однако ему не пришлось вести военные действия, ибо уже тогда велись мирные переговоры, поэтому Каховский лишь вывел армию из зоны боев и расположил ее в соседнем районе.

Закончив войну с Турцией, Россия почти тотчас же начала приго-

товления к войне с Польшей. Каховского назначили командующим Украинской армией, численностью в 65 тысяч человек. Эта армия должна была действовать против главных сил польской армии князя Иосифа Понятовского в Подолии, Волыни и на Украине.

Приняв командование, Каховский составил подробный план военных действий и, начав его осуществление, уже после нескольких боев вынудил неприятельскую армию отступить за Буг, на берегах которого поляки потерпели столь сильное поражение, что Понятовский прекратил сопротивление.

Результатом победы стал второй раздел Польши, а Каховский был награжден орденом Св. Андрея Первозванного.

Из-за разногласий и взаимной неприязни между ним и графом Зубовым Каховский вскоре был отозван из действующей армии и получил должность Пензенского и Нижегородского генерал-губернатора.

КАШКИН ПЕТР ГАВРИЛОВИЧ

(? —1763) — участник русско-турецкой войны
(1735—1739), вице-адмирал

Петр Гаврилович Кашкин посвятил российскому флоту не один десяток лет. Он начал службу в 1715 году, а закончил в 1763 году.

Как и многие молодые люди в России, Петр Кашкин изучал морское дело за границей. Он в 1716 году вместе с другими гардемаринами по приказу Петра I был отправлен в Венецию. В течение четырех лет Петр Гаврилович плавал на венецианских судах и иногда принимал участие в

сражениях против турок и морских пиратов.

В 1720 году он вернулся в Россию и получил звание подпоручика с направлением на службу в галерный флот.

В чине капитана 1-го ранга Кашкин принимал участие в русско-турецкой войне 1735—1739 годов в составе Днепровской экспедиции.

К концу военной карьеры, дослужившись до звания вице-адмирала, он стал членом Адмиралтейств-коллегии, и в этой должности оставался до самой смерти — до 1763 года.

КЕЙТ ЯКОВ ВИЛИМОВИЧ (ДЖЕЙМС)

(01(11).06.1696 — 03(14).10.1758) — участник русско-турецкой войны (1735—1739), генерал-аншеф (1739)

Из знатного шотландского дворянского рода. В 1728 году принят на русскую службу генерал-майором.

Прекрасное образование, безупречные манеры и военный опыт помогли ему быстро выдвинуться при русском дворе.

Кейт принимал активное участие в формировании лейб-гвардии Измайловского полка, а в 1730 году он стал подполковником этого полка.

В 1732 году он был назначен на должность инспектора войск. Кейт лично объездил многие части, расположенные на границах России, а также путешествовал по Волге и Дону.

В 1734 году, находясь в составе корпуса графа Ласси, Кейт принял участие в войне с Францией, а в 1736—1737 годах, находясь в армии Миниха, — воевал против Турции. Во время штурма Очакова Кейт был тяжело ранен в ногу и отправился для лечения в Париж.

В 1740 году он вернулся в Россию, а с началом русско-шведской войны был вызван в Санкт-Петербург и назначен командиром корпуса, действовавшего против Выборга.

Во главе 10-тысячного отряда Кейт был отправлен в Вильмастранду. Он сумел нанести шведам сокрушительное поражение и занять город, захватив при этом 16 знамен и 13 орудий. В плен было взято более полутора тысяч человек.

Во время кампании 1743 года Кейт, командуя гребной флотилией, нанес поражение шведскому флоту у Карпо. В 1747 году, вследствие конфликта с Военной коллегией, оставил службу и, по предложению Фридриха Великого, перешел в прусские войска, с чином фельдмаршала. Во время Семилетней войны 1756—1763 годов Кейт принимал выдающееся участие в действиях против австрийских и французских войск.

В 1758 году Кейт был убит в сражении с австрийской армией фельдмаршала Л. Дауна и похоронен в д. Хохкирх (Саксония).

КЛОКАЧЕВ ФЕДОТ АЛЕКСЕЕВИЧ

(? —1783) — участник Семилетней (1756—1763) и русско-турецкой (1768—1774) войн, вице-адмирал (1782)

В звании лейтенанта Федот Алексеевич принимал участие в Кольбергской экспедиции.

В 1769 году, получив чин капитана 1-го ранга, Клокачев был назначен командиром корвета «Северный Орел». Однако после трудного перехода судно получило серьезные повреждения, и Клокачева перевели на корабль «Европа».

Федот Алексеевич участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 годов. 24 июня 1770 года, во время атаки на турецкий флот, Клокачев командовал флагманским кораблем. Причем «Европа» случайно снялась с якоря раньше, чем все остальные корабли, а потому Клокачеву пришлось одному сражаться со всем турецким флотом в течение 20 с лишним минут и удалось поджечь один из неприятельских кораблей. За этот бой Клокачев был награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степеней. После этого он принимал участие в осаде крепостей Пелари и Митилена.

В 1776 году он получил назначение на должность командира Азовской флотилии и начальника портов. Азовскую флотилию Клокачев перевел в Ахтиарскую бухту, положив тем самым начало Севастопольскому порту.

В 1782 году за отличия в службе он был произведен в звание вице-адмирала.

Умер Федот Алексеевич Клокачев в 1783 году в Херсонесе.

КОРОБОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

воевода конца XV — начала XVI веков

В 1489 году Коробов вместе с князем Осипом Дорогобужским, под командованием князя Даниила Щени, водил тверские полки на Вятку.

В 1496 году он участвовал в военном походе против шведов, с которыми успешно воевал в Финляндии.

В 1499 году Коробов подвергся опале, но уже через два года принимал участие в удачном походе Даниила Щени на территорию Ливонии, в качестве третьего воеводы Сторожевого полка.

В 1506 году он принимал участие в походе на Казань, будучи воеводой Сторожевого полка конной рати.

КРАСНОЩЕКОВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ

(? —1764) — участник русско-турецкой (1735—1739) и Семилетней (1756—1763) войн, генерал-майор войска Донского (1763)

Краснощеков начал службу в 1727 году и все время находился в составе действующей армии. Он принимал участие в Кубанском походе, в походах в Кабарду и Персию. Во время Персидского похода Федор Иванович в 1733 году во главе небольшого отряда трое суток сдерживал неприятеля.

Затем он принимал участие в русско-турецкой войне 1735—1739 годов. В 1736 году он находился при взятии города Каланчай, при штурме Азова и при преследовании турецкого гарнизона города Лютика, часть которого захватил в плен. В том же году Краснощеков был командирован на Кубань и нанес поражение горцам при городе Ачуге.

Через два года Краснощеков был направлен в Крым. В одном из сражений ему удалось пленить крымского хана.

Следующей войной для него стала Семилетняя война 1756—1763 годов. Краснощеков особенно отличился во время боевых действий на реке Одер и при осаде Кюстрина, а также в последующем затем бою при Цорндорфе и при наступлении на Берлин, когда он долгое время активно преследовал пруссаков.

Скончался Иван Федорович Краснощеков на следующий год после окончания Семилетней войны.

КРЕЙС КОРНЕЛИЙ ИВАНОВИЧ

(1657—1727) — участник Северной войны
(1700—1721), адмирал (1721)

Военную службу Крейс начал в голландском флоте и прослужил в нем около 20 лет, командуя различными боевыми кораблями.

В 1698 году Крейс перешел на российскую службу и сразу был произведен в чин вице-адмирала.

Большую помощь Крейс оказал царю Петру I при постройке российского флота и портов. Отправившись вместе с царем в Воронеж, Крейс принял деятельное участие в постройке первого казенного адмиралтейства.

В 1702 году, когда стало известно, что шведы собираются напасть на Архангельск, Крейс был отправлен туда для организации обороны.

Затем он был отправлен в Голландию с поручением — пригласить на службу в Россию хороших специалистов в области строительства флота.

Весной 1705 года Крейс вернулся в Россию и сразу же принял активное участие в борьбе со шведами на море. Пять лет, находясь на новом созданном российском флоте, Крейс участвовал во всех военных операциях, проходивших в Финском заливе.

С началом Прутского похода в 1711 году Крейс был отправлен Петром в Воронеж. Однако русский флот в военных действиях не принимал участия, так как значительно уступал турецкому флоту по численности. После заключения Прутского мира Крейс вернулся в Петербург, где занялся перевозкой запасов и провианта для Финляндской армии.

В 1712 году, находясь в очередном походе, Крейс заметил на море три неприятельских судна и начал их преследовать. Увлечшись преследованием противника, он посадил три русских корабля на мель. Два корабля удалось снять с мели, а третий переломился и был сожжен. За это Крейс был отдан под суд и приговорен к смертной казни, которая потом была заменена ссылкой в Казань.

Из ссылки он вернулся в 1715 году.

В 1718 году в России указом Петра I была учреждена Адмиралтейств-коллегия, и Крейс был назначен ее председателем, а в 1721 году получил звание адмирала. На этой должности он оставался до своей смерти.

**КРУЗ (КРЮИС ФОН) АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ**

(26.10.1731—05.05.1799) — участник Семилетней
(1756—1763) и русско-турецкой (1768—1774) войн,
вице-адмирал

Александр Иванович Круз происходил из дворян. Сын датского моряка, принятого офицером в русский флот. Начал службу в российском флоте в 1753 году в чине унтер-лейтенанта.

В 1760—1761 годах он принимал участие в Кольбергской экспедиции и в крейсерстве в Балтийском море.

Затем Круз был назначен командиром на фрегат «Святой Михаил», потом был переведен на фрегат «Надежда».

Приняв под свое командование корабль «Евстафий», Круз совершил поход в Англию в составе эскадры адмирала Спиридова. Затем он был

направлен в Средиземное море и принимал участие в кампании против турок.

В 1770 году Круз отличился в Хиосском сражении. Во время боя и наш, и турецкий корабли загорелись и потом взорвались. Круз чудом выжил (из всей команды было спасено только 10 человек).

Затем Круз был назначен командиром на единственный уцелевший от пожара корабль «Родос» — сильно поврежденный и нуждающийся в ремонте. Круз получил приказ отвести «Родос» в порт Магон на острове Минорка.

Но во время перехода около мыса Матапан корабль попал в сильный шторм, в нем открылась течь, и он сел на мель. Крузу пришлось принимать меры для спасения экипажа, и, кроме того, он и экипаж еще должны были отбиваться от нападения вооруженных туземцев. Борьба эта длилась 16 дней, пока Крузу не уда-

лось сообщить о своем положении на ближайшие острова, откуда вскоре прислали помощь.

Позднее Круз принимал участие еще в ряде сражений, в частности, со шведским флотом, получив за это ряд высоких наград.

Командовал эскадрами на Балтийском море.

Л

ЛАССИ ПЕТР ПЕТРОВИЧ
(30.10.1678 — 19.04.1751) — граф (1740), участник Северной (1700—1721), русско-турецкой (1735—1739) и русско-шведской (1741—1743) войн, генерал-фельдмаршал (1736)

Петр Петрович (Петер Эдмонд) Ласси родился в Лимерике в Ирландии. Служил сначала в британской, затем во французской и австрийской армиях.

В 1700 году был принят на русскую службу. Под начальством герцога де-Кроа Ласси принимал участие в битве под Нарвой. В 1703 году Ласси был назначен командующим так называемой «дворянской роты», с которой участвовал в военных действиях в Лифляндии.

Через два года, произведенный в звание майора, Ласси был переведен в полк графа Шереметева. Позднее он командовал войсками, подавлявшими бунт в Польше.

В 1741—1743 годах Ласси участвовал в военных действиях против шведов, возглавив русские войска. По решению военного совета в его распоряжение была предоставлена 30-тысячная армия.

В июле 1741 года русские войска двинулись в Финляндию. В августе Ласси прибыл в Выборг, где действовал корпус генерала Кейта. Петр Петрович узнал, что шведский отряд численностью в 4000 человек разделен на части, и решил разгромить шведов по частям. В связи с тем он отправил Кейта к городу Вильманстранду навстречу шведскому двухтысячному отряду Врангеля. Сам Ласси прибыл туда же позже Врангеля на 18 часов. Шведы заняли крепость, укрепив ее валом и орудиями из Вильманстранда. В результате решительных действий и несмотря на ожесточенное сопротивление, шведский отряд потерпел поражение, и Вильманstrand капитулировал. В плен было взято 39 офицеров и 1500 солдат.

В 1742 году Ласси отправился в новый поход, который, как и кампания предыдущего года, был весьма удачным для русских войск. Ласси удалось захватить Фридрихсгам, в июле он с армией в 17 500 человек окружил неприятельскую армию Левенгаупта и Буденброка. Несколько упорных дней — и вся шведская армия капитулировала. В плен взяли 94 офицера и 7000 солдат.

С 1744 года генерал-губернатор и командующий войсками в Лифляндии. Скончался в Риге в 1751 году.

ЛЕВАШОВ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ
(1667—1751) — участник Северной (1700—1721) и русско-турецкой (1735—1739) войн, генерал-аншеф (1734)

Василий Яковлевич Левашов начал военную службу простым солдатом в 1696 году.

Он принимал участие в подавлении стрелецких бунтов и в Азовских походах.

С началом Северной войны 1700—1721 годов, произведенный в поручики, он был назначен в только что сформированные регулярные войска, в составе которых принимал участие в сражениях под Нарвой, Шлиссельбургом, Ригой и Полтавой.

Проявив себя храбрым офицером и хорошим командиром, Левашов был направлен адмиралом Апраксиным к берегам Швеции во главе особого отряда и флотилии, которые должны были уничтожить коммерческие суда. Левашов не один раз исполнял особые специальные поручения и царя Петра. В чине бригадира Василий Яковлевич принимал участие в Персидском походе, затем был оставлен начальником области — территории, присоединенной от Персии. Здесь ему не раз пришлось отражать атаки персидских войск. Так, один раз он с небольшим отрядом был окружен в Реште персидской армией, численностью в 20 тысяч человек. Но Левашов умело организовал оборону и решительными и активными действиями вынудил численно превосходящего неприятеля снять осаду.

Левашов также участвовал в русско-турецкой войне 1735—1739 годов. Он находился под Азовом, когда командующий русскими войсками Миних отправился в экспедицию к Днепру. Высоко ценя командные способности Левашова, Миних оставил его начальником осадного корпуса.

Левашов участвовал во всех крупных сражениях этой войны, а вскоре после ее окончания вышел в отставку.

ЛЕОНТОВИЧ КОНСТАНТИН СТЕПАНОВИЧ

(? — 1811) — участник похода Ушакова
(1798—1799), контр-адмирал (1809)

Образование Леонтович получил в морском кадетском корпусе, куда поступил в 1779 году.

Произведенный в звание лейтенанта, он в 1788 году на корабле «Владислав» принимал участие в Голландском сражении, во время которого попал в плен вместе с кораблем.

В 1798 году Леонтович был произведен в капитаны 2-го ранга и переведен на Черноморский флот. Будучи командиром корабля «Симеон и Анна», он принимал участие в экспедиции на Архипелаг в составе отряда контр-адмирала Пустошкина.

На следующий год, на том же корабле он участвовал во взятии крепости на острове Корфу, а затем крейсеровал между Корфу, Анконой, Мессиной и Ливорно. Он также участвовал в бомбардировке порта Маврикия и в блокаде Генуи.

В последующие годы Леонтович в основном состоял на административных и хозяйственных должностях.

Умер Константин Степанович в 1811 году.

ЛЕОНТЬЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

(1682—1752) — участник Северной (1700—1721) и русско-турецкой (1735—1739) войн, генерал-аншеф

Боевое крещение Михаил Леонтьев получил на Северной войне, с самого начала военных действий став активным участником борьбы со шведами. Он сражался под Нарвой и был дважды ранен. Но особенно Леонтьев отличился в Полтавской битве,

взяв 7 шведских знамен и даже носилки Карла XII.

В 1708 году Леонтьев получил чин полковника, находясь в Киевском драгунском полку.

В 1709 году он был переведен в Невский драгунский полк и с этим полком осаждал Ригу, был в походе в Померанию и принимал участие в осаде Штетина (Щецин).

Потом Леонтьев некоторое время занимался общественной деятельностью, в частности, был членом Военной коллегии.

В 1735 году с началом русско-турецкой войны Леонтьев в должности командира отряда принял участие в походе Миниха в Крым. Однако этот поход не увенчался успехом, поскольку ударили сильные морозы и отряд Леонтьева, потеряв 9000 человек, был вынужден вернуться обратно к месту отправления. Но в следующем году Леонтьев, командуя 4-й колонной русской армии, принимал участие во взятии Перекопа и Кибурна.

В 1737 году, во время штурма Очакова, Леонтьеву был поручен обоз, подвижной магазин и часть тяжелой артиллерии.

В 1738 году он сражался против крымских и ногайских татар.

С окончанием войны закончилась и военная деятельность Леонтьева. Он был направлен в Киев и занимался административной деятельностью.

ЛЕФОРТ ФРАНЦ ЯКОВЛЕВИЧ

(02.01.1656 — 02.03.1699) — военный деятель, адмирал (1696), сподвижник Петра I

Выходец из Швейцарии. Покинул Женеву и перебрался в Голландию.

Участвовал в войне Голландии против Франции. С отрядом голландского полковника фан Фростена отправился на службу в Россию. В Москву прибыл в феврале 1676 года, но на службу принят не был. В июле 1678 года подал челобитную в Иноземный приказ с просьбой о принятии его на царскую службу; был назначен командиром роты. В начале 1679 года Лефорт был направлен в Киевский гарнизон под командование князя В.В. Голицына и генерала П.И. Гордона. Участвовал в двух Крымских походах 1687 и 1689 годов.

С осени 1690 года Петр I часто бывал в Немецкой слободе в доме Лефорта, который стал одним из главных организаторов и участников военных «потех» Петра. В 1691 году он был произведен в генерал-лейтенанты, в 1693-м — в полные генералы. С 1691 года Лефорт командовал полком.

Во время Азовских походов 1695—1696 годов Лефорт командовал русским флотом.

В 1698 году он поселился в отстроенном для него по приказу Петра I дворце на Яузе, ставшем своеобразным центром русской политической и придворной жизни. Здесь происходили все важные встречи Петра I и многочисленные придворные праздники.

В 1699 году Франц Яковлевич стал страдать от старой раны в боку, полученной во время сражения, а затем заболел лихорадкой, которая и привела к смерти. Он был похоронен на Введенском кладбище в Москве.

ЛЫКОВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ

боярин и воевода начала XVII века

Начал военную службу около 1602 года.

Во время правления Василия Шуйского Лыков сражался с войсками Лжедмитрия II.

В 1607 году вместе с князем Андреем Голицыным он одержал крупную победу над войском князя Телятевского и взял до 5000 пленных.

В следующем году Лыков с князем Куракиным разбил в сражении при Коломне войско Лисовского, а также принимал участие в бою на Ходынке, не позволившем полякам занять Москву.

После избрания на престол Михаила Романова Борис Михайлович принимал самое активное участие в прекращении деятельности воровских шаек, появившихся в большом количестве в годы Смуты.

В 1618 году во время военных действий между Россией и Речью Посполитой Лыков командовал отдельным отрядом в Можайске.

ЛЬВОВ СЕМЕН ИВАНОВИЧ

(? — 1671) — князь

Львов являлся одним из главных приближенных нескольких царей, в том числе и Алексея Михайловича. Он находился в свите всегда — и во время воинских походов, и на праздничных церемониях.

В 1667—1670 годах князь Львов был товарищем воеводы, князя Прозоровского, в городе Астрахани. В августе царь велел князю Прозоровскому послать на взморье и на Каспийское море Львова с отрядом стрельцов. Перед отправкой был отслужен торжественный молебен антиохийским патриархом Макарием и астраханским митрополитом Иосифом.

Когда через год на Каспийском море появился Степан Разин со своими казаками, Прозоровский немедленно отправил против них Львова во главе 4-тысячного отряда. Через некоторое время Прозоровский опять отправил стрелецкий отряд навстречу казакам, но приверженцы Разина сумели вызвать в царском войске сочувствие к «батюшке Степану Тимофеевичу». Стрельцы начали убивать своих командиров, но князь Львов как-то уцелел.

После казни атамана Разина один из его приближенных, Федька Шелудяк, собрал вокруг себя оставшихся казаков, и они решили убить митрополита Иосифа и князя Львова. Обоих сначала подвергли пыткам; потом митрополита сбросили с церковной колокольни, а Львову отрубили голову. Имущество князя и митрополита было разграблено.

ЛЯПУНОВ ПРОКОПИЙ ПЕТРОВИЧ(? — 25.06.1611) — один из видных деятелей
Смутного времени

Прокопий Петрович Ляпунов был дворянином, потомком старинного рязанского боярского рода.

В период Смуты Ляпунову уже было около 50 лет, но он активно начал принимать участие в политической жизни страны. Он искренне считал Лжедмитрия I настоящим царем и сумел привлечь на его сторону жителей Рязанской земли. Затем Ляпунов был недоволен политикой В. Шуйского, а потому поначалу поддерживал Ивана Болотникова, но, дойдя с ним до Коломенского и поняв, что цели Болотникова и его не совпадают, перешел на сторону Шуйского. В 1607 году Ляпунов получил чин думного дворянина и воеводство в Рязани. Затем он активно выступал против Лжедмитрия II — тушинского вора, — ведя борьбу с его сторонниками в рязанских землях.

В 1609 году Ляпунов пытался противопоставить Шуйскому кандидатуру М.В. Скопина-Шуйского, но успеха добиться не сумел.

Правда, через некоторое время Ляпунову удалось поднять мятеж в Москве, в результате которого Шуйский был низложен, а Москва присягнула польскому королевичу Владиславу. После того как король Сигизмунд III отказался подписать договор об избрании его сына русским царем и поляки вошли в Москву, в России поднялось народное движение против интервентов. В то же время северо-западным областям стали угрожать шведы. Ляпунов становится организатором и руководителем первого земского ополчения, которое

двинулось к Москве. По дороге к нему примкнули казаки.

Пока ополчение шло к Москве, в городе произошло столкновение жителей с польским гарнизоном. Оставшиеся в живых поляки заперлись в Кремле.

Весной 1611 года ополченцы осадили Кремль и избрали временное правительство, в состав которого вошел и Ляпунов. Но в самом ополчении было не все спокойно. Интриги И.М. Заруцкого — одного из руководителей казаков — привели к гибели Ляпунова, который 25 июля 1611 года был зарублен казаками. Поводом этому послужило «ложное» письмо от имени Ляпунова, в котором он пишет, что «все казаки — враги... и их следует бить и топить».

Со смертью Ляпунова распалось и земское ополчение.

М

МЕНШИКОВ АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ
(06.11.1673 — 12.11.1729) — светлейший князь (1707), генералиссимус (1727), государственный и военный деятель, ближайший сподвижник Петра I

Петр I, названный за свои деяния Великим, обладал даром угадывать таланты окружающих его людей, выбирая из них помощников в своих государственных делах. При этом он не взирал ни на их происхождение, ни на национальность — главным для него было лишь то, чтобы они хорошо знали свое дело и были усердными исполнителями его планов. Главным соратником Петра по праву считается Александр Данилович Меншиков.

История не сохранила точных сведений о его происхождении. По одним данным, его отец служил в войске царя Алексея Михайловича, а сам Александр был конюхом при дворе царя. Веселый парень полюбился молодому Петру, и он перевел его в свои денщики, а впоследствии начал давать ответственные поручения.

С первых дней Северной войны Меншиков находится рядом с Петром, выполняя при этом и самые разнообразные его поручения.

За храбрость, проявленную Меншиковым осенью 1702 года при штурме Нотебурга, Петр назначил его комендантом этой крепости, переименованной в Шлиссельбург.

Отбыв в Москву и Воронеж, царь оставил Меншикова в Шлиссельбурге, где тот развернул интенсивную деятельность: организовал диверсии на вражеской территории, строил металлургические Петровский и Олонецкий заводы, на которых уже спустя год после их закладки отливали

пушки. Но главным его делом в Шлиссельбурге стало участие в строительстве Балтийского флота.

Вскоре после овладения русскими войсками крепости Ниешанц шведский адмирал Нумерс, не знавший о ее падении, вошел с отрядом кораблей в устье Невы. Два корабля встали недалеко от крепости.

Петр решил захватить вражеские суда. На рассвете 7 мая 1703 года от берега отчалили 30 лодок с солдатами, вооруженными ружьями и гранатами. Одной частью их командовал Петр, другой — Меншиков. Подойдя скрытно к кораблям, они в течение нескольких минут взяли их на абордаж.

Царь считал взятие этих кораблей своей первой морской победой. Он наградил себя орденом Св. Андрея Первозванного. Подобную награду получил и Меншиков. Но Александр Данилович получил и другую награду — право содержать на свой счет отряд телохранителей. Таким правом никто до сих пор не пользовался, кроме самого царя.

В 1704 году началась осада Нарвы. Из сведений, полученных русской разведкой, выяснилось, что комендант крепости А.Горн ждет подхода подкреплений. Было решено, не дожидаясь их, самим атаковать неприятеля, применив при этом военную хитрость.

Два русских полка были переодеты в синие мундиры, напоминавшие форму шведских войск. Ими командовал сам Петр. Русскими войсками, «отражающими натиск шведов», командовал Меншиков. Хитрость удалась, и шведы поверили, что к ним подошла помощь. Горн приказал открыть крепостные ворота и нанести по русским войскам удар с тыла. Но

такие действия противника и предусматривал русский план. В ходе шведской вылазки противнику было нанесено серьезное поражение, и вскоре крепость пала.

В июле 1704 года войска под командованием Меншикова отразили набег десанта противника на Петербург и Кронштадт. За отражение наступления противника на новую русскую столицу и ее военно-морскую базу Петр присвоил Меншикову звание генерал-поручика.

После взятия Нарвы главные военные действия переместились в Польшу, где шведские войска под командованием самого Карла XII энергично преследовали Августа II. Пользуясь тем, что шведский король надолго увяз в Польше, Петр готовил армию к новым боям. Была полностью восстановлена артиллерия, потерянная под Нарвой в 1700 году.

В 1704 году Карл XII объявил, что он лишает Августа II польской короны и вручает ее своему ставленнику Станиславу Лещинскому. Это сразу раскололо польских магнатов и шляхту на два враждебных лагеря, каждый из которых поддерживал своего претендента.

И Август, и Петр были кровно заинтересованы в продолжение союзнических отношений. Август — потому, что знал, что без России он не сможет вернуть себе польской короны, Петр же для того, чтобы получить отсрочку перед неизбежным вторжением в Россию войск Карла XII.

Между обоими монархами был заключен новый договор, согласно которому они обязались воевать со Швецией до заключения выгодного мира и не вступать ни в какие отдельные переговоры со шведским ко-

ролем. Поскольку Август уже не имел боеспособного войска, Петр предоставил в распоряжение Саксонии 12-тысячный корпус и обязался выдавать Августу II ежегодную субсидию в размере 200 тысяч рублей.

Осенью в Польшу были направлены два русских войска под командованием А.И. Репнина и Б.П. Шереметева. После отъезда второго в 1705 году на подавление Астраханского восстания общее командование над обоими войсками Петр поручил нанятому на русскую службу фельд-маршалу Огильви. Командование русской кавалерией было поручено Меншикову.

За разгром отрядов шляхты, поддерживающей Станислава Лещинского, Меншиков был награжден Августом II орденом Белого Орла.

В середине октября корпус Меншикова соединился с подошедшими к нему польско-саксонскими войсками, которые привел сам Август II. Меншиков начал готовиться к сражению со шведским отрядом, оставленным Карлом XII.

В 2 часа дня 18 октября сражение началось. В центре атакующих войск находились русские драгунские полки. Поляки, сторонники шведов, не выдержали их удара и поспешили бежать с поля боя. Но шведские полки не только остановили натиск русских, но и заставили их повернуть вспять. В этот момент Меншиков сам кинулся в схватку. Заметив, что преследовавшая русских шведская кавалерия оставила свою пехоту без прикрытия, он приказал нескольким драгунам спешиться и атаковать шведов. Одновременно русская кавалерия обошла фланги противника и отрезала им путь к отступлению. Несмотря на то что рус-

ские потеряли в сражении при Калише 80 убитых и 320 раненых, а сам Меншиков получил легкое ранение, победа была полной. Большая часть шведской армии, противостоявшая Меншикову, была разгромлена. Спасти удалось лишь немногим кавалеристам. 1800 человек во главе с Мардефельдом оказались в плену.

Калишское сражение стало первой крупной победой, выигранной русскими войсками в годы Северной войны. До этого победы были над небольшими отрядами и двумя-тремя кораблями противника. Еще ни в одном из боев не был пленен шведский генерал.

«Я был вполне всем доволен, — писал Август II Петру I, — и если могу на что жаловаться, так это на князя Александра, потому что он в этой войне, ревнуя о славе вашего величества и о нашей общей пользе, подвергал себя очевидной опасности и тем причинил мне немалое беспокойство». Петр лично создал для своего любимца награду — нарисовал эскиз дорогой трости, украшенной алмазами, изумрудами и гербом Меншикова.

В начале 1708 года шведские войска двинулись на Россию. Шведам противостояла русская армия (57,5 тысячи против 44 тысяч шведов) под командованием Б.П. Шереметева, при которой находился и Меншиков. Он по-прежнему командовал кавалерией, которая составляла арьергард всего русского войска. Меншиков не только оборонялся, но и атаковал шведов.

Пользуясь тем, что шведы проходили в сутки не более 6—7 верст, русскому арьергарду удавалось оставлять противника без продовольствия и фуража.

Поскольку шведская армия уже начинала роптать на отсутствие продовольствия и начались побеги (пока лишь наемников), Карл XII приказал 2 июня рижскому генералу Левенгаупту доставить в его армию продовольствие под охраной своего корпуса, который, в свою очередь, должен был пополнить армию короля.

Подготовка обоза заняла полтора месяца, и только 15 июля Левенгаупт смог выйти из Риги. В пути то и дело случались остановки, поскольку тощие лошади, собранные по всей Лифляндии, не могли тащить старые телеги с продовольствием и боеприпасами.

Через несколько дней сведения о выходе Левенгаупта дошли до самого Петра. Предстояло не только лишить шведов продовольствия и боеприпасов, но и разгромить их значительные силы (16 тысяч). Следить за движением Левенгаупта должен был Меншиков, которому предстояло соединиться с войсками генерала Р.Х. Баура.

Карл XII уже давно оставил мысль идти на Москву через Смоленск, поскольку понимал, что на своем пути он также не найдет продовольствия. Едва ли не впервые за свою полководческую жизнь он собрал военный совет, на котором поставил перед собравшимися вопрос о направлении, которым следовало двигаться королевскому войску. Большинство высказалось за отход к Могилеву, чтобы дожидаться там прихода Левенгаупта. И только соединившись с ним, можно было идти на Украину.

Но движение на Могилев означало для короля отступление, на которое он не соглашался. Идти же на встречу Левенгаупту также было невозможно, ведь никто не знал, где на-

ходится его корпус с обозами. Остался лишь один выход — двигаться на Украину, куда звал короля гетман И. Мазепа, обещая снабдить шведов всем необходимым, а кроме того выставить на помощь королю 20—30 тысяч казаков. Карл XII надеялся на восстание донских казаков, а также на помощь турок и крымских татар.

15 сентября было принято окончательное решение о походе на Украину, чтобы до наступления зимы расположиться там на зимних квартирах.

Узнав о повороте в ходе кампании, Петр приказал генералам Шереметеву, Гольцу и Инфленту отправиться следом за шведским войском, устраивая по пути шведов засеки и превращая близлежащую местность в пустыню.

На военном совете 14 сентября было решено атаковать Левенгаупта. Для нападения на него был сформирован летучий отряд («Корволант») в составе 10 тысяч человек. Две его колонны возглавили Петр и Меншиков.

Левенгаупт, зная о движении на встречу ему русских, пытался избежать сражения и ускользнуть от них на соединение с королем. Ему удалось переправить обоз через Днепр в районе Шклова, а чтобы ввести русских в заблуждение, засланный в их лагерь шпион объявил царю, что обоз находится на правом берегу Днепра и намерен двигаться в сторону Орши. Петр вдался в обман и потерял почти сутки на ожидание Левенгаупта.

Когда выяснилось истинное положение, Петр понял, что теперь предстоит не преграждать путь Левенгаупту, а догонять его войска. К тому же Меншиков, находившийся в аван-

гарде, сообщил царю, что силы шведов равны не 8 тысячам, а в два раза больше. Генерал Баур, подхода которого Петр с нетерпением ожидал, пока не соединился с войсками Петра.

Царь созвал военный совет, на котором поставил вопрос: дожидаться ли подхода Баура или атаковать Левенгаупта своими силами? Совет решительно высказался за нападение на Левенгаупта до подхода Баура.

26 сентября начались первые столкновения с корпусом Левенгаупта. Командир шведского корпуса, зная, что в его тылу появились русские, приказал разрушить мосты через речку и занял оборону на возвышенном берегу. Завязалась артиллерийская дуэль. Под прикрытием огня главные шведские силы отошли. Ночью русские восстановили два моста и переправились через речку. Левенгаупт был достигнут у деревни Лесной.

Петру удалось самому выбрать место для предстоящего сражения. Оно представляло большую поляну, со всех сторон окруженную лесом. Это не позволяло Левенгаупту использовать свое численное превосходство и давало возможность русским бить шведов по частям.

Спустя несколько часов после начала сражения обе стороны выдохлись и использовали время отдыха для пополнения. После отдыха сражение возобновилось, но к этому времени к русским подошли драгуны Баура, обрушившиеся на шведов, которые стали беспорядочно отступать.

Ночь и начавшаяся снежная вьюга прекратили преследование. Под прикрытием темноты Левенгаупт приказал солдатам жечь телеги. Это должно было показать русским, что его солдаты греются у костров. Под

покровом ночи он бежал в сторону Пропойска. Шведы попытались увести остатки обоза и артиллерию, но пушки застряли в болоте, и вытащить их оттуда было невозможно. Но даже те обозы, которые шведам удалось довести до Пропойска, были там сожжены, поскольку преследование русских возобновилось.

В сражении при Лесной русские потеряли убитыми 1111 человек, ранеными — 2856. Потери шведов составили около 8 тысяч убитыми и ранеными, множество солдат и офицеров попало в плен.

1 октября в ставку Карла XII прибежал солдат, рассказавший королю о поражении при Лесной. Карл не поверил этому, решив, что один из его лучших генералов, командовавший войсками, состоявшими из шведов, не мог потерпеть поражения. Но 12 октября к нему прибыл сам Левенгаупт, приведя 6500—6700 уцелевших солдат своего корпуса.

Петр назвал сражение при Лесной «матерью Полтавской баталии». Значение его было тем более важным, что впервые русскими были разгромлены шведские войска, численно их превосходившие.

Карл XII окончательно убедился в необходимости идти на Украину, куда звал его гетман Мазепа, изменивший царю.

И Петр, и Меншиков всегда верили в преданность гетмана. Но последние доносы от генерального судьи Василия Кочубея и полтавского полковника Искры обвиняли Мазепу в сношениях с Карлом XII и Станиславом Лещинским. Меншиков и Ф.А. Головин доказывали царю, что гетман невиновен. Сам Мазепа убеждал Меншикова, что Кочубей — его давний враг и уже не раз писал на

него доносы. Сейчас он сообщил, что Кочубей и Искра находятся под стражей, уже подвергались пыткам, и теперь гетман требовал их голов.

Царь распорядился о выдаче Кочубея и Искры Мазепе, и 14 июня 1708 года те были казнены. Петр выдал гетману специальную грамоту, в которой заверял его, что не оставит без милости его верность, и сам дал обязательство не верить никаким доносам на Мазепу.

Вскоре после сражения при Лесной кавалерия под командованием Меншикова была отправлена на Украину. Меншиков пригласил Мазепу обсудить планы совместных действий против шведов. Но гетман, уже начавший претворять в жизнь собственные планы, стал подозревать, что Меншикову стало известно о его замыслах. Он сказался больным и послал к Меншикову своего племянника А.Я. Войнаровского с письмом, в котором сообщал, что болен и сейчас готовится к соборованию.

Меншиков был страшно огорчен известием о болезни Мазепы, сообщил о ней царю и сам решил приехать проститься с гетманом, о чем сказал Войнаровскому. Услышав об этом от своего племянника, Мазепа вскочил с кровати и вместе со своими немногочисленными сообщниками поскакал в Батурин, а затем переправился через Десну, где и встретил шведов.

Приехав к дому гетмана, Меншиков обнаружил, что Мазепы там нет. Отправившись в ставку гетмана в Батурин, Меншиков и там не обнаружил Мазепы. Но неожиданно ему сообщили о захвате гонца прилукского полковника Дмитрия Горленко. Сообщник Мазепы изве-

щал, что 24 октября они соединились со шведами.

Теперь главной задачей Мазепы было овладеть своей резиденцией, которую он использовал для складирования продовольствия, предназначенного для шведов. Но значение Батурина понимал и Петр, пославший туда Меншикова. Зная, что к городу уже направляются шведы и сторонники Мазепы, Петр приказал Меншикову ускорить захват Батурина.

Еще когда Меншиков прибыл к Батурина в поисках Мазепы, его не могло не поразить то обстоятельство, что ворота крепости были засыпаны землей, на стенах выставлены пушки, рядом с которыми стояла гетманская гвардия (сердюки). Теперь после открывшейся измены Мазепы войска под командованием Меншикова подошли к Батурина. Меншиков отправил в крепость парламентаря с требованием сдачи.

Поскольку входы в город были завалены, парламентаря втащили на стены веревками, после чего он был доставлен к коменданту Батурина Чечелю — преданному стороннику Мазепы. Чечель отверг требование о сдаче и сказал, что не верит в измену гетмана.

Меншиков уже начал готовиться к штурму, как ночью к нему пришли посланцы Чечеля и сказали, что несмотря на то, что гетман изменил, они остаются верными царю и даже готовы впустить русские войска в Батурин, но просят трое суток на раздумье.

Меншиков ответил, что хватит и одной ночи. Он понимал, что Чечель с казаками тянут время, дожидаясь подхода шведов. На следующее утро по войскам Меншикова из крепости

был открыт огонь — таким образом время переговоров кончилось.

В этот момент, согласно некоторым сведениям, к Меншикову тайно прибыл старшина Прилуцкого полка Иван Нос, сообщивший ему о существовании тайной калитки, через которую можно скрытно проникнуть в Батурин. Утром Меншиков организовал ложный штурм городских стен, в то время как группа солдат проникла в Батурин тайным ходом. Несмотря на упорное сопротивление защитников крепости, Батурин был взят и сожжен. Из города вывезли 40 орудий и боеприпасов к ним. Тяжелые орудия, которые не удалось вывезти, были взорваны. Из Батурина в Глухов были доставлены гетманские булава, бунчук и знамена, которые могли понадобиться Петру для избрания нового гетмана.

Петр был чрезвычайно доволен взятием Батурина и пожаловал Меншикову родовое имение Мазепы село Ивановское с деревнями.

Мазепа был потрясен сожжением Батурина. Беды обрушивались на изменника одна за другой. Вместо 20—30 тысяч казаков, которые он обещал привести к Карлу XII, ему удалось собрать отряд в десять раз меньше обещанного.

Зимой Петр отъехал в Воронеж, приказав Меншикову неотлучно наблюдать за шведами. В поисках зимних квартир и продовольствия войска Карла XII в небывало лютые морозы блуждали по заснеженным степям. В это время война уже приобрела народный характер: шведские фуражиры и обозы с продовольствием захватывались, население оказывало яростное сопротивление попыткам шведов занять даже небольшое местечко, как это было с Веприком,

жители которого на протяжении недели отстаивали свой город.

В феврале 1709 года жена Меншикова Дарья Михайловна родила сына, крестным отцом которого стал сам царь. По его желанию сын Меншикова был назван двойным именем Лукой-Петром. Царь подарил своему крестнику подарок — 100 дворов, предоставив отцу крестника право выбора уезда и деревни со 100 дворами. Однако Меншиков не нашел подходящей деревни в 100 дворов, а нашел в 150 дворов и скромно попросил удержать деньги за лишние 50. Петр согласился с выбором Меншикова, а деньги обещал взыскать, когда «Бог даст вам другого сына».

Но кроме получения новых деревень у Меншикова появилось и много новых забот. Его не оставляла мысль, что в самое ближайшее время будет предпринята попытка овладеть Полтавой — одним из главных центров гетманщины. Предпринять такую попытку посоветовал Карлу XII Мазепа, указав на то, что взятие этого города окажет соответствующее влияние на все украинское население.

Но значение Полтавы не ограничивалось лишь тем, что это был крупный город в центре Украины. Река Ворскла, на которой находится Полтава, является притоком Днепра. А местечко Переволочна, находящееся в ее устье, позволяло переправить к Карлу XII войска Станислава Лещинского и запорожских казаков. Через Полтаву король мог поддерживать связи с Турцией и крымским ханом. Карл не оставлял надежды, что рано или поздно они вступят в войну с Петром.

1 апреля 1709 года первые шведские отряды появились у стен Полта-

вы. В течение последующих дней к Полтаве подошли и остальные шведские войска. Через две недели Карл XII провел рекогносцировку всех крепостей и, решив, что один из ее валов достаточно низок, приказал предпринять здесь штурм. Приступ стоил шведам 500 человек убитыми, но главная цель так и не была достигнута.

Карл XII перешел к осаде Полтавы, которая надолго затянулась. Руководил обороной Полтавы полковник А.С. Келин. Он не довольствовался пассивной обороной города, но предпринимал вылазки в лагерь противника. Келин поддерживал тесные связи с Меншиковым, который, желая облегчить положение жителей Полтавы, решил устроить диверсию на занимаемую шведами Опошню.

7 мая Меншиков приказал построить поблизости от Опошны на глазах у шведов мост через Ворсклу. Вначале шведы не придали этому значения, но затем русские полки перешли реку и напали на находящихся в поле шведов. Частью противник был уничтожен, частью захвачен в плен. Все это происходило на глазах шведов, укрывшихся в городе. Гарнизон не рискнул вступить в бой с русскими. В свою очередь, Меншиков не решался штурмовать город и приказал отойти.

Узнав о русском набеге, Карл XII во главе семитысячного кавалерийского отряда сам пошел к Опошны. Но пока он дошел до нее, главные русские силы переправились через Ворсклу, а русский арьергард, не успевший перейти Ворсклу, оказал шведам яростное сопротивление, открыв ружейный и артиллерийский огонь, после которого шведы отошли. В ходе предпринятой диверсии было

убито несколько сотен шведов, захвачено в плен 178 рядовых и офицеров и 2 орудия. Было освобождено несколько сот местных жителей, захваченных шведами и уведенных на строительные работы.

4 июня под Полтаву прибыл Петр. В течение 15—20 июня через Ворсклу переправились главные русские силы.

Карл XII, понимая близость генерального сражения, предпринял попытку обезопасить свой тыл взятием Полтавы, но штурм по-прежнему не удался.

Петра не устраивала местность у деревни Петровки, первоначально избранная для поля сражения. Она была слишком открытой, что позволило бы Карлу XII и его войску, отличавшемуся особым умением маневрировать, перестраивать свои боевые порядки в ходе сражения.

За спиной царя уже было сражение в пересеченной местности (у Лесной), которое показало неумение противника сражаться среди лесов и оврагов. Полем сражения Петр избрал местность у деревни Яковцы. 25 июня здесь был сооружен укрепленный лагерь, усиленный шестью редутами, преградившими путь шведам к главным русским силам. На следующий день перпендикулярно к этим редутам было выстроено еще четыре.

Если бы наступавшие попытались прорваться через редуты, они неизбежно оказались бы под перекрестным огнем — в каждом редуте находилась рота солдат. В ходе прорыва через редуты шведы неизбежно расстроили бы свои боевые порядки.

Петр обладал подавляющим численным превосходством. Русские войска насчитывали 42 тысячи регулярных и 5 тысяч иррегулярных

войск (казаков и калмыков). На реке Псел находился русский резерв в 40 тысяч человек.

Несмотря на то что численность войска Карла XII равнялась 48 тысяч, из них 1,3 тысячи человек продолжали осаждать Полтаву во избежание удара в тыл. Частично по всему течению Ворсклы до впадения ее в Днепр у Переволочны также были расставлены шведские отряды. 11 тысяч человек шведского войска составляли мазепинцы и запорожцы. Таким образом, в Полтавском сражении могло участвовать лишь 28—30 тысяч шведов.

Русские войска обладали превосходством в артиллерии — 102 орудия против 39 шведских орудий.

Накануне сражения Карл XII выехал на рекогносцировку, где получил ранение в ногу. Из-за этого он не мог командовать сам и передал командование фельдмаршалу Реншельду.

В ночь на 27 июня шведские войска были приведены в состояние повышенной боевой готовности. К трем часам утра они подошли к редутам, надеясь ворваться в них под покровом темноты и овладеть в ходе рукопашной схватки. Командовал шведской пехотой генерал К.Г. Роос, а кавалерией — В.А. Шлиппенбах.

Неожиданно на шведов обрушился ураганный огонь из орудий и ружей защитников редутов. Шведской пехоте все же удалось овладеть двумя недостроенными редутами, кавалерия также оттеснила русских драгун. Но не имея артиллерии и гранат, шведы несли огромные потери и, потеряв связь с остальными войсками, отошли в Яковецкий лес. Там они были атакованы русской кавалерией под командованием Меншикова и

взяты в плен. Меншиков атаковал резервный корпус противника и почти полностью уничтожил его.

На втором этапе сражения конница под командованием Меншикова обратила в бегство шведскую конницу. Под Меншиковым было убито три лошади. За два с половиной часа исход сражения был решен. Шведы потеряли 8 тысяч человек убитыми и ранеными.

Началось бегство противника с поля боя к Переволочной. Преследование бежавших шведов началось лишь к вечеру. Вначале драгун возглавили князь М.М. Голицын и генерал Баур. Позднее преследованием стал руководить Меншиков.

29 июня шведы достигли Переволочны, где начали искать средства для переправы. Средства эти нашлись лишь для короля и драбантов (охраны), 620 солдат и 6 человек королевской канцелярии. Все остальное войско под командованием генерала Левенгаупта осталось на левом берегу Днепра, тщетно ожидая начала переправы. В числе бежавших был и Мазепа.

На рассвете следующего дня показались драгуны Меншикова. Командир войска потребовал у Левенгаупта капитуляции.

Несмотря на то что шведы численно значительно превосходили девятитысячный отряд Меншикова, он имел моральное превосходство над противником, который был деморализован поражением под Полтавой и утомлен трехдневным бегством. У шведов не было ни пороха, ни продовольствия, ни фуража.

Левенгаупт собрал всех офицеров и приказал им провести опрос среди солдат: желают ли они сражаться или предпочтут капитулировать. Солда-

ты давали неопределенные ответы, но открытого желания сражаться никто не изъявлял. Тогда Левенгаупт приказал офицерам провести еще один опрос среди солдат, задав им вопрос, смогут ли они атаковать в конном строю русскую пехоту, ведь своей пехоты у них нет. Последовало окончательное решение о сдаче, потому что драгуны объявили, что без пехоты они ничего не смогут сделать. В плен сдалось 16 275 шведов. Среди пленных были генералы Левенгаупт, Крейц, Круз, графы Дугласы и другие. В качестве трофеев Меншикову достались оружие, артиллерия и вся казна.

Среди многочисленных награжденных за Полтавское сражение по-прежнему выделялся Меншиков. Царь произвел его во вторые фельдмаршалы (первым был Шереметев), дал ему во владение города Почеп и Ямполь. По количеству крепостных он стал вторым владельцем после самого царя.

Сразу же после Полтавской победы Меншиков был послан в Польшу для разгрома Станислава Лещинского и шведского генерала Крассау. Но, зная о походе русских, шведы сами ушли в Померанию, а без них Станислав Лещинский уже не мог удержаться и бежал из страны. Разместив в Польше русские войска, Меншиков вернулся в Москву.

19 декабря 1709 года в Москве состоялся парад победы. На нем Меншиков ехал чуть сзади Петра. На следующий день главные участники сражения: Петр, Меншиков, Шереметев докладывали князю-кесарю Ф.Ю. Ромодановскому о результатах Полтавского сражения и капитуляции шведов под Переволочной.

Весной следующего года Меншиков был отправлен к Риге, где фельдмаршал Шереметев, по мнению царя, не смог обеспечить полную блокаду этого важного города. Петр был уверен, что Меншиков сможет на месте урегулировать все сложные вопросы и заставит шведский гарнизон капитулировать. Меншиков приказал перекинуть через Даугаву бревна и цепи, поставить в нужных местах пушки, после чего шведские корабли лишились возможности подвозить к Риге провиант и подкрепление. Армия уже готовилась к штурму, но тут в лагере началась чума, опустошившая ряды осадного войска. Штурм пришлось отложить.

После Полтавской победы Меншиков вернулся к прежним обязанностям генерал-губернатора Петербурга. Уже в 1710—1711 годах на месте пустынного и заболоченного места возник город, в котором было 750—800 дворов и обширное Адмиралтейство.

Сам царь бывал в Петербурге не так часто, пребывая или в военных походах, или на переговорах с европейскими посланниками в Москве, которая оставалась столицей России. Строительные работы в Петербурге велись под руководством Меншикова, который занимал кроме поста генерал-губернатора и должность руководителя канцелярии городских дел.

После Полтавской победы по инициативе Петра был возобновлен Северный союз России, Дании и Саксонии. Поскольку единственной державой, обладающей достаточно сильным военно-морским флотом, была Дания, основные боевые действия развернулись в Померании — последних владениях Швеции на континенте.

Среди союзных монархов не было единства во мнениях относительно ведения боевых действий, и поэтому они протекали вяло. Требовалось назначение единого главнокомандующего, пользующегося авторитетом у всех трех монархов и обладающего несомненными военными способностями. Выбор Петра пал на Меншикова, который и сам просился на войну.

2 мая 1712 года Меншиков выехал из Петербурга, но застрял в пути, терзаемый приступами болезни легких. Кроме того, по пути к войскам Меншиков должен был ускорять снабжение их провиантом.

Но, прибыв к войскам, он понял, что ни саксонцы, ни датчане по-прежнему не хотят вести активных действий, надеясь на русского солдата. Штеттин и Штральзунд уже давно были обложены союзными войсками, но взять их они не могли, поскольку обещанная датчанами осадная артиллерия так и не прибыла. Не помогло и прибытие в Померанию самого Петра. Он понял, что без осадной артиллерии овладеть крепостями будет невозможно.

Активные действия было решено перенести на следующий год. Петр уехал для лечения в Карлсбад (Карловы Вары), а Меншиков воспользовался отсутствием наступательных действий для оргий в компании саксонского короля, что вызвало особое беспокойство его жены.

Воспользовавшись бездействием союзников, шведский генерал Стенбок в декабре вошел из Померании в Мекленбург, собираясь разгромить датско-саксонские войска.

Петр своевременно получил об этом известие и несколько раз предупредил союзников о наступлении

шведов. Меншикову он приказал поспешить в Мекленбург и атаковать там противника.

Но ему не удалось поспеть к сражению. Саксонцы и датчане решили сами справиться с неприятелем и при Гадебуше вступили с ним в сражение. Шведы, которые привыкли громить армии этих держав, наголову разбили своих противников, захватив 4 тысячи пленных и всю датскую артиллерию, неиспользованную при осаде померанских крепостей.

Меншиков повел энергичное наступление на шведов и к январю 1713 года загнал их в Фридрихштадт. Петр предложил союзникам атаковать эту крепость, но потрясенные постигшим их поражением они отказались это делать.

К концу января Петр прибыл в Мекленбург и приказал начать решительное наступление. Он взял под свое командование пехоту, а кавалерию поручил Меншикову. Перейдя дамбу, русские войска вышли к самому Фридрихштадту. Шведы, не ожидая увидеть здесь русских, начали беспорядочное бегство в Тоннинген, побросав в воду все пушки.

После взятия Фридрихштадта Петр отбыл в Россию, поручив Меншикову осаду Тоннингена.

Царь предоставил Меншикову действовать по обстановке, но предупредил его: «Того накрепко смотрите, чтоб чего во вред нам не произошло».

Крепость была плотно блокирована с суши, а датский флот с моря пресек все пути снабжения шведов. После захвата 15 судов с продовольствием в Тоннингене начался голод. Ощущался резкий недостаток питьевой воды. Болезни унесли жизни 4 тысяч человек.

Лишь отсутствие осадной артиллерии мешало союзникам взять крепость. После прибытия осадной артиллерии выяснилось, что у датской конницы нет фуража.

На 16 апреля был назначен штурм. Датские и саксонские войска должны были атаковать крепость Гардин, прикрывавшую Тоннинген, а русские — перекрыть пути отступления противнику к главным силам. Меншиков жестоко страдал лихорадкой, однако превозмог свою болезнь и прибыл к началу штурма. Шведы своевременно обнаружили обход и отступили по запасной дамбе. Союзники не спешили преследовать противника. Русские пленили 32 человека.

Датский король, увидев, как осрамилось его войско, был чрезвычайно недоволен своими генералами. Но он все же оценил действия русских войск и самого Меншикова и лично приехал благодарить их за проявленную храбрость.

После взятия Гардина Тоннинген лишился прикрытия, и Стенбок был вынужден начать переговоры о капитуляции. Он хотел сдачи на почетных условиях с оставлением знамен и литавров. Однако Меншиков и союзные генералы отклонили эту просьбу, и шведские войска вынуждены были оставить крепость, положив оружие и знамена к ногам победителей. В плен сдалось 11 485 шведов.

Меншиков, раздосадованный поведением союзников, решил увести войска в Россию. Но Петр приказал ему задержаться в Померании до сентября и взять Висмар и Стральзунд. Кроме того, в это время Турция, наконец, согласилась выдворить из страны жившего там Карла XII и заключить

мир с Россией. И теперь царь опасался, что проход войск через территорию Польши вызовет раздражение в Константинополе. Ведь по условиям Прутского мирного договора в Польше не должно было быть ни русских, ни турецких войск.

Меншиков стал готовиться к захвату Штеттина. В очередной раз возникли споры по поводу артиллерии. Саксонские орудия находились в Мекленбурге; датский король отказал в своей артиллерии, обещав выдать русским войскам провиант и оплатить их расходы, если Штеттин после его взятия будет уступлен Дании.

Но не только Дания претендовала на Штеттин. Саксония, Пруссия и Голштиния также предъявили на него свои права. Голштинцы даже предлагали Меншикову заключить брачный союз между малолетним герцогом голштинским и старшей дочерью Петра I. Поскольку голштинский герцог являлся наследником шведской короны, а Карл XII был бездетен, все это могло в случае реализации проекта в короткий срок закончить войну.

Наконец, к городу подошла саксонская артиллерия в количестве сотен пушек и мортир. После проведенной 17 сентября бомбардировки город был охвачен пожарами, и на следующий день шведы капитулировали.

Оставалось лишь решить вопрос: кому передать Штеттин: Дании или Пруссии? Меншиков решил этот вопрос своеобразным способом. Штеттин был передан Пруссии, а остальные земли — Голштинии.

Меншиков принимал во внимание поведение датского короля в ходе ведения военных действий. Датский же король, в свою очередь, был не-

доволен Меншиковым — ведь только на стол Меншикова ежедневно уходило 300 риксдалеров.

Но Дания была главнейшей державой Северной Европы, и Россия нуждалась в сближении с ней. Ведь Дания обладала сильным флотом, которого пока не было у России и без которого нельзя было добраться до Швеции.

Осложнением между датским королем и Меншиковым воспользовался прусский король, давно сговорившийся с голштинцами. В свою очередь, министр Голштинии Герц купил выбор Меншикова за 5 тысяч дукатов.

Обиженный решением Меншикова, датский король пожаловался Петру, обвиняя светлейшего в сепаратных переговорах с Пруссией и Голштинией, которые уже давно являлись врагами Дании. Король также обвинил Меншикова в том, что он вывел войска из Померании и тем самым оставил Данию один на один с достаточно сильным противником.

По прибытии в Петербург царь заставил Меншикова писать объяснительную записку по запросам датского короля. Меншиков объявил, что король пытается объяснить штеттинскую историю в свою пользу. А ведь переговоры о Штеттине происходили с участием представителя датского короля. Сам король в течение трех месяцев, пока длились переговоры, ни разу не заявил своего несогласия. Но даже если он и не был бы сознательно допущен на них, то и в этом случае нашлись бы объективные причины, ибо король так и не дал под Штеттин свою артиллерию. Что же касается вывода войск из Померании, то дальше держать их там было невозможно, так как датчане

отказывались давать им продовольствие. Единственным своим промахом Меншиков признал заключение с Пруссией и Голштинией соглашения против Дании, но ведь он и сам не знал об этом, пока не получил от русского посла князя Куракина копию договора.

Несмотря на то что Петр признал, что некоторые пункты договора с Пруссией противоречат общим интересам Северного союза, он все же ратифицировал присоединение Штеттина.

Датский король по-прежнему обвинял Меншикова в ведении сепаратных переговоров за его спиной и настаивал, чтобы впредь его к делам Северного союза не допускать.

Вскоре после возвращения Меншикова в Петербург у него начался такой приступ болезни легких, что медики уже стали считать его обреченным. Меншиков уже приготовил завещание, но ему удалось одолеть болезнь и подняться на ноги.

Спустя год его настиг новый приступ болезни. Все это мешало Меншикову участвовать в походах. Он был вынужден оставаться в Петербурге.

Генерал-губернатору Петербурга пришлось заниматься вопросами торжественной встречи царя после Гангутской победы 27 июля 1714 года. Несмотря на имевшиеся затруднения, Меншиков постарался сделать все возможное, чтобы царь остался доволен подготовленными торжествами. На Неве недалеко от дворца Меншикова была устроена триумфальная арка, задрапированная дорогими коврами. Здесь царь пировал вместе с пленными в ходе Гангутского сражения контр-адмиралом Н. Эреншильдом и его офицерами.

Летом 1716 года Меншиков готовил флот для совместных действий с датчанами и англичанами против Швеции. Было построено много галер и транспортных судов. Разумеется, Меншиков продолжал заботиться о благоустройстве Петербурга. Сооружались каналы в Петергофе и вокруг Адмиралтейства, строился госпиталь для солдат и моряков, по проекту Доменико Трезини возводилась колокольня собора Петропавловской крепости. В отсутствие Петра и Екатерины в новой русской столице забота о царевиче Петре Петровиче и царевнах Анне и Елизавете также возлагалась на Меншикова.

Петр по-прежнему благоволил к своему фавориту и часто передавал через него свои распоряжения Сенату. Доверие царя Меншиков упрочил своей политикой в период проведения следствия по делу царевича Алексея.

К началу 1720-х годов Меншиков уже считался богатейшим чиновником России. Только с 1710 по 1717 год он потратил на скупку имений свыше 200 тысяч рублей. Но он использовал и другие средства для накопления своего богатства: создавал заводы по переработке сельскохозяйственного сырья и полезных ископаемых, строил кирпичные и лесопильные заводы.

В те же годы Петр назначил Меншикова сенатором и президентом Военной коллегии. В 1720 году по приказу царя светлейший занимался формированием новых кавалерийских и драгунских полков, для чего выехал на Украину. Здесь он закупил большое количество лошадей, набрал рекрутов из однодворцев, выя-

вил тысячу солдат из гарнизонных полков, годных в полевую службу, столько же дворянских недорослей пошло на службу в драгунские полки. В течение своего пребывания на Украине Меншиков сформировал 26 полков, отправленных в Ригу, Смоленск и на границу с Польшей.

Энергия Меншикова в выполнении царских повелений давала Петру основание смотреть на проделки своего фаворита сквозь пальцы. К тому же дворец Меншикова часто служил резиденцией и для самого царя. Здесь Петр принимал иностранных дипломатов, справлял семейные праздники и отмечал военные победы. Во дворцах Меншикова на Васильевском острове, в Ораниенбауме и на острове Котлин были лучшие кухня и оркестр. Сами внутренние покои дворцов были обставлены по последней моде. Положение Меншикова требовало, чтобы он вел жизнь в соответствии со своей должностью.

В 1717 году в свите Меншикова было 47 человек: 6 генерал-адъютантов, 3 адъютанта, 5 поручиков, 12 прапорщиков и 19 денщиков. Для молодых чиновников, служивших под начальством Меншикова, он был истинно родным отцом, многие благодаря протекции царского фаворита дослужились до значительных чинов на военном и государственном поприще. В свою очередь, те, кто находился под его начальством, были готовы служить Меншикову не за страх, а за совесть.

28 января 1725 года Петр I скончался, не оставив завещания. На престол могли претендовать как дочери Петра — Анна и Елизавета, так и его десятилетний внук — Петр (сын

Алексея Петровича) и жена покойного императора Екатерина, за два года до того ставшая императрицей.

28 января в Зимнем дворце собрались наиболее важные государственные лица для того, чтобы решить, кто сядет на российский престол. К этому времени они уже раскололись на две группировки. Одну из них составляли потомки древних родов князей Долгоруких и Голицыных, мечтавшие о временах, когда Екатерина и ее дочери будут заточены в монастырь, а престол займет десятилетний Петр.

Другую группировку составляли истинные «птенцы гнезда Петрова» — те, кто не отличался знатным происхождением, но был выдвинут Петром за преданность его идеям.

Пока знать спорила, кому быть на престоле, за окном дворца раздавалась дробь барабанов. Это Меншиков и генерал И.И. Бутурлин привели ко дворцу два гвардейских полка.

На вопрос президента Военной коллегии князя А.И. Репнина, по какому праву приведены без его ведома сюда гвардейцы, Бутурлин ответил, что они пришли сюда по повелению императрицы, которой все обязаны повиноваться, в том числе и сам Репнин.

Меншиков быстро пресек попытку одного из сенаторов опросить через окно собравшихся пред дворцом людей, кого они желают видеть на престоле, сказав, что сейчас не лето. На всякий случай он ввел во дворец вооруженных офицеров.

В первые дни после воцарения Екатерины все поняли, кто станет настоящим правителем Российской империи. И хотя Екатерина говорила, что не позволит Меншикову пользоваться хоть каплей ее власти, все понимали, что сказанное является только словами.

Поскольку сразу же после смерти Петра I он стал президентом Военной коллегии, то получил право личного доклада императрице по делам своего ведомства. Скоро он стал встречаться с ней для докладов и по другим государственным вопросам.

Но 6 мая 1727 года императрица Екатерина скончалась. На следующий день Меншиковым было оглашено завещание покойной императрицы, объявляющей наследником трона Петра, внука Петра I.

Первым подарком императора было присвоение Меншикову званий генералиссимуса и полного адмирала. Его сын Александр был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Невеста царя Мария повесила себе орден Св. Екатерины, а младшая его дочь — орден Св. Александра Невского. Жена Меншикова стала обер-гофмейстериной и также получила орден Св. Александра Невского:

Однако вскоре наступило охлаждение в отношениях. И уже в сентябре Меншиков был лишен всех чинов и званий. Через полгода домашнего ареста последовала ссылка. Меншикова со всей семьей отправили сначала под Воронеж, а затем — на север, в Березов. В пути умерла жена, в Березове — дочь Мария, а вскоре скончался и сам Александр Данилович.

**МИНИХ (МЮННИХ) ХРИСТОФОР
АНТОНОВИЧ (БУРХАРД КРИСТОФ)
(09.05.1683 — 16.10.1767) — граф (1728),
военный и государственный деятель,
генерал-фельдмаршал (1732)**

Родился в Ольденбурге. Отец Миниха был военным инженером. Сын пошел по стопам отца и в течение двад-

цати лет служил в армиях Германии, Франции и Польши.

В 1712 году, во время военных действий он был ранен и попал в плен. Вернувшись из плена, Миних занялся было административными делами, но его потянуло на войну. К 1720 году он достиг чина генерал-майора.

В 1721 году Миних прибыл в Санкт-Петербург и поступил на русскую службу. Он почти не принимал участия в военных действиях, а занимался в основном строительством укреплений. В Петербурге по приказу Петра I он строил шлюзы и сооружал Обводной и Ладожский каналы.

После смерти Петра первым человеком в государстве сделался А.Д. Меншиков, с которым у Миниха были сложные отношения. Но падение Меншикова дало Миниху возможность существенно возвыситься. Он занимался, опять-таки, постройкой укреплений, формированием воинских частей. Сблизившись с Остерманом, он в 1728 году получил титул графа, а затем стал генерал-губернатором Ингерманландии, Карелии и Финляндии.

В 1730 году Миних поддерживал императрицу Анну Иоанновну в борьбе с «верховниками». Вскоре он становится президентом Военной коллегии и производится в чин генерал-фельдмаршала. Под его руководством в русской армии произошли перемены — был введен корпус тяжелой кавалерии (кирасиры), основаны кадетский корпус в Петербурге и гарнизонные школы, русские офицеры стали получать жалование наравне с иностранными.

В 1735 году его назначили главнокомандующим армией, действовав-

шей против турок. Миних направляется с армией в Крым. Находясь в авангарде армии, он вскоре подошел к Перекопу и захватил его. Татары бежали в глубь Крыма. Но продолжали военные действия. Миних попытался продолжить поход, но это оказалось крайне затруднительно, и войскам пришлось вернуться на Украину.

Весной 1737 года Миних принял новый поход. В начале мая 70-тысячное войско переправилось через Днепр и взяло штурмом Очаков. В 1739 году Миних наголову разгромил турок при Ставучанах, захватил Хотин. Как главнокомандующий он был требовательным и жестоким человеком, привыкшим добиваться своих целей, и не жалел для этого ничего.

Позднее Миних уже не принимал участия в военных делах, а все больше участвовал в государственных. Он стал инициатором свержения Бирона, чтобы занять его место первого министра. Но Остерману удалось добиться отставки Миниха, а во время правления Елизаветы Петровны Миних был сослан в Сибирь, где и провел около 20 лет.

Из ссылки его вернул Петр III. В дальнейшем Миних присягнул на верность Екатерине II. До конца жизни Миних руководил строительными работами в портах Прибалтики и сооружением Ладожского канала.

МОРКОВ ИРАКЛИЙ ИВАНОВИЧ

(ок. 1750 — 1829) — участник русско-турецких (1768—1774, 1787—1791) войн, генерал-лейтенант, граф (1796)

Редко кто из людей военного звания — офицерского сословия минув-

ших времен — именовался кавалером лишь одного ордена. Много войн — много наград. Но бывали и, так сказать, однолюбые, конечно, не желанием своим, а волею судеб и случая. К персонам подобного рода, без сомнения, должен быть отнесен и генерал Ираклий Иванович Морков. Почти четверть века, а точнее двадцать четыре года, его грудь украшал лишь почетнейший орден для военного — орден Св. Георгия.

Родился Ираклий Морков около 1750 года. Воевал с турками в первую войну (1768—1774), воевал и во вторую (1787—1791) — тогда и прославился.

Крепость, одной стороной упирающаяся в море, с трех других вздыбилась высоким валом, перед которым зиял одетый камнем семи с лишним метровой глубины ров. Пространство перед крепостью было, в свою очередь, окружено укрепленным десятью люнетами валом, перед которым располагалась линия рогат-

ток. Многочисленные сады и виноградники, разбросанные с севера и запада от Очакова, не только несли аромат своего цветения в крепость, но и служили прекрасными укрытиями для турецких стрелков, которые не ленились обстреливать передовые посты русских. Внутри укрепления было множество каменных зданий и две мечети, а на самом краю очаковского мыса притаилась еще одна небольшая крепость — Гассан-пашинский замок, обнесенный также валом и рогатками.

Штурму Очакова, последовавшему в декабре (6 числа) 1788 года, предшествовала долгая его осада, тянувшаяся с июля. Главнокомандующий армией Григорий Александрович Потемкин не хотел платить кровавой дани, которую непременно соберет приступ подобной твердыни, и поэтому надеялся взять крепость измором. Но турки держались стойко, и постепенно мудрая осторожность командующего начала оборачиваться пагубной медлительностью: русская армия была лишена простора и прикована к одному месту. Начались болезни, возросла смертность среди солдат. Откладывать далее было нельзя: или штурмовать, или уходить от крепости. Потемкин выбрал штурм.

Согласно диспозиции, составленной начальником инженерных работ генералом Меллером, который получает за нее титул барона и ордена Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия 2-й степени, и утвержденной Потемкиным, для производства приступа образовалось шесть отдельных колонн. В третьей из них — колонне генерал-майора князя Волконского — предстояло идти на штурм и Ираклию Моркову.

Ему вместе с его боевыми товарищами — корпусом лифляндских егерей, батальоном и рабочими Херсонского пехотного полка — надлежало с началом атаки двинуться к ближайшим воротам ретраншемента, взять его и тут же выслать вправо и влево команды, дабы связать с флангов защитников укрепления, если они не отступят к крепости, и постараться их отрезать.

И вот наступило 6 декабря. В семь часов утра русские колонны пошли к крепости. Каждая из них действовала на пределе храбрости. Не отставала и третья.

Люди генерал-майора Волконского, бегом достигнув рва ретраншемента, ни минуты не мешкали, а тут же начали спускаться в него. Подполковник Морков, идя во главе колонны, лично прислонил к валу первую лестницу и первым взошел на укрепление. Лифляндские егеря следовали по пятам за своим начальником.

Турки ударили в ятаганы, и широкое лезвие османа скрестилось с молнией русского штыка. Егеря оттеснили противника. Волконский бросился с подкреплением на помощь к подполковнику, дабы одним мощным нажимом выбить турок, но был сражен пулей. Отнюдь не случайной, ибо значительно усилившиеся османы пошли в свою очередь вперед и начали вытеснять русские части из ретраншемента.

Тогда сменивший Волконского полковник Юргенс, построив херсонцев развернутым фронтом перед неприятельским укреплением, повел тотальный огонь, заставивший османов сойти с вала.

Русские вновь вошли в ретраншемент, и егеря Моркова во главе с командиром вновь ударили в шты-

ки. На этот раз — до полной победы. Счастливец из числа защитников успели убежать, остальные легли тут же. Морков же впереди колонны бросился к Стамбульским воротам Очакова, куда прямо перед ним вошла и вторая колонна...

Турецкой твердыни более не существовало — все русские отряды поработали на славу. Отныне здесь находилась лишь русская крепость Очаков.

Награды вполне соответствовали подвигам. Не был забыт и Ираклий Морков — теперь уже полковник и кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени, отмеченный, кроме того, и золотой шпагой.

Менее чем через два года Ираклий Иванович был пожалован секунд-майором лейб-гвардии Преображенского полка. И уже лейб-гвардейцем отличился в этом же году при Измаиле.

Взятие этой дунайской твердыни свершилось 11 декабря 1790 года, а за день до этого Суворов отдал приказ, отозвавшийся в сердце каждого:

— Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что никто не может противиться силе оружия российского. Нам надлежит не сражение, которое бы в воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается, в третий раз, или победить, или умереть со славой.

Этот приказ, затаив дыхание, слушала вся армия, все девять колонн, на которые их разделила воля командующего. Шесть колонн, ведущие ата-

ку с сухого пути, и три колонны, которые произведут высадку на судах со стороны Дуная.

Полковник Морков был командиром как раз одной из этих трех десантных колонн, а именно — третьей, в составе которой находились 800 днепровских приморских гренадер, батальон Бугского и два батальона Белорусского егерского корпуса, а также тысяча казаков.

Позднее в реляции Екатерине II о взятии Измаила Потемкин скажет о Моркове, повторяя слова донесения Суворова: «В сем случае начальник 3-й колонны изъявил новые опыты мужества, искусства и храбрости, примером его подчиненным служившие. Лейб-гвардии секунд-майор Морков с начала устройства на острове Чета-ла батарей командовал оными и во время беспрестанной почти канонады и ни на малое время не отходил. Побуждаемый беспримерной ревностью к службе, он сам наводил пушки и не токмо наносил неприятелю великий вред в городе, но и множество потопил судов во время же приступа, при высадке на берег войска и завладении неприятельскими батареями, учреждения его явили самого храброго и непобедимого офицера».

Суворов знал, что говорил: он следил за своими офицерами, видя в них сегодняшних защитников и завтрашнюю надежду России...

Штурм Измаила начался в половине седьмого утра. Тогда же три десантные колонны под общим командованием генерал-майора де Рибаса, прорываясь через губительный огонь береговых батарей турок, ринулись к крепости, где суда первой линии высадили десант.

Морков действовал на левом фланге десантной линии и вместе с

колоннами генерал-майора Арсеньева и бригадира Чепеги одновременно, в едином порыве, ринулся на береговые укрепления османов, отбив их в жаркой молниеносной штыковой атаке.

Спустя три четверти часа после начала штурма вся крепостная ограда — и со стороны реки, и со всех остальных сторон — была в руках русских. Но надлежало брать еще саму крепость, что после короткой передышки и сделали солдаты Суворова, в буквальном смысле прокладывая себе путь штыками, беря каждый шаг с боем и шагая по трупам — своих павших товарищей и по неприятельским.

Никто уже не обращал внимания ни на свои, ни на чужие раны. Казалось, что всякое чувство отлетело от людей, кроме одного — жажды боя, когда легче умереть, нежели потерпеть поражение. Так думали и русские, и турки, но в битве двоих один должен быть побежденным, и османы с каждой секундой все более явно понимали, кто будет этот проигравший.

Русские солдаты шли вперед, и уже никто и ничто не могло их удерживать. Бились в строю и без строя. Каждый знал врага и не нуждался в подсказке командиров. Как не нуждался и в их примере. Но офицеры тоже служили России и, не на словах зная, что такое честь, дрались впереди своих подчиненных.

Именно в эти мгновения и был ранен полковник Морков. Ранен тяжело, но, к счастью, не смертельно. Лучшим же лекарством ему послужило взятие крепости и Св. Георгий 3-й степени. Так было отмечено его участие в этом знаменитом деле.

Лучшее в мире войско взяло лучшую в мире крепость. Можно ве-

рить главнокомандующему Потемкину, отписавшему императрице: «Мужество, твердость и храбрость всех войск, в сем деле подвизавшихся, оказались в полном совершенстве. Нигде более не могло ознамениться присутствие духа начальников, расторопность штаб- и обер-офицеров. Послушание, устройство и храбрость солдат, когда при всем сильном укреплении Измаила, с многочисленным войском, при жестком защищении, продолжавшемся 6 1/2 часов, везде неприятель поражен был, и везде сохранен совершенный порядок».

Измаил сделал Моркова не только кавалером ордена Св. Георгия 3-й степени, но еще и бригадиром. Окончание же войны — генерал-майором, ибо именно ему была доверена почетная обязанность — привезти в Петербург известие о Ясском мире.

В этом же 1792 году, когда он стал генералом, Морков был отмечен еще раз — на его груди засияли звезда и крест кавалера ордена Св. Георгия 2-й степени, награды чрезвычайно редкой для генерал-майора. Но Морков ее заслужил: во главе 8-тысячного отряда он сумел у польского местечка Зелинцы, сражаясь на два фронта с превосходящими силами Костюшки, принудить неприятеля к отступлению, удержав позицию за собой.

Вскоре к этим наградам прибавилась очередная — золотая шпага с бриллиантами.

1796 год, год вступления на престол Павла I, сделал его графом. Но уже через два года — отставка. Генерал-лейтенант граф Морков поселяется в Москве. Вторая столица стала его постоянным местом жительства. Он полюбил этот город и его жителей, а они — седого ветерана. Недаром ведь с началом Отече-

ственной войны московские дворяне, узнав, что избранный ими в начальники ополчения Кутузов уже возглавил ополчение Санкт-Петербурга, не колеблясь, отдали голоса Моркову.

Престарелый граф привел московское ополчение на Бородино, где дрался плечом к плечу со своими старыми товарищами. Не покинул он их и после — до самого изгнания Наполеона из пределов России Морков находился во главе москвичей в действующей армии. После Березины, успокоенный, он вернулся в сожженную Москву, которой и помогал стать еще краше, чем она была доселе. Помогал до самой смерти — до 1829 года.

МСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

(? — 1036) — князь Тмутараканский (с 988) и Черниговский (с 1026)

После разгрома Ярославом Святополка большинство оставшихся в живых сыновей Владимира Святос-

лавовича признало власть Ярослава над всей Русью. Все, кроме его брата Мстислава, также сына половчанки Рогнеды. Ему, богатырю силой, волей и разумом, красавцу, талантливому от природы полководцу, отец доверил самый опасный и ответственный удел — Тмутаракань — южный форпост Руси, призванный сдерживать юг и не познанный никогда до конца восток от их давления на государство славян.

Мстислав окажется достойным доверия Владимира. Был он копией своего деда Святослава, столь же талантлив в воинских делах, столь же удачлив, столь же любим всеми теми, кого водил он за собой в битву. В 1016 году тмутараканский князь окончательно — и на этот раз навсегда — разрешит многовековой спор с Хазарским каганатом, разбив его войска и захватив в плен последнего его хана. В 1020 году — покорит аланов и касогов из предгорий Кавказа, любящих, подобно их северным кочевым соседям, прийти походом-облавой на Русь. В походе против касогов их князь Редедя, известный своей богатырской силой, предложит Мстиславу поединок — чтобы не губить войско и решить все божьим судом-боем между вождями. Мстислав принял вызов. Бились долго, а поломав оружие, сошлись в «простом бою» — руками — без правил! Мстислав сломал касога, бросив через колено. А потом проигравшему, и, стало быть не имеющему право на жизнь и власть, оказал милость ударом кинжала в сердце. И по праву победителя наложив на касогов дань.

Именно ему, долгие годы смирявшему всех противников Руси на ее

степных границах, один из потомков печенежского князя Кури, победителя Святослава, передает в знак дружбы и желания мира, ритуальную печенежскую чашу. Чашу из черепа князя-воина, с которым степняки поступили так же, как и со всеми своими сильными противниками, веря, что мощь побежденного будет тем самым вливаться в них самих. Печенежскому хану не надо было льстить — он избрал для своего дара самого могущественного русского князя. И самого опасного для своих врагов. Дабы тот, погребя прах деда, успокоил его душу. И не бродила бы она по земле, ища обидчиков. К этому времени уже многие из печенегов поняли, что не стоит иметь русичей своими врагами...

Ярослав еще до победы на Альте предложил брату Мстиславу Красному, т.е. Красивому, кроме Тмутаракани еще и Муром. Он уже распоряжался как старший в роду — братоубийца Святополк был не в счет. И предлагал Мстиславу еще одно княжество, как старшему после себя. Но Муром был не особенно нужен Мстиславу — место глухое, лесное, северное, он же — все время на юге, каждый день лицом к степи. В Тмутаракани было мало славян — и даже дружина, кроме ближней, вся состояла из воинов разных народов, смиряемых и смиренных Мстиславом — касогов, печенегов, хазар, и из иных — норманнов, греков.

Южному князю было нужно новое княжество по обычаю, по почету — Ярослав должен был выделить ему вторую землю по значению после Киева. Но он опасался, ибо Тмутаракань была богата, а князь ее храбр и силен. И ему, Мстиславу, нужна

была та земля, откуда он мог бы набрать людей одного с ним рода-племени для защиты Руси. Для того, чтобы, русское названием, Тмутараканское княжество росло, богатело и крепло русскими руками и русским умом. Ярослав же, понимая правду брата, кроме Мурома, опасаясь, ничего не давал.

Наконец, в 1023 году Мстислав, оставив княжество на ближнюю, славянскую дружину, с другой своей дружиной, из охотников-степняков, пошел к Киеву. Но не биться, а договариваться. Подойдя к Киеву, узнал, что Ярослав — на севере, и знатные киевляне, устроив пир для южного князя, в город его не пустили — ибо знали: нет пока между братьями согласия, и значит, не смогут они пустить в город Ярослава, их князя, брата-соперника. Мстислав не обиделся и ушел на днепровское левобережье. Здесь Чернигов — вторая земля южной Руси по богатству, обширности, древности — с почетом встретил князя-защитника юга. И Мстислав сел в городе князем. Сел строго по обычаю — никого не обидел, не ущемил, отпустил всех бояр-воевод брата, решивших остаться с Ярославом, который посылал Мстиславу письма-предупреждения — уходи в Муром, иначе быть войне! — к ней и готовился, сидя в Новгороде.

Действительно, все шло так, как будто не было князей-соперников, не готовились они к войне, не правили разными городами и землями. Киев и Чернигов, их горожане-жители общались друг с другом по всякой надобности, без всякой опаски и совершенно свободно.

Так прошел почти год — с лета до лета. Наконец, Ярослав решил

и двинулся к югу, ведя за собой заморских наемников и малое число новгородских — охотников, пожелавших показать себя южной Руси. Навстречу брату из Чернигова вышел Мстислав, также имея в войске многих славян-северян, решивших доказать Новгороду Великому, что они ничуть не хуже, и степную дружину. Силы были у каждого небольшие, сильных русских ратей не было — страна не вмешивалась в домашний спор братьев, чувствуя и зная, что и тот, и другой, и оба вместе ей по нраву, ибо они о ней пекутся и будут печься куда хватит сил.

Братья встретились под городом Лиственном. Ночью Мстислав вывел северян-охотников против главной силы брата — пешей дружины норманнов. Охотники не подвели черниговского князя — северяне заморские увязли в битве со славянскими северянами, и в этот момент по флангам Ярослава ударили степняки его брата. Битва кончилась скоро — юг победил север.

Ярослав бежал к устью Сожа, туда где река эта впадает в Днепр, туда, где он высадился с ладей, идя на сшибку с Мстиславом. Дождавшись остальных беглецов-проигравших, ушел на север, в Новгород. Он проиграл поединок, Божий суд — и ему не было места на юге. Дождаться же части своей дружины он сумел потому, что брат его не преследовал проигравших, как делают это в настоящей войне, когда больше всего и можно положить неприятельских войск. Но тут не было настоящего врага — братья делили власть над единым и неделимым целым. И все делалось честно, обычаем и малой кровью — Мстислав не преследовал

дружину брата, не добил ее, а Ярослав, проиграв в одном сражении, тут же ушел к Ильмену, ибо проиграл не просто бой, а лишился пока права претендовать на Киев и юг.

Мстислав же, победив, знал, что отныне он княжит в Чернигове уже навсегда. Киева он не хотел — и предложил вновь Ярославу мир и правый, киевский, берег, себе оставляя левый, поближе к степи, черниговский. Ибо пришел он сюда из Тмутаракани с думой о восточном ветре, им же собирался заниматься и занялся сейчас. Оба его княжества — и отцовское, выделенное и ныне взятое у брата, были, по сути дела, главными в обороне против степняков. Таковыми и остались, ведомые опытной рукой князя, который в этом видел свое призвание и служение.

Не желал он великокняжеской власти, хотя по праву сильного он мог взять Киев себе, окончательно потеснив старшего брата. Но не делал Мстислав этого, уважая обычаи и желание самих киевлян, по прежнему верных Ярославу. Тот и прибыл к ним через год. И вновь привел дружину.

Люди Великого Новгорода и в этот раз не бросили своего князя, к которому привыкли и с которым сроднились — как мать больше всех из детей любит самого слабого и беззащитного. Таким и был в глазах северного города Ярослав, которому, как они ясно видели, было не тягаться со своим братом-воином. Да и не прав он был в этой распре, их Ярослав, но они его не бросили, пришли вместе с ним. Ибо непорядок, если великий князь, требуя свое, будет делать это, не имея за своей спиной железной стены воинов. Стыд-

но. И не желая Ярославу стыда, ныне они и были у него за спиной. Как и киевляне, которым Ярослав был также по нраву и которые также не желали его княжеского бесчестья перед братом. Не желали они и воинской брани — ни новгородцы, ни киевляне, — зная и Мстислава, его заслуги перед Русью и правоту. И в этом деле, и во многих других.

Вновь войска братьев стояли друг против друга, разделенные Днепром. Ярослав, видя настроение своих воинов, чувствовал, что ему начинать битву не стоит. Брат же вовсе воевать не хотел. И вскоре Ярослав, как старший и, стало быть, разумный, но и более слабый, принимающий условие противника, переправился на левый берег реки, согласный на ранее предложенное Мстиславом. Тому оставался левый берег, Чернигов, Ярославу — Киев. Брани не было, был мир.

Отныне братья строили и берегли родную землю вдвоем. Обороняли-воевали, строили-создавали.

Вместе ходили походами на поляков, оспаривая у воинственных соседей города Червенской земли. Походы были удачны — Русь выиграла. Спорные города вновь стали русскими. Печенеги сидели смиренно, опасаясь черниговского князя. Тмутаракань держала юг, богатея и торгуя со всеми странами и народами Юга и Востока. Новгородская слава гремела по всей Европе, слава великого города Севера — города, открывающего безопасный путь на юг.

Слава Мстислава была так велика, что почти двадцать лет Степь — до его смерти — не смела тревожить Русь. Как и иные соседи, зная мощь славянских дружин.

МСТИСЛАВСКИЕ

княжеский и боярский род в русском государстве
XVI—XVII веков

Потомки сына Гедимины Явнутия, имели в Литве фамильное имя — Иже-славские.

Михаил Иванович, женатый на дочери князя Ивана Мстиславского, в русско-литовской войне начала XVI века дважды переходил на сторону России и дважды отъезжал обратно. Его сын, Федор Михайлович, выехал в Россию в 1526 году и получил в удел города Юхоть, Малый Ярославец, Каширу, Мышегу и Кременск.

Иван Федорович Мстиславский, видный политический и военный деятель эпохи Ивана IV, впервые упомянут в летописях 1547 года как рында (оруженосец-телохранитель), в 1549 году становится боярином. В 1552 году он возглавлял Казанский поход и походы в Ливонию в 1559—1560 годах. После введения опричнины в 1565 году он вместе с князем Бельским стал руководить земщиной. Когда умер Иван IV, Мстиславский вошел в состав регентского совета, но уже в следующем году из-за обострения противоречий с Борисом Годуновым подвергся опале, был пострижен и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер.

Василий Иванович Мстиславский, один из сыновей Ивана Федоровича, — боярин с 1577 года. В истории он практически неизвестен. Другой сын, *Федор Иванович*, видный русский политический и военный деятель второй половины XVI — начала XVII веков, крупнейший светский землевладелец, боярин с 1576 года.

Опала этого человека не коснулась. После смерти царя Федора Ива-

новича в 1598 году его имя называлось среди претендентов на царский трон, чему способствовали родственные связи Мстиславского с угасшей династией. Против него ничего не имел и Борис Годунов, а во время борьбы с Лжедмитрием I Мстиславскому поручили возглавлять правительственные войска.

В период правления Лжедмитрия Мстиславский занимал очень высокое положение, но это не помешало ему принять участие в заговоре против Лжедмитрия. В дальнейшем Мстиславский по-прежнему занимал высокие посты. Умер он 12 февраля 1622 года.

Н**НАГОЙ БОГДАН МИХАЙЛОВИЧ**

воевода XVII века

Известно, что Нагой с 1616 по 1622 год нес обычную придворную службу в числе стольников.

В 1626 году он был назначен первым воеводой в городе Путивле «для бережения» его от татарских набегов. В 1629 году он был одним из воевод в Децилове.

В 1632 году Богдан Нагой был послан в Калугу «собираться с ратными людьми» для похода против поляков. В октябре того же года Нагой с небольшим отрядом занял город Серпейск, в ноябре разгромил отряд поляков и захватил Рославль.

Погиб Нагой в сражении с поляками под Смоленском.

НАГОЙ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ

воевода середины XVI века

Первое упоминание об этом человеке, как об одном из начальников русского войска, относится к 1549 году.

С 1552 по 1553 год Григорий Иванович был на воеводстве в Путивле. В следующем году он стал вторым воеводой Большого полка при подавлении бунтов.

В 1559 году Нагой отличился во время похода в Лифляндию при осаде города Дерпта.

В январе следующего года он участвовал в походе к Алысту, отличившись при взятии этого города.

В 1563 году Нагой принял участие в походе к Полоцку. Командуя вспомогательными татарскими и ногайскими войсками, Нагой не только осаждал Полоцк, но и разгромил польское войско, шедшее на помощь городу.

В последующие годы Нагой участвовал в различных придворных мероприятиях.

Последние сведения о нем датируются 1568 годом.

НЕКЛЮДОВ ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

(около 1748 — 08.04.1839) — участник русско-турецких (1768 — 1774 и 1787 — 1791) войн, генерал-майор

Точная дата рождения ярославского дворянина Неклюдова неизвестна. Наверняка известно лишь то, что уже 1 марта 1766 года он поступил на службу капралом в Азовский пехотный полк, а позднее — при создании егерских частей — в 1-й егерский батальон подполковника Фабрициана.

К тому времени Неклюдов уже унтер-офицер. Новый, 1770 год для него начался удачно: 1 января его за боевые отличия производят в прапорщики. Но и еще несколько следующих лет он, будучи уже офицером, живет одной жизнью с солдатами, ничем не отличаясь от них, — продолжает делить с ними артельную пищу и спать на соломе.

В так называемую «румянцевскую» русско-турецкую войну Неклюдов дерется с противником при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле, участвует во взятии Измаила, Килии, Браилова, Журжи, сражается при Козлуджи — уже в чине ротмистра. Словом, во всех основных событиях войны он — непременный участник. Потом был Крым.

С началом следующей войны с Портой — «потемкинской» — он снова на театре военных действий. Начальство и служба бросали его с одного места на другое. И в 1790 году секунд-майор Неклюдов оказался под Измаилом — немного раньше, чем туда прибыл Суворов.

Крепость Измаил нынче уже была не та, что брал Неклюдов в прошлую войну, — с тех пор османы ее значительно расширили и укрепили. Теперь это было сооружение, пост-

роенное по последнему слову европейской военной мысли французскими инженерами: прямоугольный треугольник, вписанный в окружность длиной десять верст, обращенный гипотенузой к величественному голубому Дунаю. Катеты треугольника образовывали шестиверстный главный вал вышиною от трех до четырех сажень, перед которым был еще дополнительно вырыт широкий и глубокий ров. Крепость защищал 35-тысячный гарнизон, подкрепленный 250 орудиями.

Долгая осада Измаила ничего не дала русской армии. И тогда Потемкин назначил начальником над всеми войсками, расположенными в ближайшей округе, генерал-аншефа Суворова.

Появление Суворова означало лишь одно — штурм. Начались подготовительные работы: изготовлялись лестницы и фашины, возводились дополнительные батареи против крепости, солдаты тренировались преодолевать рвы и валы.

Суворов лично экзаменовал войска, готовил их в дело.

Перед самым штурмом русский командующий послал Айдозле последнее предупреждение — записку: «Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю на ваше рассмотрение». В ответ ему сказали о небе, Дунае и Аллахе. «Значит — пора», — решил он.

На рассвете 10 декабря шестьсот русских орудий открыли по Измаилу огонь. А 11 декабря — пять колонн — три с запада под командой генерал-поручика Павла Потемкина, две с востока под началом генерал-

поручика Александра Самойлова — плюс с юга десант флотилии генерал-майора де Рибаса пошли на приступ.

Крепость была готова к этому — ночью к османам бежало несколько казаков.

Колонны двигались в полном молчании, раздвигая собой плотное марево тумана. До крепости оставалось не более трехсот шагов, когда стены как будто взорвались — все 250 турецких орудий открыли огонь на поражение.

Первой подошла к стенам вторая колонна правого крыла под командой генерал-майора Ласси. При начавшейся страшной канонаде сердца солдат невольно дрогнули: они упали на землю и бросили лестницы. Неклюдов, назначенный находиться со своими стрелками впереди этой колонны, увидев, что войска колеблются, обратился к генералу:

— Ваше превосходительство! Позвольте мне начинать!

— С Богом! — отвечивал тот.

Тогда, обращаясь к своим стрелкам, секунд-майор закричал:

— Ребята! Вперед! За мной! Смотрите на меня: где буду я, там и вы будьте! Вместе разделим славу и честь или вместе положим головы свои за веру и императрицу Екатерину! Она мать наша, мы — ее дети! Ура! С нами Бог!

Бросившись в глубокий ров, он начал забираться на вал без лестницы, с помощью одних штыков. Солдаты, устыдившись, теперь торопились догнать и перегнать своего командира, забывая об опасности.

Мгновенно, — как будет потом записано в его формуляре, — Неклюдов взшел на бастион. За ним взлетели остальные. Неклюдовские егеря отбили неприятеля от пушек и

овладели батареей. В этом скоротечном бою Неклюдов был ранен пулей в правую руку близ плеча навывлет; в левую ногу он получил два пулевых ранения, и в левое же колено его ударили кинжалом — таково было напряжение боя. Но не раны сейчас занимали его.

Желая ободрить колонну, Неклюдов приказал своим стрелкам подползти под пушки и выстрелить в промежутки батарей. Последние его егеря спешили влезть на вал из девятисаженного рва — на помощь своим отчаянно и самоотреченно сражающимся товарищам. Значительное число этой отборной пехоты было ранено и убито — первые приступы таких крепостей всегда покупаются большой кровью, но с горсткой оставшихся Неклюдов, не имея даже нескольких секунд для перевязки и все более и более слабея от потери крови, продолжал бой наверху бастиона.

Тут его снова ранили — пикой в грудь, ударив несколько раз.казалось, что все османы ополчились на него одного. На этот раз он упал за мертво.

Но теперь уже вся вторая колонна егерей взошла на отнятую батарею и двинулась по куртине к третьей. Израненного и полуживого Неклюдова — когда его подняли, то оказалось, что он плавает в собственной крови, — солдаты на ружьях вынесли из боя. Капли его крови пятнали дорогу, но он еще, очнувшись, находил в себе силы ободрять своих также израненных санитаров.

Перевязывать раненых было некогда, и Неклюдов, вновь теряя сознание от слабости, уже не слышал русского «ура!», олицетворявшего всегдашнюю победу, внутри Измаила.

Бой длился около семи часов. Из турок почти никто не уцелел. Комендант Мегмет Айдозле, дравшийся до самого конца, умер на штыках, получив шестнадцать ран.

Страшные потери понесли и русские штурмовые колонны — 4 тысячи убитых, 6 тысяч раненых; из 650 офицеров в строю осталось не более 250.

Падение Измаила повергло в шок турок и всю Европу. Строились различные планы, проигрывались многовариантные комбинации...

А в крепости жизнь шла своим чередом: армия отходила от сражения. Солдаты, подпоясавшись трофейными знаменами, вышагивали гордо, на всех поглядывая. Из холодных лагерных палаток в крепостную больницу перенесли раненых. Почти первым делом Суворов посетил этих героев и, увидя среди них и Неклюдова, обрадованно вскричал:

— Храбрый, неустршимый Неклюдов! Ура! Ура!

Свита командующего сочувственно молчала, видя состояние секундмайора.

Да, поводов для сочувствия было достаточно — Неклюдов долго балансировал между жизнью и смертью. Так долго, что до жены его дошли слухи о подвиге мужа и его мучительной смерти от полученных ран. И жена занемогла. И надо же так случиться — вскоре, опровергая все домыслы, к ней приехал сам Неклюдов, еще слабый от ран, но живой.

Говорят, от радости не умирают. Бывает, однако, что и умирают: жена, увидя мужа живым, не вынесла потрясения и сгорела в одночасье, оставив на руках мужа дочерей.

Вскоре умер и Потемкин, всегда примечавший Неклюдова. И о секунд-

майоре, казалось, сразу же и напрочь забыли. Но так только казалось — нашлись люди, помнившие об Измаиле. Они и устроили в феврале 1792 года Неклюдову встречу с Екатериной II.

Неклюдов был произведен в подполковники и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Он прожил долгие годы. Много было в его судьбе — его и оклеветывали, и увольняли со службы, а, разобравшись, принимали снова. Потом уже с почестями и почетом провожали в отставку — «за старостью лет». Но он, не мыслящий себя вне государственных трудов, вновь просился в дело.

Свой жизненный путь закончил Неклюдов в 1839 году в Москве в чине генерал-майора, служа по кавалерии.

О

ОБОЛЕНСКИЙ-ТЕЛЕПНЕВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

(? — 1563) — воевода XVI века

Как военный деятель Дмитрий Иванович Оболенский-Телепнев стал известен во время походов на Казань, в которых он принимал участие с 1545 по 1550 год. После окончания второго похода он был назначен воеводой в Коломну.

Находясь в Коломне, Дмитрий Иванович вскоре был послан с войском в Тулу воевать против крымцев, которые, дабы отвлечь русские войска от Казани, напали на окраины Москвы.

Однако Оболенский-Телепнев успел не только прогнать неприятеля

от Москвы, но и в скором времени подойти к Казани, приняв активное участие в ее осаде.

Некоторое время Оболенский нес службу при дворе.

В 1555 году он в качестве воеводы снова отправился в поход к Туле и Коломне, чтобы отразить очередной набег крымского хана.

В 1563 году Оболенский-Телепнев принимал участие в походе на Литву и взятии Полоцка.

В том же году Дмитрий Иванович Оболенский-Телепнев скончался.

ОДОЕВСКИЙ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

участник русско-турецкой войны (1787—1791), генерал-поручик

В 1776 году Одоевский начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку. В январе 1779 года он был переведен в Семеновский полк в чине сержанта.

В 1789 году Иван Сергеевич стал

флигель-адъютантом при генерал-фельдмаршале князе Потемкине. В этом качестве он принимал участие в русско-турецкой войне и отличился во время осады Килии и Измаила.

На следующий год после окончания войны князь Одоевский был произведен в чин полковника и определен для прохождения службы в легкочинный полк, в составе которого Иван Сергеевич начал польскую кампанию.

В 1793 году он был переведен в Софийский карабинерный полк и в следующем году принимал участие в сражениях у Кобрина и Брест-Литовска.

Из Польши Одоевский вернулся в чине полковника.

В 1800 году он вышел в отставку, но в сентябре того же года снова вернулся на армейскую службу.

В феврале 1803 года Одоевский становится шефом Ингерманландского драгунского полка.

В 1806 году он снова подает в отставку и больше к службе не возвращается.

ОДОЕВСКИЙ НИКИТА РОМАНОВИЧ
(? — 1573) — князь, боярин и воевода

В 1565 году князь Одоевский был одним из воевод, защищавших южные границы московского государства от набегов крымских татар. В 1566 году он был воеводой сначала в Дедилове, а затем в Михайлове.

В 1568 году Одоевский был направлен на Оку первым воеводой для охраны русских рубежей от нападения крымцев.

Одоевский был включен в число опричников и в этом качестве ходил в очередной поход против крым-

ских татар, когда хан Девлет-Гирей совершил очередное нашествие на Московскую окраину.

В 1572 году — новый набег хана Девлет-Гирея на Москву. В этом году на ее защиту от татар были поставлены князя Никита Одоевский и Михаил Воротынский. Они успешно организовали защиту города и разгромили неприятеля в сражении на Молодях.

На следующий год Одоевский вновь получил назначение на должность воеводы на Оку, но вскоре был схвачен по доносу и в том же году казнен.

ОЛЕГ

(? — 912 или 922) — князь Киевский

При Рюрике Олег был ближним его воеводой, поэтому, умирая, князь Новгородский завещал ему беречь своего малолетнего сына.

Умирая, Рюрик не думал уже о Киеве, в мыслях видя сына лишь властителем Новгородчины, ибо был уве-

рен, что после его смерти никто не сможет вместо него наложить на юг руку власти с севера. Равно был он уверен и в том, что когда Игорь войдет в возраст, Олег передаст ему престол — таков обычай: дядья по матери пекутся о племянниках, защищая их от притязаний дядей с другой руки — братьев отца. Но иначе думал сам Олег. Выспрашивая купцов, приезжавших постоянно с юга на север, он осмысливал услышанное и все более и более приходил к одной мысли — объединение Новгорода и Киева возможно. И может оно произойти под его властью.

Три года он сидел так на новгородском престоле, воспитывал племянника, правил по закону и обычаю Землей, слушал и думал. Пока не решил однажды — пора.

Олег решился на борьбу с Киевом, где правили некогда знаменитые князья Аскольд и Гир. Как опытный воин, он знал, что единственный залог успеха — это быстрота. Собрав большое войско из постоянно приезжавших сначала к Рюрику, а потом и к нему — варягов, набрал охотников из новгородских славян, кривичей, чуди и мери и скоро двинулся на юг.

По пути сажает своих наместников у восточных кривичей в Гнездове (Смоленске) и в Любече (у северян) и продолжает свое стремительное движение к югу. Настолько стремительное, что Киев так ничего и не узнал до самого прихода Олега под его стены.

При подходе к городу Олег большой части войска велел отстать и быть готовым, по сигналу, мгновенно двинуться на помощь передовому отряду. Сам же с несколькими ладьями смело приблизился к берегу. Стража спокойно отнеслась к небольшой

флотилии (большинство воинов спряталось внутри судов, оставив только несколько человек — стражей ладьи). Олег, богато одетый, сошел с несколькими своими людьми на берег и объявил подошедшим, что он — купец, едущий в Византию по поручению князя Олега, и у него есть для киевских князей ценный и тайный подарок, не предназначенный для чужих глаз. Стражники, ни о чем не подозревая, передали услышанное князьям.

И когда князья вышли к ладьям с малой охраной, то их внезапно окружили выскочившие с кораблей Олега люди. И тогда наступило время речей. Олег сказал все, что слышал сам и о чем думал последние три года. И победил — Киев его простил и принял, признал и наградил, поставив над собой. За что получил тут же от Олега звание-прозвище «мать городам русским».

Сам же он стал князем великим всей бескрайней державы — от Балтики до моря Черного, всего Древнерусского государства. Бывшая земля Рюрика отныне лишь была в нем одним из уделов, поэтому и будет править-княжить Олег не до взросления племянника, а до тех пор, пока сам не устанет от бремени власти, бремени основателя и создателя великого государства.

На следующий год Олег, выполняя обещание принявшей его Киевской земле, идет походом на древлян, враждовавших с полянами за первенство на юге восточнославянского мира, и покоряет их, присоединив к Киеву. В 883—884 годах он присоединит племена северян и радимичей к своей стремительно расширяющейся державе. Платившие дань хазарам-степнякам, те, в отличие от древлян,

почти не окажут никакого сопротивления, отныне став данниками Киевской Руси. Это, естественно, не понравилось Хазарии, бросившей против славянского войска свои конные лавы, которые будут разбиты. В последующие годы наступил черед покориться Киеву и Олегу дулебам, хорватам и тиверцам.

На рубеже веков военное счастье ненадолго изменит ему — продвигавшиеся на запад по Причерноморью кочевники-венгры разобьют его войско, привыкшее к победам. Славяне запрутся в Киеве, который неприятелю, несмотря на усиленную осаду, взять не удастся — все поймут, наконец, меру опасности и необходимость общего противодействия. Да и степняки, положив под стенами города многих и многих, также остынут и охотно пойдут на мир с Русью, понимая — что удалось раз, может и не получиться дважды, иметь же за спиной врага хуже, чем доброго союзника. Мир между племенами просуществует около двух веков, во многом влияя на здешнюю политику.

Олег, как умный правитель, понимал, что слабости и поражения вождя быстрее всего забываются, перечеркнутые его же победами. Необходимость в победоносной кампании была, был и всегдашний противник — Византия. Был и повод — после поражения Олега Империя, в начале века пойдя на территориальные уступки усилившемуся Болгарскому царству, испытывая сильнейшее давление арабов, пережив мятеж знати, что все вместе весомо подрывало ее финансы, решила прекратить платить Киеву дань, которую до поры Олег брал своевременно и жестко.

Был и союзник — болгары. Они обещали пропустить русское войс-

ко по своей земле, и в 907 году Олег во главе многих тысяч воинов двинул свое войско по Болгарии к Константинополю. Туда же устремились и многие русские лавы, также несущие тысячи и тысячи вооруженных славян.

Столица Византии раскинулась по обе стороны залива Золотой Рог, перерезавший город и уходивший далее — за стены. Стены Царьграда со стороны Босфора и с напольной стороны были высоки и по сути дела неприступны, однако со стороны внутренней гавани город надеялся только на массивные цепи, перекрывавшие вход. Олег, не видя возможности преодолеть эти цепи, решил ударить с внутренней стороны залива, для чего предстояло перетащить корабли через перешеек. Он поставил их на колеса, и при распушенных парусах и попутном ветре корабли двинулись к городу.

Необычный маневр так поразил и обескуражил неприятеля, что он запросил мира. Гениальность Олега была и в этом маневре, и в том, что он согласился на мир, чувствуя, что ему трудно будет сохранить войско, если враг опомнится от испуга и решится дать бой.

Мир, скрепленный при личной встрече Олега с императором Львом VI, был для Руси выгоден — кроме большой разовой дани сейчас византийцы клятвенно обещали возобновить и ежегодный откуп; русским же купцам отныне было разрешено беспошлинно торговать на византийских рынках и как купцам иных народов получать продовольственное содержание (это же распространялось и на послов руссов), и даже — мыться в константинопольских банях.

Перед уходом домой Олег повесил на воротах города свой щит — как знак окончания войны и наступления мира. Но не показывает ли этот жест — символ многомудрого росича, — кого следует отныне грекам видеть своим защитником (щит — защита!), и не предвосхитил ли он рыцарское Средневековье, когда щит, вывешенный на дверях дома в городе, захваченном неприятелем, говорил всем, что дом отныне занят и в нем уже есть новый хозяин?

Через четыре года — в 911 году — Империя подтвердит свое намерение, рожденное оторопью, — жить с Русью в мире и заключит с Олегом первый в истории Восточной Европы письменный мирный договор, конкретно рассказывающий о том, как грекам надлежит себя вести со славянами — в торговле и в политике.

По возвращении из Константинополя Олег почувствовал усталость. Тридцать лет власти не прошли бесследно. Некогда он отодвинул в тень племянника-отрока, который так и не стал новгородским князем. Ныне Олег отдавал уже зрелому мужу великое и могучее государство. Великим князем стал Игорь, сын Рюрика. Решивший прожить последние дни на родной Балтике и ушедший на север, Олег умирает, не дойдя до своего некогда покинутого дома, на Ладого.

ОРЛОВ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(1737—1807) — князь Чесменский (1774), участник русско-турецкой войны (1768—1774), генерал-аншеф (1769)

Происходил из дворянской семьи. Начал службу в русской армии в

1749 году солдатом в лейб-гвардии Преображенском полку.

В 1762 году получил звание сержанта. Приняв участие в дворцовом перевороте, следствием которого стало возведение на престол Екатерины II, Алексей Орлов был произведен сразу в звание генерал-майора, стал графом Российской империи и был пожалован землями, крепостными и деньгами.

В 1765 году он получает очередное звание генерал-лейтенанта.

Алексею Орлову принадлежит разработка плана кампании в Средиземном море во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов.

В 1769 году он был произведен в генерал-аншефы и лично стал претворять разработанный им план военных действий против Турции. Орлов стал главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами русской армии и флота. В битве у Чесмы, несмотря на значительное пре-

восходство турецкого флота, он отдает приказ атаковать его. В ходе сражения все турецкие суда были потоплены или взяты в плен. Это сражение принесло Алексею Орлову титул князя Чесменского.

Русско-турецкая война была последней в военной жизни князя Орлова. В год окончания войны (1774) Орлов выполнил тайное задание Екатерины по поимке и доставлению в столицу самозванки, объявившей себя дочерью Елизаветы Петровны.

На следующий год Орлов и его братья лишились благожелательности императрицы Екатерины II, которая распорядилась уволить их «от всякой службы».

В период правления Павла I Орлов был вынужден покинуть Россию и вернулся на родину только после воцарения Александра I.

Последние годы Алексей Орлов занимался разведением лошадей. Ему принадлежит выведение известной породы — орловский рысак. До конца жизни он проживал в подмосковном имении, являясь начальником земского ополчения.

ОРЛОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ

(около 1745 — 1801) — участник русско-турецких (1768—1774 и 1787—1791) войн, генерал от кавалерии, войсковой атаман войска Донского (1797)

Орлов начал службу в 1764 году простым казаком и по прошествии десяти лет стал войсковым старшиной и командиром одного из казачьих полков.

С этим полком Орлов принимал участие в русско-турецкой войне и за отличия в боях был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В 1787 году Василий Петрович Орлов был произведен в чин полковника.

Начавшаяся новая русско-турецкая война 1787—1791 годов призвала полковника Орлова на поля сражений. Приняв участие практически во всех крупных сражениях этой войны, он особенно отличился во время штурма Измаила. Он командовал 4-й штурмовой колонной, состоящей из казаков, вооружение которых составляли только пики и сабли.

В 1801 году приказом императора Александра I был направлен в поход в Индию. Под его командованием находилось сорок полков и две роты артиллерии. Дойдя до Иртыша, Орлов получил приказ о возвращении обратно.

Орлов вернулся в город Черкассы, где в том же 1801 году скончался.

ОРЛОВ ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ
(1741—1796) — участник Семилетней (1756—1763)
и русско-турецкой (1768 — 1774) войн, генерал-
аншеф (1774)

Еще юношей Федор Орлов получил боевое крещение в период Семилетней войны 1756—1763 годов. Затем стал одним из участников дворцового переворота 1762 года, возведшего на российский престол Екатерину II.

Во время очередной русско-турецкой войны Орлов отправился волонтером с эскадрой адмирала Спиридова. Он стал активным участником кампании и помогал грекам в подготовке восстания против турецкого владычества; затем под его руководством была захвачена крепость Корона.

В 1770 году, находясь на корабле «Евстафий», он принял участие в бою при Чесме. В том же году он участвовал в морском сражении при острове Гидра, а затем командовал

частью флота, которая должна была захватить приморские турецкие крепости и поселения.

В 1772 году Орлов был отправлен в отпуск в связи с болезнью.

В 1775 году он вышел в отставку и поселился в Москве.

В 1796 году Федор Григорьевич Орлов скончался.

II

ПАНИН ПЕТР ИВАНОВИЧ
(1721—1789) — граф, участник русско-турецкой
войны (1768—1774), генерал-аншеф (1762)

Выросший на самом верху социальной лестницы, он в зрелые годы своей жизни имел возможность общаться с монархами и их приближенными, а поскольку именно в эти годы в России правила Екатерина II, то граф общался именно с ней и ее двором. И будучи человеком военным, он не всегда умел и желал скрыть пренебрежение воина к представительнице прекрасного пола, занимающейся, как он искренне считал, сугубо мужским делом, и к тем, кто искал милостей у трона женщины. Многие подобное отношение Панина к ним чувствовали и не любили его за это, хотя, включая и императрицу, отдавали должное его военному таланту, который использовали в тех случаях, когда никто иной с задачей не мог справиться. Использовали скрепя сердце. Панин же лишь усмехался, живя и действуя так, как привык и как умел. А умел он в военном деле немало.

Он родился в 1721 году, в пятнадцать лет поступил солдатом в

лейб-гвардии Измайловский полк и в том же году участвовал во взятии Перекопа и Бахчисарая. Затем воевал против шведов. В 50-е годы Панин — уже полковник и командир Новгородского пехотного полка — считается одним из лучших офицеров в российской армии. К началу Семилетней войны — генерал-майор. Храбро дрался под Гросс-Егерсдорфом, Цорндорфом, Кунерсдорфом, участвовал во взятии Берлина, был произведен в генерал-поручики и назначен генерал-губернатором Кенигсбергским. Вскоре он стал и генерал-аншефом, сенатором и членом Совета, а в 1767 году — кавалером высшего российского ордена Св. Андрея Первозванного и графом.

Начавшаяся война с Турцией в 1768 году сделала его по открытию военных действий командующим Второй армией, главной задачей которой стало взятие считавшейся турками неприступной крепости Бендеры.

15 июля 1770 года армия Панина, насчитывавшая около 34 тысяч человек, подошла к крепости. Долгие осадные работы, сопровождавшиеся многочисленными стычками и маневрами, атаками и контратаками, должны были иметь свой логический конец. Им и стал штурм, назначенный главнокомандующим в ночь с 15 на 16 сентября.

За несколько дней до этого, как сообщили перебежчики, бендерский паша, чувствуя неизбежность решающего приступа, взял со всего гарнизона клятву драться до конца и, скрепляя эту клятву и желая показать, что он разделит со своими подчиненными все, что бы ни уготовила им судьба, ел с ними так называемую «красавую кашу».

Ко дню приступа русские подвели сильную мину под бендерские укрепления, хотя Панин, веря в ее ответственность, больше всего верил в своих людей.

Вверенные ему гренадерские войска он разделил на три колонны. Правая — под началом полковника Вассермана — состояла из гренадерских рот Ряжского, Курского, Козловского и Елецкого полков, двух батальонов мушкетер и дивизиона егерей. Левая (начальник полковник Корф) — из гренадерских рот Севского, Орловского, Владимирского и Белевского полков и также из двух батальонов мушкетер и дивизиона егерей. Средняя — из гренадер Тамбовского, Старооскольского, Воронежского и Черниговского полков. Каждая колонна имела подкрепления, должны действовать в развитие успеха гренадер.

Наступил вечер 15 сентября. В десятом часу была заложена средняя мина — и 400 пудов пороха взорвались в темноте южной ночи. Турки открыли беспорядочную, но яростную пальбу наугад, однако она не остановила штурмовых колонн, пошедших на приступ.

Русские колонны быстро преодолели пространство до бендерских укреплений. Когда они уже начали вступать на крепостной вал, Панин направил в поддержку левого фланга два дивизиона егерей полковника Фелькерзама, чье мужество сделало его любимцем целой армии. К правому же флангу ушел с подкреплением оберштер кригс-комиссар Ларионов, к средней колонне — полковник князь Одоевский.

В самом начале дела был убит начальник средней колонны полковник

Миллер, которого тут же заменил подполковник Репнин, пришедший сюда на подкрепление с 4 гренадерскими ротами. Репнин и повел людей вперед — колонна перешла двойной ров при подошве гласиса*, ров перед палисадом на гребне гласиса, двойной палисад перед прикрытым путем, главный крепостной ров глубиной в две с половиной и шириной в шесть сажень. Вслед за этим нападавшие приставили лестницы к крепостному валу, взойдя на который вступили в ожесточенную рукопашную схватку с турками. Левая и правая колонны вступили на главный вал в те же самые минуты и так же с ходу включились в бой на холодном оружии.

Неприятель, деморализованный частично уже тем, что русские сумели быстро преодолеть столь значительное количество препятствий, а также перспективой вступать в штыковую с людьми, которые были известны как мастера подобного рода боя, тем не менее держался стойко.

Сбитые гренадерами с вала, они не менее отчаянно обороняли каждый дом, превращая его в маленькую крепость, а каждую улицу — в поле боя. Но шаг за шагом все же русские отряды отжимали османов к твердыне крепости — замку, где противник решил держать последнюю линию обороны.

Той порой наступило утро — бой же, длившийся всю ночь, не затихал. Турки решились на отчаянную попытку и бросили до полутора тысяч лучшей кавалерии и более полутысячи пехоты против тыла русского войска (этот отряд, выйдя из ворот,

обращенных к реке, неожиданно появился на левом фланге Панина).

Но граф недаром настойчиво воспитывал у своих подчиненных чувство самостоятельности и личной ответственности за порученное дело. Это дало свои результаты и на этот раз: многие отдельные офицеры успели с находившимися около них солдатами встать на пути османов. А когда еще и артиллерия по приказу командующего открыла по этому отряду сильный картечный огонь, то неприятель не выдержал и начал поспешное отступление.

Но намерение не стало действительным: куда бы ни устремлялись османы, на их пути везде стояли русские отряды. Так что попытки оказались тщетными — большая часть отряда, выделенного пашой, погибла, другая же предпочла позор плена бесцельной гибели.

Засевшие в замке, видя их судьбу, также предпочли жизнь смерти, и поэтому, когда в 8 часов утра граф Панин приказал начать штурм замка, вместо оружейных залпов со стен его начали кричать о том, что выпускают депутатов, готовых рассмотреть условия капитуляции.

Панин потребовал сдачи безо всяких условий — и османы, деморализованные всем развернувшимся до сел на их глазах, вынуждены были согласиться. Сдалось в плен около 12 тысяч уцелевших, включая более 5 тысяч янычар и спагов. Кроме того, противник потерял более 5 тысяч убитыми, не считая сгоревших при пожаре, охватившем в ходе штурма Бендеры и приведшем к тому, что вся крепость обратилась в пепел.

Трофеи составили: пушек медных — 203 штуки, чугунных — 59,

* Пологая земляная насыпь впереди наружного рва крепости (прим. ред.).

мортир медных — 28,-mortир кугорых — 57, порох, боеприпасы, 20 тысяч пудов сухарей, множество пшеницы и проса.

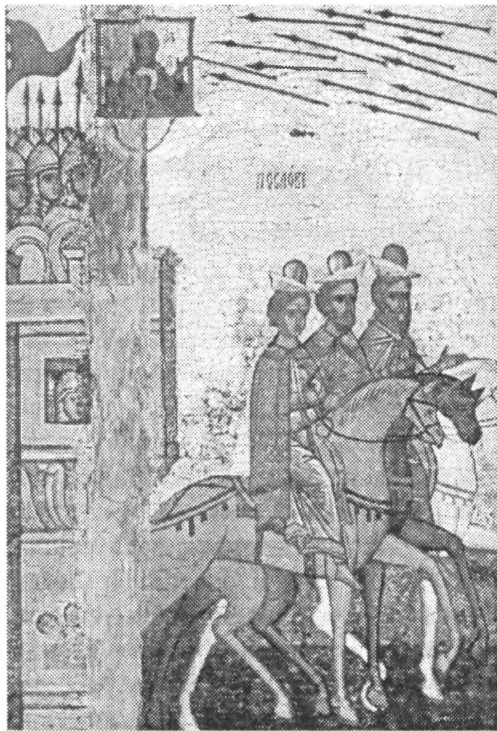
Панин был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени «за мужественное и благоразумное предводительство в вверенной ему в Турецкую войну армией противу столь отчаянно и с великой силой неприятелем защищаемой крепости Бендеры и покорение оной с ее замком». Орден этот Панин получил 8 октября 1770 года — третьим, после Петра Румянцева и Алексея Орлова, но он не получил давно ожидаемого им фельдмаршальского жезла, и новоиспеченный кавалер действует с присущей ему решительностью. Воспользовавшись (как поводом) своей болезнью, полученной еще в Семилетнюю войну и ныне в результате военной неустроенности обострившейся, он уже 27 ноября того же года подает прошение об отставке.

Она принимается, и покоритель Бендер начинает вести частную жизнь обычного помещика. Но огонь в его душе не погас — он разгорается с новой силой, когда до Панина доходит слух о восстании Пугачева. Граф предлагает императрице свои услуги, и та спешит ими воспользоваться — 29 июля 1774 года следует рескрипт императрицы о вверении Панину начальства над всеми войсками, действующими против мятежников, и над губерниями Казанской, Оренбургской и Нижегородской, начальства ничем и никем не ограничиваемого.

Графу понадобился всего лишь месяц — после ряда его молниеносных ударов 14 сентября Пугачев был выдан своими вчерашними товарищами. Мятеж был подавлен, а спасший державу Панин вновь обратился к част-

ной жизни, подобно многим полководцам и диктаторам Древнего Рима: в нем нуждаются — он приходит и свершает необходимое, опасность прошла — он вновь один из равных.

ПАТРИКЕЕВ ИВАН ЮРЬЕВИЧ
(1419 — 1499) — воевода XV века

Послужной список Патрикеева довольно длинный, поэтому можно отметить лишь наиболее важные моменты его служебной деятельности. Он начал служить великому князю Василию II Темному, а продолжил воинскую службу и его сыну Ивану III.

В 1455 году Иван Юрьевич ходил с войсками к Оке, где в сражении недалеко от Коломны разгромил татар.

В 1459 году Патрикеев был отправлен в поход в Вятскую землю — два похода, состоявшиеся ра-

нее, были неудачными. Ему удалось захватить города Котельнич и Орлов и осадить Вятку. Он находился с войсками под городом до тех пор, пока Вятка не сдалась.

В 1469 году Иван Юрьевич совершил удачный поход на Казань, когда он с братьями великого князя, Юрием и Андреем, заставил царя Ибрагима заключить мир «на всей воле Московского государя».

Он также отличился во время похода на Новгород в 1478 году. Находясь в полку великого князя, он принимал участие во всех важных переговорах с представителями Новгорода.

В 1480 году, когда великий князь Иван III отправился с войсками на Угру, Патрикееву была поручена оборона Москвы от возможного нападения войск хана Ахмата.

Однако в 1499 году, как и многие бояре, он попал в опалу. Иван Юрьевич Патрикеев избежал смертной казни лишь благодаря заступничеству высшего духовенства. Пребывая уже в преклонном возрасте, он принял постриг и стал монахом Троице-Сергиева монастыря. В том же году Патрикеев скончался.

ПЕТР I

(30.05.1672 — 28.01.1725) — русский царь (с 1682), император (с 1721)

Царь Петр является одной из самых выдающихся личностей в русской истории. Во время его правления произошли изменения практически во всех областях жизни русского государства. Он сам был неутомимым тружеником и смысл жизни видел в укреплении государства. Он ни во что не ставил жизнь человека и был же-

стоким правителем. Но это позволило ему создать могущественную империю и самому стать абсолютным монархом.

Одними из первых проведенных им реформ были реформы, связанные с армией и флотом. После дворцового переворота, устроенного стрельцами, Петр I поселился с матерью в Преображенском. Начальное обучение он прошел под руководством Никиты Зотова, который обучал его азбуке, священному писанию, арифметике и истории. Начав посещать Немецкую слободу, он познакомился с геометрией, фортификацией и рядом других наук. В то время он часто говорил: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». За свою жизнь царь Петр освоил 14 специальностей.

Находясь в Преображенском, Петр создал два «потешных полка», которые в скором времени стали лучшими российскими полками нового образца — Семеновским и Преображенским. А найденный им в 1688 году старый бот стал родона-

чальником созданного русского флота. Первые русские корабли начали строиться на Плещеевом озере и под Архангельском.

Вокруг Петра начал формироваться круг людей, ставших его сподвижниками и друзьями. Среди них были как иностранцы — Ф.Я. Лефорт, так и соотечественники — А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин и другие. Многие из тех, с кем разделял забавы юный царь, стали в дальнейшем знаменитыми полководцами.

В 1689 году Петр становится полновластным правителем. Заботясь о благе государства, он решает, что для России необходимо иметь морские границы.

В 1695 году Петр начал войну с Турцией, с целью обеспечить России выход к Черному морю. Военные действия предполагалось вести на Азове. Первая попытка захватить Азов окончилась неудачно, однако Петр приказал построить галерный флот и в 1696 году одержал победу и добился падения Азова.

Эти военные походы еще больше убедили Петра в необходимости заняться реформированием армии, и после их окончания он провел ряд военных реформ, касавшихся оружия, обмундирования и вообще устройства армии.

В 1697 году Петр I отправляет в Европу Великое посольство, состоящее из 250 человек во главе с «сухопутным адмиралом» Лефортом и генералом Головиным. С этим посольством он едет сам как неофициальное лицо. В Бранденбурге он изучает артиллерию и получает диплом «огнестрельного мастера». В Амстердаме он лично работает на верфях, постигая все тонкости постройки кораблей. В Англии он знакомится с

устройством фабрик, мастерских, арсеналов, изучая и перенимая новейшие технические достижения. Кроме личного опыта, он оставляет для обучения в Европе молодых русских дворян и «детей боярских», чтобы затем иметь в России своих специалистов в различных областях. За время посещения Великим посольством европейских стран на службу в Россию было нанято более 900 специалистов, в том числе и военных. Кроме того, одной из основных задач посольства стал поиск для России военных союзников.

Вернувшись в Россию и готовясь к войне со Швецией, он в 1699 году объявил набор в армию «вольных людей» солдатами и сбор «даточных людей».

После заключения мирного договора с Турцией, а также подписав договора с Данией и Саксонией о союзе против Швеции, 19 августа 1700 года Петр официально объявил Швеции войну. Это стало началом Северной войны 1700—1721 годов. Через три дня он вместе с войском выступил из Москвы к Нарве. Русские войска были разгромлены под Нарвой, но первые неудачи не остановили Петра. С еще большим энтузиазмом он берется за реформирование армии и строительство флота. Его неутомимая энергия способствовала созданию регулярной русской армии, которая вскоре стала громить шведов. В 1702 году русские войска взяли город Орешек, переименованный в Шлиссельбург. На следующий год был взят город Ниеншанце, ставший Шлотбургом. Затем русские войска одержали победу под Ямом (Кингесепп), Копорьем и Мариенбургом (Алуксне). В 1708 году — победа над шведами при Лесной; 1709 год — Полтавское сражение и

полный разгром армии Карла XII; 1714 год — морское сражение при Гангуте и победа нового русского флота. В 1720 году шведский флот снова был разгромлен в сражении при Гренгаме. Эта война длилась 21 год и закончилась подписанием мира в городе Ништадте. По условиям мира Россия получала часть территории Финляндии и Карелии и самое главное — выход в Балтийское море.

Во всех крупных сражениях Петр I лично принимал участие как главнокомандующий, а если того требовали обстоятельства, то и вел полки в атаку. Так, например, во время Полтавского сражения в критический момент боя он сам встал во главе батальона Новгородского пехотного полка и повел его в бой. Во время этой атаки одна из пуль попала царю в грудь, но даже не ранила его, так как ударила в нагрудный крест.

В период Северной войны в 1711 году Петр I предпринял Прутский поход против Турции. Этот поход был неудачным, но русским дипломатам удалось заключить с Турцией мир, и военные действия вновь переместились на Балтику.

После окончания Северной войны, продолжая имперскую политику, Петр I организовал и успешно провел в 1722—1723 годах Персидский поход, результатом которого стало завоевание побережья Каспийского моря.

Создав регулярную армию и флот, победив в войнах, Россия стала одной из самых могущественных стран Европы, а сам Петр I получил титул императора.

Он скончался после тяжелой болезни, не успев назначить наследника, 26 января 1725 года.

ПЛЕМЯННИКОВ ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ

участник русско-турецкой (1735—1739) и

Семилетней (1756—1763) войн, генерал-аншеф

Боевая карьера Петра Григорьевича Племянникова началась в 1733 году, когда русская армия участвовала в походе на Польшу.

В начале 1736 года Племянников был отправлен в Крым, в армию под командованием графа Миниха. В этой кампании он отличился при взятии Кинбурна. В 1739 году он участвовал в сражении при Ставучанах и во взятии Хотина.

Во время Семилетней войны 1756—1763 годов Племянников участвовал в сражениях при Гросс-Егерсдорфе, Пальциге, Кунерсдорфе и Франкфурте-на-Одере, а также в походах в Силезию, Бранденбург и Померанию.

Во время первой русско-турецкой войны при Екатерине II Племянников принял активное участие в сражениях при Ларге и Кагуле. В бою при Ларге он атаковал вместе со своей дивизией левый фланг турок и своими действиями привел к поражению неприятеля, а при Кагуле провел решительную атаку на правый фланг и нанес туркам решительный удар.

ПЛЕЩЕЕВ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

воевода XVI века

Одно из первых упоминаний о военной деятельности Дмитрия Михайловича Плещеева относится к 1549 году, когда он был назначен воеводой в Передовой полк в Коломне.

Затем он участвовал в походе на Казань в 1552 году в качестве второго воеводы полка левой руки. Во время осады Казани воеводе Плещееву было нужно нанести удар по

Тюменским воротам города и тем самым обеспечить войскам под командованием воеводы Д.И. Микулинского удачный штурм города.

В 1554 году Плещеев был назначен четвертым воеводой в Казани, а во время следующего похода он находился в Сторожевом полку.

На следующий год Иван IV отправил воевод, в том числе и Плещеева, с 13-тысячным войском против крымского хана Девлет-Гирея. Дмитрий Плещеев был в этом походе воеводой Сторожевого полка.

Дмитрий Михайлович Плещеев служил воеводой либо Сторожевых полков, либо полков правой и левой руки и участвовал в военных походах вплоть до 1565 года.

ПОВАЛИШИН ИЛЛАРИОН АФАНАСЬЕВИЧ
(13.10.1739 — 04.04.1799) — участник русско-шведской войны (1788—1790), вице-адмирал

Илларион Повалишин ушел из дома, где воспитывался в очень строгих правилах, в возрасте тринадцати лет. Он самостоятельно отправился в Москву и сумел определиться в Морскую академию, ставшую началом его будущей военной карьеры.

Через шесть лет он был произведен в мичманы и в этом звании в 1760 году принял участие в неудачной осаде Кольберга.

Затем в чине унтер-лейтенанта он с 1764 по 1769 год плавал на фрегате «Гремящий» по Балтийскому морю.

В 1773 году Повалишин получил назначение на должность командира на 36-пушечный корабль «Святой Павел», а еще через четыре года он стал командиром корабля «Ингерманланд».

В 1790 году, командуя небольшой эскадрой и имея флаг на корабле «Три

иерарха», Повалишин участвовал в сражении при Красной Горке. Затем 22 июня, находясь в Выборгском заливе, когда главнокомандующий адмирал Чичагов выступил в бой со шведами, он командовал особым отрядом из шести кораблей, который принял на себя огонь всего шведского флота. Повалишин также с помощью удачной артиллерийской стрельбы смог повредить многие шведские корабли. Лишенные возможности двигаться, они потом достались русским. Повалишин лично доставил неприятельские суда и пленных в Кронштадт. За это он получил чин вице-адмирала и был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Георгия 2-й степени.

В 1792 году Повалишина назначили командующим Архангельской эскадрой.

В 1795 году он стал командиром 2-й флотской дивизии и управляющим Кронштадтским портом.

14 сентября 1797 года Илларион Афанасьевич Повалишин вышел в отставку и уехал в свои белорусские деревни, где и скончался 4 апреля 1799 года.

ПОВАЛО-ШВЕЙКОВСКИЙ ЯКОВ ИВАНОВИЧ
(1750—1807) — участник русско-турецкой войны (1787—1791), генерал от инфантерии (1799)

Яков Иванович Повало-Швейковский начал службу в 1768 году в лейб-гвардии Семеновском полку в чине капрала.

Первый офицерский чин он получил в 1771 году, проходя службу в Новгородском пехотном полку.

В 1778 году Повало-Швейковского перевели капитаном в лейб-гвардии Преображенский полк.

В годы русско-турецкой войны он был уже полковником и командовал Украинским легкоконным полком, который особенно отличился при осаде Очакова.

Яков Иванович был участником Итальянского похода А.В. Суворова 1799 года, и за боевые отличия во время похода он был произведен в звание генерала от инфантерии, а также был награжден орденами Св. Александра Невского и Иоанна Иерусалимского.

В последние годы жизни Пovalo-Швейковский занимал должность сенатора в Тайном совете.

ПОДГОРИЧАНИ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ
(? — 1773) — участник Семилетней (1756—1763) и русско-турецкой (1768—1774) войн, граф, генерал-поручик

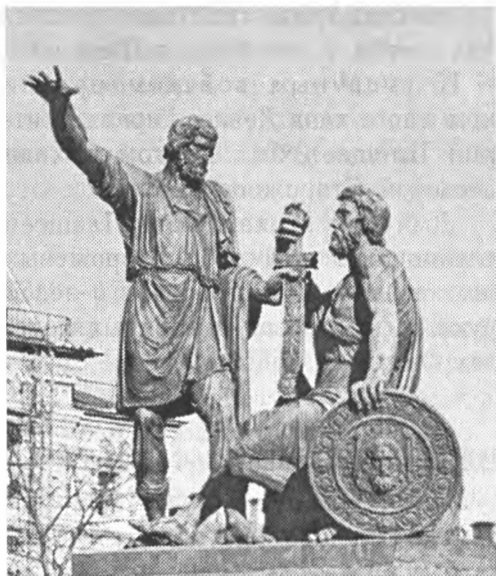
Поступил на русскую службу в чине полковника в 1759 году и сразу же был направлен в часть генерала Тотлебена на театр военных действий в период Семилетней войны 1756 — 1763 годов. Участвуя во многих сражениях, он сумел зарекомендовать себя как храбрый и мужественный офицер.

В сентябре 1760 года он отличился при взятии Берлина, а за боевые отличия в период войны Подгоричани был произведен в бригадиры.

Следующей войной для Ивана Михайловича стала русско-турецкая война 1768—1774 годов. Он принимал в ней участие только до 1770 года, но сумел отличиться во время сражения с 11-тысячным турецким отрядом. Имея под своим командованием всего 600 человек, Подгоричани сумел нанести поражение туркам и обратить их в бегство.

В 1770 году Иван Михайлович вышел в отставку.

ПОЖАРСКИЙ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
(1578—1642) — князь, боярин (с 1613), русский полководец

Дмитрий Михайлович Пожарский родился в 1578 году. Он имел княжеский титул и длинную родословную, но его семья не принадлежала к аристократическим слоям общества.

Предки Дмитрия Пожарского владели Стародубским удельным княжеством, расположенным на Клязьме.

Детские годы княжич провел в родовом селе Мугрееве. Ему исполнилось 12 лет, когда в Угличе погиб царевич Дмитрий, младший сын Ивана Грозного. Вскоре поползли слухи, что Дмитрий якобы являлся незаконнорожденным, и Борис Годунов запретил упоминать его имя при богослужениях.

Конечно, Пожарский не мог знать, что ему придется столкнуться с двойником погибшего царевича.

В семье Пожарских много внимания уделялось образованию. Поскольку отец Дмитрия рано умер, заботы об обучении детей взяла на себя мать. Когда пришло время, Мария Пожарская женила Дмитрия; на Руси браки заключались, когда сыну исполнялось 15 лет, а дочери — 12. Женой Дмитрия Пожарского стала девица Прасковья Варфоломеевна.

В 1593 году князь Пожарский был вызван на дворянский смотр к царскому двору и провел пять лет на службе. Эти годы ничем не были примечательны.

Через некоторое время началась война. В Литве появился самозванец, собравший войско и вторгшийся в Россию. Пожарский получил приказ явиться в полки.

Как и прочие дворяне, он был озадачен вестью о появлении на границе «законного государя», назвавшего себя сыном Грозного. Тем не менее Пожарский без колебаний отправился на войну, дабы защитить власть Годунова.

Во время войны окончательно сформировались такие черты характера Пожарского, как решительность, хладнокровие и верность воинскому долгу.

В Москве вскоре стало известно, что самозванцем является молодой галичский дворянин Юрий Богданович Отрепьев, который был пострижен в монахи и принял имя Григория. До побега в Литву он жил в Чудовом монастыре в Кремле.

Отрепьев (известный в истории под именем Лжедмитрия I) собрал войско, которое мечтало только о грабежах и наживе, и 13 октября 1604 года подошел к черниговскому местечку Моравску.

Жители сдались ему без боя. Обрадованные успехом воины Лжедмитрия двинулись к Чернигову. Подойдя вплотную к городу, они стали звать черниговцев перейти на сторону истинного царя «Дмитрия». Воеводе Ивану Татеву удалось отогнать их прочь, но гарнизон города вышел из повиновения. В самом Чернигове началось восстание.

Торжество Отрепьева, однако, продолжалось недолго. Вскоре его армия, состоявшая в основном из наемников, распалась.

Война с Лжедмитрием круто изменила ход жизни Дмитрия Пожарского. В боях с отрядами самозванца он получил боевое крещение. Ратная служба пришлась ему по душе, и Пожарский не жалел сил для выполнения поручений воевод.

В период царствования Лжедмитрия I Пожарский выполнял во дворце различные почетные поручения. Однако никаких чинов он не получил и после гибели самозванца покинул двор.

Через некоторое время появился новый самозванец — Лжедмитрий II, обосновавшийся в тушинском лагере. Князь Дмитрий Пожарский находился в Москве в то время, когда отряды Лжедмитрия II предприняли попытку блокировать столицу. Свободной осталась лишь коломенская дорога, по которой в Москву шли воинские отряды и обозы с хлебом.

Осенью 1608 года тушинцы дважды пытались захватить Коломну, дабы занять дорогу. Местный воевода Пушкин запросил помощь из столицы, и к нему был направлен князь Дмитрий Пожарский с небольшим отрядом ратных людей. В таких условиях тридцатилетний князь получил

свой первый воеводский чин. Воевода Пушкин не пожелал подчиняться «худородному князю, прежде не служившему в воеводском чине»; Дмитрию пришлось рассчитывать только на свои силы. Он не стал дожидаться противника в городе, а выступил ему навстречу. В 30 верстах от Коломны Пожарский обнаружил «литовских людей» и внезапно напал на них. Войско Лжедмитрия II было наголову разгромлено; Пожарский захватил много пленных, а также обоз с казной и продовольствием.

В бою под Коломной впервые обнаружилось военное дарование Пожарского. Однако эта победа не имела большого значения и не была оценена в Москве.

Активную деятельность развил Пожарский, когда вместе с воеводой Ляпуновым встал во главе первого ополчения. Но вышло так, что Ляпунова убили, и с его смертью ополчение лишилось самого авторитетного из своих вождей. Нижегородский посадский мир был потрясен известием о гибели Ляпунова. Пожарский вообще отказывался верить в его гибель, ибо выяснилось, что Ляпунова убили свои же люди. Таким образом, дело, которое Пожарский и Ляпунов с таким трудом создали и за которое князь Дмитрий пролил кровь — он получил тяжелое ранение в голову, — начало разваливаться.

В разгар Смутного времени большое влияние имели выборные посадские люди. Чаше других выборные городские посты занимали те, у кого имелись большие деньги. Но сейчас посадские люди выбирали себе старост не по деньгам. Осенью 1611 года в городскую управу Нижнего был выбран Кузьма Минин.

Кузьма Минин выступил с инициативой организации нового ополчения. Взявшись за организацию войска, посадские люди долго искали кандидатуру на пост главного командующего. Они прекрасно знали, что успех обеспечен в случае удачного выбора вождя.

В Смутное время немногие дворяне с воеводским чином могли похвастаться безупречной репутацией. Нижегородцы решили полагаться на свой опыт и искать подходящего кандидата из известных служилых людей, которых они бы знали лично. Кузьма Минин выдвинул кандидатуру Дмитрия Пожарского, и остальные поддержали его выбор.

Сам Пожарский в это время находился у себя на родине, в селе Мугрееве. С момента его ранения прошло несколько месяцев, но выздоровление шло медленно. К тому же Дмитрий заболел «черным недугом» (эпилепсией).

Когда к князю в усадьбу прибыли нижегородские послы, он не дал им определенного ответа. Пожарский хотел соблюсти этикет, предписывавший не давать согласия сразу. Кроме того, гораздо сильнее, чем этикет, его беспокоило собственное нездоровье. До Дмитрия также дошли слухи, что нижегородцы не подчиняются своим воеводам, и ему хотелось сразу определить свои отношения с посадским миром. Опасения рассеял Минин, который срочно прибыл в Мугреево.

Оба были воодушевлены одними и теми же стремлениями, а потому быстро нашли общий язык. Самая большая проблема, которую предстояло решить Минину и Пожарскому, состояла в обеспечении деньгами.

Нижний Новгород повторно прислал в Мугреево послов, и Пожарский дал согласие встать во главе ополчения, но потребовал, чтобы его помощником был посадский человек. Послы удивились и сказали, что в городе нет такого человека. Тогда Дмитрий сам назвал своим помощником земского старосту Минина, чему послы очень обрадовались.

Минин согласился возглавить рать, но потребовал для себя чрезвычайных полномочий. Посадский мир принял его условия. Будучи практичным человеком, Кузьма Минин понимал, что одними словами делу не помочь.

Много лет спустя среди служилых людей распространялись рассказы об удивительной щедрости нижегородского выборного человека. Но эта щедрость имела оправдание: разоренные помещики были небоеспособны. Прежде чем посылать воевать, надо было как следует вооружить их и посадить на хороших лошадей.

Пожарский провел смотр и разбил дворян на три статьи. Представители каждой категории получали определенный денежный оклад, а также единовременное пособие на покупку коня и починку доспехов.

Вскоре весть о нижегородском пожаловании дошла и до соседних уездов. Служилые люди потянулись на земскую службу.

План Пожарского состоял в том, чтобы как можно скорее собрать военные силы и отправиться с ратью на помощь Москве. Но осуществление этого плана натолкнулось на неожиданные трудности. Возможности Нижнего Новгорода оказались быстро исчерпаны, и Минину с Пожарским пришлось обращаться за помощью к другим городам, что при-

водило к стычкам с чиновниками на местах.

Свое отношение к самозванцам нижегородцы выразили вполне определенно. Политическая ситуация определила военные планы нижегородских вождей. Вскоре после 6 января 1612 года они известили города о том, что намерены идти на выручку к Суздалью, осажденному литовскими людьми. Именно Суздаль Пожарский предполагал сделать местом сбора ополчений из замосковных и рязанских городов.

Планы Минина и Пожарского приобрели полную ясность и определенность. Сосредоточив в Суздале городские ополчения, они намеревались с их помощью нейтрализовать сторонников самозванных «царей» в казачьих таборах. В Суздале предполагалось созвать новый Земский собор. Минин и Пожарский детально разработали план похода на Суздаль и созыва там собора.

Но занять Суздаль Минину и Пожарскому помешал атаман Заруцкий. Последний развернул агитацию в пользу Лжедмитрия II. Суздаль заняли казачьи войска, поэтому Минин и Пожарский не могла созвать в городе Земский собор. Тогда нижегородцы решили идти в Ярославль.

Заруцкий отправил свои отряды и в Ярославль. Но местный воевода и посадские власти уже давно контактировали с нижегородским советом. Поэтому едва в город стали прибывать казаки Заруцкого, ярославский воевода Морозов забил тревогу и запросил помощи у Пожарского.

Минин и Пожарский видели, что промедление может погубить их дело. Надо было либо прекратить свою деятельность, либо сражаться с Заруцким.

Естественно, Пожарский решился выступить. Но ему пришлось отказаться от прежнего плана похода к Москве кратчайшим путем через владими́ро-суздальскую землю. Нижегородской рати предстояло проделать кружной путь по берегу Волги, чтобы перетянуть на свою сторону враждебную Кострому и оказать помощь союзникам в Ярославле.

Пожарскому не удалось собрать крупные силы. Тем не менее посадским ремесленникам пришлось немало потрудиться, чтобы снабдить рать Пожарского оружием. Хорошо вооруженные конники стали вместе со стрелецкой пехотой ядром нижегородского ополчения.

Войско Пожарского двинулось к Костроме, попутно собирая новые силы. В это время Минин и Пожарский узнали, что под Москвой произошел переворот, и казаки присягнули новому самозванцу Лжедмитрию III.

Войско Пожарского дошло до Кинешмы, а уже оттуда выступило к Костроме. На подходе к Костроме в ополчение пришли посадские люди — костромичи и предупредили Пожарского, что их воевода Иван Шереметев решил не пускать нижегородцев в город.

Местные дворяне заперлись в крепости вместе с Шереметевым. Ратники, оказавшись перед закрытыми воротами, вынуждены были расположиться на посаде, хотя он был и не велик — всего пятьсот дворов. Князь Дмитрий избегал кровопролития, а потому и не решался штурмовать крепость. Он рассчитывал, что среди посадских людей начнутся волнения, и его надежды оправдались. Горожане осадили Шереметева на воеводском дворе и убили бы его, если бы

не подоспел Пожарский. Он взял Шереметева под стражу.

Покидая Кострому, Пожарский оставил там воеводой князя Романа Гагарина.

Нижегородские полки вступили в Ярославль и простояли там без малого четыре месяца. За это время армия Пожарского значительно увеличилась. На ее содержание, естественно, требовались деньги. Поскольку финансовая система находилась в упадке, то вся надежда была на лучших (богатых) людей города.

В течение короткого времени была заново организована система управления обширной территорией, отказавшейся признать власть поляков или Лжедмитрия III. Таким образом, в Ярославле стал действовать свой Поместный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть.

Новая власть повсюду взыскивала налоги. Особого внимания удостоивались монастыри, которые обладали крупными богатствами. В частности, в Ярославле появился Монастырский приказ, главой которого стал судья Тимофей Витовтов, имеющий безупречную репутацию.

Опираясь на поддержку соборных чинов и земли, Минин и Пожарский энергично формировали отряды нового ополчения, пополняли дворянскую конницу, набирали горожан на стрелецкую службу, а также крестьян — на посочиную. К концу весны дороги подсохли, стали проезжими, и земские ратные люди начали готовиться к походу на Москву. Но они вновь были вынуждены задержаться из-за того, что началась эпидемия «моровой язвы».

С наступлением зимы народная война охватила многие уезды. Самые

многочисленные отряды партизан действовали на Смоленской дороге и в местах зимовки войск польского гетмана Ходкевича.

Пока полки ополчения медленно двигались к Москве, Пожарский передал командование двум своим помощникам — Кузьме Минину и князю Ивану Хованскому, а сам с небольшой свитой поскакал в Суздаль. Затем князь Дмитрий выехал в Ростов, куда к тому времени прибыли Минин и Хованский с войском.

В середине августа 1612 года земская рать подошла к Троице, где Пожарский задержался на четыре дня.

Передовые воеводы дали знать Пожарскому, что к Москве приближаются войска Ходкевича. Тогда князь Дмитрий выслал вперед князя Василия Туренина и велел ему занять позиции у Чертольских ворот, дабы полностью заблокировать польский гарнизон, засевший в самой Москве.

18 августа Пожарский снялся с лагеря в Троице. Предполагалось, что до столицы войско дойдет за два дня. К концу второго дня полки прибыли на Язу. Князь Дмитрий решил расположить рать в западных кварталах города за Арбатом. Войско Ходкевича шло к Москве с запада, а Пожарскому было важно не пустить неприятеля в Кремль. Совет земли поддержал решение Пожарского, следуя политическим соображениям.

Гетман Ходкевич постарался укрепить свою рать пехотой. Передовые силы Пожарского не превышали тысячи человек, сама армия в целом насчитывала едва ли 10 тысяч воинов. Боевое ядро рати составляла дворянская конница, пешие стрельцы и казаки. К ним присоединилось множество кое-как вооруженных людей. В московском ополчении

было много крестьян и горожан, которые никогда не держали в руках оружия. По феодальным меркам им не было места в армии. Но война в России приобрела уже народный характер.

22 августа конница Ходкевича переправилась через реку под Новодевичьим монастырем.

Пожарский атаковал первым. Его стычки с врагом продолжались довольно долго. Ходкевич ввел в дело пехоту, и дворянские сотни отступили к острожку. Сожженный город не подходил для действий конницы, и Пожарский приказал дворянам сойти с коней и биться в пешем строю.

Одновременно из Кремля сделал вылазку польский гарнизон, ударив в тыл ополченцам. Тем не менее вылазка была отбита с большими потерями для поляков. В решающий момент на помощь Пожарскому прибыли резервные конные полки. Ходкевич был вынужден отступить.

Утром 24 августа бой возобновился. На этот раз сражение развернулось в Замоскворечье. Пожарский вывел конные сотни из крепости и завязал бой с польской конницей. Схватка была такой ожесточенной, что русские были вынуждены отступить за переправы через Москву-реку.

Польская пехота прорвалась через Серпуховские ворота в Земляной город и захватила казачий острожек посреди земляного города. Ходкевич ввел в острожек обоз. Казаки Трубецкого на свой страх и риск напали на обоз и захватили большую его часть, вернув себе также острожек.

С наступлением вечера Минин явился к Пожарскому и предложил предпринять последнюю атаку. Князь

Дмитрий согласился и предложил Минину возглавить ее.

Атака прошла успешно, и гетману Ходкевичу спешно пришлось отступать, что повлекло за собой гибель гарнизона Кремля.

Из трех тысяч вражеских солдат гарнизона от голода умерло больше половины, а остальные полностью утратили боеспособность.

22 октября 1612 года осажденные вступили в переговоры с Пожарским и вскоре сдались. Москва была окончательно освобождена.

В 1628—1630 годах Дмитрий Пожарский был воеводой в Новгороде. В 1633—1634 годах он являлся вторым воеводой резервных групп в городе Можайске.

Пожарский руководил приказами: Галицкой четью, Ямским приказом, Разбойным приказом, Московским судным приказом.

Что касается семейной жизни Пожарского, то от первого брака у него было шестеро детей: трое сыновей и трое дочерей. Когда князю Дмитрию исполнилось 50 лет, умерла его жена Прасковья Варфоломеевна. Пожарский очень горевал о жене, но он являлся одним из крупнейших землевладельцев того времени и не мог обойтись без хозяйки. Пожарский посватался к Голицыным. Его избранницей стала одна из дочерей князя Голицына, с которой он и прожил до самой смерти.

Умер князь Дмитрий Михайлович Пожарский в 1642 году. Похоронили его в Суздале.

ПОЛЯНСКИЙ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

(? — 17.10.1764) — участник Семилетней войны (1756—1763), адмирал (1764)

Получив начальное военное образование в России, Андрей Иванович Полянский был направлен во Францию для совершенствования знаний в области военно-морской науки.

В 1725 году он вернулся в Россию и стал служить на флоте.

В 1737 году Полянский был назначен на должность начальника одного из отделений в Адмиралтействе.

В 1739—1742 годах он плавал в Балтийском море, командуя фрегатами «Гектор» и «Кавалер», а затем кораблем «Азов».

В 1743 году Полянский был переведен командиром на корабль «Ревель», на котором он вел крейсерство у острова Гогланда, наблюдая за неприятельским флотом, и если того требовали обстоятельства, то и вступая с неприятелем в небольшие баталии. Так, например, Полянский 7 и 8 июня того же года участвовал в перестрелке со шведским флотом.

В 1757 году Полянский был произведен в вице-адмиралы и назначен начальником Ревельской эскадры, с которой блокировал прусские порты в период Семилетней войны. В 1760 году он был назначен командиром авангарда при осаде крепости Кольберг, а в следующем году командовал флотом, участвовавшим в осаде той же крепости.

В 1764 году Полянский, произведенный в чин адмирала, командовал флотом в Балтийском море.

17 октября того же года Андрей Иванович Полянский скончался.

ПОСКОЧИН НИКИТА ВАСИЛЬЕВИЧ
(1716—1780) — участник Семилетней войны
(1756—1763), генерал-майор (1763)

В 1735 году Никита Васильевич Поскочин поступил на службу в кирасирский полк.

Он принимал участие и в польской кампании, и в русско-турецкой войне.

В чине вахмистра он участвовал в войне со шведами и за проявленное мужество был произведен в звание прапорщика.

Дальнейшая служба Поскочина прошла в пехоте. Начало Семилетней войны 1756—1763 годов Никита Васильевич встретил, командуя Рязанским пехотным полком. Под Цорндорфом его полк уже в начале боя отбил атаку частей Фридриха и долго преследовал неприятеля. Затем Поскочин занял с полком Кольберг, а потом исполнял должность обер-штер-кригс-комиссара войск, расквартированных в Померании.

По окончании войны Никита Васильевич Поскочин был назначен командующим всеми слободскими полками на Украине. В мае 1764 года Поскочин был назначен комендантом в город Белгород и пробыл на этом посту до своей кончины.

ПОТЕМКИН ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1736/39 — 05.10.1791) — светлейший князь
Таврический, генерал-фельдмаршал (1784),
государственный деятель

Происходил из семьи мелкопоместного дворянина. Отец Григория Потемкина был отставным майором, и хотя с детства приписал сына к Конному полку, но о карьере военного для сына не мечтал. По его желанию

Григорий поступает в Смоленскую духовную семинарию, а после смерти отца, когда вся семья переехала в Москву, он стал посещать учебное заведение в Немецкой слободе.

В 1756 году Григорий Потемкин поступает в гимназию при Московском университете, где проявляет способности и успехи в изучении наук, за что и награждается золотой медалью. Кроме того, в числе лучших двенадцати студентов он был представлен императрице Елизавете Петровне.

Вскоре изучение наук Григорию стало неинтересным, и он был отчислен «за леность и нехождение в классы». Произошло это в 1760 году.

В том же году Потемкин поступил на службу в Конный полк в звании вахмистра.

Через два года Григорий Потемкин становится активным участником дворцового переворота (1762 год), и вошедшая на престол Екатерина

производит его в подпоручики гвардии. Потемкин стал камергером и принял участие в работе различных комиссий, но заметной роли при дворе не имел.

Полководческие способности Григория Александровича проявились во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Его активные и умелые действия против турок под Фокшанами, Ларгой и Кагулом обратили на него внимание императрицы.

По окончании войны он был вызван в Петербург, где получил должность генерал-адъютанта и пост вице-президента Военной коллегии. Кроме того, Потемкин был возведен в графское достоинство и стал фаворитом императрицы. Он стал ближайшим советником Екатерины, принимая участие в решении многих как внутривосточных, так внешнеполитических вопросов.

В 1774 году Потемкин один из активных участников подавления восстания Е. Пугачева, а в 1775 году его стараниями была ликвидирована Запорожская Сечь. Его заслуги перед Отечеством принесли ему титул светлейшего князя Римской империи и назначение на должность генерал-губернатора Новороссийской, Астраханской и Азовской губерний.

Потемкин страстно желал завоевать Турцию и создать на ее месте «Греческую империю». Ему удалось убедить Екатерину в необходимости колонизации Крыма и создании на Черном море военного и торгового флота.

Проявив незаурядные дипломатические способности, Потемкину удалось в результате переговоров с ханом Шагин-Гиреем присоединить Крым к территории России. За этот

успех он был пожалован титулом князя Таврического. Не щадя ни себя, ни людей, Григорий Александрович занялся преобразованием и благоустройством новой территории. До настоящего момента исследователи спорят о так называемых «потемкинских деревнях» — фальшивых постройках для создания эффекта благополучия края во время посещения Крыма Екатериной II. Оставим это, но несомненно то, что Потемкину удалось за короткий срок проделать огромную работу по переселению в этот край людей, построить города и дороги, создать военный и торговый флот. Вместе с Екатериной Крым посетил Иосиф II, который описал это путешествие так: «Мы, в Германии и во Франции, не смели бы предпринимать то, что здесь делается... здесь строятся дороги, гавани, крепости, дворцы в болотах, разводятся леса в пустынях».

В 1784 году Потемкин был произведен в чин генерал-фельдмаршала и назначен президентом Военной коллегии. Он провел ряд военных преобразований и заменил в армии форму прусского образца на более простую и удобную без буклей, пудры и париков.

В отличие от других фаворитов, Потемкин сохранил свое влияние и могущество при дворе до последних дней. Его последним военным походом стала русско-турецкая война 1787—1791 годов, где он командовал армией. Пройдя всю войну, Григорий Александрович умер по дороге из Ясс, где проходили мирные переговоры.

**ПРОЗОРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

(1732 — 09.08.1809) — князь, участник русско-турецкой войны (1768—1774), генерал-фельдмаршал

Родился он в 1732 году и в десятилетнем возрасте в числе иных был записан в гвардию. В 1746 году — капрал, в 1753-м — сержант, а в следующем, 1754 году поступил в армию поручиком. Семилетняя война застала его капитаном: он принял участие во всех основных ее битвах, включая Гросс-Егерсдорф, Кунерсдорф и взятие Берлина, и окончил войну полковником.

Русско-турецкую войну 1768—1774 годов встретил Прозоровский генерал-майором, в этом чине и служил в 1770 году во 2-й армии графа Петра Ивановича Панина. Главной целью армии было взятие мощной крепости Бендеры. Прозоровскому же Панин поручил особое дело — с отрядом, состоявшим из драгун, гусар, донцов, украинских и запорожских казаков, калмыков, идти к Очакову и там препятствовать всем попыткам неприятеля противодействовать главным силам армии.

18 июня 1770 года генерал-майор Прозоровский прибыл с основной частью своего отряда под стены крепости. Генерал приказал запорожцам и донцам ударить по османам, дабы выманить их в поле и посмотреть в деле на все их силы.

Турки, казалось, против подобной демонстрации ничего не имели: когда русские с двух сторон напали на неприятельскую партию, направлявшуюся к водопою, то ей на помощь из Очакова тотчас же выскочила конница, которая не менее скоро была опрокинута. В ответ на

это турецкий комендант выпустил из необъятных ворот крепости пехоту с пушками, которую так же скоро, как доселе кавалерию, опрокинули пушечным огнем борисоглебские драгуны.

Пленные заявили, что гарнизон крепости, состоящий из трех тысяч человек, решил драться до конца. Прозоровский засомневался в твердости этого намерения и направил послание с предложением сдачи, которое турки вернули нераспечатанным. На словах комендант велел передать неверному:

— Не трать слов, но делай то, за чем пришел!

Русский генерал хмыкнул и решил последовать совету: ведь мудрость не зависит оттого, как она изречена. Коли говорят — то надо делать! Князь начал выбирать позицию для своих войск, в ходе которой убедился, что осада невозможна — с моря Очаков был неуязвим, и что остается надеяться только на собственную сметку и храбрость подчиненных. Для чего надлежит ловить момент. Чем Прозоровский и занялся, постоянно тревожа очаковцев своими отнюдь не безопасными маневрами.

Он выжидал. Прежде всего, подхода калмыков, и когда те подошли, решил, что пора как следует напомнить неприятелю о себе.

8 июля генерал оставил две тысячи калмыков у крепости, а остальных поделил на три части: калмыки направились вниз к устью Днепра; запорожцы двинулись к лиману — до самого моря. Сам же генерал, во главе драгун, гусар и пикинер* пошел между калмыками и запорожца-

* Вид пехоты, вооруженный пиками (прим. ред.).

ми, дабы поддержать огнем или клинком либо тех, либо других.

Русская кавалерия погнала всех вооруженных османов к Хаджибею, представлявшему собой хорошо вооруженный замок, в дальнейшем выросший в город Одессу. 12 июля Прозоровский подошел к замку, через бойницы которого турки открыли яростную ружейную пальбу, в тщетной надежде устроить наступающих. Для большей аргументации начали пушечную стрельбу и суда, находившиеся в Хаджибейской гавани. Тщетно.

Запорожцы бодро пошли на приступ и так же лихо вступили в форштат, взяв там приступом несколько домов с засевшими в них османами, после чего спалили форштат дотла. Дело было сделано, и Прозоровский отвел свой отряд на позицию между реками Журавкой и Тилигулом.

В это время ситуация осложнилась приходом в Очаков крымского хана, который формально не был воюющей стороной, что и объясняет его проход в крепость. Там он почти сразу же отбросил все притворство, недвусмысленно начав действовать заодно с очаковским пашой. Это вынудило Прозоровского в конце концов начать против татар решительные действия.

5 сентября три тысячи запорожцев разгромили значительную неприятельскую партию и всерьез занялись ханскими обозами. Спасая их, из Очакова вышло до 10 тысяч конницы, начавшей отчаянно насаждать на запорожцев. Те, удерживая добычу, отошли к Янчокраку, откуда, выполняя приказ Прозоровского, переместились к Березани, соединясь с калмыками. Сам же князь, двинувшись вниз по Бугу,

встал в двадцати пяти верстах от Очакова, дабы иметь возможность прикрывать свою березанскую партию, бывшую от него в десяти верстах. Равно как и калмыков, частью пока оставшихся при устье Янчокрака под началом майора Елагина.

Ему и отправил князь приказ произвести 10 сентября фальшивую атаку на Очаков. Если же неприятель отреагирует достойным образом, то надлежит отступить, заманив его на вершине Янчокрака в засаду. Сам же Прозоровский по собственной диспозиции должен был появиться у крепости совсем с другой стороны — с той, где его ждали менее всего.

Так и произошло: турки и татары увязли в сече с донцами, напавшими на них со стороны лимана, и поэтому не могли охватить всю панораму боя в целом. Это сразу же укрепило позицию Прозоровского.

Он отряжает большую часть запорожцев во главе с кошевым атаманом Головинным на помощь донцам, оставив себе всего тысячу сечевиков (запорожцев) для прикрытия правого фланга.

Головин повел казаков на преследующего его значительно числом противника и после жаркой схватки начал отжимать противника к форштату, производя страшное опустошение в его совсем расстроившихся рядах. Подоспевший тут же Прозоровский с тремя эскадронами гусар довершил поражение. Регулярная легкая кавалерия русских буквально выкосила неприятеля. Уцелели считанные единицы — из войска в четыре тысячи человек спаслось лишь 70.

Войском командовал сам хан. Он же его и лишился, потеряв помимо людей еще три пушки, одиннадцать знамен, булаву и множество ружей.

Хотя, справедливости ради, заметим, что физические его потери равнялись: в кавалерии — до 1800 человек, в пехоте — до 900, не считая 90 пленных. Остальные просто разбежались. В свое время в Англии была выпущена медаль по случаю разгрома «непобедимой армады» испанцев, на которой выбили надпись: «Дунул Господь — и они рассеялись». Здесь же роль providения на себя взяло русское оружие.

Одновременно с разгромом ханского отряда отличился и Елагин: его люди заманили противника в засаду, как и приказывал Прозоровский, и вырубали более сотни человек. Так что после сего дела гарнизон Очакова не превышал более пяти тысяч человек и уже не мог оказать никакой реальной помощи Бендерам. Виктория была для генерал-майора Прозоровского в этот день полная.

Такого же мнения были и в Петербурге — князь удостоился военного ордена Св. Георгия 3-й степени. До него награжденных этой степенью было всего двадцать человек.

В кампании следующего, 1771 года Прозоровский — уже под началом нового командующего армией князя Долгорукова — вместе с войском направляется в Крым — на завоевание ханства, столь долго терзавшего южные рубежи Руси.

Во многом покорение Крыма зависело от того, будет ли преодолен Перекоп, или Орь — укрепленная линия, перегораживающая вход на полуостров и являвшаяся как бы границей собственно ханства. Ее и надлежало взять в первую очередь. Ее и взяли согласно плану командующего армией. И значительное место в сем плане было отведено действиям генерал-майора Прозоровского.

Долгоруков намеревался атаковать Перекоп в ночь с 13 на 14 июня, направляя главный удар на часть линии, примыкавшей к Черному морю. Одновременно с этим для тыльной обороны линии часть кавалерии и пехоты под командованием Прозоровского направлялась в обход правого фланга татар, вброд по Сивашу. Таким образом, князю первому предстояло свершить то, что впоследствии делалось еще дважды в истории России, в ее трагические и великие периоды бытия.

Войска под его началом свершили задуманное главнокомандующим. Пройдя по отмели Сиваша, они вышли на Крымский берег и заняли позицию напротив неприятельской линии обороны.

Противник бросил против отряда Прозоровского всю бывшую у него конницу (около 30 тысяч), намереваясь сильным ударом опрокинуть русских и сбросить их в воду. Однако это намерение так и осталось намерением. Удару конной лавы князь противопоставил встречную атаку своей кавалерии. Конницы сшиблись на рысях, и, несмотря на значительное численное превосходство татар, русские не отступили, выдерживая все наскоки неприятеля. Собственно, и отступать было особенно некуда, так что жестокая рубка происходила на ограниченном участке суши у самой воды.

В этот момент подоспела пехота Прозоровского, которую князь немедленно ввел в дело. Она и довершила сражение, начатое русской кавалерией: вражеская конница была опрокинута и отступила в глубь полуострова.

Князь, как человек вежливый, не мог расстаться просто так, на полу-

слове, поэтому татар гнали почти тридцать верст по самой сердцеvine их владений так, что те даже забыли, по каким местам они пробегают.

Перекоп капитулировал полностью на следующий день — дорога в исконные владения ханства была открытой. По ней и пошли русские, превращая тем самым Крым в Тавриду.

Однако это превращение произошло не в один день, так что спустя несколько лет генерал-поручик Прозоровский вновь оказался в знакомых краях. В 1778 году он возглавил в Крыму русские войска, призванные помочь хану Шагин-Гирею, с приятнью относившемуся к России и все более попадавшему от нее в зависимость, надеявшемуся таким образом укрепиться на престоле.

У Шагин-Гирея существовала значительная оппозиция, во главе которой стояли старая крымская знать и духовенство, он слишком круто переложил руль корабля привычной жизни в сторону Европы.

Против законной власти Гирея вспыхивает восстание, которое хан подавляет во многом благодаря Прозоровскому. Русские войска сначала очищают местность, прилегающую к столице Крыма — Бахчисараю, затем князь отправляет сильные отряды сначала к Альме, затем к Каче. Его войска разбивают наголову отряды Батыр-Гирея, которого мятежники выдвигали в противовес Шагину, и изгоняют их вместе с предводителем за Кубань. История самостоятельного ханства заканчивалась — через пять лет Шагин отречется от престола в пользу Екатерины II.

Императрица знала, кому она чем обязана. И не любила медлить с наградами отличившимся, свято памя-

тую одну из первейших заповедей монарха: не плодить без необходимости недоброжелателей из числа приближенных.

Так что еще 26 ноября 1778 года последовал высочайший указ, возводящий Прозоровского в кавалеры ордена Св. Георгия 2-й степени с указанием причины столь высокого отличия: «В 1771 году с конницей учинил в брод через Сиваш переправу в тыл неприятелю и открыл нашим войскам свободный вход в Крым. В 1778 году, предводительствуя знатным отрядом войск в Крыму, содействовал в выполнении всей порученной ему от Его Императорского Величества секретной комиссии и уничтожением всех неприятельских действий».

Вскоре после этого Екатерина доверяет ему Орловское и Курское наместничество, а затем назначает главнокомандующим в Москву, на одну из главнейших должностей в государстве. Кроме этого, ему были подчинены войска, расквартированные в Белоруссии и Смоленской губернии. При Александре I Прозоровский был произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен в начавшейся русско-турецкой войне командующим Молдавской армией. На этом посту он и скончался 9 августа 1809 года, написав в своем духовном завещании: «Те только памятники прочны, которые сооружает благодарное Отечество, прочие, воздвигаемые гордостью, ничтожны; пускай одна доска с простой надписью указывает место моего погребения».

Как бы откликаясь на эти слова, император приказал всей армии носить три дня военный траур «в знак признательности полезной Отечеству службы князя Прозоровского».

ПУТЯТА

тысяцкий Киевский при князе Владимире Святом,
начало XII века

Путьята известен прежде всего насаждением христианства в городе Новгороде. С этой целью был послан князем Владимиром вместе с Добрыней и епископом Иоакимом, чтобы крестить новгородцев. Но жители этого города собрались на вече и на нем решили оказать сопротивление, да и волхвы в Новгороде уговаривали отстаивать всеми силами старую веру.

Народ под предводительством тысяцкого Угоняя разрушил и сжег дом Добрыни и убил его жену. Путьята понял, что уговорить новгородцев похорошему ему не удастся. Тогда он приготовил лодки и с отрядом в 500 человек ночью перебрался через реку выше крепости, а затем вошел и в город. Угоняй и другие ратники были захвачены в плен.

Когда новгородцы об этом узнали, они в количестве 5000 человек вступили в битву. Путьята держался до рассвета, а на рассвете явился и Добрыня. Чтобы отвлечь новгородцев от битвы, он велел поджечь дома. Новгородцы бросились спасать свое имущество, таким образом, Добрыне и Путьяте удалось сломить сопротивление новгородцев. Народ сохранил в памяти эту битву во имя распространения христианства. Именно к ней относится известная пословица: «Путьята крестил мечом, а Добрыня огнем».

Р**РАТИБОР**

(XI—XII вв.) — переяславльский посадник

Входил в число близких бояр Всеволода Ярославовича. Когда последний в 1078 году стал великим князем Киевским, Ратибор некоторое время состоял при нем тысяцким. После неудачного похода князя Романа Святославовича против Всеволода Ярославовича и заточения Олега, брата Романа, Всеволод Ярославович послал в 1079 году Ратибора посадником в Тмутаракань, чтобы держать этот город, постоянное убежище недовольных князей-изгоев, под своим контролем. Но через год Ратибора оттуда прогнали.

После смерти Всеволода Ратибор перешел служить к его сыну, Владимиру Мономаху, в город Переяславль, и сделался его влиятельным советником.

В 1095 году два половецких хана, Итнар и Китан, явились в Переяславль с целью заключения мира с Мономахом. Ратибор посоветовал князю нарушить данное им слово и истребить ханов вместе с их дружиной.

Ратибор принимал деятельное участие в Витичевском съезде князей в 1100 году и входил в число мужей, передавших князю Давиду Игоревичу решение съезда. Когда в 1013 году Владимир Мономах занял великокняжеский стол, Ратибор снова стал тысяцким в городе Киеве.

РЕПНИН АНИКИТА ИВАНОВИЧ

(1668 — 03.07.1726) — князь, участник Северной войны (1700—1721), генерал-фельдмаршал (1724)

Будучи человеком храбрым, Репнин не обладал ярко выраженным полководческим талантом, но он всегда честно выполнял свое ратное дело.

Аникита Иванович Репнин начал службу еще в 1685 году при организации Петром I «потешных полков» и с тех пор стал неразлучным другом и сподвижником молодого царя. Вместе с ним он участвовал в Азовских походах и воевал в Лифляндии.

В 1700 году на тридцать втором году жизни Репнин был произведен в чин генерала от инфантерии.

Репнин с самого начала Северной войны 1700—1721 годов был ее активным участником. Эта война принесла ему и горечь поражения, и радость побед. Первыми сражениями для него в этой войне стали взятие Нотебурга и Ниеншанца.

8 июня 1704 года под Нарвой он стал одним из главных исполнителей

военной хитрости, придуманной для овладения этой крепостью. На помощь осажденному шведскому гарнизону спешил отряд под командованием генерала Шлиппенбаха. Тогда, узнав об этом, два русских полка были переодеты в шведские мундиры, и для осажденных в Нарве было разыграно мнимое сражение. Уверенный в том, что к крепости подошла помощь, комендант крепости Горн выступил из Нарвы на поддержку подходящих «шведов». Таким образом, противника удалось выманить из-за стен и захватить крепость.

В 1707 году Репнин во главе дивизии занимал позиции у польского местечка Головчина вдоль реки Бабич, охраняя переправы. Ночью 3 июля войска Карла XII (5 полков) под прикрытием тумана переправились через реку и атаковали дивизию Репнина. Вынужденный отступить под превосходящими силами противника, Репнин оставил шведам десять пушек. За это поражение он был отдан под суд, который проходил под председательством А.Д. Меншикова. Суд вынес приговор: «Достоин быть лишен жизни».

Но личная храбрость, проявленная Аникитой Ивановичем на поле боя, а также прошлые заслуги побудили Петра I заменить казнь разжалованием в солдаты.

Так, солдатом, Репнин и принимал участие в сражении при Лесной 28 сентября 1708 года. За проявленный героизм на поле боя, а также по ходатайству князя Голицына Репнин был восстановлен в прежнем звании и назначен командиром дивизии.

В Полтавском сражении он уже командовал центром русских войск, имея под своим началом 12 полков. За Полтаву он был награжден орде-

ном Св. Андрея Первозванного.

Затем во главе дивизии Репнин был направлен в Лифляндию и участвовал в блокаде Риги. Он одним из первых ворвался в город и за эту победу в июле 1711 года стал рижским генерал-губернатором.

В том же году Репнин участвовал в Прутском походе царя Петра.

Петр I ценил верную и преданную службу Аникиты Ивановича. В 1724 году он назначает Репнина президентом Военной коллегии, и в том же году 7 мая в день коронации Екатерины I Репнин был произведен в чин генерал-фельдмаршала.

Скончался Аникита Иванович Репнин в июле 1726 года на пятьдесят восьмом году жизни.

РЕПНИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(11.03.1734 — 12.05.1801) — князь, участник русско-турецкой войны (1768—1774), генерал-фельдмаршал (1796)

Князь Николай Васильевич Репнин родился в 1734 году. Не достигнув 15 лет, он принял участие в первом в своей жизни военном походе — Рейнском. Во время Семилетней войны получил звание генерала. Затем был послом, полномочным министром в Речи Посполитой.

С началом русско-турецкой войны 1768—1774 годов Репнин переходит в действующую армию. В кампании 1770 года он — командир передового корпуса. В сражении при Ларге Репнин показал «пример мужества, служивший подчиненным к преодолению трудностей, к неустрашимости и одержанию победы», за что получил орден Св. Георгия 2-й степени. В следующую войну с Блистательной Портой 1787—1791 го-

дов он был пожалован высшим воинским орденом России — Георгием 1-й степени.

В 1791 году главнокомандующий русской армией князь Г.А. Потемкин отбыл по неотложным делам в Петербург. Его заменил на этом посту Репнин. Он решил действовать вопреки инструкциям — активно: в конце марта посланные им за Дунай отряды Голицына и Кутузова захватили временно Мачин и совершили удачный налет на Браилов. В результате этих операций турки потеряли до 4 тысяч воинов и 29 пушек. 5 июня отряд Кутузова близ Бабадага лишил султана еще полутора тысяч бойцов.

17 июня главнокомандующему стало известно, что визирь концентрирует свои войска вблизи многострадального Мачина. Там уже находилось более 30 тысяч, и туда же сам визирь вел свои основные силы — примерно 80 — 100 тысяч человек. Репнин решил нанести упреждающий

удар и бросил вперед свою армию, заблаговременно сосредоточенную у Галаца.

27 июня Репнин принял решение пройти за ночь более тридцати верст, чтобы с рассветом напасть на противника. Он намеревался решить дело ударом в правый — наиболее открытый — фланг турок, но делал вид, что атакует в лоб. Потому Репнин почти поровну разделил свои силы: у князя Голицына, производившего фронтальную атаку, имелось 12 батальонов, 24 орудия, 3 карабинерных и 3 казачьих полка; у Кутузова, наносившего удар по правому флангу османов, — 12 батальонов пехоты, также 24 орудия, 4 кавалерийских полка и 6 казачьих и арнаутских. Существовала и третья сила главнокомандующего — 3-й корпус князя Волконского (10 батальонов, 16 орудий, 2 кавалерийских полка и 800 казаков), которому предназначалось обеспечивать связь между корпусами Голицына и Кутузова и способствовать последнему в его обходе.

В полночь подошли к речке Чичули, а с рассветом начали переправу: первым Кутузов, сразу ушедший влево, затем Голицын, которому сейчас предстояло принять на себя первый удар обнаружившего русских противника.

Удар не заставил себя ждать — конная лава почти достигла пяти каре Голицына, но была в основном отбита ружейным и картечным огнем; самых настойчивых русские встретили в штыки. Тут подоспела и конница Волконского, сразу же включившаяся в преследование отступающих турок, а вскоре к Голицыну подошла и пехота 3-го корпуса.

Голицын и занявший позицию левее Волконский открыли жесто-

ченную артиллерийскую пальбу по неприятельскому фронту.

Кутузов тем временем штурмовал его правый фланг. Здесь турки, оседлав крутые скаты господствующих высот и пользуясь удаленностью русского корпуса от основных сил, принудили Кутузова брать с боем каждый шаг.

Бой велся с крайним ожесточением. Несколько раз казалось, что Кутузов будет опрокинут, но каждый раз подходили конные отряды Волконского, так как Репнин зорко следил за боем и в нужный момент не медлил с подкреплением.

Турки очень хотели отрезать левофланговый русский корпус от центра боевого порядка — корпуса Волконского, но тот по приказу Репнина, немного выдвинувшись, закрыл промежуток между 1-м и 2-м корпусами и построил свою пехоту в две линии каре. После чего выслал в помощь Кутузову гренадерские полки: из первой линии — Святоиколаевский полковника князя Гагарина, а из второй линии каре — Малороссийский полковника графа Разумовского и Московский подполковника Фюрштера.

Гренадеры мигом дошли до крутых скатов высот, отделявших их от Кутузова, и отсюда открыли пушечную и ружейную навесную стрельбу, молниеносно выкашивавшую толпу турок, скопившихся на верхнем плато до и после очередной безуспешной атаки. Противник начал метаться, надеясь выйти из зоны губительного огня, но гренадеры не ленились передвигаться параллельно с ним.

Неприятель решил было временно переключить свое внимание с корпуса Кутузова на 3-й корпус, но пра-

вое каре первой линии Волконского, состоящее из Екатеринославского гренадерского полка полковника Булгакова, не допустило этого. Помогла и меткая стрельба левого каре первой линии премьер-майора Гана.

Одновременно с неудачной атакой на центр русских позиций османы повели штурм и против корпуса Голицына. Столь частым наступлениям, отбиваемым со столь значительным для турок уроном, Репнин был обязан тем, что неприятельские войска подходили по частям и так же — по частям — посылались вперед под русские пули, ядра, штыки. Репнин молил Бога, чтобы атаки эти не прекращались, дабы он мог перемолоть всю турецкую силу, одолеть которую вкуче было бы очень тяжело. Репнину, глядящему сквозь пороховой дым и почти полуденное уже марево на непрерывно-беспомощные наскоки османов, даже стало жалко их — им не повезло с командирами, и это оборачивалось сейчас почти бойней.

Голицын, естественно, отбил лихорадочно-обреченную атаку и сам в свою очередь пошел вперед. Пехота, принимавшая на себя основные удары, особенно не торопилась, а вот кавалерия преследовала противника до самого лагеря, потом — в лагере, потом — в округе. Отступающего легче поражать: спина — не защита, и были среди турок после этого многие жертвы.

В те же минуты подался вперед и корпус Волконского, а Кутузов спустился со своих высот.

Тем временем, когда, казалось, все помыслы прикованы к небольшому пространству, охваченному боем, турки все же попытались ударить в тыл Репнину: из Браилова на полуостров Купцефан переправился пехотный

отряд, а на судах одновременно с этим готовился десант. Но русский командующий, предвидя это, оставил отряд генерал-майора Шпета против островов ниже Мачина у пролива Катрофети. И теперь турецким судам не оставалось ничего иного, как открыть пальбу по отряду Шпета, который, в свою очередь, повел ответный огонь двумя выставленными на берег батареями полевых орудий. Батареи действовали успешно — и турецкие суда, направлявшиеся с десантом к берегу, вынуждены были поспешно ретироваться. Два турецких корабля взорвались, а три были потоплены.

В дополнение к отряду Шпета Репнин направил туда из корпуса Голицына Апшеронский и Смоленский пехотные, Черниговский и Стародубский карабинерные полки во главе с бригадиром Поливановым, а из корпуса Волконского — Московский гренадерский полк. Это подкрепление занялось судами десанта, распуганными Шпетом: турки надеялись пристать где-либо в другом месте, но везде натыкались на Поливанова и московских гренадер. Наконец, суда были окончательно отогнаны от берега, и все высланные Шпету подкрепления стянулись к нему — отряд из Браилова предпринимал атаку в тыл русским.

В этом отряде было до полутора тысяч отборных янычар. Они камышами пробрались к Шпету и пошли вперед в момент самого разгара боя на мачинских высотах. Но тут командиры янычар увидели фатально быстро приближающиеся три русских пехотных полка подкрепления и, раздумав атаковать, поспешили увести своих людей — опять-таки сквозь камыши — к судам. Однако было поздно: Черниговский и Стародубский

полки втоптали их в землю буквально в течение нескольких мгновений. Случайно уцелевших добили уже в лодках. До спасительных судов никто из янычар не добрался.

Одновременно с разгромом брайловского десанта началась общая атака боевой неприятельской позиции при Мачине. Ее никто не планировал, но подсказала простая логика боя.

Корпуса князей Голицына и Волконского были построены в каре — в две линии. Кавалерия базировалась на левом фланге. Под барабаны линии двинулись вперед. Корпус Голицына направился на мачинские окопы, составлявшие левый фланг турецкой позиции, и в молниеносной рукопашной овладел ими. 3-й корпус князя Волконского вступил на высоты левее, тем самым заняв неприятельский лагерь, располагавшийся в центре.

Толпы османов, перестав быть войском, сбились на дальних высотах, но тут на них обрушилась вся конница Кутузова, разметавшая в предшествующем движении своем всевозможные преграды, возводимые мужеством, доблестью и отчаянием противника.

И тогда началось паническое бегство: османы бежали, бросая ружья, пушки и амуницию. Добежав до второго своего лагеря, бывшего позади первого у мачинского озера, турки задержались лишь на краткий миг — и припустились вновь. Напрасно управлявший боем сераскир руменийский вали Мустафа-паша заклинал подчиненных оказать достойное сопротивление противнику или достойно умереть — его никто не слушал. Все бежали к Гирсову. Навстречу разгромленному войску попался визирь с 20-тысячным отрядом, но и он,

видя всеобщее отступление, почел за благо вернуться.

В этом сражении турки потеряли до 4 тысяч убитыми. У них было отнято 34 пушки. Русские потери составили 141 человек убитыми и около 300 ранеными. И это при том, что Репнину противостояло более чем 80-тысячное войско.

Мачин принес генерал-аншефу Репнину орден Св. Георгия 1-й степени. Эхо этой победы было оглушительным — уже на следующий день в ставку русского командующего прибыли парламентареры. А 31 июля прелиминарные артикулы были подписаны, но прибывший буквально на следующий день Потемкин почел их недостаточными — и подписание договора было отложено на некоторое время.

При праздновании мира с турками Репнин не дождался жезла фельдмаршала; его лишь вызвали из подмосковного имения Воронцова, где он жил по окончании войны, и направили в Ригу — губернатором. Всею виной была связь с Новиковым и мартинистами, к которым он принадлежал.

Восшествие на престол Павла, к которому он был всегда близок, наконец сделало его фельдмаршалом. Фавор Репнина, однако, длился недолго, и в конце 1798 года последовало увольнение со службы.

Уйдя в отставку, престарелый фельдмаршал поселился в Москве, где жил, по выражению современника, «Цинциннатом». Здесь же, прожив не у дел менее трех лет, он скончался от удара. На нем род его пресекался — единственный сын умер в детстве.

Современники высоко ценили Репнина. Через месяц после его смерти,

12 июля 1801 года, новый император Александр I предписал, чтобы родной внук князя Репнина, князь Николай Волконский, принял его фамилию: «дабы род князей Репниных, столь славно Отечеству послуживших, с кончиной последнего в оном не угаснет, но, обновясь, пребудет навсегда с именем и примером его».

**РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ ПЕТР
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

(1725 — 08.12.1796) — граф (1744), генерал-фельдмаршал (1770)

Отец Петра Румянцева, Александр Иванович Румянцев, — один из ближайших сподвижников Петра I, последние годы перед рождением сына был послом в Стамбуле. Уже в пятилетнем возрасте он записывается маленького Петра в гвардию, в Преображенский полк. Так что чины будущему фельдмаршалу идут чуть ли не с младенчества. И в 18 лет Петр

Румянцев становится уже полковником и командиром Воронежского пехотного полка.

Петр Румянцев пробыл в звании полковника почти тринадцать лет и только в 1756 году произведен в генерал-майоры и назначен командиром бригады. То время знало карьеры гораздо более блестящие.

Его производство произошло в один год с началом общеевропейской Семилетней войны, в которой Англия и Пруссия противостояли Австрии, Франции, России, Швеции и Саксонии. Русские войска шли к границам Пруссии. В их составе была бригада генерал-майора Румянцева.

Рост могущества Пруссии в середине XVIII века создавал реальную угрозу западным границам России. Еще в 40-х годах в российских правящих кругах сложилась идея ослабить в военном отношении прусского монарха, «сего предприимчивого государя», как выразилась о нем Елизавета, и ограничить его экспансионистские замашки. Данная идея послужила основой решения русского правительства выступить в войне на стороне антипруссского лагеря. Войско — включая бригаду Румянцева — двинулось к Восточной Пруссии. Стратегической целью этой кампании являлось овладение Восточной Пруссией (при успешном исходе кампании и войны в целом предполагалось присоединить Курляндию, удовлетворив претензии Польши за счет Восточной Пруссии). Противостоять этим планам Конференции должен был фельдмаршал Левальд, которому Фридрих II выделил корпус численностью порядка 30 тысяч человек. Русская армия под командованием фельдмаршала С.Ф. Апраксина насчитывала примерно 65 тысяч. К весне

она была сосредоточена в районе Ковно.

Конференцией — высшим военным органом России — был разработан план кампании 1757 года, ясно требовавший в ходе наступления в Восточную Пруссию «...находящемуся в оной войску (противника. — Ю.Л.) ретираду пресечь и тем к сдаче генеральной баталии принудить».

Однако реализация плана столкнулась с рядом трудностей. В июне русская армия начала наступление в направлении на Кенигсберг, но двигалась крайне медленно. Полученный в июле Апраксиным рескрипт призывал его прежде всего уничтожить живую силу противника: «Более всего наша честь крайне с тем сопряжена, чтоб Левальд от нас не ушел. Приобретение не только Пруссии, но хотя б чего и большего, почитаем мы за ничто, ежели б Левальд, оставляя сие королевство соединился с королем прусским». Но русский командующий продолжал наступление крайне медленно. Узнав, что противник преградил ему путь на выгодной позиции у Велау, Апраксин, не решаясь на фронтальную атаку, начал ее дальний обход. В ходе этого маневра 19 августа он был сам атакован во время марша у деревни Гросс-Егерсдорф. Левальд, имевший 24 тысячи против 55 тысяч русских, возлагал свои надежды на внезапность и предполагаемое качественное превосходство прусского войска. Однако этих компонентов оказалось недостаточно, и Левальд был наголову разбит.

За несколько дней до этого — 23 июля — Фридрих II предписал губернатору Пруссии Гансу фон Левальду подробную инструкцию, в которой он, не колеблясь, предвидел удачу при столкновении своего фельдмаршала

с русской армией. Фридрих писал, что потерпев поражение, как следовало ожидать, русский командующий пришлет парламентаря, и прусский король не будет требовательным — небольшие земельные приобретения, которые придется уплатить даже не России, а Польше.

С формальной точки зрения Фридрих был прав, поскольку ни для кого не было секретом, что в это время в русской кавалерии из шести кирасирских полков у трех не было кирас; солдаты, плохо обученные, имели плохих лошадей; каждый маневр сопровождался смятением рядов и многочисленными падениями. Среди драгунских частей армии некоторые офицеры излишне буквально подтверждали пословицу: «Плох, как драгунский офицер». Гусары, лучше обученные и одетые, ничего не понимали в разведывательной и патрульной службе. Хорошие наездники — калмыки — были вооружены лишь луком и стрелами.

Поначалу сражение протекало так, как и планировали Фридрих и Левальд. Несмотря на численное превосходство русской армии, она была с самого начала поставлена в тяжелое положение внезапностью удара. Русское войско было атаковано во время выдвижения сквозь лесное дефиле из района своего лагерного расположения по дороге на юг, на Алленбург. Головные соединения выходили из дефиле на открытое пространство у деревни Гросс-Егерсдорф, где уже развернулись в боевые порядки и были готовы к атаке пруссаки. Главный удар Левальда пришелся по колоннам второй дивизии, только что начавшей выдвигаться из леса. В несколько минут нарвский и 2-й гренадерский полки

дивизии потеряли до половины своего личного состава. Но все же полки самостоятельно развернулись вправо от дороги на южной опушке лесного массива северо-восточнее деревни и остановили противника. Однако правый фланг образованной дивизией линии оказался открытым. Бой здесь был очень упорным и по свидетельству очевидца А.Т. Болотова, наблюдавшего его с небольшого расстояния, носил характер артиллерийской дуэли: «Огонь сделался с обеих сторон непрерывный ни на одну минуту... Оба фрунта находились в весьма близком между собой расстоянии и стояли в огне непрерывном». Судя по реляции Апраксина, бой на южной опушке леса продолжался около трех часов. Положение 2-й дивизии стало критическим. Прусская армия, продолжая теснить русских фронтально к лесу, охватывала открытый правый фланг. Левальд в ходе этого натиска захватил до 80 русских пушек. В этот момент в сражении произошло событие, склонившее победу на сторону русских и отнявшее у прусского фельдмаршала вполне заслуженную — по его мнению — победу.

К северу от леса, на южной опушке которого сейчас дралась 2-я дивизия, находился резерв 1-й дивизии в составе четырех полков бригады Румянцева. Бригада стояла всеми забытая, без дела, поскольку Апраксин практически не руководил сражением. По своей инициативе Румянецв сначала выслал через лес разведку, а потом, вопреки всем правилам линейной тактики, бросил туда же свои полки. Продравшись сквозь болотистый лес, полки резерва вышли во фланг охватывающего крыла прусской армии. Дав залп, полки под ко-

мандой Румянцева ударили в штыки так, что пруссаки «...тотчас помешались и по жестоком кровавом сражении с достаточным числом своих войск, в наивысшем беспорядке свое спасение действием искать стали».

Их беспорядочное бегство определило общую победу. Следствием этого поражения стало то, что Левальд открыл дорогу на Кенигсберг, одну из мощнейших крепостей, которую русские скоро захватили и удерживали около двух лет.

Прусский фельдмаршал допустил в ходе сражения ошибку, которую в дальнейшем повторит и сам Фридрих, — он все время рассчитывал на деморализующее влияние поражения одной части русского войска на все остальные, однако этого не происходило ни до, ни после Егерсдорфа.

Следующий раз Румянцеву выпало отличаться уже при новом командующем — П.С. Салтыкове, прибывшем к армии в июне 1759 года.

Летом этого года началась новая кампания Семилетней войны. К середине июня Фридрих II, имея свои основные силы в Силезии и группу войск принца Генриха в Саксонии (в совокупности порядка 95 тысяч человек), находился между армиями союзников. Кроме этих войск, отдельный корпус генерала Доны действовал против русской армии в Польше. Фридриху противостояли австрийцы (135 тысяч) и около 40 тысяч русских (из них — приблизительно 8 тысяч иррегулярной конницы). В этой обстановке и начал проявляться военный талант Салтыкова. Почти молниеносно он произвел блестящий маневр, в результате которого 12 июля корпус Доны был наголову разбит при деревне Пальциг. В этом сражении русские кирасиры, воспитан-

ные Румянцевым, под командованием генерала Панина опрокинули прусскую пехоту, разгромили и обратили в бегство. Дону почти не преследовали. Салтыков торопился использовать победу при Пальциге, рассчитавшую ему путь к Одеру, для соединения с австрийцами.

Однако австрийцы не проявляли подобного нетерпения. Главнокомандующий Даун, в частности, не предпринял ни малейшей попытки отвлечь пруссаков на себя в тот момент, когда Салтыков сражался с Доной. Видя это, Салтыков решает самостоятельно идти к Франкфурту-на-Одере, с тем, чтобы создать угрозу Берлину; 23 июля (3 августа) русская армия подошла к Франкфурту и расположилась на высотах в районе деревни Кунерсдорф на правом берегу Одера. Город был занят отрядом русских войск. До Берлина оставалось чуть более 80 км. Фридрих отреагировал весьма оперативно: он взял часть своих главных сил, часть корпуса принца Генриха, присоединил остатки, уцелевшие после Пальцига, и, набрав в общей сложности около 49 тысяч, решил дать Салтыкову бой. Салтыков после присоединения к нему корпуса австрийца Лаудона, которого Даун послал на помощь русским вместо объединения армий, располагал армией в 59 тысяч.

С этими силами он занялся оборудованием позиции на Кунерсдорфских высотах. Фридрих переправился через Одер ниже Франкфурта, оставив на левом берегу сильный отряд Вунша (около 7 тысяч человек), и 1 (12) августа атаковал позицию русско-австрийской армии при Кунерсдорфе.

Салтыков расположил войска на трех разделенных оврагами группах

высот: западной — Юденберг, центральной — Гросс-Шпицберг, восточной — Мюльберг. Правый фланг позиции примыкал к Одеру, левый — к оврагу Беккергрунд. К северу от гряды высот, особенно в западной части этого пространства, местность была лесисто-болотистая, что затрудняло доступ к позиции с тыла. Перед фронтом позиции у оврага Кунгрунд, разделявшего Гросс-Шпицберг и Мюльберг, лежала деревня Кунерсдорф, далее к югу под тупым углом к фронту тянулась цепь озер и проток между ними. Фронт и фланги позиции были прикрыты земляными укреплениями.

В построении войск Салтыков применил новшество, в немалой степени решившее участь боя: построив русскую пехоту в обычные две линии, он, в отличие от канонических правил построения линейного боевого порядка, создал очень сильный резерв за правым крылом. Здесь стояла часть русской кавалерии и весь австрийский корпус. Русский командующий прежде всего стремился усилить правое крыло, от позиций которого расходились все его возможные пути отступления. Он предусматривал, кроме того, и возможности маневра резервом вдоль фронта (что и было проделано в дальнейшем). Обсервационный (наблюдательный) корпус Салтыков расположил на левом крыле.

Прусская армия развернулась под прямым углом к фронту союзников, выдвинула батареи на высоты к северо-востоку и юго-востоку от Мюльберга и после сильной артиллерийской подготовки двинулась в атаку на левое крыло армии Салтыкова.

Русский командующий не препятствовал этому маневру. Он лишь

стремился ограничить движение Фридриха на запад, к правому крылу позиции союзников. С этой целью по приказу Салтыкова была подожжена деревня Кунерсдорф и уничтожена переправа через протоку между озерами южнее этой деревни. Подобные меры предупреждали попытки прусской армии сковать силы союзников с фронта и оставляли возможность маневра своими войсками вдоль позиции.

Предпринятая Фридрихом охватывающая атака левого крыла русской позиции была успешной — пруссакам удалось ворваться в укрепления, прикрывавшие левый фланг, опрокинуть полки Обсервационного корпуса и овладеть Мюльбергом. Такому исходу первой фазы сражения способствовал перекрестный огонь прусской артиллерии, наличие перед укреплениями мертвых пространств и недостаточная еще устойчивость малообстрелянных войск Обсервационного корпуса.

Прусская армия продолжала настойчиво атаковать. Фридрих рассчитывал продольным ударом растерзать боевой порядок русских. При этом фронт атаки сильно сузился, и пехота короля, в сутолоке боя сбиваясь в линии, непреднамеренно получила глубокое построение. Как рисует действия неприятеля Салтыков в своей реляции, тот «...сделав из всей своей армии колонну, устремился со всею силою сквозь армию вашего величества до самой реки продаться». Русская армия ответила на этот удар Фридриха перестроением боевого порядка ближайших к левому флагу полков центра, создавших оборону на восточных склонах Гросс-Шпицберга, и переброской вдоль фронта сил, взятых у правого крыла

и из резерва. Русские и подходившие австрийские полки, перестроившись в несколько линий и создав тем самым глубоко эшелонированную оборону, оказали наступавшим пруссакам стойкое сопротивление. Прусская пехота, наступавшая в глубоком построении, оказалась в невыгодных условиях с точки зрения огневой тактики — она не могла использовать большую часть своих ружей, всегда бывших самой сильной стороной наемной пехоты.

Фридрих, поняв это, пытался расширить фронт атаки с целью охватить центр союзников. Для этого он двинул группу войск своего правого крыла в обход позиции союзников на Гросс-Шпицберге слева, а сильную кавалерию левого крыла направил на фронт основной русской позиции. Прусская группа правого фланга после скоротечного боя, в ходе которого ее кавалерии удалось ворваться с тыла внутрь ретраншемента, была опрокинута и частично рассеяна. Кавалерия же прусского левого крыла, вынужденная под сильным огнем русской артиллерии преодолевать водные препятствия к югу от Кунерсдорфа, вообще не смогла выйти на атаку. Бой на Гросс-Шпицберге был тяжелым для русской пехоты, поскольку армия Фридриха отчасти сохраняла свое начальное охватывающее положение; русские с трудом сдерживали неприятеля, однако с подходом подкреплений фронт союзных войск, расположенный теперь поперек прежнего, был удлиннен, и положение сразу улучшилось.

Значительную роль в этой фазе боя сыграла русская артиллерия. Еще в 1756 году русская армия получила гаубицы шуваловской системы и более легкие, подвижные скорост-

рельные орудия — единороги. Во время боя за Мюльберг была начата перегруппировка русской полевой артиллерии центра и правого крыла к левому флангу. В дальнейшем, когда бой шел за Гросс-Шпицберг, этот маневр был осуществлен в больших масштабах. Шуваловские гаубицы помогли отразить обходной маневр правофланговой группы пруссаков; единороги же вышли победителями из поединка с прусской артиллерией, ведя огонь через боевые порядки своей пехоты. Так же действовали единороги полковой артиллерии, находившиеся со своими полками не в первой линии боевого порядка. Фридрих сумел переместить на Мюльберг лишь часть своей полевой артиллерии, наиболее же тяжелые орудия остались на исходных, чересчур удаленных от фронта позициях.

На Гросс-Шпицберге после ожесточенного четырехчасового боя с подходом подкреплений с правого крыла и из резерва все более явной становилась скорая победа союзников. Некоторые части русской пехоты по собственной инициативе начали переходить в штыковые контратаки. Этот пример увлек остальных и вскоре привел к решительному перелому в ходе сражения. Прусская пехота обратилась в толпу и бросилась с поля боя. Сражение завершилось полным разгромом армии Фридриха.

В этом сражении генерал-поручик Румянцев командовал центром армии — ее 2-й дивизией, расположенной на Гросс-Шпицберге. Румянцев лично возглавил кавалерийскую контратаку, опрокинувшую кирасир Фридриха, а затем руководил массивным артиллерийским огнем, дважды отбросившим от русских

окопов конницу Зейдлица — лучшую в Европе. Фридрих предпринял еще одну попытку и бросил против пехоты Румянцева драгун принца Вюртембергского и гусар генерала Путткамера, но русская пехота совместно с австрийцами Лаудона штыками смела прорвавшихся. Артиллерия довершила разгром. Ближе к вечеру пехота генерала Панина погнала пруссаков на позицию командира первой дивизии князя Голицына (на Мюльберг), где сгрудившиеся толпы противника, все менее и менее походившие на солдат, расстреливались артиллерией Румянцева. Наконец началось повальное бегство. Из всего войска пруссаков Фридрих после боя сумел собрать только три тысячи. Он меланхолично подумывал о самоубийстве и рекомендовал эвакуировать из Берлина двор и архивы.

Но союзники дали Фридриху передышку. Решительного наступления на Берлин, способного поставить победную точку в многолетней войне, не последовало. Уже через несколько дней Фридрих, отлавливая свое разбежавшееся по округе войско, сумел увеличить его численность до 30 тысяч. Война затягивалась.

В 1760 году заболевший генерал-фельдмаршал Салтыков был заменен фельдмаршалом А.Б. Бутурлиным. Приблизительно в это время корпус русских войск под командованием З.Г. Чернышева осуществил набег на Берлин, который Румянцев планировал еще за год до этого.

Бутурлин поставил перед Румянцевым задачу — взять Кольберг, сильную прусскую крепость, двукратные попытки овладеть которой в прежние время уже заканчивались неудачами. Взятие Кольберга могло бы обеспечить стратегический простор союз-

никам на Померанском театре военных действий.

Кольберг защищал с северо-востока подступы во внутренние области Пруссии и к Берлину. Предыдущие попытки осады побудили Фридриха усилить оборону. Гарнизон довели до 4 тысяч человек при 140 крепостных орудиях. В непосредственной близости от города была создана мощная оборонительная база: высоты, расположенные к западу, были обращены в лагерь, исключительно сильно укрепленный и трудно доступный из-за природных условий. В лагере располагалось 12 тысяч солдат принца Вюртембергского. С востока систему укреплений защищал болотистый кольбергский лес. К югу и к северу от него тянулись труднопроходимые топи, которые прерывались возвышенностями, сильно укрепленными противником. Со стороны лагеря, то есть с запада, лежали обширные болота и искусственные затопления. Глубокая река Персанта, протекавшая с юга на север и прикрывавшая Кольберг также и с запада, еще больше затрудняла действия осаждающих.

Румянцеву был выделен достаточно сильный отдельный корпус, и он прочно обложил укрепленную местность с суши, а с моря блокировал крепость при помощи флота, который, кроме того, высадил на берег десант и вел бомбардировки укреплений.

В начале военных действий в распоряжении противника находилась коммуникация нижний Одер — Кольберг, по которой шло снабжение крепости и лагеря. Кроме того, пруссаки пытались сорвать организованную Румянцевым блокаду Кольберга действиями выделенного из главных сил прусской армии кавалерийского кор-

пуса. Желая нанести удар по левому флангу Румянцева, Фридрих выслал в город Трептов отряд генерала Вернера из 2 тысяч кавалеристов и 300 пехотинцев при 6 орудиях. Задачей Вернера являлось внезапное нападение на русский тыл. Получив сведения о движении отряда Вернера, Румянцев отправил вслед за ним драгун, казаков и два батальона grenадер под командой А.И. Бибикова. Ночью русские окружили город и близлежащие деревни.

Румянцев обучал пехоту своего корпуса действиям в колоннах, поэтому дальнейшие события под Трептовым развернулись вопреки классическим диспозициям. Обычно в подобных ситуациях — после окружения — дальнейшие действия происходили медленно. Полководец выстраивал свои войска в две располагавшиеся одна за другой на расстоянии 100—150 шагов линии. Наступление велось широким развернутым фронтом. Поскольку войска строились и наступали медленно, наступающий лишался выгоды внезапности. Скованный неповоротливостью своего боевого порядка, при котором требовалось равномерное распределение силы по своей линии, он не мог сосредоточить войска в определенной точке и нанести врагу удар по особо уязвимому его участку. Всякое маневрирование было до крайности затруднено.

Полковник же Бибиков атаковал противника, «сделав батальонную колонну», обрушив на Вернера быстрый сосредоточенный удар. Удар был таким неожиданным и мощным, что вызвал полное расстройство сил пруссаков. Город был занят русскими. Кавалерия Бибикова атаковала деревни, выбила оттуда противника и

долго преследовала его. Вернер потерял убитыми более 600 человек; в плен было взято около 500 (включая и самого Вернера); захвачены два орудия и обоз.

Осада Кольберга успешно развивалась, но вскоре в тылу Румянцева возникла новая угроза. Сильный отряд прусского генерала Платена, высланный Фридрихом, быстрым налетом, разрушая русские коммуникации и разрушая магазины с провиантом, подошел к Кольбергу и поставил под угрозу сообщение русского осадного корпуса с тылом. Военный совет, созванный 9 сентября, ввиду сложности положения предложил единогласно снять осаду. Румянцев отказался. В это время Платену удалось прорваться в крепость и соединиться с ее гарнизоном, увеличив его до 17,5 тысячи человек. 23 сентября вновь собранный совет высказался за снятие осады. И снова Румянцев отказался. Он, в свою очередь, занялся разрушением коммуникаций противника, поскольку прямая атака на крепость в создавшейся ситуации была невозможна.

В конце сентября ему удалось захватить ряд транспортов противника, взорвать его артиллерийские склады в городе Гольнау, занять Наугард и нанести поражение крупным отрядам, высланным для охраны продовольственных баз. В силу этого положение пруссаков стало довольно опасным: было решено для поправления положения отправить отряды Платена и генерала Кноблоха, поставив их задачей восстановление коммуникаций. На подкрепление этих частей Фридрих выслал отряд полковника Корбиера к Гольнау, что заметил Румянцев, который выслал против него легкую конницу. Вот как

описывает дальнейшие события А.В. Суворов, подполковник в корпусе Румянцева: «Знатная часть Прусского войска выступила от Кольберга, по военным потребностям, к стороне Штеттина; к нашему легкому корпусу (при генерале Берге. — *Ю.Л.*) на походе соединился генерал князь Михайла Никитич Волконский с кирасирскими полками; передовые наши отряды к стороне Регенвальда встретились с Прусским авангардом; при моем нахождении, четыре эскадрона конных гренадер атаковали пехоту на палахах, гусары сразились с гусарами; весь сильный авангард с подполковником Корбиером взят был в плен, и его артиллерия досталась в наши руки... В ночи Прусский корпус стал за Гольнау, оставя в городе гарнизон; генерал граф Петр Иванович Панин прибыл к нам с некоторою пехотою; я одним гренадерским батальоном атаковал ворота и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали Прусский отряд штыками чрез весь город, за противные ворота и мост, до их лагеря, где побито и взято было много в плен. Я поврежден был контузию в ногу и в грудь картечами, одна лошадь ранена подо мной в поле». А в это время Румянцев окружил отряд Кноблоха, который, видя невозможность сопротивления, сдался. Русские захватили более 1600 человек пленных, 15 знамен и 7 орудий. Платену все же удалось уйти.

Тем временем в Кольберге кончились запасы продовольствия, дезертирство приняло массовый характер. Дезертиров ловили, отрезали нос и уши, но некоторые и в таком виде умудрялись пробираться к русским.

В критической ситуации, создавшейся для осажденных, командующий

войсками укрепленного кольбергского лагеря принц Вюртембергский в конце октября отступил на соединение с отрядом генерала Платена. Русские заняли его лагерь и приступили к еще более интенсивной осаде Кольберга. В ночь с 4 на 5 ноября Румянцев взял укрепление Вольфсберг, на следующий день занял устье Персанты и подошел к городу. В ходе последовавшей атаки русские войска заняли одно из его предместий. Начались траншейные работы и подготовка к штурму.

Прусский король, желая удержать крепость, приказал Платену и принцу Вюртембергскому прорваться в Кольберг и доставить туда транспорт с продовольствием. Но попытка эта закончилась неудачей: их атака была отбита, и, преследуемые легкой русской конницей, пруссаки поспешно отступили.

Комендант крепости полковник Гейдс, почувствовав близость неминуемого, повел переговоры с Румянцевым о сдаче крепости на почетных для себя условиях, Румянцев отказался обсуждать подобное предложение, и 5 декабря Гейдс сдался на русских условиях. Русским достались 3 тысячи пленных, 146 орудий, знамена, большие запасы оружия, снаряжения и амуниции.

С взятием Кольберга русская армия получила базу снабжения вблизи от границы Бранденбурга и могла в будущую кампанию создать угрозу наиболее важным жизненным центрам противника. Налицо были предпосылки для победоносного окончания войны в кратчайший срок.

Осада Кольберга русскими войсками под командованием Румянцева привела и к некоторым новым явлениям в русском военном искусст-

ве. В этот период в войсках осадного корпуса Румянцевым были сформированы два батальона егерей — легкой пехоты, способной к ведению боя в рассыпном строю. Два эти легкопехотных батальона были сформированы Румянцевым из охотников (то есть добровольцев). В директиве об их формировании даются и указания по тактике этих частей. В частности, Румянцев рекомендует при преследовании противника «лучших же стрелков и в одну шеренгу выпускать». Такая шеренга при действиях на пересеченной местности сама собой превращалась в рассыпной строй. Местностью, наиболее выгодной для использования легкой пехоты, директива признавала леса, деревни и «пасы» (то есть дефиле, стесненные переходы).

Легкая пехота, подобная егерям Румянцева, существовала в армиях Европы и раньше. Так, австрийская армия имела в своем составе иррегулярную пехоту милиционного типа, комплектовавшуюся из славянских народов монархии: хорватов и пандуров. В прусской армии в ходе Семилетней войны было также создано несколько легкопехотных батальонов («фрей батальоны»), предназначенных для поддержки легкой конницы. Значение же создания егерских батальонов Румянцевым в том, что они явились исходным пунктом широкого и систематического развития в русской армии нового типа пехоты. Так, в 1764 году в одной из дивизий русской армии была сформирована небольшая егерская команда, в 1765 году егерские команды были учреждены в полках четырех дивизий, в 1769 году — во всех пехотных полках. В 1777 году егерские команды были выделены из пехот-

ных полков и сведены в отдельные батальоны (это применялось в войсках П.А. Румянцева еще раньше — в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 годов), а затем батальоны сведены в четырехбатальонные корпуса. Рядовые егерских частей были вооружены ружьями улучшенного качества, унтер-офицеры — нарезными ружьями. Боевая подготовка егерей специализирована в соответствии с назначением. Это означало качественные сдвиги в организации пехоты применительно к новым условиям.

В Западной же Европе легкопехотные формирования после окончания Семилетней войны были преобразованы в обычные линейные части, и рассыпной строй вплоть до победных войск Французской революции не нашел своего места в европейской стратегии, поскольку считалось недопустимым предоставлять солдат в бою самим себе. Предполагалось, что, выйдя из-под надзора начальников, солдаты либо разбегутся, либо залягут, и управление ими окажется невозможным.

В ходе Семилетней войны Румянцеву многое приходилось создавать впервые или заново. Вся последующая его деятельность основывалась на принципах, выработанных в это время. Новые военно-административные начала Румянцева впоследствии оформились им в «Мыслях по уставу воинской части» (1777), в различного рода «инструкциях» и «наставлениях», где видно также и данное им направление обучения войск. Общие положения относительно строя, полевой и сторожевой службы сведены в «Обряд службы» (1770). «Обряд...» был принят во всей армии до конца царствования Екатерины II, в

дополнение и изменение строевых уставов 1763 года, принятых Военной комиссией. В этих работах Румянецв внимательно анализирует опыт боевых действий в период войны с Пруссией и делает ряд кардинальных для русской военной мысли того времени выводов. Так, первый крупный бой русской армии с пруссаками (Гросс-Егерсдорф) завершён решительным наступлением и внезапным ударом резерва под началом Румянцева через лес, считавшийся непроходимым. С этого боя Румянецв во всех случаях, но всегда сообразно с обстановкой, проводил активные начала военного искусства взамен активно-оборонительных, присущих русской стратегии в предшествующие десятилетия.

Во время проведения зимнего похода 1757—1758 года Румянецв добивался распределения марша сообразно не шаблонному уставу, а обстановке. Им применялись широкий фронт и эшелонированный порядок до сферы маршей-маневров, сосредоточение и быстрота движения в пределах Пруссии. Он также предусматривал и строгие меры охранения квартирно-бивачного расположения, опять-таки сообразно с обстоятельствами: сильные дежурные части, правильное распределение очередных смен зимой, приспособление селений и ближайших окрестностей к бою, внешнее, дальнее охранение легкой конницей. Командуя конным отрядом из 24 эскадронов кавалерии при 6 орудиях впереди фронта армии, Румянецв успешно решил одновременно ряд сложных задач по прикрытию армии, сосредоточенной на нижней Висле у Познани, далее — по прикрытию флага и фронта армии при наступлении от Познани к

Франкфурту и по перемене операционной линии армии с познанского театра военных действий на померанский, то есть с левого на правый берег Варты. Далее он со своим отрядом прикрывал квартиры блокадного корпуса под Кольбергом. Здесь им были применены новые основания стратегической службы русской конницы, что явилось прямым развитием того же вида боевой деятельности драгун Петра I. Под непосредственным командованием Румянцева всегда оставалась главная часть конницы с приданными ей единорогами — орудиями навесного и картечного огня. Румянцевская конница действовала в одной массе на несколько переходов впереди от основной части армии на важнейших направлениях. Причем учитывалось изменяющееся положение прикрываемой армии, особенностей действий противника и характера местности (например, маневр от Старгарда в долину рек Нетце-Варта, отступление на Ландсберг). От главной массы конного резерва Румянцев высылал в сторону неприятеля на несколько переходов вперед (или до первого столкновения) конные разъезды из небольшого количества людей. Румянцев считал, что главный способ действия в бою конницы — сильный удар в конном строю холодным оружием. Он чрезвычайно редко и неохотно прибегал к спешиванию конницы. Главной целью передовых отрядов, считал Румянцев, является разведка положения противника, в бой они должны вступать только в случае крайней необходимости, при которой все передовые партии должны содействовать атакующему отряду. Конный резерв, по мнению Румянцева, надлежало бе-

речь и пускать в дело только в случае чрезвычайной необходимости.

При расположении на зимних квартирах в 1758—1759 годах Румянцева выделялся из начальников дивизий своими резкими рапортами главнокомандующему, в которых он обоснованно критиковал принятое им расположение войск на основаниях кордонной системы, что и привело к напряженным отношениям Румянцева с Фермором. Это явилось одной из причин назначения Румянцева начальником тыла в 1759 году. Но и здесь Румянцев применил ряд нововведений.

При осаде Кольберга Румянцев достигает четкого взаимодействия частей вверенного ему отдельного отряда путем ясной постановки ближайших задач своим подчиненным. В это же время он устроил правильное коммуникационное сообщение с базой и установил строгий порядок реквизиций при участии местных властей.

Румянцев был одним из первых полководцев, старавшихся ввести полное единообразие в подчиненных ему частях, как в обучении войск, так и в несении полевой и гарнизонной службы. Еще более передовым и совершенно необычным для западных армий было его установление принципа оценки солдата как сознательного защитника Отечества. «Если положение военного человека в государстве считается сравнительно с другими людьми беспокойным, трудным и опасным, — писал ученик Румянцева граф Воронцов в «Инструкции ротным командирам», — то в то же время оно отличается от них неоспоримую честью и славой, ибо воин превозмогает труды часто несносные и, не щадя своей жизни, обеспечивает

сограждан, защищает их от врагов, обороняет отечество». Эта инструкция, опираясь на «Обряд службы», требовала уважения к рядовым, повышения их чувства собственного достоинства, с тем, чтобы «честь заслуженною полком... каждый солдат на себя переносил». Забота о солдате, его физическом здоровье, бытовом благоустройстве, госпитальном обслуживании выдвигалась как первый долг командира.

После взятия войсками Румянцева Кольберга казалось, что окончательное поражение Пруссии очевидно и весьма близко. Фридрих, сидя в своем полуразрушенном артиллерийским огнем дворце в Бреслау, намеревался передать власть племяннику и отравиться. Как он писал в это время, «Пруссия лежала в агонии, ожидая последнего обряда». Но смерть императрицы Елизаветы смешала все карты. Она умерла 25 декабря 1761 года (5 января 1762 года), и этот день был, вероятнее всего, счастливейшим днем в жизни Фридриха II. На российский престол сел великий князь Петр-Ульрих, принявший имя Петра III. С детства являясь почитателем военных и прочих талантов Фридриха II, безмерно гордясь знаками приязни своего венценосного друга, Петр III поспешил заключить мир с прусским королем, вернул ему все завоеванные земли и объявил себя его преданнейшим другом и защитником. Он предложил Фридриху военный союз против его врагов, а в качестве первой совместной акции — войну против Дании. Зачастую забывая, что он император всероссийский, Петр никогда не забывал, что он сын гольштейн-готторпского герцога и что земельные владения имеются у него и в Герма-

нии. Вот именно из-за недоразумений по поводу этого герцогства и объявила Россия — в лице Петра III — войну Дании. На пост командующего, как всегда, было множество кандидатур, но Петр, весьма часто ошибающийся в оценке людей и событий, на этот раз не сплывал. Дело, затрагивающее его личный интерес, было, по мнению Петра, слишком серьезным, чтобы экспериментировать, — командующим был назначен генерал-аншеф Петр Румянцев, приобретший к тому времени большую известность, но лишь как способный военачальник, не обладавший — после недавней смерти отца — сильной рукой при дворе, что служило некоей гарантией неучастия полководца в придворных делах.

Петр III не долго усидел на престоле — XVIII век был явно веком женщин для российской монархии. Его свергла родная супруга Екатерина, будущая Великая, свергла при помощи штыков гвардии.

Пришедшая к власти в результате фактического военного переворота, Екатерина хорошо понимала реальную силу войска, находившегося в подобный нестабильный период в руках решительного человека, каким был Румянцев. К тому же Румянцев не поспешил с актом политической лояльности и недопустимо долго, по мнению законопослушных и быстро мимикрирующих подданных, да и самой императрицы, не присягал новой государыне, несколько сомнительно еще и рассуждая о законности прав венценосцев. И поэтому одним из первых и логичных повелений новой самодержцы стал приказ об отстранении Румянцева от командования войсками, идущими на Данию, и передачи власти над армией брату Ники-

ты Панина — Петру. Одновременно с этим Екатерина вообще приостановила этот поход, расторгла союз с Пруссией, но войны с ней не возобновила. В конце 1762 и начале 1763 годов были заключены мирные договоры между другими европейскими государствами. Семилетняя война окончилась.

Приказ Екатерины о приостановлении боевых действий против Дании и сдаче командования Панину застал Румянцева на марше. Человек прямой, он не задержался с ответом. 20 июля из Данцига он направил Екатерине прошение об отставке с позволением жить в деревне или ехать для поправки здоровья к целительным водам, что и было ему разрешено монаршим письмом от 5 августа. Румянецв поселился в небольшом городке и как будто чего-то ждал. И, действительно, между ним и императрицей завязалась переписка, суть которой сводилась к приглашению его вновь на службу и его колебаниям по этому поводу. Наконец, 13 января 1763 года приходит очередное письменное приглашение Екатерины к службе, и сомнения Румянцева настал конец. 31 января он письменно подтверждает свое согласие вернуться в Россию и еще до своего приезда получает Эстляндскую дивизию по письму Екатерины от 3 марта.

К этому времени первая волна эмоций, вызванная блистательной переменой судьбы, у императрицы уже прошла. Она стала более разумно и холодно оценивать своих подданных, принимая теперь во внимание не только тщательно выражаемую радость по случаю ее воцарения, но и — что у властителей получается хуже и реже — дарования человека, его способность принести реальную пользу

государству в целом. Она оценила таланты Румянцева, чем и объясняется ее живая заинтересованность иметь его среди своих военачальников. Румянецв был одним из немногих знающих полководцев, за которым шла слава победителя. Он был храбр, хладнокровен, настойчив, справедлив, умел быстро использовать ошибки неприятеля на поле боя. Он был прост в обращении, доверял солдатам и был любим ими. Вскоре после его прибытия в Россию, когда Екатерина получше узнала его, Румянецв неожиданно для многих был назначен президентом малороссийской коллегии. Помимо всего прочего, эта должность предполагала охрану границ России при взрывоопасном соседстве турок. Общепризнанная слава полководца, как верно решила Екатерина, в этом случае ее наместнику на Украине не помешает.

И действительно — уже через пять лет Россия начинает новый этап активной внешней политики, связанной с присоединением причерноморских территорий. Движение в этом направлении неизбежно приводило к военному столкновению с Турцией. За четверть века одна за другой следуют две войны России с Османской Портой: в 1768—1774 и 1787—1791 годах. В ходе этих войн Россией решалась важная национальная задача — осуществлялось присоединение земель, входивших в состав древнерусского государства.

К началу боевых действий 1769 года Россия сосредоточила на главном Днестровско-Бугском театре военных действий две армии: 1-ю в районе Киева и 2-ю на Днестре, ниже Кременчуга. В Петербурге для руководства ведением войны был создан Военный совет при высочайшем дво-

ре. Военный совет имел своим прообразом Конференцию времен Семилетней войны, хотя теперь командующие армиями пользовались большей самостоятельностью.

Военный совет разработал план кампании 1769 года, в котором основное внимание уделялось возможным активным действиям со стороны противника и способам их парирования. 1-я армия («наступательная») при благоприятных условиях должна была действовать в направлении на Хотин и овладеть этой крепостью, 2-я армия — обеспечивать действия 1-й и прикрывать юго-западный участок границы России. Командующим 1-й армией был назначен генерал-аншеф А.М. Голицын, командующим 2-й — П.А. Румянцев.

Фактический ход боевых действий в 1769 году свелся к борьбе за Хотин. России всегда везло на солдат, но очень редко — на полководцев. Вот и теперь — командующий 1-й армией действовал крайне вяло, нерешительно, с неоправданной, чрезмерной осторожностью. Голицын дважды переправлялся через Днестр и возвращался на левый берег (в первый раз из-за трудностей в снабжении продовольствием, во второй — под давлением полевой армии турок). Когда русская армия в третий раз приблизилась к Хотину, турки не стали дожидаться их переправы, а сами перешли Днестр и 29 августа атаковали Голицына. Русский командующий придерживался чисто оборонительной тактики: русские отбили все атаки и принудили турок к отходу под стены Хотина, но сами их не преследовали. Победа таким образом осталась неиспользованной.

Кампания 1769 года для армий озаменовалась сменой командующих.

Неспособность Голицына к командованию была очевидна. Он был отозван в Петербург. Командующим 1-й армией был назначен Румянцев, командующим 2-й армией стал П.И. Панин.

Румянцев прибыл к войскам 1-й армии в сентябре. Уже по его приказу главные силы армии были отведены на зимние квартиры к северу от Хотина. Передовой корпус, выдвинутый еще ранее в Дунайские княжества, был там оставлен. За зиму и весну командующий провел большую работу по подготовке войск к новой кампании.

Петербургский Военный совет в плане кампании 1770 года вновь выдвигал в качестве ее главной задачи овладение стратегическим объектом — крепостью Бендеры в нижнем течении Днестра. Решение этой задачи возлагалось на 2-ю армию. 1-й армии предписывалось своими силами прикрывать армию Панина. Румянцев, не имея возможности полностью отказаться от выполнения плана, разработанного ближайшим окружением Екатерины, внес все же в него поправку, менявшую направление действий. Задачу пассивной обороны он заменил активными действиями и выступил с предложением о наступлении между Прутом и Серетом, с целью воспрепятствовать переходу турок на левый берег Дуная. Этим не только облегчалась осада Бендер, но и освобождалась часть сил его армии для активных операций на Дунае.

Румянцев начал кампанию 1770 года с того, что оттянул передовой корпус на соединение с главными силами. Он намеревался действовать прежде всего против живой силы противника и поэтому считал

сосредоточение своей армии необходимым, даже в ущерб территориальным потерям, что, как он знал, вызовет неудовольствие в Петербурге.

Главные силы турецкой армии под командованием великого визиря к весне 1770 года постепенно сосредотачивались на правом берегу Дуная у Исакичи, где ими велись работы по наведению моста, затрудняемые подъемом воды. Отдельные группы турецких войск действовали на левом берегу Дуная. Значительные силы турецкой конницы намеревались — как стало известно русскому командованию — нанести удар в направлении на Яссы. В этой ситуации Румянцев двинул армию на встречу противнику. Своим движением, как писал он 20 апреля П.И. Панину, он имел в виду «прямое намерение наступательного действия, вложить в неприятеля больше страха, нежели суть мои силы». 25 апреля главные силы 1-й армии выступили из лагеря под Хотинном и двинулись на юг вдоль левого берега Прута. После соединения с передовым корпусом у Румянцева было около 40 тысяч человек, включая нестроевых.

Великий визирь, зная малочисленность русских и обширность квартирного расположения, предполагал разбить их поодиночке, не допуская до соединения. Для этой цели он назначил три корпуса — всего около 60 тысяч человек. Сам же визирь с передовыми силами спешил подкрепить передовое войско. Именно поэтому Румянцев решил не дожидаться объединенного удара всей турецкой армии, а бить ее частями. В его планы вмешивалась весенняя распутица: проливные дожди приносили непредвиденные задержки, степи превратились в море грязи, ручьи — в

почти полноводные реки. Люди и лошади тонули. Румянцев приказал бросать обозы.

На марше армия составляла несколько походных колонн, соответствовавших частям будущего боевого порядка. В этом же порядке войска располагались перед сражением. Это облегчало построение к бою. Оно выполнялось дивизиями заблаговременно под покровом темноты до начала сражения.

Татарская конница, подкрепленная передовыми корпусами турок, при приближении Румянцева перешла к обороне в укрепленном лагере при урочище Рябая Могила на левом берегу Прута.

Несмотря на разведку, русские войска не знали точного расположения татарской конницы. Чтобы не позволить противнику ускользнуть и в то же время облегчить возможность быстрого движения воинских масс, Румянцев разделил свою армию на три группы, дав каждой особый маршрут и точно определив точку соединения. Четко налаженная связь позволяла в случае необходимости быстро сосредоточить силы.

На пути к Рябой Могиле разъезды авангардного корпуса князя Репнина наткнулись на конницу неприятеля, ринувшуюся в атаку. Репнин отразил натиск при помощи подоспевшего корпуса генерала Баура. Вслед за ним подошли и главные силы Румянцева. 11 июня вся армия сосредоточилась. Это был первый в русской армии пример наступления частями и сосредоточение их перед боем.

Рекогносцировки заняли четыре дня. 5 июня до 10 тысяч татарской конницы внезапно атаковали Репнина и Баура. Сражение длилось около шести часов и закончилось бег-

ством татар, разгромленных артиллерийским огнем и натиском пехоты.

Противник отошел к своим главным силам, занимавшим лагерь, расположенный «на превысокой и утесистой горе, лежащей при реке Прут, пониже Рябой Могилы, и окруженной обширным ретраншементом с сорока четырьмя пушками», как отмечал «Журнал о военных действиях» армии Румянцева.

Румянцев наметил нанести противнику главный удар с севера, направив туда главные силы и авангард Баура (до 23 тысяч человек). Правый фланг (с северо-востока) должен был атаковать Репнин (до 14 тысяч). Отряд Потемкина (около 4 тысяч) направлялся на запад — в тыл противнику.

Затем последовало наступление на татар и турок с нескольких сторон сразу. Те не выдержали напора и начали понемногу откатываться назад.

Отступление войска противника скоро превратилось в бегство. Румянцев выслал для преследования всю тяжелую кавалерию, которая и гнала противника более двадцати верст. Преимущества, которые давали противнику его лошади, привычные к скачке по гористой местности, спасли его от поголовного истребления, так как тяжелая русская кавалерия не могла настигнуть бегущих и постепенно отставала.

Знаменательно соотношение потерь: в сражении у лагеря противник потерял более 500 человек убитыми, русские же — 17 убитыми и 37 ранеными. Пленные показали, что в бежавшей армии «почиталось турецкой пехоты 11 тысяч и конницы 11 тысяч же да татар 50 тысяч». С этими силами татарский хан намере-

вался уничтожить корпус Репнина до подхода основных сил Румянцева, появление которого явилось для хана фатальной неожиданностью. «Ужаснувшись окружающих их со всех сторон войск», численность которых они предполагали не менее 150 тысяч, татары и турки не смогли оказать русским сопротивления, хотя и превосходили их численностью вдвое.

Сражение при Рябой Могиле, первое большое сражение после окончания Семилетней войны, показало, как высоко поднялось русское военное искусство. До сих пор наступление всегда осуществлялось сплошной массой войск, хотя и разделенной на колонны. Раздельное же наступление колонн к Рябой Могиле — первый в европейской военной истории опыт концентрического наступления.

Сразу же после сражения Румянцев отрядил отряд Потемкина для наблюдения за отступающим противником. Поскольку медленное продвижение 2-й армии оставляло его фланг незащищенным, Румянцев выдвинул несколько отрядов для охраны важнейших направлений и только потом двинулся к нижнему течению Дуная. Панин в это время лишь переправился через Днестр и шел по направлению к Бендерам.

Вскоре между течением рек Прут и Ларга авангарды 1-й армии, далеко выдвинутые от основных сил, обнаружили лагерь противника. Это были части бежавших, но в дальнейшем опять приведенных в порядок войск хана. Вместе с пришедшими им на помощь из Молдавии турками их численность достигала 80 тысяч. Хан ждал здесь соединения с главными силами визиря, готовившимися к переправе через Дунай у Исакчи. Что-

бы не допустить этого, Румянцев решает немедленно атаковать противника. Для осуществления операции он сосредоточил все свои силы, выделив лишь двухтысячный отряд для охраны мостов у Фальчи.

Русский командующий построил войско в четыре каре: два нацеливались на фланг татарского лагеря, два предназначались для атаки с фронта. По его плану вся кавалерия с легкими полковыми орудиями, соображая свое движение с фланговыми каре, в одно время с ними должна была ударить противнику в тыл. Артиллерия должна была идти впереди.

При Ларге Румянцев создал и применил новую тактику для действия против иррегулярных войск. Он напал в боевом порядке, не применявшемся доселе, что позволило ему разом выставить больше сил, чем татары, хотя тех и было значительно больше.

Наступление русской армии началось около двух часов ночи. В четыре часа передовые каре подошли к лагерю неприятеля и, поддержанные сильным артиллерийским огнем, начали атаку. И лишь около двенадцати часов дня противник обратился в бегство. Авангард Баура проводил его артиллерией.

Татарско-турецкие войска потеряли около 1 тысячи человек, 30 орудий, 3 мортиры, знамена и военное имущество. Потери русской армии составили не более ста человек.

В сражении при Ларге войска Румянцева, ворвавшись в турецкий лагерь, наглядно доказали, что есть вещи дороже серебра и золота. Османы были вынуждены отступить столь поспешно, что не успели ни вывезти, ни спрятать, ни растащить богатейшую казну. Русские солдаты постоянно на-

тыкались на груды монет, рассыпи жемчуга и камней, но поскольку им было не до этого — враг еще сопротивлялся, — все это так и оставалось лежать кучами. После сражения Румянцев лично подъезжал к каждому начальнику и изъявлял признательность за их благоразумие и мужество; а поблагодарив солдат за рвение и храбрость, приказал каждому отряду выдать по тысяче рублей в вознаграждение за их бескорыстие при переходе через неприятельский стан.

После Ларги противник в беспорядочном отступлении рассеялся в разных направлениях: турки отошли по течению Кагула, татары ушли к Измаилу и Килии.

Огорчительную весть о поражении при Ларге великий визирь Халиль бей услышал во время переправы своих войск через Дунай. Получив сведения о наступлении 2-й русской армии на Бендеры, визирь решил помешать осаде крепости. С этой целью он двинулся навстречу разбитым ханским войскам по восточному берегу озера Кагул, установил связь с отступившими за озеро Ялпук татарами с твердым намерением присоединить их к своей армии. Подойдя к остановившимся у озера Кагул туркам, шедшим от Ларги, турецкая армия расположилась здесь лагерем.

Русская армия под командованием Румянцева имела теперь перед собой главные силы осман, которые достигали 150 тысяч, а в тылу — разбитые, но вновь начавшие оправляться от разгрома и собираться ханские войска, насчитывающие порядка 80 тысяч человек. Хану, получившему значительное подкрепление, визирь поручил разрушить тыл русских, а

затем идти на соединение с основными силами.

У русских окончилось продовольствие. Татары все более отчетливо грозили перерезать коммуникации, прекратить движение русских транспортов. Естественным в этой ситуации было отступление для обеспечения продовольственной базы. Но в то время как визирь двигался к Кагулу, Румянцев 10 июля направил авангард Баура по течению реки Кагул к деревне Гречани. Сам же он, отослав обозы к Фальчи для встречи с транспортами и поддерживая связь с Бауром через корпус Репнина, перешел в долину реки Сальчи и остановился на правом ее берегу. Эта позиция русской армии обеспечивала связь с Фальчи и Бендерами, держала под угрозой татарскую конницу и в то же время позволяла сосредоточиться в любом направлении. Румянцев не мог исключить для себя возможность соединения турок и татар и, чтобы не допустить этого, двинул 17 июля свои войска к Кагулу, соединился с корпусами Баура и Репнина у деревни Гречани, несколько севернее полосы остатков древнеримских укреплений — знаменитых валов Траяна.

Поскольку натиск татар в тылу все более и более усиливался, то сконцентрировать все силы не представлялось возможным. Румянцеву пришлось отправить из Гречани сильные подкрепления и довести численность тыловой группы до 11 тысяч человек. Таким образом, сам он располагал против войск Халиль-бея лишь армией, насчитывавшей не более 27 тысяч при 118 орудиях.

20 июля турецкая армия, утомленная бездействием русских, переменила свое выгодное положение и дви-

нулась в направлении к Траянову валу, тянувшемуся в нескольких верстах южнее русского расположения. Здесь, в 7—8 верстах за валом, турки и занялись устройством лагеря. Румянцев, увидя это, сказал: «Если турки осмелятся разбить в сем месте хотя бы одну палатку, то я их в сию же ночь пойду атаковать».

Новая позиция, выбранная великим визирем, ограничивалась с севера (с фронта) Траяновым валом, с запада — глубокой рекой Кагул, с востока — широкой лощиной, постепенно сближающейся к югу с долиной Прута. Сюда сходились четыре гребня высот, веерообразно расположенных на пространстве между Прутом и лощиной. Средний хребет пересекал Траянов вал и тянулся далее к югу примерно на четыре версты.

Турецкий лагерь по сути дела располагался в своеобразном «мешке», между лощиной и течением Прута, заняв при этом проходившую здесь командную возвышенность. По всей видимости, великий визирь усматривал преимущество своей новой позиции в удобстве передвижений конницы по лощинам между хребтами для атаки расположенных южнее русских войск и действий на их тыл, если бы они вздумали с этой стороны атаковать турецкий лагерь. Невыгодность позиции, однако, была более значима: она была тесна, изрезана хребтами, изолировавшими части войск, а левый ее фланг оставался почти незащищенным.

Этот последний недостаток визирь намеревался возместить искусственным укреплением позиции. За первую ночь турки возвели по фронту четыре яруса окопов, выдвинув перед ними пять рвов, но с флангов возвести укрепления не успели.

Русский командующий решил атаковать турок. Составленный им план атаки был сходен с Ларгой в том, что исход боя решался ударом основной массы сил на главном направлении, другие же операции выполняли лишь подсобную роль. Одновременно план Кагульского сражения оказался проще, а идея главного удара — ярче.

Согласно плану Румянцева, основные усилия направлялись на левый фланг. Сюда, по разным путям, должны были подойти авангард Баура, дивизия Племянникова и дивизия Олица. Авангард Репнина и дивизия Брюса должны были атаковать одновременно с этим правое крыло противника, а также, если понадобится, подкрепить атаку левого фланга. То есть из 27 тысяч (против 150 тысяч турецкого визиря) имеющихся в его распоряжении войск Румянцев против левого фланга противника решил задействовать порядка 19—20 тысяч.

В два часа ночи 21 июля русские начали наступление. Войска стали подниматься на хребты, уходившие по направлению к лагерю противника. В начале пятого часа русские, подойдя к Траянову валу, построились в боевой порядок и двинулись на врага, встретившего их плотным ружейным и артиллерийским огнем.

Перед дивизией Брюса и корпусом Репнина поначалу показалась кавалерия противника с намерением контратаковать, но под огнем русских быстро отступила.

Между тем артиллерийский огонь с укреплений все усиливался. Под его прикрытием турецкая конница лощинами снова устремилась на наступающих. Сильный конный отряд начал в то же время обход русского фланга и окружил каре Брюса

и Репнина. Турки, проникнув за Траянов вал и используя его в качестве прикрытия, открыли сильнейший ружейный огонь и окружили дивизию Олица.

Для русских войск создалось крайне опасное положение. В этот момент Румянцев вызвал резерв, который оттеснил противника от устья лощины. Сюда же он приказал двинуть и артиллерию, открывшую огонь по конным массам турок, стесненным в лощине боковыми хребтами. Несмотря на большие потери, турки продолжали натиск, бросая в атаку все большие силы.

Особенно опасны действия турецкой конницы были для войск Репнина и Брюса. Русские пехотные каре успешно отражали конные атаки, но кавалерия оказалась в критическом положении. В целях лучшей обороны ее отвели за каре, а с тыла и с флангов прикрыли пехотой, построенной в мелкие батальонные каре. Около трех часов заняло отражение натиска турецкой конницы. К восьми утра связь между главными силами и изолированными до этого группами войск Брюса, Репнина и Олица была восстановлена, и русские перешли в решительное наступление.

Баур первым приблизился к левому флангу турок, уже готовившихся к атаке. Вслед за ним подошло каре Племянникова, за которым, левее и несколько отступя, следовали каре Олица и конница Салтыкова, а сзади — резерв. Прицельный артиллерийский и ружейный огонь русских заставил турок отступить. Каре Племянникова ускорило движение, но лишь только русские войска поднялись на небольшую высоту, лежащую в непосредственной близости к укреплению, скрывавшийся в засаде

большой отряд янычар атаковал каре и стремительным натиском прорвал его фронт. Ворвавшись внутрь русского боевого построения, янычары привели его в замешательство. Расстроенные передовые части каре Племянникова стали отступать, с трудом отбиваясь от массы наседавшего на них противника. Увидев это, Румянцев сказал находившемуся рядом с ним принцу Брауншвейгскому: «Теперь настало наше дело», и бросился к солдатам. Взяв первое попавшееся ему на глаза из валяющихся на земле ружей, он закричал: «Товарищи, вы видите, что ядра и пули не решились; не стреляйте более из ружей, но с храбростью примите неприятеля в штыки».

В то время как высланный вперед 1-й гренадерский полк под командованием бригадира Озерова отражал натиск янычар, Румянцев перестроил войска заново в каре и сам повел их на противника в штыковую...

Гренадерский батальон Воронцова — из частей Баура — в этот же критический момент пробрался лощиной к плохо защищенному турецкому левому флангу и открыл продольный огонь, что чрезвычайно помогло успеху Племянникова и Олица.

Вслед за батальоном Воронцова двинулись и остальные силы Баура. Одновременно Брюс атаковал правый фланг турок, а Репнин, успев проникнуть в тыл противника, обрушил на него жестокий артиллерийский огонь.

Турки, терпя громадный урон, поражаемые с фронта и тыла, сбитые в нестройную толпу, наконец не выдержали и ударились в паническое бегство. Победителям достался лагерь противника и его артиллерия — 140 исправных пушек с полным боезапасом.

Сражение продолжалось с пяти утра до половины десятого. Войска пребывали в крайней степени утомления, и поэтому русская пехота гнала турок без передышки не более четырех верст. Противник отступал в направлении Дуная по долине Кагула, о чем позднее доложили по начальству более свежие части корпуса Баура, сменившие в преследовании своих измученных товарищей. Турок, бежавших в сторону Измаила, продолжал преследовать отряд генерала Игельстрома.

Потери Халиль-бея в сражении были огромны. Еще больше турки потеряли при отступлении. Корпус Баура нагнал турок, когда те пытались при помощи трехсот судов переправиться через Дунай. В паническом страхе при виде наступающих их русских они перегружали суда и тоннули. На берегу сгрудились обозы.

Увидев, что подошедшие части Баура построились в две линии, готовясь начать атаку, турецкие войска поспешно сдались. Часть их, правда, поначалу попыталась спастись на судах, но Баур затопил эти корабли артиллерийским огнем. Все оставшиеся на берегу предпочли смерти плен.

Русские войска овладели колоссальным турецким обозом, заповолившим весь берег, лошадьми, верблюдами, мулами, множеством скота и остатками артиллерии — приблизительно двадцатью шестью медными пушками.

После Кагульского сражения Румянцев, обращаясь к солдатам, сказал: «Я прошел все пространство до берегов Дуная, сбивая пред собою в превосходном числе стоявшего неприятеля, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество

и добрую волю вашу во всяком месте за непреборимую стену».

Наградой за Кагул Румянцеву стал чин генерал-фельдмаршала.

Благодаря в ответном послании императрицу за милость, Румянцев напишет: «Русские подобно древним Римлянам, никогда не спрашивают: сколько неприятелей, но где они?»

Сражение при Кагуле — одна из самых славных побед русского оружия, наиболее крупная и значимая победа в русско-турецких войнах XVIII — начала XIX века.

Потом были еще сражения, перемежающиеся переговорами. Европейская политика тормозила заключение мира. Периодические перемирия на время переговоров завершились весной 1773 года, и армия Румянцева переправилась через Дунай, поближе к сердцу турецких владений.

В следующем, 1774 году турки понесли сокрушительные поражения: Каменский разбил их при Базарджике, сын П.С. Салтыкова Иван — при Туртукае, а Суворов — при Козлуджи.

Используя эту победу, Румянцев заблокировал главные силы армии великого визиря в Шумле. Противник был сломлен. Румянцев также организовал набег русской конницы за Балканы в тыл Шумлинского прохода для перерыва связи Шумлы с Адрианополем. Конный отряд возглавил бригадир Заборовский. Он стал единственным русским военачальником, проникшим далеко за Балканы.

К лету 1774 года турки утрашили возможного массивированного продвижения русских войск за Балканы. Великий визирь предложил снова заключить перемирие и начать мирные переговоры. В ответ на это Румянцев в ультимативной форме

потребовал заключения мира, и только на предложенных русскими условиях. Турки были вынуждены согласиться.

Мир был заключен в деревне Кючук-Кайнарджи, которую незадолго до этого занял Румянцев. Русский командующий решительно отклонил все попытки формальностями затянуть переговоры. Как писал сам Румянцев в реляции о ходе переговоров, все дело было «траковано без всяких обрядов министеральных, единственно скорою ухваткою военною, соотвествуя положению оружия».

Прелиминарный текст мирного трактата был подписан непосредственно в русской ставке. Это событие прошло буднично и обыденно — договор был подписан по-ходному, на полковом барабане.

Кючук-Кайнарджийский договор обеспечивал России исключительно выгодные условия. Согласно этому договору, крымские, кубанские, буджакские и другие татары становились независимыми от Оттоманской Порты. Во владение России переходили Керчь и Еникале в Крыму и Кинбурн на побережье Черного моря, степь между Днестром и Бугом, кроме крепости Очакова. Южная граница России к востоку от Днепра была передвинута к речкам Берда и Конские Воды. Россия получала право укрепить Азов. Порты предоставляла русским судам право свободного прохода через проливы и уплачивала 4,5 млн. рублей контрибуции. Россия брала под свое покровительство Молдавию и Валахию.

Кючук-Кайнарджийский мир превратил Россию в черноморскую державу и значительно укрепил ее позиции на юге, в Закавказье и на Балканах.

Вскоре после заключения мира Румянцев вернулся к управлению Малороссией — было понятно, что на первых ролях в Петербурге ему не бывать. При дворе прочно обосновался его бывший подчиненный, новый фаворит Екатерины Г.А. Потемкин.

Талантливый человек и фактический правитель России, Потемкин не нуждался в соперниках, но лишь в подчиненных и исполнителях. Пусть даже талантливых. Так что Румянцев на Украине его устраивал, в Петербурге — никак.

Это подтвердила и новая война с Турцией, начавшаяся в 1787 году. Потемкин пытался руководить Румянцевым, с чем последний был не согласен, ибо его армии отводилась лишь вспомогательная роль. Румянцев же желал и мог сделать большее. Так что престарелый фельдмаршал сдал новому командующему армию и уехал, как он уже привык думать для себя, на родину, на Украину.

Последние годы жизни он безвыездно жил в селе Ташаки Переяславского уезда Полтавской губернии. Отсюда он продолжал управлять Малороссией, бессменным наместником которой был 32 года. Здесь он читал книги, называя их «мои учителя», здесь удил рыбу и принимал гостей. При дворе он не появлялся вовсе.

Сюда же в 1794 году, с началом боевых действий в Польше, прибыло извещение о назначении его главным командующим армией. Но фельдмаршал был уже стар. Он не выезжал на театр военных действий, а отдал приказ корпусным начальникам присоединить свои войска к корпусу Суворова, как старшему по чину, и после этого принимать и исполнять приказы Суворова.

В Ташаках его застало известие о смерти Екатерины. Вступивший на престол Павел пожелал видеть Румянцева. Но было уже поздно. 25 ноября 1796 года Румянцев почувствовал себя плохо. В начале декабря самочувствие его немного улучшилось. «4-го числа декабря по полуночи в 7 часов он пил кофе с сухарями, отправляя свои письменные дела, и был очень бодр и весел, а в 9 часов параличный удар отнял у него язык и всю правую сторону тела». Следующие двое суток он пробыл в беспомощности. «Все старания врачей спасти сего высокого больного и исторгнуть его из челюстей смерти», по словам очевидца, ни к чему не привели. 8 декабря 1796 года в 8 часов 45 минут, как было сказано в заключении о болезни, Петр Александрович Румянцев-Задунайский умер «самым тихим образом».

Узнав о смерти Румянцева, Павел приказал три дня носить траур, сказав: «Румянцев во время царствования отца и матери моих прославился в России более чем Тюренн во Франции».

Фельдмаршал Румянцев, будучи крупным военачальником, значительно повлиял на развитие русского военного искусства: стратегия, тактика, военное администрирование — во все эти области военной мысли вложил он свой ум и талант. Своими победами он открыл новый этап борьбы за возвращение России исконно принадлежавших ей южных земель. Он сделал так, что победы русского оружия на южных границах России перестали вызывать сомнение у самых закоренелых скептиков, коих не могли убедить даже многочисленные примеры предшествующих времен...

С

САБУРОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

военный деятель первой четверти XVI века

Впервые упоминается в 1499 году при описании войска, посланного великим князем Иваном III под Казань против царевича Агалака, начавшего борьбу за власть с казанским царем Абдых-Летифом. Вместе с другими воеводами в этом походе Сабуров командовал судовой ратью.

В 1505 году он снова участвовал в походе на Казань под командованием брата великого князя.

В княжение Василия III Ивановича деятельность Сабурова переносится на западную окраину Московского государства. В 1508 году он стал участником похода на Литву, возглавив отряд, шедший к Бобруйску.

В 1513 году во время второго похода Василия III на Литву Сабуров в чине окольного командовал передовым полком в отряде, посланном вперед из Дорогобужа к Смоленску.

В 1515 году Сабуров был уже наместником псковским и в том же году с отрядом в три тысячи человек совершил поход под Рославль. Поход этот был предпринят без ведома великого князя по личной инициативе Сабурова. Подойдя к городу, Сабуров попросил у жителей прибежища, сказал, что бежит от великого князя. Когда те ему поверили, он в торговый день внезапно напал на Рославль, ограбил его и вывел оттуда много пленных, из которых освободил только восемнадцать немецких купцов. Это событие повлекло за собой поход короля Сигизмунда II

под Полоцк и осаду Опочки князем Константином Острожским.

В 1518 году Сабуров снова участвовал в походе в Литовскую землю.

В 1522 году он был направлен с войсками под Коломну для защиты от нападения Крымского хана.

САЛТЫКОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ

(1730 — 14.11.1805) — граф, участник русско-турецких (1768—1774, 1787—1791), Семилетней (1756—1763), русско-шведской (1788—1790) войн, генерал-фельдмаршал (1796)

Сын генерал-фельдмаршала Петра Семеновича Салтыкова. В возрасте пятнадцати лет был зачислен в гвардию, но вскоре Иван Салтыков был пожалован чином камер-юнкера и стал нести придворную службу.

Во время Семилетней войны 1756—1763 годов Салтыков снова возвращается к армейской службе.

В 1758 году он участвовал во взятии Кенигсберга, а затем Эльбинга,

сражался при Цорндорфе и во всех этих боях проявил личную храбрость и мужество.

Его боевые отличия позволили ему быстро продвинуться в чинах. В 1760 году Салтыков был уже бригадиром, в 1761 году — генерал-майором, а в 1766 году — генерал-поручиком. К этому времени он стал и кавалером ордена Св. Александра Невского, который получил в день коронации императрицы Екатерины II.

В русско-турецкой войне 1768—1774 годов Салтыков уже самостоятельно командовал тяжелой кавалерией. Особенно он отличился как командующий во время боев у крепости Хотин.

Русские войска, блокирующие эту крепость, были разделены на две группы. Большая часть под командованием главнокомандующего князя А.М. Голицына находилась к юго-западу от крепости около Днестра, а другая часть — отряд князя И.И. Прозоровского — на Бендерской дороге, к юго-востоку от крепости. Между этими двумя группами образовался значительный открытый промежуток, занятый тяжелой кавалерией графа Салтыкова.

Неприятель направил основные свои усилия против отряда князя Прозоровского, сбивши который он мог прорваться в крепость. Сосредоточив для последней атаки значительные силы — все предыдущие атаки были успешно Прозоровским отбиты, — противник повел на него настолько стремительную атаку, что опрокинул русские передовые войска и ворвался в открытый промежуток, угрожая отрезать отряд князя Прозоровского от главных сил.

Видя опасное положение Прозоровского и возможность для неприятеля

прорваться в крепость, граф Салтыков стремительно атаковал противника во фланг, опрокинул его и преследовал. Этим он спас войска Прозоровского и окончил бой победой русских войск.

29 августа главнокомандующий турецкой армии Молдаванчи-паша, сосредоточив под Хотинем стотысячное войско, решил переправить его через Днестр и атаковать князя Голицына, расположившегося на противоположном берегу для наблюдения за крепостью.

Главные силы турок, переправившись через реку, устремились на центр русской позиции и, несмотря на геройское сопротивление русских войск, прорвали его, пользуясь превосходством своих сил.

Граф Салтыков, получив накануне приказ помешать со своим отрядом предполагавшейся фуражировке противника, находился в совершенно противоположном от места происходившего боя направлении. Но, увидев опасное положение центра войск Голицына, он по собственной инициативе двинулся со своей пехотой к нему на помощь, ударил туркам в тыл и восстановил положение. Благодаря его решительным и своевременным действиям турки потерпели полное поражение.

Военные действия 1773—1774 годов наиболее раскрывают полководческие способности графа Салтыкова.

В 1773 году императрица повелела главнокомандующему графу П.А. Румянцеву перенести боевые действия за Дунай и атаковать визиря. Румянцев считал этот план опасным, поскольку его войска не были достаточно укомплектованы и были разбросаны на большой протяженности. Не решаясь взять на себя от-

ветственность за неисполнение этого приказа, Румянцев собрал военный совет, чтобы узнать мнения главных военачальников о предполагаемой операции.

В своей записке, поданной графу Румянцеву, Салтыков разделял его взгляд о риске переноса боевых действий за Дунай, доказывая это своими соображениями. Со своей стороны он предложил удерживать левый берег Дуная в своих руках и беспокоить на правом берегу турок набегами. В случае перехода через Дунай Салтыков предлагал не углубляться на территорию противника до того момента, как будут взяты крепости Рушук и Силистрия.

В кампании 1773 года на двенадцатитысячный отряд графа Салтыкова было возложено наблюдение за средним течением Дуная, и когда Румянцев, наконец, решил перенести военные действия за Дунай и приступить к осаде Силистрии, то Салтыков своими энергичными действиями должен был настойчиво беспокоить турок, отвлекая их от основных войск. Но действия графа Салтыкова в этот период отличались нерешительностью и дали туркам возможность сосредоточить у Силистрии значительные силы и воспрепятствовать всей операции. Румянцев остался этим очень недоволен и приказал графу Салтыкову двигаться против Турно и разбить находящиеся там турецкие войска. Но Салтыков по-прежнему не решался активно наступать и только после резкого приказа Румянцева выполнил его приказ.

Поздней осенью для отвлечения внимания турецкого командования от Варны, куда направились русские отряды, отряд Салтыкова 3 ноября совершил с боем переправу через Ду-

най у деревни Мавродина и, действуя против превосходящих сил противника, овладел мавродинскими укреплениями и обложил Рушук. Однако, не имея достаточных сил для штурма этой крепости, он в конце ноября при общем отводе войск последним переправил свой отряд на левый берег Дуная.

Когда в 1774 году Румянцев вновь решил перенести боевые действия на правый берег Дуная, он для обеспечения своих коммуникаций через Молдавию и Валахию со стороны непокоренных крепостей Рушука, Никополя и Видина, на верхнем Дунае, в Банате оставил отряд Салтыкова. На него возлагалась не только защита верхнего Дуная, но и действия, препятствующие сосредоточению турецких войск на Нижнем Дунае, где намечалось нанести главный удар.

В это время в состав отряда графа Салтыкова, произведенного в генерал-аншефы, входили десять пехотных полков, пять полков карабинеров, два батальона егерей, один гусарский и пять казачьих полков при тридцати двух орудиях.

В отличие от прошлогодней кампании граф Салтыков проявил больше инициативы, и, когда граф Румянцев решил переправиться с армией через Дунай, он также просил главнокомандующего разрешить ему переправиться со своим отрядом через Дунай у Туртукая, чтобы лучше действовать ему в разгроме турецкого войска.

В ночь на 6 июня отряд Салтыкова совершил переправу, отразив попытку турок воспрепятствовать ей. Когда 9 июня турецкий сераскир попытался, воспользовавшись своим численным превосходством (15 ты-

сяч солдат), атаковать его как с Дуная, так и с суши, он после упорного боя был разгромлен.

Вскоре турки оставили свою позицию у деревни Мавродин, а сами отступили и заперлись в крепости Рушук. Салтыков обложил крепость, в которой был десяти тысячный гарнизон, но штурмовать ее не решился. Рассчитывая вызвать турок на сражение в открытом поле, он подвергал крепость постоянным атакам. Но вызвать турок на сражение так и не удалось, и граф Салтыков простоял перед крепостью до заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

За заслуги в русско-турецкой войне 1768—1774 годов Иван Петрович Салтыков был награжден алмазными знаками ордена Св. Александра Невского, орденом Св. Георгия 2-й степени и золотой шпагой, украшенной алмазами.

В 1780 году он командовал отрядом, состоящим из двадцати шести полков с артиллерией, прикрывавшим южную границу, а затем отрядом, расположенным в польских провинциях.

В 1782 году он был награжден орденом Св. Андрея Первозванного, а в 1784 году пожалован званием генерал-адъютанта и назначен генерал-губернатором Владимирским и Костромским. В этой должности граф Салтыков оставался до начала русско-турецкой войны 1787—1791 годов.

В кампании 1788 года под командованием Салтыкова находилась десяти тысячная дивизия, в задачу которой входило овладение крепостью Хотин совместно с отрядом австрийского принца Кобургского.

21 июня Салтыков соединился с принцем и обложил крепость. Осадные работы начались 2 июля. Действия союзников отличались крайней медлительностью, и осада крепости затянулась. Осенью турки произвели несколько вылазок, которые Салтыков успешно отбил. Только 18 сентября крепость сдалась. В следующем году за взятие Хотина Салтыков был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

В кампании 1789 года Салтыков командовал на Кавказе Кубанской дивизией.

С юга Иван Петрович Салтыков был переведен на север и принял участие на завершающем этапе в русско-шведской войне 1788—1790 годов. Он был назначен на пост главнокомандующего русскими войсками в январе 1790 года, но смог прибыть к войскам лишь в апреле.

Располагая небольшими силами, ему пришлось выдерживать борьбу со шведами и прикрывать обширную границу в Финляндии — страны, в которой местные жители проявляли заметную симпатию к противнику — шведам.

Салтыков принял армию от бывшего главнокомандующего графа В.П. Мусина-Пушкина в плачевном состоянии. Помимо того, что она была малочисленной и разбросанной по различным квартирам, армия не имела даже самого необходимого. В армии свирепствовала цинга, и некоторые полки имели в строю лишь пятьсот человек. Несмотря на все эти трудности до двух третей войска находилось на передовых и несло самую трудную службу.

Приняв армию, Салтыков начал с того, что стал улучшать снабжение

войск продовольствием и санитарное состояние во вверенных ему частях. Затем он потребовал подкреплений и доукомплектования полков.

При ведении боевых действий начальной задачей для Салтыкова стало удержание ранее отвоеванных территорий и недопущение на них шведов. Только приведя в полный порядок армию, он мог бы приступить к решительным действиям. Вначале он планировал ограничиться действиями только на суше. При этом Салтыков учитывал и положение Балтийского флота под командованием адмирала В.Я. Чичагова, с которым он согласовывал свои планы.

За время пребывания Салтыкова на посту главнокомандующего русские войска отразили все попытки шведских войск прорваться на русскую территорию.

В день заключения Верельского мирного договора 1790 года граф Салтыков был награжден чином подполковника гвардейского Конного полка, алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозванного и шпагою, украшенной алмазами.

С 1790 по 1795 год он командовал корпусом. Но из-за конфликта с графом Румянцевым Салтыков подал в отставку.

После вступления на престол императора Павла I Салтыков был сразу же принят на службу, в звании генерала от кавалерии, и назначен шефом Кирасирского полка. Он также стал Киевским губернатором и инспектором кавалерии.

15 декабря 1796 года он был произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен генерал-инспектором всей кавалерии с подчинением ему Украинской армии до выздоровления графа Румянцева.

В конце 1797 года император перевел графа Салтыкова на должность, которую когда-то занимал его отец, — генерал-губернатора Москвы. На этом посту Иван Петрович оставил о себе добрую память москвичей. Он стремился искоренить в городе в присутственных местах взяточничество, навести повсеместный порядок. Он был хорошим хозяином, радушным и гостеприимным.

В 1804 году он подал в отставку по причине расстроенного здоровья.

14 ноября 1805 года Иван Петрович Салтыков скончался в своем ярославском имении, где и был похоронен.

САЛТЫКОВ ПЕТР СЕМЕНОВИЧ

(1698— декабрь 1772) — граф (1733), участник русско-шведской (1741—1743) и Семилетней (1756—1763) войн, генерал-фельдмаршал (1759)

Сын генерал-аншефа Семена Андреевича Салтыкова, родственника императрицы Анны Иоанновны.

Благодаря своему происхождению Петру Салтыкову уже заранее была обеспечена блестящая карьера. Начав свою службу в 1714 году рядовым гвардии, он был отправлен Петром I во Францию для обучения морскому делу. Прожив во Франции около 20 лет, он вернулся в Россию. Однако во флоте Салтыков служить не стал.

На российский престол в это время взошла императрица Анна Иоанновна, и Салтыков, будучи уже капитаном гвардии, стал одним из тех, кто способствовал восстановлению ограниченного самодержавия, выступая против «верховников». Это сблизило Салтыкова с императрицей, и он был переименован в действительные

камергеры, а в 1733 году вместе с отцом получил графское достоинство.

В придворном звании Салтыков оставался недолго, решив посвятить себя военной службе. Он был произведен в генерал-майоры, а в 1734 году принял участие в польской кампании. После окончания похода Салтыков был награжден орденом Св. Александра Невского.

Во время правления Анны Леопольдовны Салтыков получил чин генерал-поручика, был назначен генерал-адъютантом и сенатором.

Занявшая престол Елизавета Петровна лишила Салтыкова прежних придворных званий, и он был вынужден покинуть Петербург.

Русско-шведскую войну 1741—1743 годов генерал-поручик Салтыков провел в Финляндской армии фельдмаршала Ласси, а в 1743 года командовал арьергардом отряда Кей-

та, отправленного после заключения мира из Гельсингфорса в Стокгольм на случай выступления датских войск против союзной уже России Швеции.

После возвращения из Стокгольма Салтыков был назначен командиром Псковской дивизии.

В 1754 году он был произведен в генерал-аншефы.

Вступление России в Семилетнюю войну 1756—1763 годов стало для Салтыкова шансом проявить себя как полководца.

Непопулярность в войсках главнокомандующего русской армией генерал-аншефа В.В. Фермора заставило правительство искать среди генералов человека более достойного занять этот ответственный пост. Выбор его пал на Салтыкова, назначение которого было для всех неожиданностью. К тому времени он ничем не зарекомендовал себя. О нем отзывались, что это обходительный и ласковый человек, страстный охотник, но никогда не командовавший в действующей армии и ничем не проявивший способностей быть боевым генералом и тем более главнокомандующим.

Условия, при которых Салтыкову пришлось выступить в качестве главнокомандующего, были для него неблагоприятными. Совместные действия с австрийцами, стремящимися захватить инициативу в свои руки, с одной стороны, и подчинение Петербургской Конференции, созданной по образцу венского гоффригсрата и желающей руководить действиями русской армии, отделенной от Петербурга на полторы тысячи верст, с другой — сильно связывали руки главнокомандующему.

Но Салтыков принял эти условия и вступил в командование русской армией 19 июня. По окончательному плану, подписанному императрицей Елизаветой, главные силы русской армии — около 39 тысяч человек — были направлены на соединение с австрийцами. В отдельное от австрийских войск сражение русскому главнокомандующему разрешалось вступить только в случае значительного превосходства над прусскими войсками.

В это время Фридрих II, ввиду неудачных операций графа Дона против русского тыла, решил заменить его генералом Веедем, предоставив ему самые широкие полномочия.

Салтыков решился обойти прусскую армию у Цюллихау. В ночь с 11 на 12 июля главным силам он приказал следовать на Крессенскую дорогу, чтобы войти в контакт с австрийским фельдмаршалом Дауном.

12 (23) июля в районе селения Пальцига, расположенного в 60 километрах к юго-востоку от Франкфурта-на-Одере, произошло сражение между русскими войсками и корпусом Вееделя, в составе которого было 18 тысяч пехоты и более 10 тысяч кавалерии. На высотах восточнее и южнее Пальцига русские войска огнем и контратаками отразили четыре сильнейшие атаки противника и, нанеся ему крупные потери — более четырех тысяч человек убитыми и ранеными, обратили в бегство. Следует отдать должное Петру Семеновичу, что в этом первом для него как командующего сражении он действовал безукоризненно, проявив способности талантливого полководца. Решившись на отход и занятие выгодной в стратегическом смысле Пальцигской позиции, он ни на мину-

ту не сомневался в правильности выбранного им решения. Он прекрасно сумел использовать условия местности, чем обеспечил скрытый переход вверенного ему войска и принял все меры предосторожности для обеспечения его безопасности. При расположении войск на Пальцигской позиции он руководствовался не рутинными правилами, а исключительно здравым смыслом и требованиями обстановки. Во время боя он проявил хладнокровие и точный тактический расчет, а своевременно отдаваемые им распоряжения свели все усилия Вееделя на нет.

Однако эта победа не только не была оценена в Петербурге должным образом как личная заслуга главнокомандующего, но даже не прибавила ему доверия со стороны двора.

Австрийцы так и не соединились с русской армией, и вопреки плану кампании, Салтыков стал подумывать о соединении со шведами, о нападении на Берлин через Франкфурт и о том, чтобы перенести театр военных действий из Силезии, на которой настаивали австрийцы, ближе к Восточной Пруссии, завоеванной русскими войсками.

Он уже отправил во Франкфурт отряд генерала Вильбоа и сам 21 июля выступил туда же. После занятия Франкфурта русским авангардом через три дня туда прибыл 20-тысячный австрийский отряд генерала Лаудона, а затем и главные силы Салтыкова.

Даун через Лаудона предлагал Салтыкову идти обратно к Крессену — месту несостоявшегося соединения армий — и там соединиться с ним для совместных наступательных действий. Однако Салтыков, в свою очередь, требовал от Лаудона пере-

хода на правый берег Одера и в то же время готовил для нападения на Берлин отряд графа П.А. Румянцева.

30 июля русские разъезды донесли, что прусские войска наводят мосты у Лебуса. Поняв, что перед ним главные силы Фридриха II, Салтыков решил принять сражение.

22 июля (1 августа) 1759 года у местечка Кунерсдорф Салтыков сосредоточил всю свою 40-тысячную армию при 200 орудиях. Здесь же был готов действовать и корпус Лаудона, располагающий 48 орудиями.

30—31 августа армия Фридриха II, в составе сорока восьми тысяч человек и около двухсот орудий, переправилась севернее Франкфурта на восточный берег Одера.

Салтыков занял позицию фронтом на север по гребням высот Мюльберг, Гроссшпицберг, Юденберг.

Фридрих II решил обойти русскую позицию с востока и нанести удар с тыла. Своевременно обнаружив обход, Салтыков перестроил оборону фронтом на восток, юго-восток и юг, расположив войска в линейном порядке и выделив резерв. Таким образом, Фридриху II пришлось атаковать не тыл, а левый фланг русских войск.

Утром следующего дня противник начал артиллерийский обстрел русских позиций, а около полудня перешел в атаку против левого фланга русских позиций.

После упорного боя и частых контратак русским войскам удалось приостановить наступление пруссаков западнее Мюльберга. Салтыков, усилив войска центра, отразил в упорном бою атаки противника, нанеся ему большие потери.

Тогда Фридрих II ввел в сражение свой последний резерв — луч-

шую в то время в Западной Европе конницу генерала Зейдлица, — но и она была разбита войсками под командованием графа Румянцева.

После этого Салтыков перешел в решительную контратаку, которая закончилась полным разгромом прусских войск. От 48-тысячной армии у Фридриха II осталось лишь три тысячи человек, а разбежавшиеся остатки прусских войск спаслись лишь потому, что их преследование не было доведено до конца австрийской и русской кавалерией.

Важную роль в сражении сыграли прекрасные действия русской артиллерии (единорогов), стойкость и взаимодействие пехоты и кавалерии. И, конечно, умелое руководство боем самого Салтыкова. Управление в Кунерсдорфском сражении войсками не выходило из рук Салтыкова ни на минуту. Он хорошо сознавал самый важный пункт сражения, расходовал резервы сообразно ходу боя, оставаясь спокойным и расчетливым стратегом до самого конца сражения.

За Кунерсдорфскую победу Салтыков был удостоен звания генерал-фельдмаршала.

После своих двух побед он был убежден, что теперь очередь действовать против Фридриха II за Дауном и что русская армия не должна была выносить на своих плечах всю тяжесть войны.

11 августа в Губене состоялось свидание обоих главнокомандующих. Было решено оставаться на прежних позициях до взятия Франкфурта, а затем совместно двигаться в Верхнюю Силезию.

Однако действия прусских войск в тылу австрийской армии вынудили главнокомандующего Дауна дви-

нуться за пруссаками в Саксонию. Оставив Салтыкову только 12 тысяч человек для помощи в осаде Глогау, хотя по договору осада должна была проводиться общими усилиями, Даун поставил Салтыкова в весьма трудное положение.

Этим воспользовался Фридрих II, а чтобы предупредить русские войска у Глогау, он быстрым маршем двинулся вперед и 24 сентября достиг Одера раньше Салтыкова. Он был готов принять сражение со своей двадцатитысячной армией против пятидесятитысячной союзной армии, но 12 сентября на русском военном совете Салтыков, принимая во внимание как неисполнение австрийцами своих обязательств по продовольствию русской армии, так и полный недостаток артиллерийских припасов, решил перевести всю армию на правый берег Одера.

В середине декабря, расположив свою армию по квартирам на Нижней Висле, он отправился в Петербург для участия в заседаниях конференции по составлению плана кампании 1760 года.

Салтыков хотел вести самостоятельные военные действия и пытался доказать в Петербурге правильность и выгоду принятия такого решения — вести войну независимо от австрийцев. Но происки союзников и косность членов конференции разбила надежды Салтыкова действовать самостоятельно. Он вернулся к армии, решившись насколько возможно беречь ее, избегая всяких решительных действий против прусских войск, чтобы не играть на руку союзников, имевших цель возложить главную тяжесть войны на русские войска, а самим действовать в зависимости от обстоятельств.

15 июля 1760 года началось наступление 65-тысячной русской армии к Бреславлю, однако их опередил наследный принц Генрих Прусский, который успел раньше подойти к Бреславлю и занять удобную и выгодную позицию.

В тот же день к Бреславлю стали подходить русские войска во главе с Салтыковым. Подойдя к городу, Салтыков решил, что принц Генрих слишком сильно укрепился, и двинулся вниз по Одера к Лейгусу, уже занятому русскими войсками, надеясь в скором времени соединиться с отрядом Лаудона.

Но в ночь на 2 августа Фридрих II разбил войска Лаудона у Лигинца, а 9 августа подошел к Бреславлю. Таким образом, план совместных операций русских и австрийских войск провалился.

В августе Салтыков серьезно заболел, видимо, сказались тяжесть последних сражений и нервные переживания. В первые числа сентября он сдает командование армией Фермору, и хотя сам Салтыков оставался при войсках, но уже не вмешивался в распоряжения нового командующего.

19 октября он уехал в Познань. В армию Салтыков вернулся только в январе 1762 года, когда вступивший на престол Петр III вновь назначил его главнокомандующим.

Однако военные действия прекратились, и Салтыков почти не принимал участия в командовании разброшенной отдельными отрядами русской армии.

17 августа он выехал обратно в Петербург, где был встречен императрицей Екатериной II, только что воцарившейся на престоле. В день коронации он был пожалован шпагой, осыпанной бриллиантами.

В 1764 году Салтыков был назначен генерал-губернатором Москвы и сенатором. В его распоряжении были войска московского гарнизона, что помогало ему справляться с многочисленными разбоями и грабежами.

В конце 1770 года в Москве вспыхнула эпидемия чумы. На все просьбы Салтыкова разрешить свести больных в ближайшие монастыри Екатерина II отвечала отказом. По ее приказу Москва была окружена карантинной линией — ни в город, ни из города нельзя было ни въехать, ни выехать. Тем самым город обрекался на гибель.

И Салтыков не стал исполнять приказов императрицы, что было воспринято как неумение и неспособность одряхлевшего главнокомандующего действовать сообразно обстоятельствам, и большая часть его обязанностей была возложена на генерал-поручика П.Д. Еропкина, который также не смог справиться с положением.

Эпидемия развивалась все сильнее, в сентябре смертность дошла до девятисот человек в день. В городе стал ощущаться недостаток предметов первой необходимости, население охватила паника.

14 сентября, когда Салтыков выехал отдохнуть в свое подмосковное имение Марфино, в городе начался «чумной бунт». Лишь только после убийства архиепископа Амвросия Еропкин донес о бунте Салтыкову, и тот сразу приехал в Москву. Ему удалось с помощью Великолукского пехотного полка, выведенного на Красную площадь, восстановить порядок, без применения оружия.

Однако, узнав о «чумном бунте», императрица обвинила во всем Сал-

тыкова и отправила его отдыхать в деревню, направив в Москву князя Г.Г. Орлова.

Салтыков просил об отставке, которую не замедлил получить.

После этого он прожил недолго. В декабре 1772 года Петр Семенович Салтыков скончался в подмосковном имении Марфино.

Узнав о смерти бывшего главнокомандующего, новое московское начальство, желая угодить императрице, не питавшей любви к опальному фельдмаршалу, не стало отдавать распоряжений о его похоронах, подобающих его рангу и заслугам перед Отечеством.

Возмущенный этим генерал-аншеф П.И. Панин, отправившись в Марфино, в полной парадной форме с обнаженным оружием встал у гроба полководца, заявив, что не уйдет отсюда, пока не пришлют почетного караула для смены. Лишь это заставило московское начальство отдать последние почести Петру Семеновичу Салтыкову.

СВЕНЕЛЬД

киевский воевода X века

Имя его связано с целым рядом событий на Руси во второй половине X века, и летопись неоднократно называет Свенельда в числе соратников и друзей великих князей Игоря, Святослава и Ярополка.

Первое упоминание о Свенельде относится к 945 году. В этом году князь Игорь предпринял свой последний поход на древлян. Перед началом этого несчастного похода дружина Игоря упрекала князя, что он неравномерно распределил между дружинами богатства: «Отроки Све-

нельда, — указывает князю дружина, — оделися оружием и одеты, а мы наги; пойдн, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». Желая удовлетворить недовольных дружинников, князь и предпринял новый поход на древлян за данью.

Свенельд разбогател, вероятно, благодаря тому, что по поручению князя собирал дань с подвластных племен. Не желавших добровольно платить он усмирал оружием.

Он известен также действиями против угличей, приводя их под власть великого князя. Свенельд выдержал трудную и долгую борьбу с ними — три года стоял он под их городом Пересеченом и затем с большим трудом взял его.

Богатство и знатность Свенельда сделали его не последним человеком в Киеве, а после смерти князя Игоря он становится одним из советников княгини Ольги, одним из воспитателей малолетнего Святослава и воеводой города.

Под его непосредственным командованием по приказу княгини Ольги

киевская рать отомстила древлянам за смерть Игоря.

Когда великий князь Святослав Игоревич вырос, Свенельд оставался ближайшим дружинником князя и его соратником в походах, но к управлению княжеством он более не допускался.

Византийские летописцы пишут имя Свенельда иначе — Сфенкел — и связывают его с рассказами о борьбе Святослава Игоревича с греками.

Он с небольшой дружиной бился против императора Иоанна Цимисхия под стенами Преславы и, прорвавшись через врагов, значительно превосходивших его отряд, ушел в Доростол к Святославу. Он бился против врагов под стенами Доростола и заключил вместе со своим князем договор, дававший право русским людям на свободное возвращение из Болгарии в Киев.

Свенельд лишь с немногими дружинниками из всего войска Святослава возвратился на Русь. Вся остальная рать во главе с доблестным князем пала от рук печенегов.

По другой версии Свенельд был послан Святославом в Киев за помощью, а затем не стал дожидаться его возвращения, стал пробиваться через пороги и погиб от рук печенегов.

После смерти Святослава остались три малолетних князя — Ярополк, Олег и Владимир. Около каждого князя был опекун из числа старых дружинников отца. Свенельд остался при княжиче Ярополке.

Между опекунами-дружинниками вскоре стали возникать споры. Одним из поводов стало право на сбор древлянской дани, которое принадлежало Свенельду. Но после смерти Святослава древлянским князем стал Олег, и Свенельд был лишен этого права, что, конечно же, ущемляло его личные интересы.

В 975 году сын Свенельда Лют охотился на земле древлянского князя. В то же время охотился в том же лесу и сам древлянский князь, который, узнав, что Лют — сын Свенельда, убил его. Оповещенный об этом, отец Люта стал непрестанно побуждать своего князя к походу на Олега. Два года, однако, братья не вступали в открытую вражду. Но в 977 году полки Ярополка и Олега сошлись. Олег, не выдержав натиска, бежал к городу Овручу и во время бегства упал под мост в болото, где и погиб. Узнав о смерти брата, которой он не желал, Ярополк обвинил Свенельда в том, что он стал причиной гибели Олега.

О дальнейшей судьбе Свенельда ничего не известно, возможно, что князь, раздраженный на Свенельда, удалил его от себя, и старый воин незаметно для современников сошел в могилу.

СВЕЧИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

(1759 — 18.03.1801) — участник русско-шведской войны (1788 — 1790), генерал-лейтенант (1800)

Начал службу в возрасте одиннадцати лет в артиллерийских войсках. Затем Свечин был переведен сначала в лейб-гвардии Измайловский, а потом в лейб-гвардии Семеновский полк.

Служба в Семеновском полку продолжалась двадцать три года, и за это время Александр Сергеевич Свечин дослужился до чина полковника.

Во время русско-шведской войны 1788—1790 годов, будучи еще капитаном, Свечин отличился при отражении нападения шведов на Саватчайпольский пост.

Утром 24 мая 1790 года шведский генерал Армфельдт с четырехтысячным отрядом атаковал со всех сторон Саватчайпольский пост, занятый русскими войсками. Потерпев неудачу на правом фланге, Армфельдт возобновил нападение на левый фланг, на котором среди русских войск находилась и рота Семеновского полка под командованием капитана Свечина. Войска быстро двинулись вперед, храбро встретили шведов и обратили их в бегство, не допустив до Саватчайполя. Во время этой схватки генерал Армфельдт получил тяжелое ранение. За проявленную в этом бою храбрость Свечин был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

После окончания войны Свечин продолжил службу в Семеновском полку и 1 января 1795 года был произведен в полковники и переведен в Конно-гренадерский полк.

Прослужив в этом полку три года, он был произведен в генерал-

майоры и назначен шефом Московского драгунского полка.

Во время войны 1799 года с Францией он находился со своим полком в Швейцарии в составе корпуса под командованием генерала А.М. Римского-Корсакова.

Свечин не принимал участия в сражении при Цюрихе (14—15 сентября), в ходе которого русские войска потерпели поражение. Его полк в это время находился за Рейном, но переведенный в местечко Эглизау, он прикрывал отход русских войск, отступавших от Цюриха.

Затем 26 сентября Свечину пришлось принять участие в сражении при Дженгофене под общим командованием генерала Воинова. Русская кавалерия целым рядом блестящих атак, получивших высокую оценку даже у противника, сдерживала наступление французов и прикрывала отступление войск Римского-Корсакова к укрепленному Бюсингенскому предместью.

В начале 1800 года Свечин был произведен в генерал-лейтенанты, и в мае того же года он вышел в отставку.

и до моря с севера на юг и вольно раскинулось на восток и запад.

Он войдет в историю как князь-полководец, князь-воин, предупреждавший врагов о скором своем приходе и грядущих битвах всегда загадья — его знаменитое «Иду на вы!».

Первым воспитателем Святослава стала его дружина.

Новгородцы потребовали Святослава к себе, объясняя, что-де не привыкли жить без князя. Ольга уважила свой богатейший удел. А дружина в новой обстановке окончательно взяла в свои руки воспитание нового своего вождя.

Он вышел из рук своих воинов таким, каким и остался в веках, как мало кому доступный образец доблести, воинского умения и непоколебимой чести. Он вырос дружинником.

В этой среде у всех был лишь единый интерес — война, и она стала смыслом жизни и заботой молодого князя. Здесь ценилось лишь одно — беззаветная храбрость и отвага, и его

СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ

(около 945 — 972) — великий князь Киевский,

X век

Князь Святослав, сын князя Игоря и княгини Ольги, первый из князей Киевской Руси подлинным и великим делом доказавший всем — и славянским своим подданным, и внешнему, огромному миру, — что государство и его власть великокняжеская существуют не зря. И что не напрасно его государство протянулось от моря

горячая кровь еще более вскипела под воздействием подобного воспитания. Он возрос на началах дружинной чести, и единственным мерилom его деяний стало слово его воинов, а высшим идеалом — слава воина, верного своим боевым побратимам и их общему слову.

В начале бесконечной череды своих походов он пошел на Волгу. Шел 964 год. Пятьдесят лет назад, в битвах с хазарами, буртасами и болгарами, погибла почти вся рать его отца, возвращавшаяся из Каспийского похода. По дедовским законам, Русь не могла оставить без отмщения своих обидчиков и должна была помнить о сем долге до третьего колена.

Поход сначала проходил по земле северян, покорных Киеву, а затем — по землям все еще самостоятельных вятичей. Святослав не тронул строптивцев, не желая иметь у себя в тылу того, кто в случае общей неудачи похода вполне может поставить здесь последнюю в нем точку.

Он проплыл далее — на настоящего врага. Первой под его мечом пала Волжская Булгария, ее армия была разгромлена и рассеяна, столица Булгар и другие города захвачены, их население разогнано. Так же поступил Святослав и с буртасами — города были взяты на копье и сожжены, жители — рассеяны. А затем пришла очередь Хазарского каганата — еще недавно одной из крупнейших и богатейших держав, простиравшей свои шупальца на западе до славян-вятичей, на востоке до бескрайних равнин Сибири, подступая на юге вплотную к мусульманскому миру, а на западе к самой Византийской империи.

Русское войско появилось на границах хазарских владений с неприличной стороны — с севера, в то время как обычно русы подвигались по Азовскому морю и Дону. Каганат всегда считал себя прикрытым с севера от любых неожиданностей — ныне их не стало. В этом видно начало свободного замаха славянского меча, через малое время совершившего полукруг — от Волги до Дуная, от северо-востока через юг — на запад. Хазары, гордые столетиями предшествующей воинской славы, решились, несмотря на печальную участь болгар и буртасов, на открытую битву. Решающая сеча произошла недалеко от хазарской столицы — Итиля, там, где Волга впадает в Каспий. Навстречу Святославу вышло величественное войско, ведомое самим каганом, показывающимся на глаза своим подданным лишь в исключительных случаях. Тут был именно такой случай; и Святослав, и каган понимали, что в этом бою решится участь Хазарии.

Неприятель противопоставил Святославу все, что мог собрать. В первых рядах войска были «черные хазары», легкие конники, не носившие в бою кольчуг, вооруженные лишь луками и копьями-дротиками. Начиная бой они засыпали противника железной пылью стрел и дротиков, расстраивая порядки наступающих. Позади них располагались «белые хазары» — тяжеловооруженные всадники в железных нагрудниках, кольчугах, шлемах; хазарская знать и их дружины, всецело посвятившие себя войне, хорошо владели оружием — длинными копьями, мечами, саблями, палицами, боевыми топорами. Они должны были ударить в момент

первого успеха «черных хазар» и вырезать дрогнувшее войско.

Здесь же была и гвардия хазарского царя — наемники-мусульмане, мастера боя, с ног до головы закованные в сталь. А в городе скопилось пешее ополчение, впервые за множество десятилетий осознавшее, что власти сегодня нужны не их деньги, но их жизнь, и понимавшее, что в случае поражения не будет ни власти, ни жизни.

Русские двинулись вперед монолитной стеной щитов, прикрывавших воина от шлема до стальных поножей. Стрелы и дротики отскакивали от этой стены, устремившей вперед стальной клин. Погасив наступательный порыв ринувшихся вперед «белых хазар» частой стрельбой из луков, дружина Святослава ударила как один человек, мастерски безостановочно работая длинными прямыми мечами и боевыми топорами...

Хазары и гвардия не устояли под ударами новой русской дружины и показали русичам спину, открыв тем самым дорогу на столицу. Жители спешно покидали ее, включая и несостоявшихся ополченцев, радующихся сейчас лишь одному — тому, что не успели они выйти на рать против славян. Все — и остатки чудом уцелевшего войска, и еще недавно гордые своим положением столичные жители — бежали на пустынные острова Каспия, понимая, что в степи не скроешься.

Взяв во дворце кагана, в домах знати и купцов большую добычу и предав город огню, дружина, ведомая Святославом, пошла на юг — к древней столице каганата, Семендеру. В ту пору в здешних крепостях сидел свой царь, имевший собственное войско. Святослав войско разбил и рас-

сеял, город захватил, царя со сподвижниками принудил к бегству в горы.

Святослав, разбросав во все стороны дозоры, задачей которых было пресечь любые известия о его движении, объявился уже у Черного моря — у подошвы Кавказских гор, смилив тут железной рукой ясов и касогов. Крепость Семикара Святослав взял штурмом с ходу. А вскоре показались и города, запирающие Азовское море — Тмутаракань и Корчев. Русичи ударили — и города лишились хазарских наместников, не слишком любимых местными горожанами, которые вместе с воинами Святослава очищали от хазар крепостные стены. Так было заложено будущее русское Тмутараканское княжество.

Дальше в Крыму лежали богатые и беззащитные сейчас владения Византии, и их жители замерли в смертном ожидании, с ужасом представляя, что сделают с ними невесть откуда появившиеся у самых их границ варвары. Но Святослав не ударил — он хотел не добычи, но победы, победы над каганатом, все еще висевшим камнем на шее. Он повернул на север, оставив в тылу нетронутыми земли Империи, черед которой еще не пришел. Пройдя по Дону, русские обрушились на Саркел — шестибашенную мощную крепость, в цитадели которой, за высокими стенами, устремившимися в небо, гордо возвышались еще два башенных шпиля, выше остальных. Крепость была выстроена на мысу и с трех сторон омывалась Доном, вдоль четвертой же хитроумные византийские зодчие прорыли два глубоких рва, призванных охладить наступательные порывы возможного неприятеля. Но строители крепости, как и ее защитники,

не причисляли к нему русские дружины — и, как оказалось, напрасно.

Саркел был взят штурмом, сожжен, а после почти в буквальном смысле стерт с лица земли. Оставив в захваченных землях малые дружины (а оставленным дружинникам в Тмутаракани и особый наказ — тревожить Византию), Святослав вернулся в Киев.

Все земли, через которые он прошел за три года боев и походов, покорились ему. И лишь славяне-вятичи спокойно отнеслись к тому, что отныне со всех сторон держава грозного киевлянина окружала их земли. И даже не то что спокойно, а достойно, ибо не захотели подчиниться победителю Каганата. Князю пришлось идти на них походом, и только после этого вятичи признали главенство Киева.

Дань была огромна, Киев громко приветствовал победителей, но Святослав и его люди уже начинали нетерпеливо поводить глазами в поисках очередного настоящего мужского дела.

Святослав думал, что ему делать, а в это время на подобную же тему размышлял и иной государь — византийский император Никифор Фока, начавший войну с дунайскими болгарями. Помня заветы предшествующих императоров, которые учили, что варваров лучше всего смирать руками других варваров, он решил, что на роль болгаробойца вполне может подойти Святослав. Император приказал направить к русскому князю своего посланца — сына правителя Корсуни Калокира — и выдать ему на подарки князю и дружине двадцать пять пудов золота.

Калокир раздал в Киеве золото, но он бы не особо преуспел, если бы

не имел за душой тайной мысли императора, поманившего руссов в Болгарию, дабы отвлечь их внимание от Причерноморья. И император, и Святослав помнили, что население Болгарии наполовину состояло из славян, так что страна эта вполне могла стать частью государства Руссов. Воистину это была цель, ради которой можно было преодолеть невозможное.

Святослав и его дружина решили, что преодоление подобного им плеча, и князь во главе десятитысячного войска пустился на ладьях в долгий путь.

Как всегда, несмотря на внешнюю импульсивность решений, поход был тщательно продуман. Лишь в самом конце лета 967 года, когда Святослав уже приблизился к Дунаю и готовился произвести высадку, болгарский царь, еще продолжающий требовать по обычаю дань с Византии, поспешно собрал тридцать тысяч и бросил их против руссов.

Но противник его был не из тех, кто уповает лишь на численный перевес и привык побеждать напором массы. Каждый дружинник Святослава был мастер одиночного боя, а все вместе они отлично умели биться в строю. И теперь они еще раз доказали это. Предводительствуемое Святославом русское войско выстроилось в некий многорядный монолит и железной волной ринулось на болгар. Те были разбиты. И так сильно, что не помышляли о дальнейшем сопротивлении: все уцелевшие бежали и заперлись в сильной крепости Доростол. Царь Петр от огорчения вскоре умер.

Следующий год отдал в руки Святослава Переяславец, Доростол и семьдесят других городов-крепостей.

Фактически все городки по Дунаю были в руках киевлян. Князь сел на место болгарских царей и стал управлять новой своей державой. Калокир был с ним рядом. И лишь теперь Никифор Фока понял, какую заботу он себе нажил — вместо начинавшей понемногу стареть Болгарской державы он получил в соседи великого воина, обдумывающего не менее великие планы, в которых Византии отводилась важная, но отнюдь не беспечальная роль.

Император заключил с болгарам мир против общего врага и подговорил печенегов, часть которых привел ныне в Болгарию Святослав, напасть на Киев, успокоив их тем, что войска Святослава далеко. Кочевники обложили Киев, но стоило малой дружине русичей подойти к городу и представиться передовым отрядом войска князя, как хан печенегов дрогнул и снял осаду города. Киевляне, воспользовавшись этим, сумели послать к князю гонца, который без соблюдения дипломатического этикета передал своему повелителю и князю голос земли: он-де, князь, чужую землю ищет и блюдет ее, а от своей отрекся, а Киев вместе с его матерью и детьми чуть было не взяли печенеги. Неужели ему не жаль ни отчизны, ни состарившейся матери, ни детей своих?

Речь произвела необходимый эффект, а семя пало на добрую почву — князь, верный обычаю защиты родных пределов и людей, в невообразимо малый для подобных дел срок оказался в Киеве. Пройдя облавами по землям степняков, русичи захватили их богатство — лошадей. На Русь опять снизошло спокойствие, и вновь тесно стало на ней Святославу.

Вскоре старая княгиня, прозванная в последние годы Вещей, тихо скончалась.

Поручив власть своим подросткам сыновьям, князь дал понять, что покидает Киев скорее всего навсегда и станет отныне княжить в Болгарии, сделав ее центром своего нового обширного государства.

Но болгары — по крайней мере, часть из них — думали иначе. Новый царь Борис заключил с Византией мир против Святослава. Но и у русского князя среди болгар было отныне много союзников — князь-воина им казалось терпеть проще, чем своего царя, дружившего с греками и от них научившегося, как угнетать подданных. Когда же в августе 969 года русские могучей силой высадились на Дунае, то их сторонников среди болгар стало намного больше. Святослав легко прошел к столице Бориса Преславе, нигде не встречая сопротивления, и так же легко взял ее, отданную царем, признавшим себя вассалом киевского князя. Понимая, что Византия не оставит его в покое, князь решил не ждать первого удара и, как только перевалы Родопских гор освободились от снега, ударил сам.

Шел 970 год. Старый император Царьграда к тому времени уже был свергнут и заколот своим преемником — Иоанном Цимисхием, не менее опытным, но, пожалуй, более талантливый полководец. Его — стратега, воина и атлета — армия любила. Он понимал, что войны не избежать, но, копя силы, решил пока воспользоваться оружием слабого — дипломатией. Святослав отклонил условия греков, и Иоанн принял это спокойно. Цимисхий тщательно готовил войско к предстоящим битвам,

создал особые отряды «бессмертных» — специально отобранных храбрейших воинов, одетых в более крепкую броню.

Византийцам не везло — несмотря на то что они заняли сильными заставами все известные горные перевалы, русские, вместе с приведенными Святославом в качестве союзников венгерскими и печенежскими конными отрядами, ворвались во Фракию. Варда Склир, возглавлявший императорское войско, проиграл начало кампании.

Святослав применил урок, преподанный ему дружинниками Игоря — его воспитателями: в 941 году, когда русичи шли на Царьград, об их продвижении к Царьграду стало известно слишком рано — и к их приходу успели подготовиться. Сын запомнил недочет воинской стратегии отца и сделал из него свои выводы: враг должен знать о твоих намерениях только тогда, когда это выгодно тебе — тогда пусть он боится, чувствуя, что ничего более не успеет. И ныне он сумел пройти тайными тропами, такими, о которых греки либо не подозревали (помогли местные проводники, понявшие, что с князем лучше не шутить), либо считали их непроходимыми. Так войско Святослава вышло на воинский простор равнин Фракии.

Походя его дружина решила еще одну проблему, предложенную им Склиром, — испытанное оружие греков, засады тяжелой конницы, которые должны были изматывать неприятеля. Святослав бросил против них своих кочевников. Тактика мелких уколов не сработала, и теперь греческий полководец был обречен на ожидаемое Святославом большое сражение — или и далее принужден

будет терять быстро тающее войско. Это было непривычно для греков — воевать не своей волей, но по планам неприятеля. Однако пришлось смириться.

Войско славян продвигалось вперед к крепости Аркадиополь, у стен которой стоял Склир с отборными отрядами. Узнав о приближении противника, греки поспешно закрылись за крепкими воротами, надеясь, что Святослав начнет штурм с ходу, увязнет и будет разгромлен под ее стенами. Но так не произошло — русичи остановились на открытой равнине, по которой проходила дорога к Аркадиополю и которую прикрывали с двух сторон плотные заросли.

Через несколько дней взаимного привыкания к грядущей сече Склир сделал ожидаемое от него русским князем — ночью два конных отряда тихо въехали в заросли: засада для славян была готова. С утра из ворот вышли основные силы греков и пошли в атаку на врага. Тот выдержал удар (на что и рассчитывали греки) и сам перешел в наступление, бросив вперед тяжелую русскую и болгарскую конницу. Сзади их подпирала пехота, а фланги прикрывала легкая конница степняков. Тяжелая кавалерия Склира увязла в боевых порядках пеших дружин Святослава и вновь привычно гибла под ударами печенегов и венгров. Здесь могло бы произойти полное уничтожение греческого войска, главного щита Константинополя, но греческий полководец быстро опомнился и сумел спасти часть своих сил, которая укрылась за крепостными воротами. Для Святослава открывалась почти прямая дорога к столице Империи — через Македонию.

В Македонии Святослав одержал еще одну победу, разбив войско провинции. И тут на его пути встали греки — но уже не воины, а дипломаты. Не имея сил для отпора, они обещали многое. Князь русичей поверил их слову, взял большой выкуп за завоеванное и не завоеванное, услышав торжественное обещание Византии не вмешиваться в дела болгарские, и ушел обратно в свою новую дунайскую столицу.

Но для Империи обещание ничего не стоило — она тут же начала готовиться к новой войне. 12 апреля 971 года войско, на этот раз предводительствуемое самим Цимисхием, быстро преодолев Родопы, появилось под стенами Преслава. Здесь находился лишь малый русский гарнизон под началом воеводы Свенельда и небольшое количество болгарского войска.

Свенельд, понимая, что ему не отсидеться за крепостными стенами — у греков в обозе было большое количество камнеметных машин, — решил попытать счастья в открытом бою, веря в непобедимость русской дружины. Бой, упорный и долгий, решили «бессмертные», ударив по левому неприятельскому флангу. Они сломили его — и Свенельду пришлось отойти обратно в крепость. Он знал, что обречен, но решил биться до конца. Два дня штурм с применением камнеметов и греческого огня позволили грекам пробиться в город. Когда войска императора с боем дошли до царского дворца, оттуда вышли все способные держать оружие в руках воины русичей и часть болгар. Не прося пощады, они приняли бой на поражение, и все полегли, как один.

23 апреля греческое войско подошло к Доростолу, где находился с основными силами Святослав. Он, как и Свенельд, верил, что главная защита воинов — не крепостные стены, но храбрость. Его воины вышли в поле перед городом и встали в боевые порядки, перегородив дорогу к крепости новой стеной из своих щитов, копей и мечей. Эту стену двенадцать раз пыталась пробить тяжелая конница греков, и столько же раз она откатывалась назад. Святослав выстоял с пехотой против множества конных атак, не потеряв строя, и к вечеру увел своих воинов в город.

Началась осада. Через два дня ворота Доростола вновь открылись — и на греческую кавалерию упала русская конная дружина. Хоть и меньшая числом, она провела с неприятелем равный бой, после чего спокойно удалилась. На следующий день вновь все пешее русское войско вышло в поле против сильнейшего противника и целый день билось с ним. К ночи победитель еще не был выявлен, наступило временное затишье — и Святослав даже не увел свои войска на ночь в крепость. Вернулся туда лишь утром — и его не преследовали.

На другой день подошли осадные машины, однако сразу ими воспользоваться не удалось — славяне за ночь прорыли глубокий ров перед городом, а следующей ночью разбили и сожгли часть кораблей Цимисхия с продовольствием и оружием.

Греки упорно продолжали осаду, Святослав столь же упорно сидел в Доростоле. Прошел месяц, пошел другой. Цимисхий, забросив государственные дела, вновь превратился только в полководца. Однако госу-

дарственные дела сами напомнили о себе — поднял мятеж брат недавно убитого императора. Цимисхию все неуютнее становилось на берегах Дуная. 19 июля дружина русичей напала на лагерь греков и сожгла все осадные орудия, а на следующий день с большими силами выступила из города и вновь билась с императорской конницей.

Наступило 22 июля. Открылись ворота Доростола, и из них стройными рядами — хоть среди них было много раненых и больных — стали выходить воины киевского князя. Как будто не было двух месяцев осады — вновь стена красных щитов четко выделяется на фоне крепостных стен. Последние русичи, пройдя между башнями, возвышавшимися с двух сторон от входа в город, наглухо закрыли тяжелые створки ворот. Эти закрытые ворота ясно говорили, что для руссов обратного пути нет. Победить — или умереть. Святослав, ведя воинов на последний бой, напомнил им, что сила русская была до сего времени непобедима. И что ныне и им надлежит либо победить, либо пасть со славой. Стыдно жить трусу, мертвым же стыда нет.

Он не стал ждать, когда враг ударит по нему, а сам устремился вперед. Бой длился долго, переместясь от стен Доростола почти к самому греческому лагерю — лишь прибытие императора, поведшего «бессмертных» в бой, выправило положение, которое до этого не могла спасти даже конница, врубающаяся в шеренги славян с флангов. Но на этот раз удача отступила от Святослава — слишком долго был он ее любимцем. Поднявшийся из-за спин византийцев сильный ветер обрушил на его воинов стену косога дождя. И князь

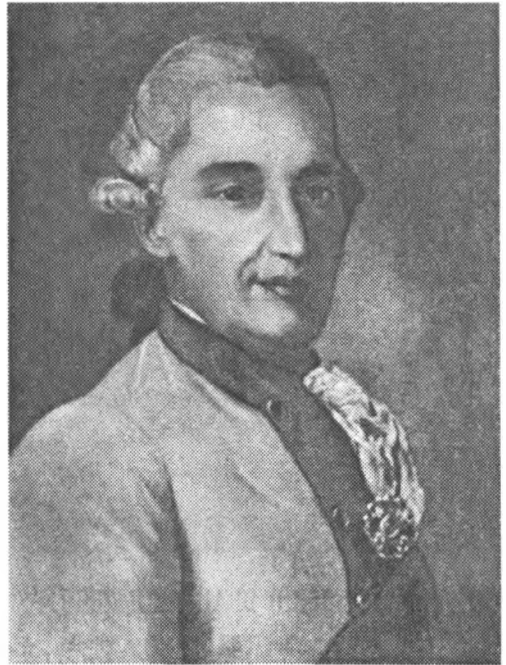
смирился — русичи разом повернулись и, закинув назад щиты, пошли обратно к покинутому казалось уже навсегда Доростолу.

Вскоре, убедившись в равной силе друг друга, противники начнут переговоры о мире. Русские обязались уйти из Болгарии, а Империя отпустила их с оружием и боевой добычей, причем греки согласились ссудить врага хлебом на обратную дорогу. Последовала и личная встреча владык. Сверкающий драгоценностями император выехал на берег реки, к которому причалила ладья, и в ней простым гребцом сидел князь, отличавшийся от своих воинов лишь чистой рубашкой и серьгой с двумя жемчужинами и рубином. К этому времени относится описание князя, составленное одним из византийцев: «Святослав был среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом и с густыми длинными, висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода; шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким».

Император и князь поговорили немного и расстались навсегда — Цимисхий уже знал, что его служба предупредила печенегов: идет ваш враг, дружина у него маленькая, а добыча большая.

Весть соответствовала действительности. Много было раненых, больных, ослабевших. И потому Святослав отверг совет Свенельда идти на конях, а не на ладьях, хотя, так же как и его полководец, понимал, что кочевники не замедлят напасть на его караван.

Князь и его воевода не ошиблись. Печенеги устроили засаду. Святослав, рубившийся в первых рядах в центре построения, где были собраны самые истощенные русичи, погиб, и впоследствии из его черепа печенеги сделали пиршественную чашу. Он умер, как жил — не прячась за чужие спины и смело глядя опасности в лицо. Умер таким, какими были и шедшие ему вслед русские князья, его потомки, — род за родом. Слишком смелые, чтобы пред кем-либо преклонить голову, слишком гордые, чтобы нечто казалось им недостижимым. Правители-воины, всегда бившиеся впереди своей дружины, своего войска со всеми теми, кто становился их врагом.

СЕНЯВИН (СИНЯВИН) АЛЕКСЕЙ НАУМОВИЧ (1716 — 10.08.1797) — участник русско-турецкой войны (1768—1774), адмирал (1775)

Сын известного адмирала петровского времени Наума Акимовича Сенявина. За заслуги отца Алексей Наумович был зачислен во флот в чине мичмана в 1734 году. Постепенно продвигаясь в чинах, он в 1762 году уволился из флота в чине капитана 1-го ранга.

Вновь призванный на службу в 1766 году, уже через два года Алексей Наумович был произведен в чин контр-адмирала.

Перед русско-турецкой войной Сенявин получил особый приказ императрицы, по которому ему поручалось заложить на верфях Дона суда различного типа, которые могли бы сплавляться до Азовского и Черного морей.

Поручение, требовавшее быстроты и особой сообразительности, вело

к возрождению Донской флотилии, задача которой заключалась в том, чтобы поддерживать действия сухопутных частей на побережье Крымского полуострова.

Сенявину требовалось избрать для постройки такой тип военных судов, который мог бы активно действовать на мелководье и в то же время отвечать боевым требованиям. И Алексей Наумович нашел такой тип судов, получивший название «новоизобретенных кораблей». Первый такой корабль, соединявший все искомые условия, был построен в 1771 году. Он был отправлен к Таганрогу и значительно помог русским сухопутным частям в сражениях за Крым.

Вскоре Сенявин, возглавивший новую флотилию, занял крепости Еникале и Керчь и так успешно действовал с ней против турецкого флота, что навсегда закрыл судам противника вход в Азовское море.

В 1774 году Сенявин с флотилией, стоявшей у Керченского пролива, отразил нападение турецкого корабельного флота, и, несмотря на численное превосходство в кораблях, противник вынужден был отступить, понеся большой урон.

В 1775 году Сенявин был произведен в адмиралы и награжден орденами Св. Анны 1-й степени и Св. Александра Невского.

В 1788 году он по состоянию здоровья был отправлен в отпуск, а по выздоровлению — назначен членом Адмиралтейств-коллегии.

СЕНЯВИН (СИНЯВИН) ИВАН АКИМОВИЧ
(? — 27.08.1726) — участник Северной войны
(1700—1721), контр-адмирал (1726)

Вся военно-морская деятельность Ивана Акимовича Сенявина относится к периоду царствования Петра I.

Лично известный царю Петру и пользовавшийся особым его доверием, Сенявин начал свою службу солдатом Преображенского полка и участвовал вместе с ним в первых морских плаваниях.

В 1697 году Сенявин в качестве волонтера был послан в Голландию, чтобы на практике изучить морскую службу на судах голландского флота.

Вернувшись через год в Россию, он в том же 1698 году был пожалован в боцманы. Впервые полученный им за границей опыт Сенявин применил при оснастке судов, строившихся на реке Сяси.

Начавшаяся Северная война 1700—1721 годов сделала Сенявина активным участником военных действий на море. В 1704 году, произведенный в поручики флота, он уча-

ствовал в плавании судов галерной эскадры в финляндских шхерах, в 1708 году — при разорении Борго, а в 1710 году он берет Выборг.

В это время он уже командовал не отдельным судном, а имел под своим началом отряд галерных судов, как, например в 1710 году, когда он сопровождал к Выборгу транспортные суда с провиантом.

В 1712 году в чине лейтенанта Сенявин командовал судном «Лизет», на котором Петр I находился во время плавания от Кронштадта до Ревеля. В этом же году на Сенявина было возложено важное поручение — отправиться в Гамбург для приема купленных трех английских кораблей, которые он должен был доставить в Ревель «со всею осторожностью от шведов».

Он, правда не так скоро, выполнил это поручение царя Петра. Из-за того, что корабли, купленные в Англии, задержались с прибытием в Гамбург, Сенявину пришлось остаться на зиму

в Копенгагене, но в следующем году Сенявин привел их в Ревель, искусно избежав встречи со шведскими крейсерами.

Обрадованный этим приходом, царь Петр пожаловал Сенявина в капитан-поручики и в этом чине стал командиром корабля «Страфорд», плавая с флотом в Финском заливе.

В том же году вышли из Архангельска в Балтику три новых корабля, один из которых отстал и должен был зазимовать в Коле. Петр поручил Сенявину спешить в Колу, осмотреть корабль и ранней весной привести его в Ревель. Сенявин и это поручение выполнил отлично, доказав царю еще раз, что он отличный моряк.

В следующем году он привел из Архангельска в Копенгаген три новых корабля.

Став во главе эскадры и имея свой вымпел на корабле «Уриал», Сенявин крейсировал с союзными флотами от Копенгагена до Борнгольма.

Затем он плавал на различных кораблях на Балтике и при заключении Ништадтского мира в 1721 году был произведен в капитан-командоры.

В 1726 году Сенявин получил чин контр-адмирала и назначен главным начальником порта в Астрахани.

В том же году Иван Акимович Сенявин скончался.

СЕНЯВИН НАУМ АКИМОВИЧ

(1680—1738) — участник Северной войны (1700—1721), первый русский вице-адмирал (1727)

Начал службу в 1698 году солдатом бомбардирской роты Преображенского полка.

В 1699 году Наум Акимович совершил свое первое плавание на корабле матросом, как участник керченского похода на корабле «Отворенные ворота» под командой Петра I.

Науму Сенявину не посчастливилось, как его брату Ивану, попасть в число волонтеров, учившихся морскому делу за границей вместе с Петром I, но он приобрел мореходные знания на русских военных судах и быстро выдвинулся в морские офицеры.

В 1702—1704 годах он участвовал в военных действиях под Шлиссельбургом, Концами, Юрьевом и Нарвою, в последующие годы состоял в команде судна «Мункер», которым нередко командовал сам царь Петр.

12 октября 1706 года боцман Сенявин участвовал в сражении под Выборгом между пятью небольшими русскими лодками и шведским ботом «Эспернон». В этом сражении лодки с командой в 48 человек захватили шведский бот, сцепившись с ним на бордаж, и затем геройски отбили нападение другого шведского

бота, подоспевшего на помощь атакованному. В сражении под Выборгом Наум Сенявин получил тяжелое ранение.

В следующем году Сенявин был произведен в поручики.

Весной 1708 года он был отправлен в Воронеж и по возвращении оттуда в мае ходил на бригантинах под командованием Боциса в шхеры к городу Борго. В августе того же года Сенявин был определен на охрану переправы через Неву с командой из двух бригантин.

Когда шведский генерал Любекер подошел к переправе, то Сенявин встретил его сильным огнем из пушек. Вначале шведы пришли в замешательство, но вскоре огнем с двенадцатипушечной батареи пробили в двух местах одну из бригантин, сбив на ней мачту. Тогда Сенявин, сойдя на берег, вместе с майором Грековым овладел шведским укреплением и тем самым вынудил противника отойти от переправы.

В октябре того же года Сенявин, командуя гренадерской лодкой, исполняя обязанности капитана, отличился в кровопролитном сражении у Сойкиной мызы, окончившемся поражением шведов. В этом бою он снова был ранен.

Его боевые заслуги были замечены царем, который стал брать с собой в поездки доблестного офицера.

В 1709 году он был с Петром I в поездке в Азов, а затем последовал за ним в армию под Полтаву, оттуда в Петербург и Москву. 23 декабря 1709 года Сенявин был произведен в поручики Преображенского полка.

В 1710 году он находился при Петре на «Мункере», в 1711 году сопровождал его в Прутском походе

и в 1712 году во время плавания на корабле «Самсон» и в поездке в Померанию.

В конце 1712 года, начав закупку за границей судов для русского флота, Петр поручил Сенявину привести в Ревель из Кенигсберга три первых купленных в Голландии корабля. Купленные голландские корабли оказались неисправными и не имели команды. Наскоро исправив повреждения в судах, найдя офицеров и матросов, Сенявин уже 2 марта 1713 года достиг Ревельского порта, избежав столкновения с крейсирующим на Балтике шведским флотом. За это он получил чин капитан-поручика и должность командира одного из трех купленных им кораблей.

В 1715 году, опять по особому поручению царя, Сенявин вооружает корабль «Ингерманланд», в постройке которого сам Петр принимал участие и на котором впоследствии он в первый раз поднимет свой вице-адмиральский флаг.

В августе того же года Петр отправил Сенявина в Англию и Голландию на корабле «Страфорд» с поручением купить пушки и шлюпки, нанять матросов и людей, годных для службы во флоте.

После посещения Лондона корабль Сенявина был затерт льдами у острова Текселе. В апреле он вторично посетил Англию, отсюда отплыв в Копенгаген, где принял в команду корабль «Девоншир» и фрегат «Самсон», и уже в августе отправился в крейсерство между Ригеном и Бернгольмом. В апреле 1716 года, когда голландский капитан хотел подвергнуть осмотру его корабль «Девоншир», Сенявин сумел отстоять честь

русского военного флага, поднятого на корабле, не позволив провести досмотр.

В январе 1719 года Петр вновь отправил Сенявина за границу в Гамбург, поручив ему принять корабль «Рандольф» и яхту, подаренную Петру прусским королем, и доставить эти суда в Россию.

В другой раз, в 1719 году, когда капитан гамбургского конвойного военного корабля отказался салютовать русскому военному судну, заявив, что он «не знает русского военного флага», Сенявин выстрелил ядрами из трех пушек по его вымпелу.

В начале мая 1719 года Сенявин вернулся из-за границы в Россию, и Петр тотчас же назначил его начальником крейсерского отряда, состоящего из шести кораблей. Имея вымпел на корабле «Портсмут», Сенявин 25 мая атаковал между островами Эзелем и Готско-Сандо три шведских военных судна под командой капитан-командира Врангеля и после жаркого часового боя заставил их сдаться. За эту блестящую победу — первую победу русского флота — он был произведен, минуя очередной чин, в капитан-командоры.

В июле—августе Сенявин, командуя отрядом из пяти судов, охранял русский галерный флот, действовавший у берегов Швеции, и ходил с отрядом из трех кораблей к Нилепингу для наблюдения за судами противника.

После учреждения Адмиралтейской коллегии Сенявин 31 января 1721 года вошел в ее состав.

В том же году он командовал кораблем «Святой Андрей», состоявшим в эскадре под начальством самого Петра, затем в сентябре, имея вым-

пел на корабле «Святой Александр», командовал эскадрой кораблей, отправленной в крейсерство к Гельсингфору.

Окончание Северной войны 1700—1721 годов и подписание Ништадтского мира принесли Науму Акимовичу Сенявину звание контр-адмирала, которое в основном имели иностранцы, и Петр I был очень доволен тем, что мог по заслугам ввести русского человека в ряд высших чинов в русском флоте.

После войны Сенявин получает небольшой отпуск для лечения, а затем он часто отправляется царем в Воронеж и Москву с различными поручениями. Кроме них Сенявин командовал кораблем «Святой Андрей» и плавал с эскадрами генерал-адмирала Апраксина и вице-адмирала Вильстера.

В 1725 году при своем вступлении на престол императрица Екатерина I пожаловала Сенявину орден Св. Александра Невского.

Осенью 1726 года он совершил морское плавание в Ревель с отрядом судов на корабле «Нептун».

В мае 1727 года он был произведен в вице-адмиралы и в том же году был отправлен в Киль на корабле «Дербент» для сопровождения герцога и герцогини Голштинских.

В апреле 1728 года Сенявин был назначен на должность командующего галерным флотом, оставаясь на этой должности с небольшими перерывами до 1732 года. В июле 1732 года Сенявин передал командование галерным флотом адмиралу И.М. Голловину.

В 1733 году Сенявин назначается для наблюдения за реорганизацией флота в Кронштадте, а в декабре

того же года во время отсутствия Гордона он исполнял должность главного командира в Кронштадте.

В 1734 году Сенявин принимал участие в военных действиях флота под Данцигом в период польской кампании, имея флаг на корабле «Святой Александр», и после возвращения был послан командующим с отрядом судов в Ревель.

В 1735 году он исполнял особое поручение в Риге, наблюдая за отправкой хлеба на военных судах в Кронштадт.

В 1737 году Сенявин был назначен командующим Днепровской флотилией.

Наум Акимович Сенявин скончался в Очакове в мае 1738 года.

СКОПИН-ШУЙСКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
(08.11.1586 — май 1610) — князь, боярин,
полководец

Князь Михаил Васильевич принадлежал к одному из знатнейших русских

княжеских родов — Шуйским. Этот род дал России царя Василия Ивановича, а также многих отважных полководцев. Ветвь Скопиных — старшая среди Шуйских.

Княжич Михаил родился 8 ноября 1586 года, после того как с новгородского наместничества вернулся его отец, боярин князь Василий Федорович Шуйский, воевода, защитивший Псков от войск Стефана Батория. Через четыре года князь Василий снова уехал в Великий Новгород.

Отец Михаила умер, когда княжичу шел одиннадцатый год. Воспитывала его мать, боярыня Елена Петровна, урожденная княжна Платова. До семи лет Михаил учился дома, потом пошел в школу.

Службу во дворце Михаил Скопин-Шуйский начал в 1604 году, когда ему исполнилось 18 лет. Юноша в чине стольника участвовал в приеме персидского посла.

Весной 1605 года Борис Годунов скоропостижно умер.

Еще в октябре 1604 года начался поход к Москве отряда Лжедмитрия I. В январе 1605 года Лжедмитрий I потерпел поражение под Добричами, но силы его продолжали расти. Один за другим русские города открывали перед ним ворота, крестьяне и посадские люди пополняли его войска. На сторону Лжедмитрия после смерти Бориса Годунова стали переходить и царские воеводы.

В июне 1605 года Лжедмитрий I торжественно вошел в Москву. И на престоле водворился «царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси». Но и Лжедмитрий не смог удержать власть.

17 мая 1606 года в Москве вспыхнуло восстание. Лжедмитрий I и мно-

гие из его приближенных были убиты. Царем был провозглашен князь Василий Иванович Шуйский, родственник Михаила Скопина-Шуйского. Тогда же стольник Скопин-Шуйский стал воеводой.

Летом 1606 года в юго-западных уездах страны, особенно в Комарицкой области, вспыхнуло крестьянское восстание. Восставших крестьян возглавил Иван Болотников. В юности Болотников был военным холопом князя Телятевского, но попал в плен в Крым и затем оказался в Турции. Как невольник он работал на галерах, но во время одного морского сражения бежал. Через Венецию он смог вернуться в Россию.

Болотников возглавил восставших в Путивле крестьян и холопов. Вскоре к нему примкнули крестьяне Комарицкой волости. Из Путивля Болотников двинулся на Кромы, овладев которыми устремился к Москве.

Тем временем из-под Ельца к Москве двинулись и отряды служилых людей и восставших крестьян во главе со служилым человеком Истомой Пашковым.

Под Калугой, на реке Угре, царские войска попытались преградить дорогу восставшим, но были разбиты. Еще одно поражение войско Шуйского потерпело под селом Троицким.

В октябре 1606 года восставшие объединили свои силы под Москвой и построили укрепленный лагерь в селе Коломенском. Началась осада Москвы.

Скопин-Шуйский был назначен воеводой «на вылазке». Он наносил со своим отрядом стремительные удары по восставшим и отводил войска в Скородом — деревянную крепость вокруг Замоскворецкого предместья.

Василию Шуйскому было прекрасно известно, что состав восставших был весьма пестрым. Помимо крестьян и холопов в лагере Болотникова находились казаки и стрельцы. Немало было и дворян и детей боярских: бывший хозяин Болотникова князь А.Телятевский, князя Шаховской и Мосальский, отряды Пашкова и Ляпунова. Ценой уступок и подкупами Шуйскому удалось добиться перехода на его сторону сначала отряда Ляпунова, а затем и Пашкова с их людьми.

Болотников, осознавая, что рискует остаться лишь с крестьянами, форсировал события, попытавшись взять Москву штурмом. В одну из темных ноябрьских ночей повстанцы приблизились к Серпуховским воротам. Но неожиданного нападения не получилось.

Московское войско у Серпуховских ворот ожидало нападения врагов. Кое-где на стенах были расставлены пушки, возле них находились пушкарки, готовые в любую минуту дать залп.

Нападение войск Болотникова на Серпуховские ворота, охраняемые ратью Скопина-Шуйского, началось с перестрелки. Несмотря на потери Болотников продолжал приближаться к стенам, и тогда царский воевода совершил неожиданную вылазку. Москвичи, воодушевляемые своим предводителем, опрокинули неприятеля и хотели преследовать его, но Скопин-Шуйский остановил их. Утром царский воевода собирался напасть на Коломенское, где располагался лагерь Болотникова.

Рейды Скопина-Шуйского мешали восставшим окружить Москву. Но 26 ноября Болотников все же переправил значительную часть своего

войска через Москву-реку в обход города с востока, чтобы полностью блокировать столицу. У села Карачарово, возле Рогожской слободы и на берегах Яузы развернулось сражение с переброшенными из Москвы полками. В ходе сражения обе стороны понесли большие потери, но отряду восставших все же удалось переправиться через Яузу. Возникла угроза полного окружения Москвы.

27 ноября Скопин-Шуйский нанес из Замоскворечья удар по войскам Болотникова. Болотников, успевший собрать около 20 тысяч воинов, был разбит, но, пользуясь наступившей темнотой, сумел отступить к Коломенскому.

2 декабря Скопин-Шуйский из Данилова монастыря двинулся к Коломенскому. Узнав о походе воеводы, Болотников не стал дожидаться нападения и сам выступил навстречу царским войскам.

Сражение произошло ночью у деревни Котлы. Крестьяне и холопы под руководством Болотникова попытались разбить войска Скопина-Шуйского по частям, но были опрокинуты ударом тяжелой дворянской конницы. Все же части восставших во главе с Болотниковым удалось отступить к Коломенскому.

Князь Михаил Васильевич окружил Коломенское, но не повел войска на штурм, а дождался подхода сильной артиллерии. Однако сначала артиллерийский огонь не причинял вреда восставшим, так как от настильного огня их защищали заблаговременно возведенные деревянные надолбы и земляные валы, а от навесного их спасали укрытия.

Трехдневная бомбардировка укреплений не привела к результату, и тогда Скопин-Шуйский приказал при-

менять не употреблявшийся до того снаряд — сочетание зажигательного ядра с разрывной бомбой. Восставшие сразу же понесли большие потери и вынуждены были выйти в чистое поле, где были разбиты царскими войсками.

Несмотря на разгром Болотников сумел увести в Калугу более 10 тысяч воинов. Часть восставших ушла в Тулу.

Отряд Болотникова, оборонявший Калугу, был вскоре осажден огромным войском под командованием Ивана Ивановича Шуйского. Но Болотников сумел отразить приступ, а затем ежедневно стал совершать вылазки за пределы города, уничтожая осаждавших.

В январе 1607 года царь послал на помощь осаждавшим Калугу войскам «особый полк», которым командовали Федор Иванович Мстиславский, Михаил Васильевич Скопин-Шуйский и его дядя Борис Петрович Татев, причем Скопин-Шуйский имел право на самостоятельные действия.

Михаил Васильевич попытался задействовать тяжелую артиллерию, но оказалось, что осажденные подготовились к этому. Калужане вырыли рвы по обе стороны окружавшего город частокола и присыпали его землей. Получившийся земляной вал, неприступный для пушек, прикрыл внутренние укрепления.

Однако Скопин-Шуйский не ограничился простым обстрелом. Одновременно он повел на Калугу высокий вал из бревен, которые согнанные с окрестных сел крестьяне перебрасывали вперед. Под прикрытием вала царское войско подбиралось к городу.

Казалось, что Калугу уже ничто не может спасти, но когда вал подо-

шел к палисаду и возле него скопились царские войска, по приказу Болотникова ночью были взорваны выведенные из города мины. Поднялся огромный столб земли, разметавший и вал, и людей. Вслед за взрывом на царские войска обрушились отряды осажденных. Понесшее большие потери войско Шуйского было вынуждено перейти к пассивной осаде.

Тем временем под Дедиловым войска князя Телятевского нанесли поражение рати князя Ивана Михайловича Воротынского, посланной отбить у восставших Тулу. Затем недалеко от Калуги, на реке Пчельне, казаки Телятевского напали еще на одно царское войско. В сражении были убиты двое из трех царских воевод, более 10 тысяч воинов, и еще больше перешло на сторону восставших.

Разгром царских войск под Калугой довершил Болотников. Он атаковал осаждавших и обратил их в бегство. Способными к сопротивлению оказались лишь Скопин-Шуйский и казачий атаман Павлов. Возглавляемые ими немногочисленные отряды отсекали восставших от бежавших царских вояк.

Под командой Скопина-Шуйского стала спешно создаваться новая армия. В ее состав вошли татары, мордва, чуваша, «даточные люди» монастырей, служащие двора. Скопин-Шуйский, которому к тому моменту исполнился 21 год, стал воеводой Большого полка.

В начале 1607 года Болотников и князь Телятевский выступили против главных сил Шуйского в Серпухове, но затем свернули на Каширу, стремясь обойти царские полки и прорваться к Москве, где не было крупных полков. Но намерения Болотникова раскрыли перебежчики.

Недалеко от Каширы, на реке Восме, болотниковцы и казаки были разбиты полками воеводы Андрея Васильевича Голицына, вовремя получившего подкрепление от Скопина-Шуйского.

Болотников ушел к Туле, закрепившись за топкой речкой Воронкой. Немногочисленные силы крестьянского вожака, растянувшись на семь верст, прикрыли открытое пространство между Малиновой засекой Тульской засечной черты и укреплениями при Калужской дороге.

Скопин-Шуйский, зная, что его многочисленную армию легко может охватить паника, повел в бой лишь собственные отборные полки. Дворянские сотни, отвлекая внимание, попытались форсировать речку сразу в нескольких местах. Главный же удар Скопин-Шуйский нанес возле самой Малиновой засеки.

Прорвав оборону болотниковцев, отборная конница Скопина-Шуйского гнала бежавших в панике повстанцев семь верст, но ворваться в город не смогла. Болотников остановил бежавших и перебил прорвавшихся в городские ворота.

12 июля 1607 года началась осада Тулы. Спустя две недели к городу подтянулась вся царская армия.

Опираясь на подавляющее превосходство в численности и мощную артиллерию, Скопин-Шуйский попытался взять город приступом. За месяц с небольшим царская армия 22 раза ходила на штурм. Но осажденные также не сидели сложа руки. По три-четыре раза на дню они делали вылазки, нанося потери царским войскам. Болотников призывал жителей держаться, обещая, что скоро подойдет помощь (в июле в северских городах появился Лжедмитрий II).

Чтобы ускорить взятие города, Скопин-Шуйский по предложению муромского дворянина Ивана Кровкова приказал построить дамбу на реке Упе. Поднявшаяся вода затопила город и крепость. Но повстанцы сдаваться не собирались. Приближался конец четвертого месяца боев за город. И тогда Василий Шуйский предложил Болотникову сдаться при условии сохранения жизни и свободы ему, другим предводителям восстания и всем защитникам Тулы. 10 октября Тула сдалась. Болотников был схвачен и казнен.

Тем временем над Россией нависла новая опасность — вторжение польских войск под руководством Лжедмитрия II.

По договору 1608 года Польша обязалась вывести из России все свои войска и не допускать вмешательства в ее внутренние дела. Но правительство Сигизмунда III договорилось с Османской империей о возобновлении набегов крымского хана на Россию. Кроме того, летом 1607 года польские феодалы выдвинули нового самозванца — Лжедмитрия II. Осенью того же года Лжедмитрий II во главе нескольких тысяч шляхтичей вторгся в Россию. Основу войск самозванца составляли польские отряды князя А.Вишневецкого и князя Р. Ружинского. К нему примкнули некоторые южнорусские дворяне, казаки И.М. Заруцкого и остатки разбитых войск Болотникова.

В 1607 году Лжедмитрий II принял поход на Брянск и Тулу. В мае 1608 года под Балковом самозванец разбил войска Шуйского и подошел к Москве, создав лагерь в селе Тушино.

Еще за год до нападения Лжедмитрия II шведы предлагали царю Ва-

силию Ивановичу свою помощь, но их предложение было отклонено. Однако во время стояния Лжедмитрия в Тушине царь Василий забыл свои амбиции и поручил Михаилу Скопину-Шуйскому провести переговоры со шведами. Вместе со Скопным к шведам был послан и Семен Васильевич Головин.

Добравшись до Новгорода, царский воевода обнаружил, что жители города настроены против Василия Шуйского. Доходили слухи, что Псков и пограничные со Швецией города Орешек и Ивангород присягнули Лжедмитрию II. Поэтому Скопин-Шуйский отправил к шведам Головина, а сам остался в Новгороде.

Вскоре в Новгороде стало известно о том, что к городу направляются поляки и русские из войска Лжедмитрия. Возглавлял их польский воевода Кернозицкий. Одновременно несколько новгородских старост донесли Скопину-Шуйскому о предательстве новгородского воеводы Михаила Татищева. На следующий день, собрав на площади новгородцев, Михаил Васильевич рассказал им, какое обвинение возводят на воеводу. Новгородцы не любили Татищева и поэтому не стали обсуждать, виноват он или нет. Новгородский воевода был растерзан толпой.

Между тем Кернозицкий подступил к Новгороду и расположился станом недалеко от города. Правда, вскоре до него дошли слухи, что к Новгороду на подмогу Скопину-Шуйскому идет большая рать, и поляки отступили к Старой Руссе.

В середине марта к Новгороду, наконец, подошло 5-тысячное шведское войско во главе с опытным военачальником Я.П.Делагарди. Шведская рать простояла в городе месяц. В апреле

соединенное шведско-русское войско выступило из Новгорода.

20 апреля передовой шведский отряд столкнулся с поляками Кернозицкого. Поляки были разбиты и бежали, оставив пушки и обозы.

Подойдя к Твери, Скопин-Шуйский обнаружил, что она занята поляками во главе со Зборовским. Первый штурм Твери не удался, но второй был успешным. Русские и шведские ратники ворвались в город, преследуя поляков.

После взятия Твери войско Скопина-Шуйского оставили шведы, потребовавшие, чтобы им было выплачено по договору 32 тысячи рублей. Такой суммы у царского воеводы не было. Со Скопиным-Шуйским остался лишь небольшой шведский отряд под начальством Зомы. (Впоследствии шведы вновь присоединились к русскому войску.)

Разбитый под Тверью Зборовский бежал к Троице-Сергиевой лавре, которую осаждало войско Сапеги.

Князь Михаил Васильевич расширял подвластную ему территорию, расставляя гарнизоны в захваченных городах, беря под контроль важнейшие дороги. Постепенно создавалась система укрепленных городов, монастырей и полевых крепостей, в которых укрывались войска Скопина-Шуйского и из которых они при всяком удобном случае нападали на врага.

Сам воевода Михаил Васильевич стоял с войском в Александровской слободе. Здесь шло обучение войск, формировались новые отряды, накапливалось оружие. Сюда шли с городов и весей деньги, необходимые для уплаты как наемникам, так и своим ратным людям.

Из Александровской слободы Скопин-Шуйский выступил на Дмитров. Туда же, прекратив бесплодную осаду Троице-Сергиева монастыря, устремился и Сапега.

В начале февраля отряды воеводы Михаила Васильевича появились под Дмитровом. Они принялись уничтожать фуражиров, часто приступали с «огненным боем» к крепости. Воевода с главными силами встал в деревне Шепиловке по дороге из Дмитрова к Троице-Сергиеву монастырю.

20 февраля 1610 года ратники Скопина-Шуйского ворвались в лагерь казаков Сапеги и навязали им бой. Но воевода вскоре отозвал их назад: не имея сил штурмовать город, он пытался заставить Сапегу покинуть его.

27 февраля Сапега, заклепав тяжелую артиллерию, покинул Дмитров и отправился под Смоленск, на соединение с войсками короля Сигизмунда. Спустя неделю сторонники Лжедмитрия II оставили Тушино и ушли к Иосифо-Волоколамскому монастырю.

12 марта 1610 года полки князя Михаила Васильевича вступили в столицу, встречаемые боярами и народом, который падал на колени и со слезами благодарил воеводу за «очищение Московского государства».

Царь и бояре, в особенности члены рода Шуйских, ревниво наблюдали за возвышением Скопина-Шуйского. Слава полководца не давала им покоя. 23 апреля Василий Шуйский и его родичи уговорили воеводу прийти на крестины новорожденного сына князя Ивана Михайловича Воротынского.

На пиру в честь крестин Скопин-Шуйский ел только с общего блюда

и почти не пил, но избежать отравления не смог. Боярыня Екатерина Григорьевна, жена Дмитрия Ивановича Шуйского, признанного наследником бездетного царя Василия, поднесла Скопину-Шуйскому чашу с медом, куда было подсыпано зелье. Прямо на пиру князь Михаил Васильевич упал, у него носом пошла кровь. Спустя несколько дней молодой воевода скончался.

Армию возглавил бездарный и трусливый Дмитрий Шуйский. 24 июня 1610 года в сражении под Клушином 40-тысячная русская армия и 8-тысячный отряд наемников были разбиты поляками. Делагарди с частью наемников отступил на север. Швеция начала войну с Россией. Часть русской армии после разгрома перешла на сторону Речи Посполитой.

СПИРИДОВ ГРИГОРИЙ АНДРЕЕВИЧ

(1713 — 08.04.1790) — участник русско-турецких (1735—1739, 1768—1774) и Семилетней (1756—1763) войн, адмирал (1769)

Григорий Спиридов родился в дворянской семье потомственного морского офицера. Его отец при Петре I был комендантом крепости Выборг.

Сам Спиридов начал службу в 1723 году в возрасте десяти лет волонтером на Балтийском флоте. Потом он плавал на Каспийском, Азовском и Белом морях, совершил поход вокруг Скандинавии из Архангельска в Кронштадт.

Боевое крещение получил во время русско-турецкой войны 1735—1739 годов, находясь на Азовской флотилии в должности адъютанта командующего флотилией.

Во время Семилетней войны 1756—1763 годов он командовал вначале кораблем, затем авангардом эскадры Балтийского флота, затем и эскадрой. Командиром Спиридов был строгим и требовал высокой выучки моряков, систематически проводя учения и стрельбы. К учениям привлекались как командиры, так и матросы любого ранга и даже солдаты десантного отряда, которым Спиридов командовал в 1761 году при осаде крепости Кольберг, во время которой лично возглавил двухтысячный морской десант. Особое значение Спиридов придавал действию корабельной артиллерии, как главному боевому средству флота.

В 1762 году он преподает в Морском кадетском корпусе, совмещая преподавательскую деятельность с плаванием на боевом корабле.

В 1764 году назначается главным командиром Ревельского порта, а в 1766 году Спиридов был переведен на ту же должность в Кронштадт.

Во время русско-турецкой войны 1768—1794 годов Спиридов командовал эскадрой из пятнадцати кораблей. Зимой и весной 1769 года в Кронштадтской гавани начала готовиться к походу в Средиземное море 1-я Архипелагская экспедиция русского флота. Стратегический план предусматривал активные действия русского флота в Эгейском море, путем нанесения удара по Турции с тыла, у берегов Греции, где развертывалась национально-освободительная борьба местного населения против турецкого владычества.

Всего в Архипелаг было послано пять эскадр. Спиридов возглавил первую эскадру, но кроме того, на него было возложено общее командование остальными эскадрами. Главкомандующим экспедицией был назначен граф А.Г. Орлов, на которого Екатерина II возложила всю ответственность за эту экспедицию.

18 июля 1769 года корабли Спиридова вышли из Кронштадтской гавани. Переход был тяжелым и проходил зачастую в штормовую погоду, которая сказалась и на состоянии кораблей. Приходилось часто останавливаться в портах на ремонтные работы. Кроме того, экипажи страдали серьезными заболеваниями, вызванными отсутствием свежей пищи и воды, духотой и сыростью.

Переход от берегов Англии до Гибралтара длился без единой остановки. В ходе него велась боевая подготовка, проводились учения и стрельбы артиллерии.

В декабре 1769 года корабли эскадры Спиридова дошли до Порт-Магона на острове Минорка.

Их появление было неожиданным для турецкого правительства, которое

отдало приказ своему флоту находиться в боевой готовности.

На Минорке были проведены ремонтные работы, после которых русская эскадра, совершив 800-мильный переход по Средиземному морю, прибыла в порт Витула на южном побережье Мореи.

Здесь русские войска при поддержке местных повстанцев овладели крепостью Наварин. Однако другие десантные отряды из-за своей малочисленности не смогли овладеть другими крепостями. К тому же Орлов начал подготовку восстания задолго до появления русских кораблей, тем самым не удалось использовать фактор внезапности появления здесь русской эскадры.

22 июня первая и вторая эскадра под командованием контр-адмирала Эльфинстона соединились у острова Цериго с отрядом Орлова и теперь вместе начали поиск турецкого флота.

24 июня они обнаружили его в Хиосском проливе у Анатолийского берега к северу от Чесменской бухты.

Турецкая эскадра насчитывала шестнадцать линейных кораблей, имевших 1400 орудий, и стояла на якорях, образуя двойную дугообразную линию.

Русский флот имел всего девять линейных кораблей, на которых было 740 орудий.

Видя двойное превосходство сил противника, Орлов не решался его атаковать, но военный совет, состоявшийся в тот же день, вынес решение об атаке турецкого флота. В ходе совета Спиридов предложил план сражения. По его замыслу турецкий флот должен быть атакован не

кильватерной колонной — тактика ведения морских боев, принятая в то время в европейских флотах, — а с короткой дистанции, подойдя перпендикулярно к боевой линии флота противника. Этот прием давал Спиридову возможность быстроты сближения и быстроты атаки, что позволяло ему нанести сосредоточенный удар по турецкому флагману. Несмотря на то что у него был риск подвергнуться огню нескольких турецких кораблей, Спиридов принимал во внимание как внезапность, так и боевую выучку русских моряков.

План Спиридова был одобрен, и час спустя после военного совета русские корабли начали сближение с противником. На ходу они выстраивались в боевую линию. Авангард возглавил сам Спиридов, центр — адмирал С.А. Грейг, а арьергард — контр-адмирал Эльфинстон.

Турецкий флот возглавлял адмирал Хасан-бей Джезаирли.

При подходе русских кораблей на пушечный выстрел — 500—600 метров — турецкие корабли открыли огонь. Однако поскольку они готовились к бою на более дальней дистанции, соответственно подготовив орудия для этого, их ядра попадали в верхнюю часть рангоута русских кораблей, что не мешало русской эскадре продолжать двигаться на сближение, не отвечая на огонь противника.

И только приблизившись к турецким кораблям на расстояние 50—60 метров, русские корабли дали залп сдвоенными ядрами по кораблям турок. Затем они медленно, почти вплотную друг к другу, стали продвигаться вдоль турецкой линии, продолжая всю ее обстреливать.

На турецком флагманском корабле «Реал Мустафа» возник пожар,

который перекинулся на корабль «Евстафий», на котором находился Спиридов. Его корабль из-за поврежденный потерял управление и течением был снесен к турецкому кораблю и сцепился с ним на бордаж. Последовали взрывы обоих кораблей. За несколько минут до взрыва Спиридов успел перейти на линейный корабль «Три иерарха», на котором стоял Грейг.

Сражение принимало все более яростный характер. Стоявшие рядом с флагманом турецкие корабли, спасаясь от огня русской эскадры, поспешно обрубали канаты и выходили из боя, укрываясь в Чесменской бухте. Русские корабли продолжали их преследование. Бой продолжался.

В течение всего следующего дня русские корабли продолжали обстрел турецких, что окончательно деморализовало турецких моряков.

В этот же день на военном совете Спиридов изложил свой план уничтожения турецкой эскадры, заключавшийся в том, чтобы, закрыв турецким кораблям выход из Чесменской бухты, сжечь их комбинированным ударом корабельной артиллерии и брандеров.

Атаке брандеров должен был предшествовать удар корабельной артиллерии под командованием Грейга.

Ночью 26 июня корабли Грейга заняли место согласно разработанной диспозиции. Его корабль, войдя в бухту под огнем противника, стали на якорь. Обстрел турецких кораблей был проведен в основном брандскугелями — зажигательными ядрами, и на турецких кораблях возникли пожары. Затем, примерно через час, в атаку пошли брандеры — небольшие суда с взрывчатыми веществами для поджога кораблей

противника, — из которых только один под командованием лейтенанта Д.И. Ильина, подойдя к турецкому флоту, сцепился с ним, вызвав пожар. В результате этих действий турецкий флот полностью сгорел. Даже после прекращения огня на русских кораблях взрывы на судах противника продолжались. Затем русские корабли, высадив десант, овладели береговой батареей на северном мысе, а также складами и трофеями в самом городе.

В Чесменском сражении турки потеряли четырнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов, около сорока мелких судов и около одиннадцати тысяч матросов убитыми и ранеными. Линейный корабль «Родос» и пять турецких галер были взяты в плен.

Русские потеряли убитыми одиннадцать человек.

Спиридов докладывал Адмиралтейству: «Честь Всероссийскому флоту! С 25 на 26 неприятельский военный турецкий флот... атаквали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали быть на всем Архипелаге... господствующими».

Чесменское сражение сыграло решающую роль не только в 1-й Архипелагской экспедиции, но и отразилось на ходе всей русско-турецкой войны.

В память о Чесменской победе была выбита медаль, на которой был изображен горящий турецкий флот с лаконичной надписью «был». Указом Екатерины II в Царском Селе архитектором А. Ринальди была возведена «Чесменская колонна», а близ Петербурга по проекту Ю.М. Фольтена — Чесменский дворец и церковь.

В 1805 году в Трафальгарском сражении подобные приемы повторил адмирал Г. Нельсон.

За победу в Чесменском сражении Спиридов был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и получил от императрицы шестнадцать селений в Переяславском уезде. Однако титул «Чесменский» получил не он, а граф Орлов, как главнокомандующий.

В 1771—1773 годах Спиридов оставался в Архипелаге командующим флотом.

В 1774 году незадолго до окончания русско-турецкой войны Спиридов вышел в отставку и поселился в дарованном императрицей селении Нагорье.

Григорий Андреевич Спиридов скончался в Москве в 1790 году и был похоронен в церкви, построенной на его средства.

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
(13.11.1730 (или 1729) — 06.05.1800) — граф
Рымникский (1789), князь Итальянский (1799),
генералиссимус (1799)

Великий русский полководец Александр Васильевич Суворов вошел в историю военного искусства как полководец-новатор, внесший громадный вклад как в стратегию, так и в тактику военного дела. Военный гений Суворова воспитал целое поколение полководцев, прославивших свое Отечество на поле брани. Суворовская «Наука побеждать» превзошла по своей краткости труды теоретиков военного искусства более раннего времени и была переиздана даже в 1918 году при создании Красной армии.

«...Во всех действиях Суворова, — писал известный военный реформатор генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин, — в его речах, даже в его шутках и проказах, под самую странную оболочку, всегда просвечивал особый, оригинальный ум: здоровый, прямой, но вместе с тем иронический, даже с примесью некоторой своего рода хитрости — тот именно род ума, который так свойствен русскому человеку. И в самом деле, Суворов по природе был, можно сказать, типом человека русского; в нем выразились самыми яркими красками все отличительные свойства нашей национальности...»

Александр Васильевич Суворов происходил из старинного дворянского рода. Его предком был Михаил Иванович Суворов, служивший воеводой русского войска времен царя Иоанна IV Грозного. Отец Александра Суворова служил денщиком Петра Великого, а фактичес-

ки — его адъютантом. По приказу царя он перевел труд известного французского инженера С. Вобана, вышедший в Петербурге под названием «Истинный способ укрепления городов». После смерти российского императора Василий Суворов был переведен в лейб-гвардии Семеновский полк, стоявший с 1728 года в Москве. Впоследствии Василий Суворов дослужился до звания генерал-аншефа, был избран сенатором и нередко исполнял важные дипломатические поручения. В Москве, в доме на Большой Никитской улице, 13 ноября 1730 (или, по другим данным, 1729) года и родился Александр Суворов.

Как многие другие великие полководцы (Евгений Савойский, Наполеон, Скобелев, Даян), он с детства отличался хлипким, болезненным телосложением — малым ростом, худобой и вообще был не красив. Но мечты о занятиях военным делом не оставляли мальчика. Любимыми книгами Александра стали труды по военному искусству, хранившиеся в библиотеке отца. Уже в отроческом возрасте он изучил многие походы древних полководцев, прежде всего Ганнибала и Юлия Цезаря, а из современных ему — принца Евгения Савойского. Для подготовки к военной службе Александр закалял себя физически — обливался холодной водой зимой, в холод ходил в легкой одежде.

По обычаю того времени он в 12-летнем возрасте был зачислен в мушкетеры лейб-гвардии Семеновского полка, казармы которого находились недалеко от дома, где в этот период жила семья Василия Суворова, — за Яузой, в Покровской слободе.

Отец Суворова вознамерился дать сыну специальное образование до поступления в полк. В апреле 1747 года Александр Суворов был произведен в капралы, а с января следующего года начал действительную военную службу в 3-й роте лейб-гвардии Семеновского полка.

Уже в конце 1749 года Суворов был произведен в подпрапорщики, а два года спустя — в сержанты. Служба в лейб-гвардии Семеновском полку позволила ему изучить все особенности военной службы; он не только командовал солдатами, но и выполнял обязанности обер-провиантмейстера и генерал-аудитора-лейтенанта. Весной 1752 года он выполнял даже дипломатическое поручение — ездил с депешами в Дрезден и Вену и пробыл там достаточно долго — с марта по октябрь.

В 1756 году началась Семилетняя война, в которой Александр Суворов получил свое первое боевое крещение. Противником России и ее союзников по коалиции выступил прусский король Фридрих II Великий.

К этому времени Суворов был поручиком Ингерманландского пехотного полка, в основном числясь в отпуске «по домашним обстоятельствам». Не теряя времени даром в отцовских имениях, он по-прежнему настойчиво изучал военное дело.

В январе 1756 года он был произведен в обер-провиантмейстеры капитанского ранга для наблюдения за провиантскими и фуражными магазинами в Новгородской губернии. В октябре Суворов назначен генерал-аудитором-лейтенантом. С этими обязанностями он познакомился во время своей службы в лейб-гвардии Семеновском полку. Но теперь, когда начались военные действия в Восточ-

ной Пруссии, молодой офицер начал тяготиться сидением в тылу. Выбраться в действительную армию, однако, не удавалось.

Лишь в 1759 году подполковник Суворов смог добиться назначения генеральным и дивизионным дежурным при командире дивизии В.В. Ферморе, вскоре принявшем обязанности главнокомандующего русской армией.

1 августа 1759 года Суворов принял участие в Кунерсдорфском сражении. Прусская армия, предводительствуемая самим Фридрихом II, была наголову разбита. В следующей кампании Суворов участвовал во взятии Берлина.

Но особенно ярко в ходе Семилетней войны Суворов проявил себя под Кольбергом. Когда на помощь к осажденному войсками П.А. Румянцева Кольбергу был переброшен двенадцатитысячный корпус генерала Д.Ф. Платена, против него выдвинулся Донской казачий полк, в составе которого находился Суворов.

В борьбе с прусским корпусом Суворов проявил себя не только мужественным воином, но и инициативным командиром, способным принимать ответственные решения в достаточно сложной обстановке. В конце Семилетней войны Суворов уже исполнял должность начальника штаба легкого кавалерийского корпуса генерал-поручика Ф.Ф. Берга, а с ноября 1761 года стал командовать Тверским драгунским полком.

Румянцев отметил способности Суворова и представил его к производству в полковники. Когда летом 1762 года Суворов, прибывший с депешами из действующей армии, был представлен императрице Екатерине II, та объявила о его назначении

полковником Астраханского пехотного полка.

В апреле 1763 года Суворов начал командовать Суздальским пехотным полком, стоявшим в Петербурге, а затем — в Новой Ладоге. Он командовал им около пяти лет и за это время разработал свою первую программу обучения войска, получившую название «Суздальское учреждение».

В программе Суворова теория соединялась с практическим опытом, выработанным в ходе командования полком. Командир суздальцев вникал детально во все вопросы воспитания солдат, используя все новое, что так ярко было проявлено в ходе Семилетней войны. Суздальский полк за короткий срок превратился в образцовый, и это не могло не быть замеченным императрицей. С Суздальским полком Екатерина II лично участвовала в маневрах в районе Красного Села (в 1765 году) и особенно отметила солдат под командованием Суворова. 22 сентября 1768 года Суворов был произведен в бригадиры.

При начале боевых действий в Польше в период ее первого раздела Суворов был назначен командиром бригады, посланной для действий против отрядов Барской конфедерации. В эту бригаду был включен и Суздальский полк, название которого отныне стало связано с именем Суворова.

Уже в своем первом сражении под Ореховом 2 сентября 1769 года Суворов убедился на практике в правильности выбранных им приемов воспитания войск. В самом начале следующего года он был произведен в генерал-майоры.

Теперь бригада Суворова обороняла от конфедератов Люблинский

район. Основу бригады по-прежнему составлял Суздальский полк. Суворов установил в бригаде железную дисциплину, запретил обижать местное население. Все это помогло установлению дружеских отношений даже между воюющими сторонами.

Несмотря на то что численность суворовской бригады была невелика, ему все же удалось прикрыть коммуникации между Варшавой и русскими войсками, находящимися в другой части Польши, а также Литву и Волынь, куда фактически не было вторжений отрядов конфедератов. В октябре Суворов был награжден орденом Св. Анны.

С весны 1771 года бои с конфедератами возобновились с новой силой. В начале мая командующий русскими войсками в Польше генерал И.И. Веймари приказал Суворову подготовить экспедицию к Кракову, на который готовили нападение отряды конфедератов.

Вступив в Краков 20 мая, Суворов начал готовить наступление против крепости Ландскрона, в которой укрепились отряды конфедератов. Уже на следующий день крепость пала, и поляки во главе с их предводителем принцем Демюрье бежали.

31 мая Суворов разбил отряд маршала Пулавского под Замостьем. С разгромом отрядов Демюрье и Пулавского русские войска взяли под полный контроль краковское воеводство.

Но уже летом осложнилось положение в Великом княжестве Литовском, бывшем частью Польского королевства. На стороне конфедератов выступил литовский гетман Михаил-Казимир Огинский. В сентябре он направился в Белоруссию.

Навстречу ему вышли войска Суворова. 12 сентября произошло сражение под Столовичами. Несмотря на пятикратное превосходство в численности и достаточно сильно укрепленную позицию, войска Огинского были разбиты.

Войска конфедератов уже не могли оказывать серьезного сопротивления русской армии, которая контрролировала положение в большей части Речи Посполитой. И все же они попытались нанести удар остававшимися силами. 2 февраля 1772 года им удалось захватить Краковский замок. Попытки выбить из него поляков не увенчались успехом.

К Кракову прибыл с войсками Суворов, но и ему не удалось овладеть замком с помощью штурма. И тогда Суворов решил перейти к осаде крепости. В то время как русские войска осаждали замок, отряды поляков попытались ударить им в тыл, однако были разбиты. Суворов перешел к полной блокаде крепости, обложив ее со всех сторон. 15 апреля Краковский замок был взят. 700 человек, составлявших его гарнизон, капитулировали. Екатерина II пожаловала Суворову тысячу червонцев.

В польских кампаниях ярко проявились такие черты суворовского военного искусства, как быстрота, внезапность и умение одерживать победы над значительно превосходящими силами противника.

Одновременно с боевыми действиями в Польше русские войска воевали с Турцией. Русско-турецкая война 1769—1774 годов началась победами 1-й армии П.А. Румянцева при Ларге и Кагуле и русского флота при Чесме. Затем, однако, в военных действиях наступило затишье. Суворов

настойчиво добивался перевода в армию Румянцева, но только после окончания боевых действий в Польше ему удалось добиться этого назначения.

В середине мая Суворов был уже на Дунае. Командующий армией приказал ему числиться в дивизии генерала И.П. Салтыкова.

Скоро последовало и первое ответственное поручение — произвести поиск на турецкой стороне Дуная — на Туртукай. Турецкая крепость была расположена в сильно пересеченной местности и достаточно укреплена. Первоначальный суворовский замысел штурма был разгадан турецким командованием, а потому элемент внезапности мог быть утрачен. Вследствие этого Суворову пришлось менять свой план и наносить главный удар с устья Аржища, откуда турки его не ждали.

В ночь на 21 мая русские войска начали переправу через Дунай, а затем последовал штурм неприятельских укреплений. Это был первый поиск на Туртукай, после которого войска Суворова вернулись в Негоешти, где находился их лагерь.

28 июня последовал второй поиск. Несмотря на то что противник пытался помешать новой переправе русских, суворовские солдаты вновь овладели Туртукаем, захватив большое количество пленных и многочисленные трофеи. За действие на Дунае Суворов был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

Но общего перелома в войне добиться пока не удавалось. Румянецв не мог оставлять те ограниченные силы, которыми он располагал, за Дунаем и приказал отходить на левый берег. На правом, в районе Гир-

сова, был поставлен передовой пункт, оборонять который Румянцев поручил Суворову.

Турки понимали значение гирсовских укреплений и предприняли несколько атак, чтобы сбросить с них русские войска. Но все их атаки были успешно отражены Суворовым.

В кампанию 1774 года Румянцев решил перенести войну за Дунай. Одну из главных задач в предстоящей операции должен был выполнить Суворов, недавно произведенный в генерал-поручики. В районе Базарджика его корпус соединился с корпусом генерала М.Ф. Каменского, после чего русские войска двинулись дальше по направлению к Варне.

Продвижение, однако, было остановлено значительно превосходившими турецкими силами. Завязался встречный бой, в ходе которого обе стороны вводили в дело все новые и новые силы. Положение затрудняла сама местность, которая не позволяла русской пехоте развернуться в боевой порядок. Только после выхода из леса русские войска, построившись в четыре каре, атаковали турецкий лагерь у Козлуджи. Попытки турок контратаковать были отражены артиллерийским огнем. В течение трехчасового боя 40-тысячный турецкий корпус был разгромлен.

Крупнейшие турецкие крепости Силистрия, Шумла и Руцук были блокированы. Русский отряд перешел в Балканы и вступил в южную Болгарию.

21 июля был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор, с заключением которого Россия получила выход к Черному морю. К России отошли устье Дона и Днепра, крепости Азов, Кинбурн, Керчь и Еникале.

Турция признавала независимость Крымского ханства.

В ходе русско-турецкой войны 1765—1774 годов возросло мастерство суворовских войск и воинское искусство самого полководца. Оборона стала активной, она сопровождалась переходом в контратаки, использованием холодного оружия. Наступление предусматривалось с использованием массированных колонн, впереди которых действовали егеря (цепь стрелков); разгром противника завершался его преследованием, поскольку, как говорил Суворов, «недорубленный лес вырастает».

Уже после сражения при Козлуджи Суворов был срочно вызван в Москву. Прибыв туда, он получил приказ отправиться на подавление восстания Пугачева. Ему были предоставлены неограниченные полномочия и поставлен приказ: взять Пугачева живым.

Во главе небольшой команды Суворов отправился в район восстания. Но к тому времени войска под командованием И.И. Михельсона уже разбили главные силы самозванца, который ушел в заволжские степи. Следом за ним двинулся и Суворов.

26 сентября в Яицкий городок казаки привезли своего связанного предводителя, надеясь откупиться его головой. Суворов произвел первый допрос Пугачева, и под его личным присмотром тот был доставлен в Симбирск.

Летом 1775 года на торжествах по поводу заключения Кючук-Кайнарджийского мира Суворов был награжден золотой шпагой, украшенной бриллиантами.

Некоторое время Суворов провёл в Москве, занимаясь приведени-

ем в порядок дел после смерти своего отца, а также в Коломне, где стояли полки Московской дивизии, которой он командовал. Но в ноябре 1776 года он получил новое назначение.

Оно было связано с утверждением русского влияния в независимом от Турции Крыме, который теперь нужно было отстоять от происков вражеской агентуры. Султан не терял надежды вернуть себе полуостров, выбив с него русских с помощью крымских татар.

Часть полков Московской дивизии была направлена в Крым в состав Крымского корпуса, которым командовал А.А. Прозоровский.

Прибыв к Перекопу, где находилась главная квартира корпуса, Суворов вступил в командование войсками. В начале 1777 года он заменил заболевшего Прозоровского на посту командующего корпусом.

Основной задачей Суворова стало утверждение на ханском престоле Шагин-Гирея — младшего брата Девлет-Гирея, правившего Крымским ханством и являвшегося ставленником турецкого правительства. Екатерина II рассчитывала, что после утверждения на престоле Шагин-Гирея — сторонника русских, влияние турок на полуострове будет навсегда подорвано.

В начале марта 1777 года войска под командованием Суворова двинулись в сторону Арабата и вскоре достигли реки Бузлык. Девлет-Гирей бежал из Бахчисарая в Кафу (Феодосию). Собравшимся татарам Суворов объявил об утверждении прибывшего Шагин-Гирея на ханском престоле.

Осенью обстановка в Крыму и на Кубани осложнилась. Часть татарс-

ких мурз выступила против Шагин-Гирея, обратившись за помощью к туркам. В декабре Суворов был назначен командующим Кубанским корпусом с задачей обеспечить охрану государственной границы от Черного до Каспийского морей. В ходе руководства войсками Суворов создал единую оборонительную линию, подготовив ее к ведению круговой обороны.

Но пока Суворов находился на Кубани, обстановка в Крыму вновь осложнилась. Начались новые мятежи татарских мурз, предпринявших попытки свергнуть Шагин-Гирея.

Суворов получил приказ вернуться в Крым и, вступив в командование войсками, подготовить полуостров к отражению предполагаемого турецкого десанта. Эти опасения подтверждались нахождением в Ахтиарской бухте турецкой эскадры.

Применять военную силу Суворову было запрещено, поскольку Турция находилась с Россией в формально мирных отношениях. Однако последовали нападения на русские патрули и убийства русских солдат. Суворов был вынужден заявить протест командующему турецкой эскадрой, пригрозив принятием ответных мер. По его приказу в Ахтиарской бухте начались инженерные работы.

Чтобы подорвать экономическое влияние крымского хана, Суворов занялся переселением его христианских подданных в глубь России. Именно армяне, грузины и греки ранее облагались налогами, доход от которых шел в ханскую казну. Теперь Шагин-Гирей лишился этого важного источника доходов. Вначале хан был чрезвычайно недоволен поступком Суворова, но после приближения к берегам Крыма турецких

эскадр понял неизбежность своего нового положения — ведь в противном случае он не мог удержаться на троне.

21 марта 1779 года между Россией и Турцией была подписана конвенция, по которой Порта признавала положения Кючук-Кайнарджийского мирного договора и признавала Шагин-Гирея законным правителем Крыма. Россия обязывалась вывести войска с Крыма и Кубани. За урегулирование конфликта мирным путем Суворов был награжден орденом Св. Александра Невского.

22 января 1780 года Суворов получил приказ подготовить экспедицию в Персию с задачей утвердиться в Гилянской области и создать там надлежащие условия для русской коммерции. Суворов выехал в Астрахань и стал ожидать выделения ему войска для экспедиции. Но скоро он получил известие, что необходимость похода отпала, а ему самому нужно отправляться на Дон и вступить в командование войсками Казанской дивизии.

К этому времени у Екатерины II окончательно созрело решение присоединить Крым к России. Однако к этому необходимо было тщательно подготовиться, чтобы не допустить на полуострове мятежей сторонников Турции.

Суворов проводил тщательную подготовку своих войск к предполагаемому походу. В июне 1783 года он принял присягу ногайских племен на подданство России, предварительно установив с их предводителями дружеские отношения. Часть ногайских племен была переселена с Кубани в Уральские степи.

У части ногайских вождей это переселение вызвало недовольство, вы-

лившееся в беспорядки. Ногайцы, уже находившиеся на переходе в Уральские степи, теперь попытались вернуться обратно, но наткнулись на заслоны, выставленные Суворовым.

Это привело к столкновению ногайцев с русскими войсками, срыву переселения и уходу их за Кубань. Оттуда начались нападения на русские посты и пограничные поселения, и тогда Суворов решил провести новую экспедицию. У реки Лабы произошел бой с крупными силами ногайцев, последние были наголову разбиты.

После увещательных воззваний Суворова часть ногайцев откочевала на Волгу и Дон или переселилась за Большой Кавказский хребет. Теперь ногайцы не представляли угрозы спокойствию в Кубанском крае. Турция признала реку Кубань государственной границей между обеими державами. Шагин-Гирей удалялся с престола и переселялся в глубь России. Бахчисарай окончательно лишился ханского правления.

Весной 1784 года Суворов был вызван в Москву за новым назначением. Здесь он получил приказ вступить в командование Владимирской дивизией, однако большую часть времени провел в своем владимирском имении Ундол. В сентябре 1786 года он был произведен в генерал-аншефы.

Между тем дело неизбежно шло к новой войне с Турцией, не терявшей надежды вернуть себе Крым.

Незадолго до начала войны командующий Екатеринославской армией Г.А. Потемкин вызвал к себе Суворова и поручил ему оборону Кинбурн-Очаковского района. Этот район имел чрезвычайное стратегическое значение; овладев им, турки мог-

ли иметь прочное положение для высадки в Крым. Турецкое командование рассчитывало перебросить силы из Очакова на Кинбурнскую косу, захватить Херсон и повести наступление на Крым, одновременно высадив на полуостров десанты.

Суворов своевременно получил донесение о планах противника и перенес свой штаб на Кинбурнскую косу. Вблизи крепости уже появились корабли турок, начавшие обстрел русских позиций. 25 сентября они произвели отвлекающую высадку на косу, но, убедившись в надежности обороны, удалились на корабли. В конце сентября крепость постоянно подвергалась интенсивному обстрелу с кораблей. На мысе Кинбурнской косы противник начал постепенное закрепление своих позиций.

1 октября началась главная высадка пятитысячного турецкого отряда, атаковавшего русские посты. В 15 часов началось Кинбурнское сражение. На его первом этапе русские войска оттеснили противника к концу косы, но вскоре сами попали под огонь турецкой корабельной артиллерии и под натиском новых турецких сил вынуждены были отойти. В этот момент среди войск появился Суворов, организовавший новое контрнаступление. Жизнь полководца находилась в опасности, на него уже набросилось несколько янычар. Суворов был спасен русским гренадером, упредившим турок.

Русские вновь оттеснили турок к концу косы и снова попали под артиллерийский огонь. Был ранен и сам Суворов. Оставшись на поле боя, он продолжал руководить сражением.

С вводом в бой последних резервов наступил заключительный этап

сражения. Турки были выбиты из занимаемых укреплений и сброшены в море.

В конце сражения Суворов получил еще одно ранение в руку, но вновь остался в строю, руководя войсками. За Кинбурнскую победу Суворов был награжден орденом Св. Андрея Первозванного.

В кампании 1788 года Суворов продолжал командовать войсками, находящимися на Кинбурнской косе, готовя их к новым боям. Нападений на Кинбурн турки уже не предпринимали.

В конце июля Суворов отбыл из Кинбурна под Очаков, осажденный главными силами Екатеринославской армии. Он принял участие в ряде боев под стенами этой крепости, но в главном штурме 17 декабря не участвовал, поскольку вновь отбыл на Кинбурнскую косу из-за осложнившихся отношений с Потемкиным.

В кампании 1789 года основные боевые действия велись в низовьях Дуная, где русские войска действовали вместе с союзными австрийскими, которыми командовал принц Кобург. Сюда и был направлен Суворов, который принял под свое командование войска 3-й дивизии. Им надлежало обеспечивать правый фланг русской армии, имея при этом тесную связь с австрийцами.

В середине июля принц Кобург получил сведения о том, что верховный визирь Юсуф-паша намеревается нанести удар по его войскам и затем двинуться к Яссам и попытаться выйти в тыл всей группе русских войск. Для отвлечения внимания от направления своего главного удара визирь предполагал нанести отвлекающий удар турецкого корпуса из Измаила.

16 июля Суворов выступил на соединение с Кобургом и, пройдя за 26 часов около 40 верст, соединился с ним. В 3 часа ночи 18 июля союзные войска двумя колоннами выступили в направлении турецкого лагеря у Фокшан. Русские войска двигались скрытно, прикрываемые австрийским отрядом полковника Карачая.

На марше передовой отряд столкнулся с двигавшимися ему навстречу турецкими войсками и был отеснен. С вводом в сражение новых войск противник был отброшен за реку Путну. По наведенным мостам союзники начали переправу. Противник пытался помешать этому, но был отброшен к лагерю. На рассвете 21 июля главные силы союзников перешли реку по наведенным мостам и построились в две линии каре. На правом крыле находились австрийские, на левом — русские войска. За обоими флангами находилась конница, в центре боевой линии — отряд Карачая.

В 4 часа утра союзники перешли в наступление на турецкий лагерь. С приближением к Фокшанам боевые действия принимали все более ожесточенный характер. Турки атаковали фланг союзников, но были отражены артиллерийским огнем. Боевой порядок войск не был нарушен.

В 10 часов утра началась главная атака Фокшан. Турецкие войска заняли жесткую оборону, их пехота расположилась на правом, а конница — на левом флангах.

Под прикрытием артиллерийского огня русская пехота перешла в наступление. Союзная конница опрокинула турецкую кавалерию, а пехота атаковала турок в их укреплениях. Отступление турок превратилось в бегство. Часть их солдат укрылась

в монастырях. Заняв там прочную оборону, они вели интенсивный обстрел русских войск. Тогда в дело вступила артиллерия, пробившая в стенах одного из монастырей большие бреши, через которые устремилась русская пехота. Из другого монастыря турки были выбиты австрийскими войсками.

К 13 часам противник был разгромлен. Остатки его войск отступали к Браилову и Бухаресту, преследуемые союзной конницей.

В Фокшанском сражении противник потерял более 1,5 тысячи человек убитыми. Потери союзников были ничтожны и составили 15 человек убитыми и 100 ранеными. За победу при Фокшанах Суворов был награжден бриллиантовым крестом и звездой к ордену Св. Андрея Первозванного, а от императора Иосифа II получил табакерку с бриллиантами.

Сразу же после достигнутого успеха русские войска возвратились в Бырлад. Преследование противника было возложено на принца Кобурга.

Суворов настойчиво добивался от командующего войсками князя Н.В. Репнина, чтобы тот ударом по корпусу Гассан-паши, вышедшего из Измаила, закрепил Фокшанскую победу. Но Репнин не отважился на самостоятельные действия без разрешения Потемкина.

Воспользовавшись нерешительностью русского главнокомандующего, Юсуф-паша подготовил новое наступление против союзных войск. На этот раз в районе Браилова была сосредоточена огромная армия, насчитывавшая 90—100 тысяч человек.

Извещенный Кобургом о начале нового турецкого наступления, Суворов 8 сентября выступил из Пучени и, переправившись через раз-

лившийся Серет, 10 сентября соединился с австрийскими войсками. В течение двух суток русский корпус прошел 85 верст по размытой дождями дороге.

Прибыв к Кобургу, Суворов по обоюдному согласию с принцем возглавил общее командование над союзными войсками. Теперь их численность равнялась 23 тысяч человек при 72 орудиях. Им противостояла почти 100-тысячная турецкая группировка.

Изучив поле предстоящего сражения, Суворов понял, что все войско противника находится в четырех хорошо укрепленных лагерях, связанных между собой. Главная же позиция турок находилась у леса Крынгу-Мейлор. С фланга ее прикрывали овраги, покрытые кустарником и усиленные укреплениями у деревни Бага. Суворов не мог не заметить общей разбросанности войск противника и решил воспользоваться этим.

После захода солнца союзные войска выступили двумя колоннами в направлении деревни Тырго-Кукули, где находился один из турецких лагерей. Уже на рассвете следующего дня переправа была благополучно завершена, и союзные войска, построившись в две линии, по три каре в каждом, двинулись к югу. Некоторое время им удавалось скрыть направление своего движения, поскольку они шли через поля, поросшие высокой кукурузой. Но уже при подъеме на возвышенности начались стычки с турецкой конницей.

Узнав, что против них идет сам Суворов, с которым они уже имели дело под Фокшанами, часть турок бежала по бухарестской дороге к местечку Рымник. Тем самым противостоящая группировка была значи-

тельно ослаблена. Однако командир противника трехбунчужный паша Хаджи-Сойтари решил обороняться и атаковал русское правофланговое каре. Гренадеры при поддержке егерей отразили натиск противника, а затем кавалерия выбила турок с занимаемых позиций. Суворов даже дал противнику возможность отступить по бухарестской дороге с тем, чтобы сосредоточить свои силы против главного турецкого лагеря у Крынгу-Мейлора.

Теперь две союзные колонны были готовы атаковать самые сильные войска противника. Поскольку войска наступали по расходящимся направлениям, охватывая турецкий лагерь, командованию противника пришлось разбросать свои силы. На первом этапе боя турки попытались окружить корпус Кобурга, но австрийцы отразили контратаки врага. Одновременно был атакован и корпус Суворова, против которого действовали самые лучшие турецкие силы во главе с Осман-пашой, разбитым союзниками под Фокшанами. Осман-паша нанес удар во фланг и тыл левофлангового русского каре. Бой носил кровопролитный характер, но противнику так и не удалось добиться успеха, и он отошел к лесу Крынгу-Мейлор, где начал возводить укрепления.

Суворов решил обойти лес двумя колоннами. Уже на марше Юсуф-паша вновь попытался атаковать союзников, воспользовавшись тем, что их смежные фланги не были прикрыты. Но Суворов и Кобург вовремя достигли взаимодействия, и атака противника вновь не увенчалась успехом. При приближении к Крынгу-Мейлору русские соединились с австрийцами, образовав общую боевую линию. Те-

перь предстояло овладеть последними турецкими укреплениями. И здесь Суворов вновь решил действовать нетрадиционным способом.

Атака укреплений, обороняемых турецкой пехотой, осуществлялась кавалерией, двигавшейся между интервалами каре. Совместными усилиями пехоты, конницы и артиллерии сражение было завершено, и противник был выбит из своих последних укреплений. Несмотря на то что Юсуф-паша попытался лично остановить свои бегущие войска, ему так и не удалось этого сделать. Перейдя через реку Рымник, турки ушли в лагерь при Мартинешти. На протяжении шести верст союзники преследовали отступающего противника, но были вынуждены остановиться из-за общей усталости войск.

Уже на следующее утро Суворов выслал на другой берег Рымника конные отряды для разведки обстановки. Выяснилось, что в лагере уже нет турок. Противник продолжал бегство. Переправившись через реку Бузео, Юсуф-паша приказал снять за собой мосты. Большая часть его деморализованной армии была брошена на произвол судьбы. Сам великий визирь пришел в Браилов. Турки потеряли около 10 тысяч человек убитыми, 80 орудий, 10 знамен и весь свой огромный обоз. Потери союзников оказались незначительными.

За победу при Рымнике Суворов был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени и именем графа Суворова-Рымникского.

Большую часть кампании 1790 года Суворов находился у Бырлада, обеспечивая связь с австрийскими войсками. Но уже в августе Австрия заключила с Турцией сепаратный мир, и теперь суворовские войска,

выдвинутые к Бухаресту в ожидании решительных действий, могли быть отрезаны превосходными силами противника. Суворов получил приказ о возвращении и подготовке к действиям на Дунае.

25 ноября он получил новый неожиданный приказ — отправляться в район крепости Измаил и принять командование над осаждавшими его русскими войсками.

Измаил считался неприступной крепостью. Он был сооружен с помощью новейших приемов французскими и немецкими инженерами. Крепость имела вид неправильного треугольника, обращенного своим основанием к Дунаю. Высокие каменные стены были окружены шестиметровым валом, длина которого равнялась 6 км, с семью бастионами. Перед валом был ров, наполненный водой. Глубина его составляла от 6 до 10 метров. Измаил оборонял 35-тысячный турецкий гарнизон во главе с сераскиром Айдос-Мехмет-пашой. Гарнизон поддерживало 265 крепостных орудий.

До приезда Суворова осада Измаила велась нерешительно. Отсутствовало единое командование русскими войсками. Среди солдат начались болезни. Поэтому Суворов был наделен самыми широкими полномочиями. Он мог даже определить, можно ли штурмовать Измаил, или следует вернуться домой на «зимние квартиры».

2 декабря Суворов прибыл к Измаилу и узнал, что накануне на военном совете было принято решение о снятии осады и об отступлении. Но, ознакомившись с обстановкой, Суворов приказал начать подготовку к штурму.

Он нашел место недалеко от крепости, на котором за короткое вре-

мя выкопали ров, насыпали вал, внешне похожий на измаильский. Здесь солдаты стали тренироваться в преодолении препятствий. Против Измаила, как на берегу Дуная, так и на острове Чатал, лежащем против Измаила, воздвигались батареи. Изготавливались фашины и штурмовые лестницы.

Силы русских и турок были приблизительно равны (31 тысяча русских против 35 тысяч турок), и лишь по орудиям осаждающие войска имели значительное преимущество (500 русских против 265 турецких).

План Суворова предусматривал атаку крепости тремя группами под командованием П.С. Потемкина, А.Н. Самойлова и И.М. Дерибаса. В составе каждой группы было по три колонны. Штурм крепости поддерживался огнем гребной флотилии на Дунае. Эта же флотилия под командованием Дерибаса высаживала одну из действующих в штурме групп. Севернее Измаила находился 2,5-тысячный резерв. За короткий срок — 5 дней — подготовительный этап был завершен.

В крепость были направлены письма Потемкина и Суворова с требованием сдачи Измаила. На размышление давалось 24 часа. Комендант крепости отклонил это требование и просил на 10 дней заключить перемирие. Однако Суворов в следующем письме объявил, что «пощады им не будет».

На следующий день состоялся военный совет, который целиком высказался за штурм Измаила. Тогда Суворов вновь отправил сераскиру письмо, в котором требовал безоговорочной капитуляции, предоставляя один день на размышление.

Поскольку ответа коменданта не последовало, русские батареи 10 декабря начали артиллерийский огонь по стенам крепости.

В 3 часа ночи 11 декабря войска стали выдвигаться к стенам крепости, а в 5 часов по сигналу пущенной ракеты двинулись на штурм Измаила. К 11 часам утра войска ворвались в город. Однако бой на его улицах продолжался еще несколько часов. В ходе штурма был уничтожен почти весь гарнизон Измаила во главе с самим Айдос-Мехмет-пашой. Штурм был настолько кровавым, что впоследствии сам Суворов говорил, что на него он отважился единственный раз в жизни.

С падением Измаила турки лишились своего господства в низовьях Дуная. Суворов выехал в Петербург для доклада императрице.

Вследствие новой размолвки с Потемкиным по вопросу награды за штурм Измаила Суворов уже не принимал участия в завершающем этапе русско-турецкой войны 1787—1791 годов.

В начале мая 1791 года Суворов был послан на русско-шведскую границу осматривать пограничные укрепления. По возвращении в столицу Суворов представил доклад о мерах по усилению пограничных укреплений. После одобрения доклада императрица в июле возложила на Суворова общее командование русскими войсками в Финляндии. За короткий срок под его руководством были сооружены Роченсальмский порт и Сайменский канал на Карельском перешейке, составлены планы оборонительной и наступательной войны со Швецией, идеи которых были использованы впоследствии в

русско-шведской войне 1808—1809 годов.

Вновь обострившиеся отношения с Турцией потребовали назначения Суворова на должность командующего войсками в Екатеринославской и Таврической губерниях. Но до войны с Турцией дело не дошло. Полководца ожидало новое назначение в уже знакомую ему Польшу, где после ее второго раздела началось восстание под руководством Тадеуша Костюшки.

Восстание началось 13 марта 1794 года и охватило значительную территорию Польши. Русские войска, разбросанные по всей стране, не имели единого командования и стали нести потери. Екатерине II пришлось направлять в Польшу новые силы, доведя численность русской группы до 50 тысяч человек. Во главе русских войск был поставлен князь Н.В. Репнин. Но и он не смог поправить положение. Наконец, Екатерина II послала в Польшу самого Суворова, под командование которого поступали два корпуса — Ф.Ф. Буксгевдена и И.И. Маркова.

14 августа Суворов выступил из Немирова к Ковелю, где находились вверенные ему войска. Отсюда он предполагал идти к Кобрину, чтобы присоединить находящиеся по пути части. Поход за «собираением» войск проходил в ненастную погоду, по размытым дорогам. Обозы с продовольствием отставали, и нередко войска голодали. Вследствие этого пришлось делать остановку, и лишь 5 сентября войска вступали в Кобрин. Здесь уже произошло авангардное столкновение с польскими отрядами, отступавшими к Бресту.

На следующий день произошло столкновение с корпусом Сераков-

ского (16 тысяч человек и 28 орудий), состоявшим из лучших польских войск. После горячего штыкового боя противник отступил к Бресту. На следующий день корпус Сераковского перестал существовать.

Разгромив Сераковского, Суворов предполагал наступать на Варшаву, но этого не позволяло ни количество вверенных ему войск, ни общая обстановка, сложившаяся в Польше и Литве. И только после известия о пленении Костюшко при Мазеевичах военный совет под председательством Суворова принял решение о наступлении на Варшаву.

В ходе похода 25 октября Суворов разгромил при Кобылке польскую колонну, отступавшую к Варшаве, и расположил здесь свои войска лагерем.

При Кобылке собрались все силы Суворова — 30 тысяч человек. На дальнейшее усиление он уже не мог рассчитывать.

22 октября русские войска подошли к предместью Варшавы — Праге. Ее укрепления были достаточно сильны; они включали вал со рвом, впереди которых находились три ряда «волчьих ям». Позади укреплений были батареи. Прагу оборонял 30-тысячный гарнизон и 104 орудия.

Суворов, учитывая свой измаильский опыт, провел тщательную подготовку штурма, обучая войска брать неприятельские укрепления.

В 3 часа ночи 24 октября началось выдвижение войск в исходные для штурма районы. Два часа спустя по сигнальной ракете начался штурм. В ходе кровопролитного сражения Прага была взята. Чтобы избежать лишних жертв уже в самой Варшаве, Суворов в конце штурма лично распорядился ликвидировать плаву-

чий мост через Вислу, связывающий Прагу с польской столицей.

В этот же день к Суворову прибыла депутация магистрата для переговоров о сдаче города. Полководец выдвинул своим условием разоружение мятежных войск, после чего он гарантировал им спокойное возвращение домой. Суворов заверял, что никаких обид населению Варшавы он не допустит. На рассвете 29 октября русские войска вступили в Варшаву.

Из 16 тысяч человек, взятых в плен при штурме Праги, около 6 тысяч были отпущены по домам.

4 ноября магистрат Варшавы поднес Суворову от имени ее жителей табакерку с лаврами из бриллиантов с надписью «Варшава своему избавителю, дня 4 ноября 1794 года».

За взятие Варшавы Екатерина II произвела Суворова в генерал-фельдмаршалы. В январе 1795 года он был назначен командующим русскими войсками в Польше. На этом посту он пробыл до 7 октября 1795 года, после чего получил приказ императрицы о возвращении в Россию.

В начале 1796 года Суворов был назначен главнокомандующим армией на юго-западе России, состоявшей из двух дивизий. Штаб армии стоял в городе Тульчине. Здесь полководцем были написаны главные страницы его знаменитой «Науки побеждать», основанной на опыте русско-турецких войн и Польских походов.

После смерти Екатерины II Суворов вступил в конфликт с ее преемником императором Павлом I и был уволен в отставку. Вначале он выехал в Кобрин, где находилось имение, пожалованное ему покойной императрицей, а затем в село Кончанское (под Боровичами в Новго-

родской губернии). За Суворовым был учрежден строгий надзор специально присланного чиновника.

В конце января 1798 года из Вены обратились с просьбой направить для войны с республиканской Францией фельдмаршала Суворова. Несомненно, австрийцы хорошо помнили Фокшаны и Рымник — победы, которые были одержаны русско-австрийскими войсками в войне с Турцией, где так ярко блеснул суворовский гений.

Скоро выяснилось, что предложение о направлении в Италию русских войск под командованием Суворова поддерживает и британский двор, и Павлу I не оставалось ничего другого, как вызвать ссыльного полководца из Кончанского и возложить на него главное командование войсками, направленными в Италию. Он даже доверил Суворову своего сына, великого князя Константина, поручив ему учиться военному делу у великого полководца.

Павел I не стал стеснять Суворова мелочной опекой, разрешив ему вести войну так, как он сам умеет.

Вечером 14 марта 1799 года Суворов прибыл в Вену, восторженно встреченный ее населением. Он отказался сообщать великому двору и высшему военному совету (гофкригсрату) свои планы относительно ведения войны, сказав, что это можно будет сделать лишь после первой встречи с противником. Венский двор был вынужден присвоить Суворову звание фельдмаршала австрийских войск, передав ему верховное командование над ними.

Значительную часть русского войска составлял 17-тысячный корпус генерала Розенберга, посланный в Италию еще до прибытия к армии Суворова. Остальную часть союзно-

го войска (35 тысяч) составляли австрийцы. Это обстоятельство привело к тому, что Суворов был вынужден считаться с инструкциями, присылаемыми из гофкригсрата, и даже принять составленный им план кампании.

Союзным войскам противостояла французская группировка (58 тысяч) во главе с генералом Шерером, не пользовавшимся доверием своего войска. Остальные войска Директории во главе с генералом Макдональдом (28 тысяч) находились в Южной Италии, частично в качестве гарнизонов крепостей Ломбардии, Пьемонта и Лигурии.

Основной план Суворова, не выказанный гофкригсрату, сводился к вытеснению французских войск за Геную. Затем он предполагал овладеть Миланом и Туринном и выступить против армии Макдональда с целью ее последующего разгрома. От Генуи можно было идти на Париж, вторгнувшись в южные провинции Франции. В это же время австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла и русские под командованием генерала Римского-Корсакова вытесняли из Швейцарии армию генерала Массена и сдерживали на Рейне армию Журдана.

Союзные войска тремя колоннами продолжали наступление. 10 апреля была взята крепость Брешиа, через которую была установлена связь с австрийскими войсками в Тироле. 12 апреля авангард под командованием князя П.И. Багратиона овладел переправами через реку Ольо, а казаки на плечах противника ворвались в Бергамо. Через два дня союзники подошли к реке Адде, за которой находились главные силы Шерера. В случае дальнейшего отступ-

ления французский главнокомандующий потерял связь с войсками, действующими в Альпах, а также с частями, находившимися в Средней и Южной Италии. Ввиду этого Шерер растянул все свои войска на протяжении Адды.

Незадолго до начала переправы через Адду союзных войск Шерер был отставлен, а на его место назначен генерал Моро. Он приказал начать сосредоточение французских войск, пытаясь спасти положение, но было уже поздно. В ночь с 15 на 16 апреля союзники начали переправу. По плану Суворова часть австрийских войск должна была выйти французам в тыл с целью отрезать им путь к отступлению. Однако этому помешала медлительность австрийцев, и основная часть французских войск отошла.

В течение 15—17 апреля участь Ломбардии была решена, и перед союзниками открылся путь к Милану. В ходе сражения при Адде противник потерял свыше 2,5 тысячи убитыми и ранеными и 5 тысяч пленными.

За победу при Адде Суворов был пожалован бриллиантовым перстнем с изображением российского императора.

После форсирования Адды главной целью Суворова стало не допустить соединения армий Моро и Макдональда. Все основные цели на данном этапе Суворов считал малозначимым. В его тылу оставались блокированные крепости Пескиера и Мантуя на реке Минчио и Пицигетоне на Адде, взятия которых непрерывно требовал гофкригсрат. Это вынудило Суворова ослабить свою ударную группу, выделив из нее двадцатипяти тысячную армию генерала Края для осады Мантуи и обороны

Вероны, Бельяngo и Брешии. С остальными войсками Суворов собирался перейти реки Тичино и По, нанести поражение армии Макдональда, а затем повернуть к Турину против Моро. Тылу Макдональда должна была угрожать Неаполитанская армия, которой предстояло действовать вместе с русскими, британскими и турецкими отрядами.

21 апреля авангардные отряды союзной армии форсировали реку По и к 26 апреля расположились по ее обоим берегам. Суворов собирал сведения о противнике в надежде объединить войска в случае появления армии Моро или Макдональда.

Между тем Моро, отступая от Милана, пытался сохранить связь с Макдональдом и одновременно удерживать центр Пьемонта — Турин. С целью обеспечить проход армии Макдональда в Северную Италию через Флоренцию и Болонью Моро занял проходы через Апеннинские горы, соединившись с войсками, находившимися в Пармской, Моденской и Феррарских областях. Положение Моро имело значительные преимущества, в любом случае он раньше Суворова имел возможность подойти к Турину, а при нападении его на Макдональда мог угрожать союзникам с тыла.

В эти же дни союзными войсками была взята крепость Пескиера, с овладением которой они полностью контролировали свои коммуникации с Тиролем и Швейцарией. 28 апреля была взята Пицигетоне на реке Адде. После ее взятия тыл союзных войск был надежно обеспечен, и лишь Мантуя пока оставалась блокированной австрийскими войсками.

К началу мая перед союзниками встала новая задача — овладение

Туринном — крупнейшим городом Северной Италии. Уже 15 мая город был взят. Преследуемый союзниками Моро перешел Апеннины и спустился в Ривьеру Генуэзскую, откуда его и надеялся изгнать Суворов.

Спустившись с гор, армия Макдональда 1 июля вышла на равнину Северной Италии и у Модены разгромила отряд принца Гогенцоллерна, прикрывавший осадную армию, действующую против Мантуи. Бой у Модены позволил Суворову окончательно прояснить обстановку, и полководец решил, прикрыв свой правый фланг от возможного нападения Моро, с главными силами (26 тысяч) двинуться на Макдональда и разбить его до появления другой французской армии.

4 июня союзная армия двумя колоннами выступила навстречу Макдональду в направлении Пиаченцы. Уже на марше Суворов узнал об авангардных боях австрийских войск, вступивших в соприкосновение с армией Макдональда, и начал всеми силами ускорять движение. К 6 июня главные силы союзных войск вышли к будущему полю сражения при реке Треббии. В ходе трехдневных боев армия Макдональда была разгромлена. Французы потеряли около 18 тысяч человек убитыми и ранеными.

В это же время Моро, пытаясь оказать помощь Макдональду, напал на корпус Бельгарда, но, узнав о приближении главных союзных сил, отошел в Апеннины.

За победы на реке Треббии Суворову был пожалован портрет Павла I в бриллиантовой оправе.

Несмотря на громкую победу Венский двор не разрешил Суворову наступательные действия. Почти целый

месяц Суворову пришлось оставаться на месте, ожидая капитуляции Мантуи и Александрийской цитадели.

Положению помогало лишь то обстоятельство, что деморализованные французские войска, укрывшись за Апенниннами, не были способны к наступательным действиям.

18 июля Мантуя капитулировала. Павел I возвел Суворова в княжеское достоинство с титулом «Италийского».

Казалось, теперь открывались все возможности для наступательных действий войск союзников. Но в это время к остаткам армии Моро, получившим значительные пополнения, приехал новый командующий, генерал Жубер. Моро перемещался на пост командующего Рейнской армии.

Жуберу было приказано открыть наступательные действия. Но он сознавал, что у него для этого было недостаточно сил — всего 45 тысяч человек. Поэтому он попросил Моро остаться на несколько дней в его войсках, чтобы помочь ему своим опытом. На военном совете было решено двигаться через горы на север, навстречу союзным войскам.

Теперь Суворову уже не было необходимости предпринимать трудный горный поход, чтобы разбить противника на укрепленной позиции. Он расположил союзную армию таким образом, чтобы ее авангарды могли везде встретить противника.

На рассвете 3 августа французские войска подошли к городку Нови и оттеснили стоявший там авангардный отряд князя Багратиона. Выехав в авангардную цепь, Жубер неожиданно обнаружил на Тортонской равнине всю союзную армию, по своей численности значительно превосходящую его армию. Это ставило

французские войска под угрозу уничтожения в случае, если бы Жубер продолжил наступление. И командующий решил перейти к обороне, воспользовавшись преимуществом, предоставленным самой местностью.

На следующий день разгорелось сражение при Нови. В самом начале сражения Жубер погиб от случайной пули, и командование армией вновь принял Моро. Сражение за высоты было исключительно кровопролитным. С обеих сторон из строя было до десяти тысяч человек.

Лишь утром 5 августа союзникам удалось овладеть Нови. Днем капитулировала крепость Серравилле — ключ к Ривьере Генуэзской.

На следующий день русские войска настигли аррьергард армии Моро и почти полностью уничтожили его. Но в это же время Суворов получил новое приказание гофкригсрата — прекратить все наступательные действия и вернуться на прежние позиции. Это позволило остаткам армии Моро спастись.

Две недели русская армия отдыхала в лагере при Асте — местечке между Туринном и Тортоной. Суворов избрал это место, поскольку оно позволяло в случае возможного возобновления наступления армий Макдональда или Моро с успехом действовать как против одного, так и против другого.

За победу при Нови Павел I удостоил Суворова необыкновенной наградой. Он повелел «отдавать князю Италийскому, графу Суворову-Рымникскому, даже и в присутствии государя, все воинские почести, подобно отдаваемым особе его императорского величества».

Император Франц I не рекомендовал Суворову проводить операции

по овладению Ривьерой Генуэзской и предпринимать любые наступательные действия в пределах Франции. Но Суворов и сам понимал необходимость тщательной подготовки к походу на Париж и теперь добивался лишь возможности упрочить свои завоевания, доставив армии зимние квартиры в горах и в пределах Пьемонта.

Но австрийский император потребовал от Суворова окончательно отложить намерение о походе в Ривьеру Генуэзскую, поскольку считал, что французы и сами покинут ее по недостатку продовольствия. В гофкригсрате созрел план избавления от суворовских войск путем направления их в Швейцарию против Гельветической армии генерала Массена.

Летом 1799 года в Швейцарии находились отдельные отряды французских и австрийских войск. Австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла имели численное превосходство над французами (78 тысяч против 65 тысяч), и Суворов не раз просил эрцгерцога перейти в наступление и тем самым облегчить ему освобождение Северной Италии. Но Карл, не имея на это приказа гофкригсрата, продолжал оставаться на месте.

Пассивным положением австрийских войск воспользовался генерал Моро, разбитый при Нови. Он не стал отступать к Ницце, но, восстановив боеспособность своих войск, прикрыл горные проходы из Ривьеры в Пьемонт.

Все это заставило Суворова окончательно отказаться от похода в Ривьеру Генуэзскую и перейти к обороне, начав подготовку к отражению комбинированных ударов француз-

ских войск. Но вскоре выяснилось, что французы вновь перешли к обороне.

В начале осени ситуация вновь изменилась в пользу союзных войск. Уже в августе в Швейцарию вошел корпус Римского-Корсакова, начавший занимать оборону севернее Цюриха; туда же готовился вступить корпус принца Конде. Общее соотношение сил также складывалось в пользу союзников. Они имели 102,6 тысячи против 51 тысячи французских войск.

Суворов снова стал думать о походе во Францию. Он рассчитывал усилить свою армию частью войск из корпуса Римского-Корсакова, прикрыть западную границу Пьемонта и нанести главный удар из района Турина через Дофине на Лион — Париж. Уже к новому году Суворов рассчитывал войти в столицу Франции.

Однако планы Суворова коренным образом отличались от планов гофкригсрата. По замыслам австрийских стратегов, в Северной Италии должны были остаться лишь австрийские войска под командованием фельдмаршала Меласа. Из русских корпусов и корпуса принца Конде создавалась новая армия для действий в Швейцарии. Русские войска по-прежнему должны были быть готовы нанести удар по Франции, но теперь через Франш-Конте. Австрийские войска переходили на нижний и средний Рейн. Связь между ними обеспечивала «промежуточная армия».

Суворов понимал опасность ухода войск эрцгерцога из Швейцарии и сделал все возможное, чтобы помешать этому. Но тот имел повеление гофкригсрата сразу же после прибытия корпуса Римского-Корсакова вывести из Швейцарии все войска

до последнего солдата. Лишь корпус Готце (22 тысячи) временно оставался до прихода Суворова в Швейцарию. Теперь силы изменялись не в пользу союзников; корпус Римско-Корсакова оказывался в опасном положении. Это побуждало Суворова к скорейшему вступлению в Швейцарию. Он опасался не только за корпус Римского-Корсакова, но и за свои собственные войска, поскольку понимал, что в противном случае австрийцы могут прекратить их снабжение продовольствием.

7 сентября Суворов сдал командование армией Меласу и сообщил Францу I об окончании последних приготовлений к походу в Швейцарию.

Основной целью суворовского наступления в Швейцарии стал разгром 40-тысячной армии Массена, которая занимала позиции на горном хребте Альбис, простиравшемся в длину от трех до четырех миль. Массена хорошо укрепился на Альбисе, прикрыв свой фронт рекой Лиммат и надежно укрепив свой левый фланг. По плану Суворова корпус Римского-Корсакова должен был атаковать Массена с фронта, корпус Готца — его правый фланг, а корпусам Розенберга и Дерфельдена предстояло выйти французам в тыл.

Чтобы облегчить движение своих войск, Суворов приказал отправить все обозы и полевые орудия кружным путем через Милан и далее к Шафгаузену.

Обеспечение русских войск продовольствием и транспортными средствами возлагалось на Меласа. Уже в Таверно Суворова ожидали провиант на 12 суток и мулы для перевозки вьюков и горных орудий. Однако по прибытии в Таверно мулов обна-

ружить не удалось. Лишь спустя четыре дня вместо ожидаемых 1500 пришло лишь 650 мулов. Вьюки также не были заготовлены. Пришлось на пять дней задержаться в Таверно и самостоятельно начать подготовку к походу. Тем самым был утерян фактор внезапности, и Массена убедился в направлении главных суворовских сил и смог принять необходимые меры для укрепления своей обороны и перехода в наступление на корпус Римского-Корсакова.

Утром 21 сентября русская армия двинулась в северном направлении. За трое суток по горным перевалам было пройдено около 75 км.

Первым серьезным препятствием на пути русских войск стал перевал Сен-Готард, обороняемый дивизией генерала Лекурба. Эти силы контролировали единственную дорогу, ведущую через перевал, держа ее под обстрелом.

По плану Суворова атака французских позиций на Сен-Готарде должна была вестись как с фронта войсками корпуса Дерфельдена, так и с тыла — авангардом князя Багратиона. Несмотря на упорное сопротивление противника к вечеру 24 сентября русским войскам удалось овладеть перевалом и вступить в Госпиталь. Одновременно корпус Розенберга, двигавшийся параллельно с корпусом Дерфельдена, вступал в Урзери. Утром обе колонны соединились и двинулись к Швицу единственной дорогой, идущей вдоль реки Рейс, а затем через туннель Урнер-Лох. При выходе из туннеля дорога вела к каменному Чертову мосту.

Несмотря на краткость этого маршрута — 25 км — он представлял значительные трудности, поскольку сама местность давала значительные

преимущества обороняющимся. Но и такая преграда, как Урнер-Лох, была преодолена русскими войсками. Противнику даже не помогло то обстоятельство, что Чертов мост оказался разрушен. Русские солдаты наскоро заделали провал, перекинув через него найденные бревна. По ним через Чертов мост перешла вся армия.

Суворов попытался перерезать путь отступления дивизии Лекурба, направив ей наперерез австрийскую бригаду Адфенберга. Но Лекурб, используя против австрийцев все имеющиеся у него резервы, смог оттеснить их в долину реки Мадерана и прорваться из окружения.

Лекурб отошел к Альтдорфу, где решил принять бой, но, будучи атакован корпусом Розенберга с фронта и флангов, не выдержал натиска русских и отступил к Люцернскому озеру.

В течение шести суток противник был выбит из южной Швейцарии. Но уже в Альтдорфе Суворов понял, что дорог по берегам Люцернского озера, о которых ему сообщали австрийцы, не существует. Все суда для переправы через озеро были уведены французами.

Чтобы в кратчайший срок добраться до Швица, где намечалось соединение всех союзных войск, Суворов решил через горный хребет Росток выйти в Муттенскую долину, откуда к Швицу вела прямая дорога.

Авангард армии составлял отряд князя Багратиона. За ним двигались корпус Дерфельдена и бригада Ауфенберга. В арьергард для прикрытия тыла был выделен корпус Розенберга.

На рассвете 27 сентября суворовские войска начали переход Ростока. В Муттенской долине путь русской армии преграждал французский

отряд, выдвинутый со стороны Швица. В ходе обходного маневра князя Багратиона французы были окружены и сложили оружие.

Арьергард Розенберга также отразил у Альтдорфа две атаки дивизии Лекурба и затем беспрепятственно двинулся вслед за вьючным обозом.

В течение 27—30 сентября в Муттенской долине собралась большая часть русской армии. Здесь суворовским войскам предстояло соединиться с корпусом Римского-Корсакова, отрядом Готца и другими австрийскими войсками.

Но за день до прихода суворовских войск в Муттенскую долину численно превосходившие силы под командованием Массена разгромили корпус Римского-Корсакова у Цюриха, отбросив его к Шафгаузену. Одновременно дивизия Сульта, перешедшая Линт, разгромила Готце. Австрийский отряд отступил за Рейн.

Теперь Массена решил разом окружить и уничтожить всю суворовскую армию в Муттенской долине, закрыв из нее выходы со всех направлений. Превосходство сил было полностью на стороне Массена — 60 тысяч французов против 20 тысяч русских.

Удостоверившись в поражении корпуса Римского-Корсакова, Суворов созвал военный совет, на котором изложил общую обстановку, сложившуюся в результате предательских действий Венского двора. На военном совете было решено пробиваться через Брагель к Гларису на северо-восток.

Первым выступила бригада Ауфенберга, которая должна была сбросить противника с Брагеля и оттеснить его к Гларису. Сбив против-

ника с горы, австрийская бригада заночевала на берегу озера Кленталь, но на следующее утро была атакована дивизией Молитора. Командир австрийской бригады, не надеясь на скорую подмогу, уже вступал с Молитором в переговоры о капитуляции, но тут на поле появился отряд князя Багратиона.

Противник был отброшен, но смог закрепиться на новой позиции у озера Кленталь, откуда снова был выбит в результате обходного маневра. Молитор занял новую позицию у деревни Нефельс, но и с нее был сбит.

В результате двухдневных боев в Клентальской долине противник был оттеснен к северу, что, в свою очередь, дало возможность главным силам русской армии прорваться через Брагель.

30 сентября семитысячный арьергард Розенберга был атакован в Муттенской долине 15-тысячным отрядом, возглавляемым самим Массена. Однако подавить своим численным превосходством русские войска Массена не смог. Более того, в ходе одной из атак Массена сам чуть не попал в плен, будучи сбит русским солдатом с коня. Французы, не добившись победы, отступили к Швицу. На следующий день Массена попытался возобновить наступление, но потерпел еще более серьезное поражение.

Получив приказ Суворова следовать на соединение с главными силами армии, Розенберг принял меры к скрытному прорыву своих войск. Он отправил в Швиц распоряжение с требованием местным властям приготовить продовольствие на 120-тысячный отряд, который на следующий день вступит в город. Массена сосредоточил на позиции у Швица все

свои силы и стал поджидать корпус Розенберга. Но 3 октября он смог лично убедиться, что в Муттенской долине нет русских войск.

4 октября корпус Розенберга прибыл в Гларис, где уже были сосредоточены основные силы армии Суворова.

Двигаться через Нефельс и Моллис к Саргансу Суворов не мог, поскольку этот путь был прикрыт крупными силами французских войск. Русский полководец не мог рисковать армией, ослабленной непрерывными боями. Оставался иной путь, хоть и свободный от противника, но еще более трудный через хребет Паникс на Илану.

В ночь на 5 октября армия Суворова выступила из Глариса и двинулась по узкой горной дороге на юг.

Авангард возглавил М.А. Милорадович, арьергард — князь Багратион.

На пути русские войска не встречали противника, но противником в этом походе стала сама природа. Снег заносил дороги, мороз сковывал льдом мокрую одежду. Дров в обозах для обогрева также не было. Главным силам русского войска пришлось провести ночь на вершине хребта. С рассветом армия начала спуск по ледяным склонам Паникса.

В это же время арьергард князя Багратиона продолжал удерживать французов у Глариса и отражать их атаки. К 7 октября армия сосредоточилась у деревни Паникс, где был сделан привал. После двухдневного отдыха в городе Кур армия двинулась долиной Рейна к Фельдкирху, куда и прибыла 12 октября. Здесь армия Суворова расположилась лагерем.

Швейцарский поход 1799 года стал венцом полководческой деятельности Суворова. В ходе него были

продемонстрированы образцы авангардных и арьергардных боев, обходов позиций противника. Швейцарский поход 1799 года был одним из первых горных походов русской армии, в котором она показала, что перед ней нет непреодолимых препятствий. По выражению Суворова, «русский штык прорвался сквозь Альпы». Альпийский поход Суворова стоит выше альпийских походов Ганнибала, Евгения Савойского или Бонапарта. Те большей частью преодолевали лишь силы природы. Суворов же преодолел не только стихию, но и вооруженного противника, пытавшегося использовать природу Альп в своих интересах.

8 ноября Павел I присвоил Суворову звание генералиссимуса российских войск. Военной коллегии повелевалось вести переписку с генералиссимусом князем Италийским графом Суворовым-Рымникским «сообщениями, а не указами».

Еще во время перехода из Кура в Фельдкирх Суворов сообщил эрцгерцогу Карлу свой новый план удара по армии Массена. В течение трех дней он ждал, но так и не дождался ответа от австрийского главнокомандующего.

15 октября Суворов выступил из Фельдкирха и только в Линдау получил два письма эрцгерцога Карла. В ответном послании австрийский главнокомандующий, не соглашаясь с планом Суворова, предлагал свой собственный, в котором главную роль по-прежнему должны были играть русские войска при вспомогательном значении австрийских. Понимая, что такой план может вовлечь русские войска в новую катастрофу, Суворов сообщил эрцгерцогу о невозможности вести наступление по его плану.

18 октября военный совет армии принял решение о том, что «кроме предательства, ни на какую помощь от цесарцев нет надежды, чего ради наступательную операцию не производить...»

После соединения суворовских войск с корпусами Римского-Корсакова и принца Конде численность русской армии равнялась 35 тысячам человек.

В конце октября войска Суворова вышли в Баварию, а 8 ноября сам генералиссимус прибыл в Аугсбург, где разместил свою главную квартиру. Между тем произошел разрыв военного союза между Россией и Австрией, и Суворов получил приказ Павла I готовить армию к возвращению в Россию.

20 декабря русские войска прибыли в Прагу, восторженно встреченные местным населением. Здесь Суворов получил письмо Франца I с просьбой отложить возвращение русской армии на родину, поскольку он надеялся, что Павел I изменит свое решение о выходе из военного союза. Австрийцы опасались, что после ухода русских войск империя останется одна в борьбе с превосходящими силами Французской республики.

Русский император соглашался восстановить военный союз с Австрией, но выдвинул два условия: смещение главного виновника бедствий русских войск в Швейцарии — барона Тугута с поста главы правительства и возвращение тронов главам королевских домов Италии. Суворов получил приказ Павла I оставить армию на месте стоянки и заняться восстановлением ее боеспособности.

Но уже в конце 1799 года Павел I окончательно убедился, что его быв-

шие союзники стремятся использовать русскую армию для достижения собственных целей. Он принял решение о неучастии в новой антифранцузской коалиции. Немалую роль при этом сыграло и сближение с Наполеоном Бонапартом, ставшим первым консулом Франции.

Все это подвигло русского императора отдать Суворову окончательный приказ о возвращении армии в Россию. В конце января 1800 года суворовские войска двумя колоннами двинулись к русским границам.

Уже в Кракове Суворов сдал командование Розенбергу и в сопровождении князя Багратиона выехал в Петербург, где его ожидал Павел I. Однако в пути его настигла болезнь. Суворов вынужден был остановиться в своем кобринском имении. Император по-прежнему продолжал проявлять к Суворову внимание и прислал к нему своего лейб-медика И. Вейкарта.

Суворов почти поправился и вновь поспешил в столицу, где ему готовилась триумфальная встреча с отдаением всех подобающих почестей. Но неожиданно все приготовления были отменены, и Суворов оказался в новой опале.

До сих пор неизвестно, что именно послужило причиной немилости Павла I к своему генералиссимусу. По одним сведениям, содержащимся в императорском рескрипте, Павел I обвинил Суворова в том, что он держал при себе дежурного генерала, а это была прерогатива лишь монарха. По другим, в своих письмах Суворов обращался к королям Италии, называя их «братьями», что также подобало лишь законным монархам. Нельзя сбрасывать и того обстоятельства, что в это время против Павла I

уже начинал готовиться заговор, и участникам его необходимо было устранять преданных трону людей, каковым, несомненно, был Суворов. Используя подозрительность Павла I, заговорщики сумели очернить великого полководца в глазах его недавнего покровителя. Особенно активно в этом направлении действовал военный губернатор столицы и министр полиции П.А. фон дер Пален.

Последнее испытание окончательно подорвало силы Суворова и содействовало обострению его болезни. Почти месяц он пробыл в пути, останавливаясь для отдыха в Вильно и Риге. Вечером 1 мая его карета въехала в Петербург. Но вместо ожидаемого триумфа в столице его встретили лишь наиболее близкие друзья и родные.

Суворов остановился в доме на Крюковом канале у своего племянника Д.И. Хвостова и сразу слег в постель. Болезнь все более обострялась, и 6 мая 1800 года в 15 часов Суворов скончался.

Несмотря на то что гвардия не участвовала в похоронах под предлогом усталости от недавнего парада, состоявшиеся 12 мая похороны носили истинно народный характер. Отношение народа к личности Суворова показывает легендарный ответ суворовского солдата на вопрос, пройдет ли высокая погребальная колесница в узкие ворота Александрово-Невской лавры: «Наш Суворов везде проходил!» И, как отмечал Н. Греч, «в Павле доброе начало, наконец, взяло верх. Он выехал верхом на Невский проспект и остановился на углу Императорской библиотеки. Кorteж шел по Большой Садовой. По приближении гроба император снял шляпу, перекрестился и заплакал».

Многие поколения русских воинов приходят к простой плите с надписью «Здесь лежит Суворов». Уже спустя несколько лет после его смерти в Санкт-Петербурге был установлен памятник работы скульптора М.И. Козловского, где генералиссимус изображен в виде бога войны Марса. Памятники Суворову были установлены в Москве, Измаиле, Очакове, Тирасполе, Виннице — везде, где проходила боевая служба великого полководца. Не забыто его имя в Румынии, Болгарии и Швейцарии, где также сооружены величественные монументы в честь суворовских побед.

Мемориальные музеи Суворова созданы в Петербурге, Кончанском-Суворовском, Кобрине, Измаиле и в других местах службы Суворова.

О жизни Суворова написаны многочисленные труды, ему посвящены романы и поэмы, известным режиссером В. Пудовкиным снят фильм под одноименным названием.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов память о Суворове словно обрела второе дыхание. 29 июля 1942 года был учрежден орден Суворова трех степеней, которым награждались офицеры и генералы Советской армии за отличную организацию боевых операций и проявленные решительность и настойчивость в их проведении. Кавалером ордена Суворова № 1 стал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

Кодовое название «Суворов» было дано плану наступательной операции, в ходе которой летом 1943 года была освобождена Смоленская земля.

В августе 1943 года во многих городах Советского Союза были созданы суворовские училища, в которых воспитанникам давалось среднее

образование в сочетании с подготовкой будущих офицеров.

Заветом будущим поколениям звучат слова великого полководца: «Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, но я заключал доброе имя мое во славе моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию».

У

УШАКОВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ
(13.02.1745 — 02.10.1817) — адмирал (1799)

Замечательный русский флотоводец Федор Федорович Ушаков родился в 1745 году в небогатой дворянской семье.

В шестнадцать лет он поступил кадетом в морской корпус в Петербурге. Морской флот тогда находился в упадке, но вступившая на пре-

стол Екатерина II активно взялась за его восстановление.

Россия готовилась к новой войне с Турцией, а для успешной борьбы требовалось построить флот на Азовском и Черном морях. Строительство было поручено вице-адмиралу А.Н. Сенявину. Под его руководством с ранней весны 1769 года приступили к созданию военно-морской базы в Таганроге, постройке на Дону первых боевых кораблей.

Мичман Ушаков прибыл на Дон в числе офицеров, командированных в распоряжение Сенявина. 30 июля 1769 года он получил звание лейтенанта.

К весне 1773 года молодой русский флот завладел Азовским морем и перенес боевые действия в Черное море, успешно прикрывая берега Крыма от неприятеля и нанося ему ряд чувствительных ударов. Благодаря этому, положение русской армии в Крыму значительно улучшилось.

На четвертом году войны Ушаков получил в командование посыльный бот «Курьер», а потом и более крупное судно — 16-пушечный корабль «Модон». В конце войны Ушаков участвовал в обороне первой русской базы на побережье Крыма — в Балаклаве.

В 1775 году Ушаков был переведен на Балтийский флот.

После окончания войны Ушаков получил под командование фрегат, а в 1780 года был назначен командиром императорской яхты, но вскоре отказался от придворной карьеры. В том же году Ушаков стал командиром линейного корабля «Виктор», который охранял в Средиземном море русские торговые суда от враждебных действий английского флота.

С 1783 года Ушаков служил в новых портах Черноморского флота: в Херсоне и Севастополе.

Русско-турецкую войну 1787—1791 годов Ушаков встретил в ранге командира линейного корабля «Святой Павел».

Первый выход Ушакова в море в августе 1787 года в этом качестве в составе эскадры графа Марка Войновича окончился неудачно.

Во время поисков турецкого флота у румелийских берегов эскадру настиг страшный шторм. Один корабль погиб, другой был занесен в Босфор и захвачен турками. Остальные корабли вернулись в Севастополь и нуждались в продолжительном ремонте.

Но следующая «генеральная битва» между обоими флотами, в которой Ушаков в должности начальника авангарда блестяще проявил свое тактическое искусство, закончилась разгромом турецкого флота.

3 (14) июля 1788 года у острова Фидониси встретились русская эскадра в составе 2 линейных кораблей и 10 фрегатов под командованием контр-адмирала М.И. Войновича и турецкая эскадра Хасан-паши (17 линейных кораблей, 8 фрегатов, 3 бомбардирских корабля). Противник обладал явным превосходством в силах, но это не смутило командира авангарда русской эскадры Федора Федоровича Ушакова, смело напавшего на головные корабли турецкой эскадры. В результате этой атаки четыре турецких корабля, в том числе и флагманский, были сильно повреждены, что вынудило Хасан-пашу отдать приказ об отступлении.

Войнович, будучи человеком малоспособным и завистливым, пытал-

ся приписать победу своему руководству. Поэтому он в донесении о бое затушеввал роль Ушакова. Последнему пришлось отстаивать себя и заслуги своих подчиненных. С Войновичем у него начался конфликт, который должен был бы привести к отставке Ушакова.

Но обстановка изменилась, благодаря вмешательству Потемкина, по заслугам оценившего Ушакова и увидевшего в нем многообещающего флагмана. В 1789 году Ушаков был произведен в контр-адмиралы, а в 1790 году стал командующим Черноморским флотом, сменив на этом посту Войновича.

В 1790 году турецкое командование развернуло активные боевые действия на Кавказе и готовило десант в Крым. Высадка турецкого десанта в Крыму была сорвана русским Черноморским флотом, нанеся поражение турецкому флоту в Керченском морском сражении в июле и в сражении у Тендры в августе 1790 года.

8 (19) июля турецкая эскадра в составе 10 линейных кораблей, 8 фрегатов и 36 вспомогательных судов под командованием капудан-паши Хусейна встретилась с русской эскадрой (10 линейных кораблей, 6 фрегатов и 18 вспомогательных судов) под командованием Ф.Ф. Ушакова. Используя наветренное положение по отношению к русским кораблям и превосходство в артиллерии (1100 орудий против 860), турецкая эскадра с ходу атаковала русскую эскадру. Но Ушаков умелым маневрированием занял выгодное положение и, сблизившись с противником, метким огнем нанес потери авангарду и центру турецкой эскадры. От полного разгрома турок спасла лишь быстро-

ходность их кораблей и наступившая темнота.

Следующая встреча контр-адмирала Ушакова с капудан-пашой произошла в августе. В начале августа русская армия перешла в наступление против турецких крепостей на Дунае. Эскадра под командованием Ушакова получила приказ обеспечить проводку гребной флотилии из Днестровского лимана в устье Дуная для поддержки сухопутных войск.

Утром 28 августа эскадра Ушакова (10 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирский корабль и 20 вспомогательных судов), шедшая тремя кильватерными колоннами, обнаружила стоявшую на якоре у острова Тендры турецкую эскадру капудан-паши Хусейна (14 линейных кораблей, 8 фрегатов и 23 вспомогательных судна). Ушаков принял смелое и неожиданное решение — атаковать противника, не перестраивая эскадру из походного порядка в боевой. Не ожидавшие такого развития событий турецкие корабли стали в беспорядке отходить к устью Дуная. Но Ушаков все же вынудил противника принять бой и нанес нескольким турецким кораблям тяжелые повреждения.

На следующий день бой возобновился. Капудан-паша Хусейн хотел уничтожить русскую гребную эскадру до того, как она войдет в устье Дуная, но потерпел поражение. Турецкая эскадра стала отходить на Босфор. В ходе ее преследования русские моряки захватили 1 линейный корабль, потопили 2 других и несколько вспомогательных судов. Потери турок составили около 2 тысяч человек, русских — 21 убитый и 25 раненых.

Последним сражением русско-турецкой войны 1787—1791 годов стало морское сражение у мыса Калиакрия.

31 июля (11 августа) 1791 года русская эскадра под командованием контр-адмирала Ушакова (16 линейных кораблей, 2 фрегата и 19 вспомогательных судов) обнаружила у мыса Калиакрия турецкий флот (18 линейных кораблей, 17 фрегатов и 43 вспомогательных судна), стоявший под защитой береговых батарей. Прорвавшись между берегом и вражеским флотом, Ушаков расстроил боевой порядок противника, отрезал его от берега и открыл меткий артиллерийский огонь. Внезапно атакованные русской эскадрой, турецкие корабли, обрубив якорные канаты, в беспорядке отошли. Турецкому командующему капудан-паше Хусейну и командующему турецким авангардом Сейит-Али-паше так и не удалось восстановить порядок и нанести ответный удар. Турецкие корабли, большей частью поврежденные, обратились в бегство.

В сражениях с турецким флотом Ф.Ф. Ушаков выработал новую маневренную тактику, принципиально отличавшуюся от принятой в то время линейной тактики. Основными положениями тактики Ушакова стали применение единых походно-боевых порядков (в результате эскадра не тратила время на перестроение и могла сразу после обнаружения противника вступить в бой), быстрое сближение с противником на короткую дистанцию без перестроения боевого порядка. «Особое» внимание уделялось флагманским кораблям противника (с целью их повреждения, уничтожения или захвата, а также нарушения управления вражеской

эскадрой), выделение резерва, сочетание прицельного артиллерийского огня и маневра, преследование противника до полного уничтожения или сдачи в плен.

В 1793 году Ушаков был произведен в вице-адмиралы. Талант Ушакова как крупного флотоводца наиболее ярко проявился во время Средиземноморского похода русской Черноморской эскадры.

15 (26) июля 1798 года, после начала Египетской экспедиции генерала Наполеона Бонапарта, турецкое правительство обратилось к Великобритании и России с просьбой о военной помощи. В августе русское правительство направило эскадру Черноморского флота в составе 6 линейных кораблей, 7 фрегатов и 3 посыльных судов под командованием вице-адмирала Ушакова из Севастополя в Средиземное море. На борту кораблей эскадры находился и десант в 1700 человек.

24 августа (4 сентября) эскадра прибыла в Константинополь. 9 (20) сентября в Дарданеллах к русской эскадре присоединились турецкие корабли (4 линейных корабля, 6 фрегатов, 4 корвета и 14 канонерских лодок) под командованием вице-адмирала Кедыр-бея, который был подчинен Ушакову.

Ушаков разработал план по освобождению Ионических островов, имевших стратегическое значение и обеспечивавших французское влияние в Адриатическом и Ионическом морях и в восточной части Средиземного моря.

14 (25) сентября к берегам Египта для совместных действий с английской эскадрой адмирала Г. Нельсона был направлен отряд кораблей капитана 2-го ранга А.А. Сорокина (2 рус-

ских и 2 турецких фрегата и 10 турецких канонерских лодок). Затем 24 сентября (5 октября) к Ионическим островам был отправлен отряд капитан-лейтенанта И.А. Шостака с воззванием к грекам поднять восстание против французов. Отряд И.А. Шостака высадил на острова Китира десант, который овладел крепостью Сан-Николо. Через два дня к острову подошла эскадра Ушакова и сильным артиллерийским огнем принудила к сдаче гарнизон крепости Капсалион.

В течение октября русская эскадра, высаживая десанты и обстреливая французские крепости, освободила острова Закинтос, Кефалиния и Лефкас. 24 октября (4 ноября) отряд кораблей под командованием капитана 1-го ранга И.А. Селивачева (3 линейных корабля и 3 фрегата) подошел к Корфу, на котором находилась сильная крепость с гарнизоном 3700 человек и 636 орудий. Кроме того, подходы к острову Корфу прикрывал остров Видо, на котором находилось 5 батарей. Началась осада.

18 февраля (1 марта) 1799 года эскадра Ушакова артиллерийским огнем уничтожила все батареи на острове Видо и высадила десант. Одновременно был высажен десант на Корфу, которому удалось захватить передовые укрепления крепости. 19 февраля (2 марта) комендант крепости генерал Шабо был вынужден подписать акт о капитуляции. Впервые в истории крепость была взята с моря кораблями без применения в операции больших соединений сухопутных войск.

На освобожденных Ионических островах Ушаков создал «Республику семи островов», все коренное население которой, имевшее определен-

ный имущественный ценз, участвовало в местных органах управления, выбирало Большой совет и т.д.

Нельсон написал в Петербург английскому послу Уитворту, что он ждет прибытия русских войск к берегам королевства Обеих Сицилий.

Ввиду таких просьб Ушаков решил, еще не увозя всю свою эскадру от Ионических островов, выслать к южным берегам королевства небольшой отряд, состоящий из четырех фрегатов и десанта во главе с капитаном 2-го ранга А.А. Сорокиным.

22 апреля отряд Сорокина неожиданно появился у крепости Бриндизи. Ее удалось захватить довольно легко, ибо французский гарнизон во главе с комендантом крепости в панике бежал.

От Бриндизи отряд Сорокина пошел вдоль берега Италии до города Манфредония, где 9 мая был высажен десант численностью около 600 человек. Десант возглавил командир фрегата «Счастливый» капитан 2-го ранга Белли, который считался одним из лучших офицеров ушаковской эскадры. Высадившись в Манфредонии, Белли начал свой победоносный поход к Неаполю.

Флоту Ушакова в это время пришлось действовать под Анконой. Австрийское правительство (в то время главный «союзник» России) через русского посла в Вене Разумовского очень просило Ушакова отрядить часть своих кораблей в Адриатическое море, чтобы помочь взять Анкону, где находился двухтысячный французский гарнизон, а также оградить крайне важные для Австрии торговые перевозки в Адриатике.

1 мая 1799 года Ушаков отправил два русских корабля и два фрегата, а также турецкие корабли, два фре-

гата и корвет. Во главе эскадры был поставлен контр-адмирал Павел Васильевич Пустошкин.

7 мая 1799 года Пустошкин появился под Анконой. Его эскадра уничтожила или изгнала с моря итальянских и французских корсаров. Русские моряки также освободили от французских захватчиков Сенигалью и ряд других населенных пунктов Северо-Восточного итальянского побережья. Затем Пустошкин начал готовиться к взятию Анконы. Но тут Ушаков, по настоянию Нельсона, вынужден был внезапно отозвать эскадру Пустошкина к острову Корфу, так как распространились слухи о вступлении в Средиземное море сильного франко-испанского флота. К Корфу также был отозван и отряд Сорокина.

Ушаков принял ряд мер на случай встречи с вражеским флотом. Он собрал в Корфу всю свою эскадру, снабдил ее продовольствием и 25 июля отправился к берегам Сицилии на соединение с войсками Нельсона. 3 августа эскадра Ушакова пришла в Мессину.

К этому времени выяснилось, что опасность со стороны франко-испанского флота преувеличена. По просьбе Суворова, готовившегося начать наступление к берегу Генуэзского залива, Ушаков 19 августа отправил к Генуе под командованием Пустошкина три корабля и два малых судна, чтобы пресечь подвоз морем запасов противнику. В то же время к Неаполю был послан отряд Сорокина с тремя фрегатами и одной шхуной. Сам Ушаков с остальными кораблями пошел в Палермо для соединения с Нельсоном.

Когда военные действия против французов закончились, эскадра

Ушакова должна была идти к Мальте, но не смогла сразу этого сделать по ряду причин. Во-первых, Нельсон хотел оставить русскую эскадру у неаполитанских берегов, во-вторых, турецкий отряд под командованием Кадыр-бея самовольно ушел в Константинополь и флот Ушакова уменьшился, а в-третьих, Рим находился под властью французов, грабивших город.

Ушаков сделал все от него зависящее, чтобы идти к Мальте. Ему даже удалось восстановить относительный порядок на турецком флоте, однако длительных результатов добиться не удалось — турецкий отряд сбежал в Константинополь.

16 (7) сентября около 1000 человек русских десантников вступили в Рим.

В конце 1799 года, когда русская эскадра собралась уйти из Италии, король Фердинанд выпросил у Ушакова, чтобы еще на некоторое время в Неаполе остался отряд Белли.

Частям ушаковской эскадры было суждено еще принять боевое участие в действиях против неприятеля в Лигурийском и Адриатическом морях. Однако в это время ухудшились отношения Ушакова с австрийским двором.

По настоятельной просьбе Австрии Ушакову еще в июне 1799 года пришлось отделить от своего флота особую эскадру под командованием графа Войновича и послать ее к Анконе.

В результате блокады в Анконе начался голод, усиливалось дезертирство из французского гарнизона, запертого в городе.

В сентябре под Анкону прибыл австрийский отряд генерала Фрелиха, который тут же затеял ссору с Войновичем. Войнович считал, что

австрийцы хотят поправить под Анконой свою военную репутацию, а Фрелих стремился к тому, чтобы русские убрали свой десант с берега и вообще ушли из Анконы. Конечно, Войнович не желал отказываться от победы. Он узнал, что Фрелих завел с французами переговоры о капитуляции, и доложил об этом Ушакову. Последний также получил донесение, что Фрелих выпустил неприятеля из Анконы.

Между Войновичем и Фрелихом произошел громкий скандал, и Фрелих пожаловался Ушакову. Тот немедленно написал ответ, в котором настаивал на том, что Войнович имеет полное право на начальствование в освобожденных русскими силами местах. Ушаков был возмущен тем, что Фрелих начал переговоры с французами о капитуляции. Он также сообщил о сдаче Анконы императору Павлу, а тот, в свою очередь, сообщил о действиях Фрелиха в Австрию. Ретивый генерал был смещен и даже отдан под суд.

Затем Ушакову пришлось послать часть своих сил к Генуе на помощь австрийцам. Сложность была в том, что Геную можно было захватить только с помощью пехоты, а на суше австрийцы не имели помощи от русских.

Под Генуей Ушаков опять-таки столкнулся с трусливым поведением австрийцев и, естественно, сообщил об этом Павлу. Таким образом, Россия вскоре разорвала союз с Австрией.

31 декабря 1799 года (11 января 1800) Ушаков получил приказ императора Павла I вернуться на родину. В октябре 1800 года эскадра Ушакова вернулась в Севастополь.

Заслуги Ушакова не были оценены императором Александром I, который назначил его на второстепенную должность главного командира Балтийского гребного флота и начальника флотских команд Петербурга, а в 1807 году уволил в отставку.

Федор Федорович Ушаков умер в своем имении и похоронен в Санакарском монастыре близ города Темников.

30 ноября 2000 года решением Комиссии по Канонизации Русской Православной Церкви Ушаков был причислен к лику местночтимых святых Саранской епархии.

Ф

ФАБРИЦИАН ФЕДОР ИВАНОВИЧ

(1735—1782) — участник русско-турецкой войны (1768—1774), генерал-майор (1779)

Учредив орден Св. Георгия и возложив на себя по старому орденскому обычаю 26 ноября 1769 года знаки достоинства 1-й степени, Екатерина II менее двух недель была единственным человеком в России, имевшим «Георгия». Уже 8 декабря того же года появился еще один, по праву считающийся действительно первым, кавалер военного ордена: подполковник Фабрициан.

Всю свою жизнь Федор Иванович Фабрициан отдал русской армии. В 1749 году, имея от роду всего четырнадцать лет, он становится солдатом и шесть лет постигает трудную, порой жестокую, но благодарную науку побеждать. Незадолго до Семилетней войны — в 1755 году —

Фабрициан получает свой первый офицерский чин. Что он получил его не напрасно, — показали поля Пруссии: молодой прапорщик дерется храбро и умно, и даже два ранения подряд не лишают его боевого куража.

С первых дней боев в начавшуюся вскоре русско-турецкую войну Фабрициан, уже произведенный к этому времени в подполковники, — в гуще событий.

Россия, вступив в войну с Турцией в 1768 году, боевые действия начала практически лишь в следующем, 1769 году. Впрочем, как и ее противница. До этого, несмотря на то что турки поторопились объявить войну, обе стороны были к ней не готовы.

Война приняла более решительный характер с назначением генерал-аншефа П.А. Румянцева командующим Первой, основной, армии. По выходу на зимние квартиры, новый командующий, прекрасно зная, что армию более и быстрее всего губят безделье и неверие в собственные силы, приказал вести активные поиски на Браилов, Галац и другие находящиеся в зоне достижимости наших войск турецкие города-крепости...

11 ноября отряд подполковника 1-го гренадерского полка Фабрициана, насчитывавший 1600 человек пехоты и кавалерии и направлявшийся к Галацу, где, как было известно, находились значительные силы осман, для разведки боем, был внезапно атакован уже невдалеке от города. Силы турок насчитывали не менее семи тысяч янычар и спагов — лучшей среди всей турецкой армии пехоты и конницы. Ими командовали достаточно опытные военачальники: сераскир Мегмет-Урфа-валаси, Абаза-

паша, Салатин-валаси и анатолийский владыка Гаджи-Али-бей.

Османь, со всех сторон окружив отряд Фабрициана, замкнули кольцо и начали его сжимать. Счет времени сразу пошел на мгновения — еще минута-другая, и турки, используя свое численное преимущество и огонь артиллерии, раздавят небольшую партию русских. Командиру отряда надлежало принять единственно правильное решение. И он его принял: чтобы очистить дорогу, Фабрициан бросил свою егерскую пехоту на турецкую батарею, молниеносно сбил заслоны, переколот и разогнал прислугу и захватил орудия.

Пушки тут же развернули, и по еще не успевшим прийти в себя от такой быстрой смены обстановки туркам был открыт массированный артиллерийский огонь почти в упор.

Противник не выдержал картечного ливня и обратился в бегство, ища спасение на берегу Дуная и в его волнах. Русские повисли у неприятеля на плечах, и тому несмотря на все старания так и не удалось оторваться от преследования до самой воды. Поэтому пришлось переправляться под аккомпанемент русских ружей и артиллерии.

Османь лишь на поле боя потеряли более 1200 убитых. И среди них — Абаза-паша и Гаджи-Али-бей. Много было и утонувших, и еще больше — сдавшихся в плен.

Этот бой на фоне всеобщего затишья был настолько значим, что командующий нашел необходимым известить о нем и Петербург. Ответ не заставил себя долго ждать — Фабрициану был пожалован орден Св. Георгия сразу 3-й степени.

Подобное отличие — отныне и навсегда Фабрициану было суждено

войти в российскую военную историю и занять в ней одно из почетнейших мест — ни в малой степени не повлияло на характер и образ жизни подполковника. Он оставался, кем был всегда — солдатом. Лишь в 1778 году он был произведен в бригадиры, а в 1779 году — в генерал-майоры и назначен состоять при пограничной дивизии новороссийской губернии. Но старые раны давали о себе знать — особенно одна, полученная при осаде Килии в 1771 году — и поэтому, прослужив недолгое время в новой должности, генерал-майор Фабрициан написал рапорт о предоставлении ему возможности поправить расстроенное в боях и походах здоровье. Просьбу заслуженного генерала уважили — Фабрициан уехал в Петербург. Но раны и годы лишения не оставляли его, и в 1782 году он умер в столице, не дожив и до пятидесяти лет.

Ш

ШЕИН АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ

(1662 — 12.02.1700) — участник русско-турецкой войны (1686—1700), ближний боярин (1695), генералиссимус (1696)

Алексей Семенович Шеин был сыном стольника и свою службу при дворе начал в том же звании.

В 1680 году он был направлен воеводой в Тобольск, а через два года вновь возвратился в Москву и начал быстро продвигаться по службе. В том же 1682 году Шеин был пожалован в бояре. Занимая видное место при дворе, он после смерти Алексея Михайловича принимал уча-

стие в чине коронования на царство Ивана и Петра.

В следующем, 1683 году боярин Шеин был направлен на воеводство в Курск, получив под свой присмотр некоторые стрелецкие полки, высланные из Москвы.

В 1684 году Шеин направляется к южным границам, имея особое поручение по осмотру и приведению в порядок ряда пограничных крепостей в связи с угрозой начала войны с Турцией.

В 1686 году он формирует воинские части в Коломне перед первым крымским походом. Личное участие Шеин принимал во втором походе на Крым, который проходил под начальством князя В.В. Голицына. В этом походе он командовал Новгородским разрядом.

Судьба Шеина круто изменилась с началом самостоятельного царствования Петра I. С первых дней боярин Шеин стал поддерживать все начинания молодого государя и стал непосредственным участником всех его потех. Особенно Шеин приветствовал намерение Петра по созданию русского флота и в 1693 году ездил с царем в Архангельск.

Когда весной 1695 года Петр решил двинуться к Азову, Шеин был назначен одним из главных воевод в русском войске и принимал деятельное участие в осаде этого города. Осада не была успешной, поскольку турки получили помощь с моря, пользуясь тем, что у русских не было флота. В конце сентября русское войско ушло обратно, так и не взяв город. Несмотря на неудачу Шеин был награжден Петром I — он получил звание ближнего боярина и наместника псковского, а также деревни в Алатырском уезде.

В 1696 году Петр предпринял новый поход на Азов. В этом походе Шеин был назначен главным воеводой и получил под свое командование все сухопутные силы. К Азову войско вышло весной и в начале июня достигло крепости.

Осада, начавшаяся 7 июня, пошла гораздо успешнее, чем в минувшем году, так как вновь выстроенный флот прекратил подвоз с моря подкреплений и запасов в осажденную крепость. Атаки татар, пришедших на помощь осажденным, были отбиты. Крепость держалась долго. Русские артиллеристы, не имея опыта ведения обстрела, не могли нанести значительного урона крепостным стенам. Тогда Петр решил заменить их иностранцами, и дело пошло успешнее. В середине июля в стенах Азова была пробита брешь, что позволило донским и малороссийским казакам пойти на приступ и занять вал. И 18 июля турки решили капитулировать.

Петр предоставил честь завоевания Азова Шеину, который занял первое место в церемонии триумфального въезда в Москву. В грамотах об этой победе, разосланных по всем европейским столицам, Шеин именовался как покоритель Азова. Кроме того, Шеину был пожалован чин генералиссимуса, тем самым он стал первым в России военным, возведенным в это высшее воинское звание. Ему поручалось командование всеми русскими войсками во время поездки Петра за границу. А переведя Иноземный приказ под начало Шеина, Петр I тем самым подчеркнул особое к нему доверие. (Впоследствии, однако, первым российским генералиссимусом в историографии стали называть А.Д. Меншикова. Ведь Шеин ни военными дарованиями, ни

ратными подвигами не блистал. Просто у Петра I не было тогда под рукой других полководцев).

Вскоре Петр отправился в свое первое заграничное путешествие, а Шеину пришлось вновь сразиться с турками, пытавшимися вернуть Азов. Но вначале он выступил против крымских татар, готовившихся к походу против германского императора, с которым Россию связывал союзный договор. Шеин удачно исполнил обязательства России перед германским императором — татары были разбиты, угроза нападения ликвидирована.

Но вскоре Шеин получает донесение о движении большого турецкого войска к Азову и спешит на его защиту. Он разбил турок у Когальника и легко привел к покорности ногайцев и татар, живших у Кубани.

Но к внешним проблемам прибавились и внутренние. Усмиренные в 1689 году стрельцы, недовольные тем, что их держали вдали от Москвы, начали волнения.

Летом 1698 года стрелецкие полки, получив приказ двигаться к литовской границе, подняли восстание. Некоторым стрельцам удалось побывать в Москве и получить от царевны Софьи письма, в которых она просила стрельцов помочь ей занять российский трон. Под влиянием этих писем стрельцы окончательно взбунтовались и двинулись к Москве.

Навстречу им вышел Шеин с 4 тысячами регулярного войска и 25 пушками. Встретившись со стрельцами 17 июня 1698 года у Воскресенского монастыря, Шеин вначале попытался уговорить их, убедить мятежников подчиниться приказам правительства и отправиться обратно. Однако убеждения не действова-

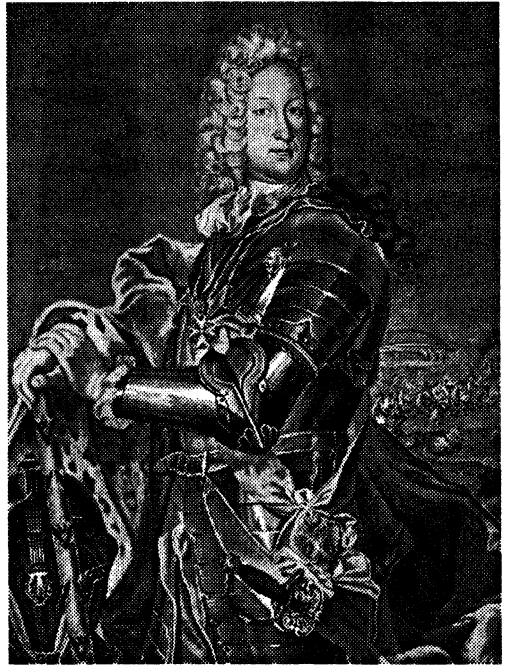
ли, стрельцы стали открыто высказываться против Петра. Тогда Шеин был вынужден разогнать их пушками, а затем приступил к розыску зачинщиков. Многие стрельцы были казнены и повешены на дороге, а остальных заключили под стражу в тюрьмы и монастыри. Спешно проведя розыск, Шеин не сумел выявить участия царевны Софьи в этом бунте. Это вскрылось через два месяца, когда в Россию вернулся Петр и лично провел расследование. Сей факт стал причиной недовольства царя действиями Шеина, но еще большему гневу царя послужило известие о том, что в его отсутствие Шеин позволил производить в офицерские чины подчиненных за взятки. Однако разрыва между ними не произошло. Продолжая поддерживать государя во всех нововведениях, Шеин одним из первых лишился бороды, которую Петр отрезал собственноручно.

В конце 1699 года он ездил с царем в Воронеж, где строился русский флот. Это стало последней поездкой Шеина.

12 февраля 1700 года Алексей Семенович Шеин скончался и был похоронен в Троице-Сергиевой лавре.

ШЕРЕМЕТЕВ БОРИС ПЕТРОВИЧ
(25.04.1652 — 17.02.1719) — граф (1706), участник русско-турецких (1686—1700, 1710—1713) и Северной (1700—1721) войн, генерал-фельдмаршал (1701)

Борис Петрович Шереметев не занимал среди соратников Петра I особого положения. Выходцу из старинного аристократического рода претило много нового, появившегося в обычаях русского царя, что шло вразрез с его представлениями о царском

величии. Не импонировало ему и то, что Петр I окружал себя людьми из «подлых» фамилий, мало считаясь при этом с интересами фамилий древних. Он так и не смог приспособиться к новому двору, которому оставался чужд до конца своих дней.

Но при том в нем проявилось иное качество, во многом чуждое новому окружению царя, — близость к солдатской массе. Именно заботой о солдате первый российский фельдмаршал остался в памяти русского войска, с которым он был связан на протяжении своей достаточно продолжительной жизни.

Боевые действия русских войск под командованием Шереметева во многом напоминали черты военного искусства предшествующего столетия — они отличались медлительностью, осторожностью, отказом от рискованных операций. Шереметев любой ценой пытался добиться численного превосходства над противником

и только после этого мог чувствовать себя уверенным на поле боя. Военное искусство Шереметева занимало промежуточное положение между искусством старого и нового времени, во многом отражая личность самого фельдмаршала.

Генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев происходил из древнего рода, ведущего свое происхождение от Андрея Кобылы. В течение XVI—XVII веков Шереметевы, благодаря своей родовитости и огромным земельным владениям, занимали ведущие посты в русском войске и заседали в Боярской думе.

Отец фельдмаршала Петр Васильевич Большой несколько лет был воеводой в Киеве, где проникся западным влиянием и как бы по наследству передал их своему сыну, ставшему впоследствии верным соратником преобразователя России.

Борис Петрович родился 25 апреля 1652 года. Ранние годы своей молодости он провел в Киеве, где проходила служба его отца. «Мать городов русских» навсегда сделалась любимым городом Шереметева. Впоследствии он даже завещал похоронить себя здесь, даже если смерть постигнет его в другом городе.

По некоторым сведениям, Борис Шереметев учился в Киевской коллегии (впоследствии Академии), находящейся в Киевской лавре. В доме своего отца Борис Шереметев познакомился с представителями польской аристократии. Впечатления от этих встреч не могли не отразиться на мировоззрении Шереметева, хорошо воспринимавшего как польскую культуру, так и польский язык. Впоследствии, уже при дворе Петра I, Шереметев завоевал у посещавших царя иностранцев репутацию самого веж-

ливого и наиболее культурного человека.

Государственная служба Бориса Шереметева началась с отправления обязанностей при дворе царя Алексея Михайловича. Он сопровождал царя в поездках по монастырям и царским селам или стоял рындой на его торжественных приемах.

В 1679 году он был назначен в Большой полк товарищем воеводы. Спустя два года получил место на должность воеводы недавно организованного Тамбовского разряда.

В 1682 году, по случаю восшествия на престол царей Петра и Иоанна, Шереметев был пожалован в бояре. Это делало его членом Боярской думы и давало возможность принимать личное участие в управлении государственными делами.

Одно из первых важных назначений Шереметева было участие в составе делегации в переговорах с прибывшим в Москву польским послом. Поскольку срок Андрусовского мира 1667 года истекал, русское правительство было заинтересовано в закреплении за Московским государством Киева. Этому вопросу, главным образом, и были посвящены переговоры, начавшиеся в 1686 году в Москве.

Речь Посполитая остро нуждалась в союзе с Москвой для борьбы с Османской империей. Русская делегация обещала разорвать мирный договор с султаном и пойти войной на Крым, если Польша откажется от Киева. Это вынудило поляков окончательно проститься с мечтой о возвращении «матери городов русских».

Победа на переговорах принесла Шереметеву звание «ближнего боярина и наместника Вятского». В составе посольства он был в Варшаве,

а, получив от короля ратификационную грамоту, с тем же посольством отправился в Вену для уведомления короля Леопольда о заключении «вечного мира» с Польшей.

После возвращения из Вены Шереметев получил назначение на должность воеводы Белгородского разряда, где проходила новая Засечная черта, ограждавшая русские земли от набегов крымской конницы.

В 1688 году он принял участие в походе войск под командованием князя В.В. Голицына на Крым, совершаемого по условиям мирного договора с Польшей. В этом походе Шереметев проявил храбрость, но особо его боевые таланты пока не проявились. Более того, в сражениях в Черной и Зеленой долинах крымская конница смела его отряд и обратила в бегство.

В Белгороде Шереметев оставался до 1695 года, когда Петр I вызвал его в Москву и поручил формирование 120-тысячной армии для предполагаемой войны с Турцией.

Конечной целью новой войны должен был стать Азов. В то время как сам Петр во главе полков нового строя и московских стрельцов должен был двинуться к Азову, армия во главе с Шереметевым, составленная из дворянской конницы и казаков, направилась к низовьям Днепра, отвлекая на себя внимание крымских татар.

Шереметев, уже имевший опыт борьбы с Крымом, пытался предупредить царя о рискованности всего предприятия. Все же он смог сформировать армию и повести ее в поход.

В том же году армия Шереметева взяла хорошо укрепленный Кизы-Кермень на Днепре. Это так испугало турок, что они без боя оставили

еще три укрепленных городка. И все же, не желая рисковать, Шереметев не пошел на Крым, а повернул на Украину.

В следующем, 1696 году Шереметев получил приказ царя соединиться с войском гетмана Мазепы и двигаться на Очаков. Однако войско Шереметева дошло лишь до реки Берестовой, где и остановилось. Шереметев вновь не пожелал рисковать и упустил возможность с ходу ворваться в Крым, где фактически не было татарского войска.

Несмотря на такие незначительные результаты похода, Петр I понял, что в лице Шереметева он получил полководца нового образца. И потому по возвращении Шереметева из похода устроил ему за взятие Кизы-Керменя торжественную встречу — своеобразный триумф в стиле древних традиций.

После окончания азовской кампании Шереметев вернулся в Белгород, из которого он выехал на поле брани войны, принесшую ему великую славу и звание первого фельдмаршала Российской империи.

С января 1700 года Шереметев уже назывался «генералом» и начальником «дворянской нестройной конницы». Формирование дворянского ополчения подвигалось туго, и к сентябрю Шереметеву удалось собрать лишь пять тысяч человек.

14 сентября его войско было под Нарвой, куда в конце месяца прибыл и сам царь. 26 сентября Петр приказал Шереметеву проверить дороги к Везембергу, по которым, как он предполагал, могло двигаться шведское войско во главе с Карлом XII. Шереметев во главе шеститысячного отряда дошел до Веземберга, но, не

встретив нигде шведов, повернул обратно, предварительно расставив по дорогам небольшие отряды для наблюдения за движением противника.

Тем временем Карл XII, находившийся в Риге, напал на русский разъезд у Вириэла. Под натиском пятитысячного шведского отряда русский разъезд отошел. Но прибывший к нему на помощь Шереметев разбил противника, взяв двух шведских офицеров, и отошел к Пихиношу. Карл XII последовал за ним, но Шереметев, не принимая сражения, отошел к Нарве. В это время Петр I покинул военный лагерь, поручив главное командование герцогу фон Круа.

На следующий день началось Нарвское сражение. Длинный фронт русских войск был прорван, к тому же шведам помогала метель, бившая в глаза русским солдатам. В панике конница Шереметева переправилась через Нарову, потеряв при переправе 90 тысяч человек. Умело действовавший против турок и татар Шереметев оказался бессилем противостоять отлично обученным войскам Карла XII.

Однако отношение Петра к своему генералу не изменилось, поскольку иного выбора у него не было. Две недели спустя после Нарвского сражения он поручил ему идти в шведские земли и нанести сколько возможно вреда противнику. Главным противником Шереметева был губернатор Восточной Прибалтики генерал Шлиппенбах.

В декабре Шереметев попытался захватить Аллету (Мариенбург), но был вынужден отступить. Единственным достижением конных отрядов Шереметева было лишение шведских войск провианта.

В начале сентября 1701 года Шереметев направил три отряда к Репниной мызе. Командование самым крупным из них он поручил своему сыну Михаилу. В ходе рейда противник потерял около 300 человек убитыми и две пушки. Потери русских составили 9 человек. Это была первая победа над шведами.

Новый поход в Эстляндию был тщательно подготовлен и основан на собранных разведкой сведениях о противнике. Шереметев знал, что главные силы шведов находятся у мызы Эрестфер и насчитывают 78 тысяч человек. Они готовились атаковать Печорский монастырь под Псковом, возле которого располагались на зимних квартирах русские войска. Шереметеву нужно было упредить противника, нанеся ему удар первым.

Корпус Шереметева (18 тысяч) выступил из-под Пскова в шведские земли 23 декабря 1701 года. Оставив обоз, русская конница пробиравалась налегке, чтобы достичь внезапности. Это почти удалось, поскольку шведы, празднуя Рождество, не догадывались о подходе противника. Лишь 27 декабря их посты обнаружили русских, однако Шлиппенбах не спешил принимать меры.

К 11 часам утра 29 декабря русские драгуны подошли к Эрестферу и напали на шведский лагерь. Первый их натиск был отражен картечным огнем шведской артиллерии. Но вскоре к Эрестферу подошла русская пехота с артиллерией, и положение на поле боя изменилось. В ходе пятиминутного сражения отряд Шлиппенбаха был наголову разгромлен. Остатки шведского отряда отошли к Дерпту. Шереметеву досталось

150 пленных, 16 пушек и весь фураж обозов с продовольствием, заготовленный в Эрестфере.

Шереметев попытался организовать преследование противника, но был вынужден отказаться от этого намерения из-за сильного мороза. 4 января 1702 года русские войска вернулись в Псков, где им была устроена торжественная встреча.

Но особенно торжественно праздновали победу при Эрестфере в Москве. По существу, это был второй триумф Шереметева. Звучала пушечная пальба, звонили колокола, народ угощали вином и пивом. С кремлевских башен свисали трофейные знамена. По случаю победы открылся первый общедоступный театр. За победу при Эрестфере Шереметев был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и был произведен в фельдмаршалы.

В России убедились в возможности побеждать шведов, и первым доказал это Шереметев у Эрестфера.

Однако и Петр I, и Шереметев понимали важное обстоятельство — при Эрестфере был разгромлен не Карл XII, а лишь один из его генералов. Сам король находился в Саксонии и преследовал войска короля Августа. Потому было принято решение придерживаться оборонительной стратегии, одновременно обучая армию воевать по-новому.

Однако уже в марте 1702 года обстоятельства изменились. Петр I узнал, что Карл XII находится на подступах к Варшаве, а, следовательно, Шлиппенбах не может получить от него подкрепления. И он приказал фельдмаршалу быть готовым к походу в Эстляндию.

Желая добиться укомплектования войска людьми и боеприпасами, Ше-

реметев оттянул поход до июля. Он смог достичь численного превосходства над противником — в его войске было 18 тысяч человек, в то время как у Шлиппенбаха — всего 7 тысяч. Большую часть русского войска составляла конница, и лишь немного было пехоты.

18 июля войска Шереметева подошли к мызе Гуммельсгоф. Здесь русский авангард столкнулся со шведским отрядом. Вначале шведы потеснили русских и даже отбили у них несколько орудий, но затем подоспела пехота и ударила на шведскую конницу. Та в панике бежала, сбивая собственную пехоту, оставляя ее на произвол судьбы. Из 7-тысячного шведского отряда лишь трем тысячам человек удалось добраться до Пярну. Русский отряд отделался незначительными потерями.

Победа при Гуммельсгофе дала Шереметеву полную власть над Восточной Лифляндией. Он отправил в разные концы края отдельные отряды, приказав им уничтожить продовольствие для шведского войска.

В продолжение двухмесячного похода удалось захватить крепости Мензу и Мариенбург; в последнем в числе пленных оказалась и будущая жена царя Марта Скавронская (будущая императрица Екатерина I).

9 сентября Шереметев с войском вернулся в Псков, ведя с собой свыше тысячи пленных солдат и офицеров, 51 орудие и 26 знамен.

Поход Шереметева имел чрезвычайно важное значение — устранялась угроза русскому тылу и создавались условия для возвращения земель в районе реки Невы. Шереметев впервые руководил целой кампанией на отдельном театре военных действий.

Осенью царь приказал Шереметеву овладеть крепостью Нотебург, обороняемой гарнизоном в 450 человек. Несмотря на небольшие размеры, крепость была достаточно хорошо вооружена (142 орудия), находилась на острове, омываемом Ладожским озером, и была обнесена высокими каменными стенами.

27 сентября начались осадные работы, а три дня спустя Шереметев отправил коменданту ультиматум с требованием капитуляции. Комендант попытался добиться отсрочки, прося четверо суток на размышления, и тогда Шереметев приказал начать бомбардировку Нотебурга.

От имени всех офицерских жен супруга коменданта направила в русский лагерь барабанщика с письмом, в котором просила дать свободу выхода из крепости. Но находившийся в лагере Петр ответил, что такая свобода им будет дана, если они возьмут с собой и своих мужей.

7 октября начались приготовления к штурму, а 11 сентября начался и сам штурм. После упорного 13-часового боя крепость пала, хотя за это пришлось заплатить дорогую цену — русский отряд потерял 564 человека убитыми и 928 ранеными.

Петр переименовал Нотебург в Шлиссельбург («Ключ-город») и отпраздновал его взятие торжественным парадом войск через триумфальные ворота в Москве.

Следующей победой Шереметева на невских берегах стало взятие Ниешанца. 22 апреля 1703 года 20-тысячное русское войско, в котором находились Шереметев и сам Петр, появилось под стенами крепости. Русский отряд имел возможность ворваться в Ниешанц на плечах про-

тивника, но командир авангарда не проявил инициативы, и время было упущено.

30 апреля подготовка к штурму завершилась, и Шереметев послал осажденным ультиматум с требованием сдачи крепости. Комендант отказался капитулировать, но уже на следующий день после первой бомбардировки выкинул белый флаг. Капитуляцию гарнизона принимал сам Шереметев. 16 мая 1703 года близ Ниешанца был заложен новый город Санкт-Петербург.

Сразу же после взятия Ниешанца Шереметев повел войска к Копорью, где предъявил коменданту требование о сдаче. Однако получил ответ: «Сами не уйдем». Однако после первой же бомбардировки на следующий день комендант капитулировал.

Почти одновременно с Копорьем капитулировал и Ям, который войско Шереметева осаждало две недели. После сдачи крепости ее укрепления были усовершенствованы, и в Яме разместился русский гарнизон.

В августе Шереметев получил приказ Петра отправиться в Псков через Лифляндию и Эстляндию. Во главе пехотных и драгунских полков Шереметев двинулся в уже знакомый ему край.

Узнав о вторжении войска под командованием Шереметева, Шлиппенбах отступил на запад, сжигая за собой мосты и уничтожая запасы. В течение месяца Лифляндия была разорена как шведами, так и русскими, и в конце сентября русские войска стали на зимних квартирах вблизи Печорского монастыря.

Таким образом, в 1703 году войска фельдмаршала Шереметева заво-

евали землю древней Ингрии с выходом к Балтийскому морю.

В апреле 1704 года по приказу Петра к Дерпту был направлен корпус под командованием Шереметева. Фельдмаршал, как мог, оттягивал начало выступления, желая более тщательно подготовиться к походу, и лишь после нескольких напоминаний царя 21-тысячное войско вступило в Лифляндию.

Его авангард подошел к Дерпту в ночь с 3 на 4 июня. Прибывший к городу Шереметев убедился в силе его укреплений. Стены Дерпта имели шесть бастионов, на которых стояли 132 орудия самых разных калибров. Город защищало 5-тысячное шведское войско, не считая вооруженного гарнизона.

Начались осадные работы, сопровождающиеся дуэлью русской и шведской артиллерии и вылазками из Дерпта войск противника.

Затянувшаяся осада Дерпта привела под его стены самого царя. Одновременно с осадой Дерпта русские войска осаждали и Нарву, где работы тоже двигались туго, и Петр I опасался, что, воспользовавшись затруднениями русских войск, Карл XII перебросит из Швеции подкрепления в Прибалтику, прежде всего под Нарву. Сам Шереметев считал подобные слухи дезинформацией, специально распространяемой комендантами вражеских крепостей. Кроме того, Петр рассчитывал после быстрого овладения Дерпта перебросить под Нарву освободившуюся осадную артиллерию.

После прибытия царя к Дерпту интенсивный обстрел крепости возобновился. Русские пушки пробили в ее стенах три бреши, и в ночь с 12 на 13 июля начался штурм горо-

да. Комендант крепости полковник Шютте предлагал почетную капитуляцию, но Петр разрешил гарнизону лишь вывезти свои семьи и месячный запас продовольствия. Вся крепостная артиллерия и запасы боеприпасов достались русским.

Петр вернулся к Нарве, куда вскоре вызвал и Шереметева. Но фельдмаршал был болен и смог отправиться в лагерь царя лишь после его четырех указов о прибытии под Нарву. 9 августа после ожесточенного приступа город пал.

19 августа под стенами крепости был подписан русско-польский союзный договор о совместной борьбе со Швецией. Согласно договору, в помощь королю Августу выделялся 12-тысячный русский корпус, а также выплачивалась ежегодная субсидия в размере 200 тысяч рублей.

Уже осенью 1704 года Шереметев получил приказ Петра I отправиться во главе корпуса русской конницы против корпуса генерала Левенгаупта, находящегося в Литве. После прибытия в Витебск Шереметев обнаружил, что фураж для лошадей отсутствует, и решил не выходить в поход до тех пор, пока он не будет доставлен в войска. Раздосадованный поведением своего фельдмаршала, Петр прислал в Литву Меншикова, доставившего Шереметеву указ о переподчинении части его войска, прежде всего пехоты, фельдмаршалу Георгу Огильви, недавно нанятому на царскую службу.

Конница по-прежнему оставалась под командованием Шереметева, но русский фельдмаршал был чрезвычайно недоволен создавшимся положением, ведь фактически своим указом Петр создавал в армии двоевластие.

Шереметев продолжил подготовку к походу, но зимой поход так и не состоялся. Лишь весной русские войска начали наступление на корпус Левенгаупта. Русский авангард внезапно напал на Митаву и полностью уничтожил находящийся там шведский гарнизон. Главные силы Левенгаупта укрепились у Гемацертюфа (Мур-Мызы).

Не желая терять время на атаки достаточно сильных позиций, военный совет решил выманить из нее шведов и затем ударить по их флангу сосредоточенной в лесу кавалерией. Однако подобный план желал осуществиться и сам Левенгаупт. Он стал демонстрировать ложный отход с позиций. Часть русских офицеров действительно решила, что противник уходит, и, не сообщив об этом Шереметеву, начала его преследование. Вслед за тем и другие русские полки атаковали шведов.

Казалось, что победа будет на стороне русской конницы, но вдруг драгуны наткнулись на шведские обозы и принялись их грабить. Это дало Левенгаупту возможность привести свои войска в порядок, а затем и самому перейти в контрнаступление.

Под покровом темноты войска Шереметева отошли, потеряв 13 пушек и 10 знамен.

Это было единственным поражением Шереметева за годы Северной войны, но оно скоро было забыто из-за новых побед, одержанных под руководством самого Петра I. 4 сентября пала Митаву, а 13 сентября шведы были разгромлены под Бауском. В это же время корпус Шереметева прикрывал главные русские силы от удара по ним корпуса Левенгаупта, находившегося в Риге.

В конце 1706 года, после возвращения из Астрахани, где он руководил подавлением стрелецкого восстания, Шереметев вновь оказался в действующей армии. Это было незадолго до вторжения шведских войск в Россию, и теперь фельдмаршал вновь оказался на главном направлении. Под его непосредственным руководством сейчас было 57,5 тысячи человек — главные силы русской армии. Ей противостояло 25-тысячное войско во главе с самим Карлом XII.

В августе 1707 года шведское войско покинуло Саксонию и вторглось в пределы России. Несмотря на то что шведский король мечтал о генеральном сражении, Петр I не дал Карлу XII такой возможности и начал отступление с целью постепенного изматывания войск противника. Царь постоянно находился в главной армии, и Шереметев, нередко проявлявший особую осторожность в руководстве боевыми действиями, теперь окончательно потерял инициативу. Но даже тогда, когда царь отбывал в Петербург, как это было весной и в первой половине лета 1707 года, в армии оставались люди, которые авторитетом своего положения заставляли игнорировать все распоряжения фельдмаршала. Таким человеком прежде всего был фаворит царя генерал-лейтенант Меншиков — сторонник активных действий.

В начале марта 1708 года в местечке Бешенковичи (юго-западнее Витебска) состоялся военный совет, который обсудил план кампании, предложенный Меншиковым. Он предлагал в случае наступления войск Карла XII начать отход, предварительно опустошив весь край. Но Мен-

шиков настаивал на том, что если пехотные войска будут отходить, то кавалерия, напротив, перейдет к решительным действиям, нанося удары по шведскому тылу, в то время как нерегулярная кавалерия (прежде всего казаки) станет тревожить фланги противника.

Разделяя идеи Меншикова об оборонительной стратегии, Шереметев резко выступил против разделения русской армии, поскольку считал, что в подобном случае обоим родам войск невозможно будет поддержать друг друга в случае опасности. Он также не мог понять, как русская кавалерия станет действовать в разоренной дотла местности.

Споры переросли в конфликт между главнокомандующим и командующим кавалерией. Шереметев был даже готов отказаться от своего поста, если из армии не будет отставлен Меншиков.

Но Петр, в целом разделяя взгляды Шереметева, оставил Меншикова на прежней должности, и летом 1708 года, после отъезда Петра I из армии, конфликт перерос в новую стадию.

В связи с укреплением обороны на водных рубежах — Березине и Днепре — вновь возникли споры о том, как действовать, если шведы начнут форсирование рек.

Меншиков считал, что с войсками Карла XII лучше всего справится его кавалерия, которой будет оказывать содействие пехота. По мнению же Шереметева, оборонять Березину должны кавалерия и пехота, посаженная на коней, поскольку в противном случае пехота может оказаться добычей шведов. Опасался Шереметев (и в этом его поддерживал царь)

и невольного втягивания русских войск в генеральное сражение.

И все же на военном совете опять победило мнение царского фаворита. 14 июня Карл XII перешел Березину южнее Борисова. Этого Меншиков, сосредоточивший свою кавалерию у самого городка, никак не ожидал.

После поражения в Головчинском сражении русские войска отошли к Днепру.

Вскоре в армию прибыл Петр I. Он, как уже говорилось, во многом разделял идеи Шереметева, но новые известия заставили его внести коррективы в планы кампании. Царь узнал, что на соединение с войсками Карла XII из Риги движется корпус Левенгаупта, сопровождающий огромный обоз с продовольствием и боеприпасами. Военный совет решил выделить из главной армии особый корпус (корволант) во главе с самим Петром I и направить его против Левенгаупта. Шереметеву же с остальным войском предписывалось продолжать отступление.

28 сентября корпус Левенгаупта был разгромлен у деревни Лесной. Шереметев получил об этом известие от шведского офицера, который по неосторожности захватил в Стародуб и здесь был схвачен казаками.

После разгрома корпуса Левенгаупта Карл XII повернул свои войска на Украину, куда звал его гетман Мазепа. Но здесь шведы попали в еще более тяжелое положение. Королевская армия, со всех сторон обложенная небольшими отрядами, действующими в тылу, таяла на глазах. Продовольствия также не поступало, и шведы постоянно были вынуждены менять места своей стоянки.

Зимой 1709 года Петр отозвал Меншикова в Воронеж, а Шереметеву приказал сформировать отряд для действий в тылу противника. Этот отряд должен был одновременно быть и достаточно подвижным, и сильным, чтобы его молниеносные действия наносили урон войску шведского короля.

Но Шереметев не был способен к действиям партизанского характера, склонность к которым проявлял начальник его кавалерии. Шереметев разгромил отряд из 450 человек, однако Петр I ждал от своего фельдмаршала более громких побед. Шереметев, однако, не оправдал его надежд. Он упустил отряд генерала Крейца, а его победа над семью кавалерийскими полками под Решетилвкой ограничилась лишь захватом гурта скота.

В гневе Петр I отобрал у Шереметева Преображенский полк, передав его под командование Меншикова.

В апреле главные усилия войск Карла XII сосредоточились у Полтавы. Осадные работы сочетались со штурмами города шведами, но гарнизон отражал все атаки противника.

Опасаясь, что в конечном итоге шведы все же захватят Полтаву, Шереметев попытался оказать ей поддержку небольшими партиями, действующими в тылу противника. Но Петр I уже готовился перейти к новой стратегии и приказал фельдмаршалу двигаться на соединение с войсками Меншикова, находящимися в районе Полтавы. Соединившись с Меншиковым, Шереметев стал добиваться разрешения царя перевести часть войска через Ворсклу и организовать на другом берегу укрепленный лагерь, из которого непрерывно беспокоить шведский тыл.

4 июня 1709 года под Полтаву прибыл Петр I, взявший на себя руководство боевыми действиями. После обсуждений на военном совете предложения Шереметева 16 июня было решено начать переправу.

27 июня произошла Полтавская битва, за которую фельдмаршал Шереметев был пожалован деревней Царская Грязь.

Сразу же после небольшого отдыха Шереметев был отправлен в Прибалтику. Его главной задачей стало овладение Ригой. Царь надеялся, что осада города обойдется русским войскам дешевле, чем ее штурм. Однако вышло все наоборот: осадные работы затянулись, и в войске Шереметева начался мор, унесший до 9800 жизней.

Осада Риги началась в начале октября 1709 года. В ноябре в осадный корпус приехал с инспекцией Петр I, лично сделавший по городу три выстрела. Царь скоро отбыл в Петербург, приказав корпусу продолжать осаду. Но в декабре Шереметев отвел войска на зимние квартиры и, оставив под Ригой часть войск под командованием Репнина, уехал в Москву. Встретившись с царем, он объявил ему, что войска Репнина полностью обеспечены провиантом до середины следующего года. Но неожиданно Петр I узнал от самого Шереметева, что в войсках по прошествии двух месяцев начался голод, а среди местного населения встречаются случаи людоедства. Петр направил сына фельдмаршала Михаила к отцу с целью затребовать от того письменного объяснения, а до окончания расследования приказал во всем повиноваться посланному под Ригу Меншикову.

После начавшейся в русском лагере чумы Меншиков покинул осадный корпус, и Шереметеву пришлось одновременно и осаждать Ригу и бороться с мором, охватившим войска и осажденных жителей Риги. 11 июня он потребовал от коменданта города сдачи. Но комендант просил на раздумье четыре недели и даже стал доказывать, что ему необходимо выяснить в Динаминде, может ли он надеяться на помощь. Фельдмаршал отказал в просьбе и снова стал настаивать на сдаче Риги.

4 июля 1710 года город капитулировал. Перед своим уходом из города генерал-губернатор и его чиновники вывезли из города не только свое имущество, но даже библиотеку и архив.

После торжественного вступления русских войск в Ригу 7 августа последовала капитуляция Динаминда.

Но еще до сдачи Динаминда Петр I известил Шереметева о его будущем новом назначении. Назревала война с Турцией, которая готовилась оказать поддержку ставленнику Карла XII Станиславу Лещинскому, претендующему на польский престол. 13 августа Шереметев выехал из Риги, но уже с полдороги был по приказанию царя возвращен обратно в Прибалтику. Оставшиеся генералы сообщили фельдмаршалу, что в войсках имеется минимум продовольствия и достать его негде, поскольку все окрестности опустошены.

В ноябре 1710 года султан объявил войну России. Русские войска выступили в поход, но Шереметеву Петр I приказал оставаться под Ригой и любой ценой достать продовольствие для ее гарнизона. Фельдмаршал покинул Ригу лишь 11 февраля 1711 года и отправился к юж-

ным границам. Проезд по дорогам затрудняла оттепель и половодье.

Войска для похода не были собраны, но Петр I торопил события. Шереметев пытался возражать, доказывая, что войска устали после непрестанных походов 1709—1710 годов, не имеют ни продовольствия, ни подвод и ощущают недостаток в боеприпасах. На Украине, по которой проходили русские войска, в предшествующем году был недород, сопровождавшийся массовым падежом скота.

Но Петр продолжал ускорять события. Он приставил к Шереметеву гвардии подполковника князя В.В.Долгорукова, которому приказал заставлять фельдмаршала двигаться быстрее. Однако лишь 30 мая армия Шереметева перешла Днестр.

К этому времени турки форсировали Дунай и теперь двигались навстречу русским войскам. В армии по-прежнему ощущался недостаток хлеба, который приходилось заменять мясом; лошадям не хватало фуража, поскольку палящее солнце выжгло траву. Воды также не хватало, а то, что удавалось найти, оказывалось непригодной для питья.

Подшли к Пруту. Военный совет 5 июня 1711 года постановил двигаться вниз по течению реки, не углубляясь далеко вперед.

Численными сведениями о противнике ни Петр I, ни Шереметев не располагали, однако агенты союзника царя князя Кантемира постоянно уверяли Петра, что турки ужасно боятся встречи с русскими войсками. Царь был также уверен, что после первых столкновений с турками их христианские подданные немедленно восстанут и это облегчит проведение кампании.

Эти сведения подтолкнули царя к проведению более широкой наступательной политики. Однако войска Шереметева еще не были соединены с другими частями, подходившими к Пруту (дивизиями Вейде, Репнина и гвардейскими полками), в то время как армия визиря уже соединилась с конницей крымского хана. 8 июля был взят пленный татарин, сообщивший, что численность турецко-крымского войска достигла 140 тысяч человек и великий визирь готовит на 10 июля генеральное сражение.

Однако сражение началось в тот же день. Желая изменить невыгодные позиции, на которых остановилась русская армия, Петр I приказал отступить. Турки и крымцы начали преследование, но были отражены ружейным и артиллерийским огнем. Русские полки остановились в долине реки Прут, где и произошло сражение, продолжавшееся весь день 8 июля и часть следующего дня. Пользуясь численным превосходством, противник почти вплотную подошел к русскому лагерю, но был отражен артиллерийским огнем.

Утром 10 июля по приказу Петра I в лагерь турок был направлен парламентар для переговоров о перемирии.

В конечном итоге между уполномоченным царя вице-канцлером П.И. Шафировым и великим визирем был подписан мир, предусматривавший возвращение туркам крепости Азов, срытие Таганрога и Каменного Затона. Россия не вмешивалась в польские дела и обеспечивала беспрепятственный проезд Карла XII из Бендер в Швецию.

Поскольку переговоры велись от имени русского главнокомандующего, визирь потребовал прибытия в его

лагерь вице-канцлера и сына фельдмаршала Михаила. Петр I предварительно произвел Михаила Шереметева из полковников в генералы, выдал жалование на год вперед и наградил своим портретом в бриллиантовой оправе.

12 июля русская армия медленно тронулась в обратный путь. Через десять дней она перешла Прут, а 1 августа — Днестр. За участие в Прутском походе фельдмаршал Шереметев был награжден домом в Риге.

Армия под командованием фельдмаршала осталась на Украине для наблюдения за переездом Карла XII из Бендер в Швецию. В планы царя не входило восстановление на польском престоле Станислава Лещинского, а это могло случиться, если бы Карл ехал через Польшу. Сам же Петр I отправился за границу и предоставил фельдмаршалу полную инициативу в ведении всех дел. Но к подобной инициативе Шереметев не был приучен и опасался принимать собственное решение.

После улучшения русско-турецких отношений, в марте 1712 года, он отбыл в Москву, а затем в Петербург, где обратился к царю с просьбой отпустить его на покой в Киево-Печерскую лавру, в которой когда-то проходили его юные годы.

Однако Петр был вовсе не склонен расставаться со своим фельдмаршалом. Напротив, он женил 60-летнего овдовевшего старика на Анне Петровне Салтыковой — вдове дяди царя Льва Кирилловича Нарышкина. Брак этот принес старому фельдмаршалу четверых детей, но спустя два года его постигло новое личное горе — возвращаясь из Стамбула, в пути заболел и скончался Михаил Шереметев.

Улучшения отношений с Турцией позволили перебросить большую часть войск на север, где начиналась новая кампания против шведов. В октябре 1713 года уже вся Померания была в руках Северного союза. Поскольку Меншиков испортил отношения с королем Дании, он уже не мог оставаться на посту командующего русскими войсками в Померании, и потому в феврале 1714 года царь вновь позвал к себе Шереметева.

Проведя в Петербурге несколько месяцев, фельдмаршал, наконец, отправился к армии. Войска его двигались через Польшу, где самые разные круги польского общества стали требовать неожиданной остановки русских войск. Говорили, что в случае их ухода в Польше вспыхнет бунт сторонников Станислава Лещинского, а это, в свою очередь, потребует отъезда саксонских войск из Померании для борьбы с конфедератами. Это мнение разделял и русский посол в Варшаве.

Однако его коллеги — русские послы в Копенгагене и Берлине, напротив, требовали скорейшего прибытия хотя бы части русских войск к Штральзунду, осажденному войсками союзников. Они запугивали Шереметева тем, что в противном случае короли Дании и Пруссии могут прекратить снабжение продовольствием русские войска.

Шереметев также не мог не понимать, что дальнейшее пребывание русских войск в Польше может быть сочтено султаном нарушением соглашений Прутского договора 1711 года. Все это побуждало его к выводу русских войск из Польши, однако не такому быстрому, как того хотели русские представители в Берлине и Копенгагене. Пока войска медленно дви-

гались через Польшу, союзники овладели островом Рюген, после чего уведомили Шереметева, что не нуждаются в помощи русских войск в Померании, которые теперь могут оставаться в Польше.

Между тем в русских войсках кончалось продовольствие и начинался голод. Это вынуждало Шереметева принимать меры к рассредоточению своего войска, чтобы хоть как-то улучшить его снабжение.

Наконец, Петр I повелел Шереметеву не выступать против желаний прусского короля и оставаться в Польше. Около ста самых рослых гренадер из корпуса Шереметева царь подарил прусскому королю для пополнения его гвардии. В ответ прусский монарх подарил Петру I знаменитую «Янтарную комнату».

В середине декабря 1715 года Карл XII бежал на корабле из осажденного Штральзунда, и союзники овладели последней крепостью в Померании. Вернувшийся в Варшаву Август II наградил Шереметева орденом Белого Орла, а затем потребовал от него скорейшего вывода русских войск из Польши. Русский военный совет также постановил вернуться в Россию. Но в это же время был получен новый приказ царя — немедленно двигаться в Померанию, вне зависимости от того, как отнесется к тому прусский король. Для лучшего исполнения царской воли к Шереметеву вновь был прислан генерал-лейтенант князь В.В. Долгоруков.

В феврале 1716 года войска Шереметева находились уже в Померании, где фельдмаршал неоднократно встречался с царем для обсуждения с ним планов проведения кампании.

В июне 1718 года фельдмаршал был вызван из Москвы в Петербург

для участия в суде над царевичем Алексеем. Но в Петербург Шереметев не поехал, сославшись на свою тяжелую болезнь. Царь вовсе не был склонен верить фельдмаршалу и подозревал, что Шереметев тайно сочувствовал делу царевича.

Он разрешил фельдмаршалу отправиться для лечения на воды под условием, что после возвращения с них Шереметев придет в Петербург. Однако сил на поездку на воды у фельдмаршала уже не было. Царь все еще не верил, что Шереметев действительно болен, и потому отдал приказ обер-коменданту Москвы И. Измайлову непременно доставить фельдмаршала в Петербург по зимнему первопутку.

20 ноября тот распорядился подать к дому Шереметева кареты и подводы, чтобы везти его в Петербург. Но, войдя в дом фельдмаршала, Измайлов убедился, что тот действительно плох и врачи ни в коем случае не советуют отправлять его в стужу в дальнюю дорогу. По мнению медиков, Шереметев страдал водяной болезнью, принявшей тяжелые формы. Все эти сообщения развеяли сомнения царя, и он уже не требовал прибытия к себе фельдмаршала.

Незадолго до своей кончины (17 февраля 1719 года) Шереметев составил завещание, в котором выразил желание быть погребенным в Киево-Печерской лавре, где когда-то хотел постричься. Здесь уже имелась могила его сына Михаила.

Но царь считал, что могила первого российского генерал-фельдмаршала должна находиться в Александро-Невской лавре, где откроет захоронения лиц, прославивших Россию. Прах Шереметева был доставлен в новую столицу России, ему были ус-

троены торжественные похороны в недавно освященной Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. За гробом Бориса Петровича Шереметева шел сам Петр I.

ШУЙСКИЙ ИВАН ПЕТРОВИЧ

(? — 1587 или 1588) — князь, боярин, воевода, видный военный деятель второй половины XVI столетия

Иван Петрович Шуйский происходил из старинного боярского рода, был потомком суздальско-нижегородских князей, ведущих свое начало от среднего сына Александра Невского — великого князя Андрея Александровича.

Род Шуйских после венчания на царство Ивана IV Грозного попал в опалу, так как дед Ивана Петровича — Иван Васильевич Шуйский — в конце 1539-го — начале 1540 годов в годы малолетства царя возглавлял боярскую группировку, фактически захватившую власть в государстве.

Сам Иван Петрович в 1563 году участвовал в военном походе против Полоцка, сопровождая в нем царя. Через два года, в 1565 году, он служил воеводой в Кашире и участвовал в походе против крымского хана.

В 1570 году он становится «украинным воеводой», и в случае нападения крымского хана он должен был встать во главе войска, выдвинутого за реку Оку.

В 1571 году Шуйский назначается «береговым воеводой» во главе полка левой руки. Этот год был неудачным для русского войска, которое не смогло противостоять Девлет-Гирею, который совершил набег на Москву, сжег город и захватил мно-

го пленных. Но на следующий год русские войска взяли реванш. Шуйский, будучи воеводой в Кашире, особенно отличился в боях с Девлет-Гиреем, дважды разгромив татар — первый раз, когда полк Шуйского оборонял Сенкин брод, а второй — в битве при Молодах, прикрывая с фланга «Гуляй-город».

В 1573 году он возглавил сторожевой полк, который готовился идти на Ливонию. Его полк отличился при штурме Пайду — опорного пункта шведов в Прибалтике. В том же году Шуйский был назначен воеводой в Псков.

В 1574 году он получил чин боярина, а через два года во время очередного похода царя Ивана IV против крымского хана Девлет-Гирея Шуйский стал одним из первых бояр, приближенных к царю.

В 1579 году Шуйский участвовал в походе царя на Новгород, фактически став главным царским военным советником.

В 1580 году Шуйский вновь стал псковским наместником, но, кроме того, он по указу царя в случае нападения Стефана Батория на Смоленск должен был незамедлительно идти к городу и возглавить Большой полк.

Но Стефан Баторий не пошел к Смоленску, а в следующем году двинулся к Пскову, где уже находился Шуйский.

Для похода на Псков была собрана огромная армия — около ста тысяч человек, из которых было сорок тысяч шляхетской конницы и около шестидесяти тысяч иностранных наемников — венгров, французов, немцев, шотландцев, австрийцев, датчан, шведов, румын.

Стефан Баторий хорошо понимал значение Пскова, который был ключевым пунктом всей обороны северо-западной границы Московского государства и прикрывал дорогу на Новгород. Баторий решил взять Псков во что бы то ни стало — либо скорым штурмом, либо длительной осадой. Шуйский мог противопоставить Баторию не более пятнадцати тысяч человек — стрельцов, дворян и вооруженных горожан.

Псков представлял собой целую систему оборонительных сооружений, несмотря на то, что стены города были уже старые и сложенные из мягкого камня-известняка, не способного выдержать удары тяжелых осадных орудий, а частью даже и деревянные. Противник, штурмующий город, должен был преодолеть четыре мощные оборонительные линии: каменные крепостные стены Большого города, Среднего города, Довмонта города и кремль — Кром, как называли его псковичи.

Деревянная стена тянулась только вдоль реки Великой, но здесь путь к городу преграждала водная преграда и береговые кручи. Довмонтов город возвышался над уровнем реки на десять, а Кром — на семнадцать метров. Стена Большого города имела в длину около десяти километров, и на ней было тридцать семь башен и сорок восемь ворот. Башни были многоярусными, с удобными переходами на стены и подземными ходами, позволяющими маневрировать силами.

Незадолго до начала осады, имея сведения, что Стефан Баторий после взятия Великих Лук направится именно к Пскову, по указу царя город снабдили всем необходимым для оса-

ды, и на протяжении осады защитники города не испытывали недостатка ни в оружии, ни в продовольствии.

К городу были направлены лучшие воеводы. Царским указом Шуйскому были предоставлены чрезвычайные полномочия и приказано было «отвечать за всех воевод». Он поклялся не сдавать город.

По всем окрестным селам Шуйский разослал грамоты, повелевающие жителям сжигать свои дома, запасы продовольствия и уходить в укрепленные города. В результате вокруг города местность была опустошена, и за продовольствием и фуражом воинам Стефана Батория приходилось ездить за сто — сто пятьдесят километров. Там их поджидали конные отряды «детей дворянских», казаков и служилых татар.

Шуйский также приказал сжечь городские предместья, чтобы осаждающие войска Батория не могли укрыться в них от непогоды и холода.

Все воеводы были распределены по определенным участкам стен и башен, на которые были поставлены пушки и пищали.

Шуйский правильно рассчитал главное направление удара противника — юго-восточное. Именно поэтому главное место в оборонительной системе уделялось стене Большого города между реками Великой и Псковой, где к городу примыкало большое поле. Здесь были поставлены две мощные пушки «Барс» и «Трескотуха», бывшие тяжелыми ядрами более чем на версту.

18 августа стоявшие в дозоре на реке Черехе (в пяти километрах южнее города) сообщили в Псков воеводам, что на рубеже показались «литовские люди».

Воевода Брацлавский с венграми близко подошел к городу, но вышедший навстречу ему отряд во главе с Шуйским отразил это нападение. Подобной тактики Шуйский продолжал придерживаться практически все время осады — русские воины периодически выходили за стены, мешая противнику вести осадные работы. В то же время воеводы запретили воинам уходить из-под защиты крепостной артиллерии.

26 августа основные силы войска Стефана Батория подошли к Пскову. Король приказал обойти весь город и осадить его. Но мощный артиллерийский огонь со стен помешал выполнить приказ. Королю доложили о невозможности обойти город, и тогда он распорядился сделать глубокий обход Пскова через ближний лес. Но и туда долетали русские ядра, нанося войскам противника существенный урон.

Стефан Баторий выбрал первоначально место для своего лагеря на московской дороге недалеко от города — у Любетова. Но ближайшей ночью лагерь был атакован защитниками города при артиллерийской поддержке, и в результате погибло множество королевских приближенных. Это вынудило Стефана Батория перейти к Черехе и поставить свой лагерь за горами на Промежице.

Каждый раз, когда королевская конница выезжала из лагеря на рекогносцировку, русские отряды выходили из-за городских стен и под прикрытием своих орудий отгоняли войска противника.

1 сентября войска Батория начали прокладывать траншеи, чтобы по ним подобраться к стенам. Первую траншею прокладывали литовцы, вто-

рую — немцы, третью и четвертую — поляки, пятую — ближе к реке Великой — венгры.

Все траншеи вели к Покровской и Свиной башням — к участку, который был выбран Стефаном Баторием для штурма. Работы продолжались три дня, в основном в темное время суток. В первые дни артиллерийский огонь защитников города не принес вреда осаждающим его. Но очень скоро было найдено эффективное средство для более точного обстрела противника. За стеной была зажжена деревянная башня, которая осветила окрестности, и это позволило засыпать окопы врага ядрами и пулями, что сильно затруднило работу.

Воеводы быстро определили место предполагаемого штурма и за время осадных работ укрепили опасное место.

Огнем со стен и действиями за пределами города Шуйский не позволил войскам Стефана Батория приблизиться к городу без больших инженерных работ. Чтобы выкопать пять траншей, поставить туры и батареи против Покровской и Свиной башен, королевским войскам понадобилось несколько дней. Провести осадные работы в других местах Стефан Баторий уже не мог.

Накануне штурма к Покровской и Свиной башне были стянуты все русские резервы. Там же находились все лучшие воеводы во главе с князем Иваном Петровичем Шуйским.

В свою очередь, Стефан Баторий выдвинул к месту штурма двадцать крупных осадных пушек и в течение суток (7 сентября) вел обстрел стен города.

В результате в городских стенах было проделано несколько проломов, общая ширина которых достигала

двухсот метров — вполне достаточно для того, чтобы ввести туда большие штурмовые колонны. Ров перед крепостной стеной был завален обломками стен и земель.

8 сентября все было готово для штурма, и множество воинов приходило к королю проситься в штурмовые колонны, видимо рассчитывая на легкую победу.

Как только штурмовые колонны дошли до проломов, они неожиданно наткнулись на деревянную стену с многочисленными бойницами, а те, кто сумел прорваться через пролом, были встречены мощным огнем и остановлены. После этого стремительной контратакой, которой руководил сам Шуйский, воины Стефана Батория были отброшены к внешней стене.

По занятым Покровской и Свиной башням был открыт огонь из «Барса», в результате чего погибло множество воинов противника. Кроме того, под Свиную башню было подложено большое количество пороха, когда он был подожжен, произошел взрыв, и башня рухнула, погребя под своими развалинами захвативших ее королевских воинов. Новая атака русского войска завершила разгром, в результате которого были захвачены пленные и пушки.

Дольше всего противник держался в Покровской башне, но из нее он был выбит точно так же, как из Свиной.

Защитники Пскова не ограничились пассивной обороной и отражением атак противника, а сами устроили вылазку, преследуя отступавших воинов Стефана Батория.

После отражения штурма начались работы по восстановлению крепостных укреплений. Против проломных мест была поставлена деревян-

ная стена с бойницами, а между каменными и деревянными стенами в городе был выкопан ров, а в нем поставлен деревянный частокол из заостренных бревен. С помощью этих укреплений были отбиты и последующие приступы.

Поняв, что ему не удастся овладеть Псковом открытым приступом, Стефан Баторий решил устроить подкопы и взорвать стены.

К 17 сентября стало известно, что осаждающие роят в разных местах девять подкопов, и тогда Шуйский приказал рыть «слухи» — встречные подземные галереи.

23 сентября русские «слухи» сошлись с подкопами и два из них — против Свиной и Покровской башен были взорваны, остальные обрушились сами.

Почти весь следующий месяц русские воины продолжали устраивать вылазки и громить из орудий окопы неприятельских войск и королевский лагерь. В то же время на помощь Пскову, пробиваясь через осаждавшие его войска Стефана Батория, спешили отряды стрельцов.

И тогда Баторий решился на новый штурм. Батарея была поставлена на левом берегу реки Великой, где деревянная стена казалась менее прочной. Несмотря на то что в результате обстрела была разрушена часть стены, успеха достигнуто не было, поскольку за этой стеной находилась еще одна толщиной в сажень и набитая землей.

28 октября Стефан Баторий все же начал приступ. Венгерская пехота, перейдя по льду реку, подступила к стене и кирками и лопатами стала разбивать ее. С помощью ближнего огня из окопов пехоту удалось отогнать от стены.

Но Стефан Баторий продолжал посылать свои войска на приступ. И в течение пяти дней при поддержке артиллерии город подвергся нескольким мощным штурмам. Но все они были отражены, и к началу ноября стало ясно, что штурмом город не взять.

Очистив траншеи, предназначенные для штурма, Стефан Баторий перешел к методичной блокаде, надеясь сломить защитников голодом. Но сами осаждающие терпели гораздо больше от морозов и недостатка продовольствия, и их армия скоро начала разлагаться.

В армии началось дезертирство. Не получив жалования, армию стали покидать отряды.

После того как 1 декабря 1581 года Стефан Баторий уехал в Литву, поручив командование осадной армией гетману Яну Замойскому, в армии усилились разговоры о заключении мира с русскими.

Между тем Шуйский продолжал проводить активную оборону города, предпринимал постоянные вылазки в тыл противника и обстрел его лагеря из дальнобойных орудий. Последняя вылазка, в которой участвовало несколько тысяч конных и пеших псковичей, была сделана 4 января 1582 года. В ходе ее противник потерял значительное количество убитыми, из которых более восьмидесяти были знатными шляхтичами, захвачено много пленных и богатейшая добыча.

Тогда гетман Ян Замойский решил пойти на хитрость, чтобы покончить с Шуйским. Так 9 января русский пленный, пришедший из польского лагеря, принес Шуйскому письмо от Замойского, в котором тот под именем дворянина Гансумелера писал,

что собирается перебежать в Псков, и посылает свою казну в ларце, которую может посмотреть один Шуйский, но никто кроме него.

Чувствуя вражескую хитрость, Шуйский разыскал мастеров, умеющих отпирать любые замки, и велел открыть ларец осторожно за воеводской избой. В ларце оказалось двадцать четыре самопала, заряженных на все четыре стороны. При открытии замка должен был произойти взрыв.

Спустя неделю был заключен мир царских послов с послами Стефана Батория. 4 февраля 1582 года из-под стен города ушли последние королевские отряды.

После снятия осады Шуйский остался в Пскове наместником. Затем на короткое время он был переведен в Новгород воеводой, очень скоро снова вернулся в Псков.

Незадолго до своей кончины царь Иван IV Грозный включил Ивана Петровича Шуйского в состав регентского совета при молодом царе Федоре Ивановиче, оставив за ним наместничество в Пскове. Из города Шуйский отлучался редко — только для походов против шведов или по «государевым делам» в Москву.

В это время во главе государственного управления стал шурина царя Борис Федорович Годунов. Возвышение столь незнатного боярина очень не понравилось представителям старых боярских родов. Против Годунова выступала сильная боярская оппозиция, которую возглавил глава рода Шуйских — Иван Петрович. Оппозиция настаивала на разводе царя Федора с женой — сестрой Годунова. Это могло бы привести к лишению последнего власти. Узнав об этом и поняв всю опасность такого шага со стороны Шуйского, Го-

дунов упросил митрополита Дионисия, чье слово было решающим в этом вопросе, немного обождать с решением о разводе, и сам стал готовить ответный удар.

Годунов уговорил одного из слуг Шуйского сделать ложный донос на своего господина. На основании этого доноса Иван Петрович Шуйский был схвачен и обвинен в государственной измене. После проведенного без ведома царя следствия Шуйский был осужден и сослан в Белоозеро, где вскоре насильственно умерщвлен.

Щ

ЩЕНЯ ДАНИИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

русский воевода конца XV — начала XVI века

Даниил Васильевич Щеня, талантливый полководец эпохи образования Российского государства, был отдаленным потомком литовского князя Гедимины. Предки воеводы, князья Патрикеевы, перейдя на московскую службу, занимали не последнее место при дворе великого князя Василия II Темного. Дед воеводы, князь Иван Юрьевич Патрикеев, считался первым в военной иерархии Российского государства, будучи «наместником московским» и «большим воеводой».

Нам ничего не известно о ранних годах Даниила Щени. Лишь в 1475 году Разрядные книги впервые упоминают его имя среди двенадцати бояр, сопровождавших Ивана III во время его поездки в Великий Новгород. Второй раз мы встречаем имя Даниила Васильевича спустя десять

лет: в 1486 году Даниил Щеня вместе с известными полководцами Иваном Патрикеевым и Яковом Захарьиным отправляется на переговоры с послом германского императора.

Даниил Щеня начинал свою службу как боярин и дипломат. Но в 1489 году он получает свое первое военное поручение. Великий князь Иван Васильевич послал большое войско в Вятскую землю, жители которой не раз нападали на Великий Устюг. Рать возглавляли Даниил Васильевич Щеня и Григорий Васильевич Морозов, причем Щеня в записи Разрядной книги был поименован первым, во главе большого полка. По сообщению летописцев под командованием Щени находились «москвичи и владимирцы, и тверичи, и иных городов ратные люди», а всего «было на Вятке великого князя силы 60 тысяч и 4 тысячи». Иначе говоря, мы

видим, что поход этот имел большое значение.

Вятская земля, куда был послан во главе большого войска Даниил Щеня, являлась бывшим владением Великого Новгорода и все еще сохраняла значительную самостоятельность. Глухие леса отгораживали Вятку от коренных русских земель. В то же время по рекам Каме и Вятке пролегли удобные торговые пути, ведущие на юг, к границам Казанского ханства. Неудивительно, что местная знать поддерживала с Казанью мирные отношения. Татарские поселения были и в самой Вятской земле.

В 1485 году, во время очередного русского похода на Казань, вятчане отложились от великого князя, и для их усмирения было послано войско во главе с воеводой Юрием Шестаком-Кутузовым. Вятская знать предпочла военным действиям мирные переговоры, и вскоре воевода, заключив новый договор, покинул Вятскую землю.

Но уже в следующем году вятчане напали на Великий Устюг. Сам город им взять не удалось, но были разграблены три волости. Устюжане, ходившие в погоню, вернулись ни с чем. Вскоре вятчане еще раз напали на устюжские земли, на этот раз придя на судах. В 1488 году великий князь принял необходимые для обороны устюжских земель меры. До осени в Устюге стояли «двиняне, вожане, каргопольцы» во главе с воеводами. В тот же год было принято решение о походе на Вятскую землю, так как на мирные обещания вятчан надеяться не приходилось. Во главе похода в Вятскую землю великий князь поставил Даниила Щеню. 16 августа 1489 года была взята столица Вятской земли — город

Хлынов. «Изменников и коромольников» схватили и отправили в Москву. Вятчане приняли московского наместника. Власть великого князя признали и «арские князья», которым подчинялись татарские поселения в Вятской земле.

Дальнейшая военная карьера Даниила Щени была неразрывно связана с западными, пограничными с Литвой рубежами Российского государства.

Воспользовавшись ослаблением Руси после страшного нашествия Батыя, великое княжество Литовское стремительно расширяло свои владения, присоединяя исконно русские земли. В конце XIII века великие литовские князья присоединили Полоцкую землю с городами Полоцком, Минском, Витебском. В начале XIV века к Литве отошло Турово-Пинское княжество, а за ним — Волынь, Подолия, Киевское и Чернигово-Северское княжества, Смоленская земля. В этих обширных областях проживало русское население и княжили князья русского рода, ставшие вассалами великого литовского князя.

Великое княжество Литовское было связано династической унией с Польшей и проводило враждебную России политику, препятствуя объединению русских земель. Литва предпринимала и открытые военные действия. Литовская граница проходила всего в ста километрах от Москвы, и Московский Кремль нередко осаждался литовскими войсками.

Если великие литовские князья всячески препятствовали объединению русских земель, то подвластные им русские князья, наоборот, стремились к воссоединению с Россией. Юридическое положение этих кня-

зей было неопределенным. Считалось, что они «служили на обе стороны» — России и Литве. Таким образом, русские князья, находившиеся под властью литовского великого князя, имели легальную возможность для перехода на «московскую службу». Этим воспользовались многие, например князья Воротынские, Одоевские, Мезецкие, Бельские. Потеряв их, Литва потеряла и подвластные им города и земли.

Польский король Казимир IV, одновременно являвшийся и великим литовским князем, конечно, не мог смириться с таким положением. Но его протесты неизменно отклонялись, а литовским послам московские дипломаты напоминали, что предки перешедших на «московскую службу» князей служили предкам великого московского князя и потому их переход от Литвы к Москве не может расцениваться иначе как возвращение на старую службу.

Ничего не добившись дипломатическим путем, король Казимир IV, а затем и его сын Александр пытались силой препятствовать «отъездам» русских князей, но на помощь последним приходили московские воеводы. Тем не менее формально война между Россией и Великим княжеством Литовским не объявлялась. Местные князья и московские пограничные воеводы действовали якобы по своей воле, без приказа Ивана III.

Во время этой «странной войны» Даниил Щеня находился с войском в Твери. В 1493 году Иван III послал своих воевод в поход на Вязьму. Вязьма была взята, ее жители приведены к присяге. Государевы люди «Вяземских князей и панов привели на Москву, и князь великий повелел им себе

служить». Даниил Щеня был пожалован первым среди воевод, участвовавших в этом походе.

5 февраля 1494 года был подписан мирный договор с Литвой. Этому предшествовали долгие и трудные переговоры. Великий литовский князь Александр Казимирович в конце концов был вынужден признать «отъезды» своих вассальных князей на «московскую службу».

«Мир» с Литвой, представлявший собой не более чем временную передышку, все же имел большое значение. Было выиграно время для усиления северо-западных рубежей, дан отпор шведам, постепенно подбиравшимся к Великому Новгороду.

Еще с XIV века шведы удерживали три новгородские волости на севере Карелии. Плацдармом для нападений на русские владения на Ладожском озере и на реке Неве стала построенная шведами крепость Выборг.

В войне с Литвой Даниил Щеня был одним из многих царских воевод. На Литву ходили рати под руководством князя Даниила Холмского и Якова Захарьина, князей Федора Рязанского и Василия Шуйского, немало было и других, менее известных. Но именно Даниил Щеня возглавил большой поход на шведов. В этом видна высокая оценка его действий на западном порубежье московским великим князем.

Под начало Даниила Щени были поставлены великокняжеские полки, выступившие из Москвы. Позднее ему же подчинились новгородские и псковские силы.

В июне 1495 года передовые отряды русского войска вошли в Карелию, ведя разведку и уничтожая шведские пограничные заставы. В августе в движение пришли главные

силы: из Москвы выступил «большой воевода» Даниил Щеня, из Новгорода — воевода Яков Захарьин, из Пскова — наместник князь Василий Шуйский.

В начале сентября 1495 года русское войско осадило Выборг. Крепость оборонял рыцарский гарнизон во главе с комендантом Кнудом Поссе.

Осада Выборга продолжалась три месяца. Крепость располагалась на островке, что не давало возможности соорудить «приметы» — искусственные насыпи, позволявшие всходить на стены. Каменные стены и башни Выборга без ущерба могли вынести обстрел из метательных орудий.

«Большому воеводе» Даниилу Щене предстояло решить непростую задачу. И он нашел выход. При осаде Выборга были успешно использованы пушки и пищали. Вместо «приметов» русские ратники применили штурмовые лестницы.

Всю осень Даниил Щеня готовил войска к штурму Выборга. Все это время быстрые конные отряды опустошали окрестные земли, разрушали шведские опорные пункты.

Штурм Выборга начался 30 ноября 1495 года. Пушечным огнем были разрушены две башни, а в третьей сделан большой пролом. Но опытный шведский комендант приказал возвести позади пролома насыпь. Тем не менее небольшому отряду русских воинов удалось через пролом ворваться в башню и засесть там. Другие отряды, наступая с трех сторон, взошли на стены и удерживали их семь часов, отбивая контратаки шведов.

Вернуть башню шведы так и не смогли. И тогда по приказу Кнута Поссе под своды башни закатили

бочки со смолой и подожгли. Смельчаки погибли от огня и дыма. Затем шведы атаковали русских ратников, оборонявших стены. Шведы отбрасывали штурмовые лестницы, чтобы помешать подходу подкреплений. Большинство русских воинов, ворвавшихся в крепость, погибло в бою, некоторые были сброшены со стен в воду, лишь немногим удалось спастись.

Даниил Щеня не стал повторять штурм. Приближалась зима, необходимо было готовиться к новому походу. В конце декабря русское войско вернулось в Новгород. Но война на этом не закончилась.

В Великий Новгород прибыл Иван III. 17 января 1496 года еще одна русская рать под руководством воевод князя Василия Косого Патрикеева и Андрея Челяднина выступила в новый поход.

Удар был нанесен по южной Финляндии. Василий Косой Патрикеев и Андрей Челяднин с ходу взяли крепость Нишлот. Затем русское войско повернуло на запад и двинулось к побережью Ботнического залива, к городу Або.

Правитель Швеции Стен Стуре, прибыв в Або, стал собирать войска. По свидетельству шведских хронистов, в Або собралось до 40 тысяч хорошо вооруженных воинов.

Стен Стуре во главе многочисленного войска выступил навстречу русским отрядам. Но воеводы Ивана III прекрасно понимали, что сражение со столь многочисленным неприятелем для них невыгодно. Русское войско, уйдя от погони, возвратилось в Новгород.

Весной русские отряды под предводительством опытных воевод вновь стали нападать на шведские владения.

В апреле войско Василия Патрикеева подходило к Выборгу. Рать во главе с воеводами Иваном и Петром Ушатыми, выйдя из устья Северной Двины, на судах пересекла Белое море. Высадившись на восточном побережье Кольского полуострова, этот отряд поднялся до финской границы и направился к северо-восточному побережью Ботнического залива. Затем русская рать двинулась обратно, по пути разорив северную и центральную Финляндию.

Шведы оказались не в состоянии охранять свои протяженные границы, но в августе 1496 года отряд шведов на семидесяти кораблях приплыл к Ивангороду. Не подготовленный к осаде город был взят приступом. Вырезав население и разрушив укрепления, шведы бежали, узнав о приближении отряда из Пскова. Псковичам понадобилось двенадцать недель, чтобы восстановить укрепления Ивангорода.

В марте 1497 года в Новгород приехало шведское посольство. Было заключено крайне важное для России перемирие сроком на шесть лет.

«Мир» 1494 года с Литвой не прекратил «отъезды» порубежных князей на «московскую службу». Уйти от великого литовского князя пожелали Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемякин, владевшие Стародубским и Новгород-Северским княжествами. Великий князь Литовский Александр попытался помешать этому. Но воевода Яков Захарьин быстро занял Брянск, где перешедшие на московскую сторону князья были быстро приведены «к крестному целованию». Война с Литвой стала неизбежной.

Начало войны сложилось явно в пользу России. Русские воеводы, по-

чти не встречая сопротивления, заняли Путивль, Серпейск, Любич, Гомель, Мценск, Рыльск, Новгород-Северский.

Иван III четко спланировал всю военную кампанию. Разделив все войска на четыре части, первую из них он направил на юг, против Северной области, вторую — на запад, против Торопца и Белой, третью — против Дорогобужа и Смоленска, а четвертую оставил в резерве. Во главе резерва был поставлен Даниил Щеня.

Великий князь Александр спешно собирал войска, а тем временем русские воеводы развивали наступление. На юге Яков Захарьин, Иван Репня-Оболенский и Тимофей Тростенский взяли почти всю Северскую землю. В центре Юрий Захарьин захватил Дорогобуж, после чего открылся прямой путь на Смоленск.

От Дорогобужа до Смоленска всего семьдесят пять верст (79,5 км), и великий князь Александр направил к этому стратегически важному городу войско под командованием опытного военачальника гетмана Константина Острожского.

Гетман Острожский, узнав от лазутчиков, что Юрий Захарьин стоит под Дорогобужем с небольшими силами, быстро повел свое войско к городу. Он рассчитывал на легкую победу и до времени имел для этого все основания. Но не дремала и русская разведка. О быстром продвижении литовского войска к Дорогобужу узнал Иван III и тотчас же послал к Захарьину на помощь стратегический резерв и воеводу Даниила Васильевича Щеню «с тверскою силою». В состав этой «тверской силы» входили великокняжеские бояре и дворяне, «дети боярские» и иные «многие

силы». От Твери до Дорогобужа почти двести пятьдесят километров, но этот путь Даниил Щеня со своими полками преодолел быстрее, чем Константин Острожский путь до Дорогобужа от Смоленска.

К Дорогобужу успел подойти не только резерв русского войска, но и подкрепление с юга, из Северной земли — воевода Яков Захарьин, князь Семен Стародубский, князь Василий Шемячич и другие. Общее командование объединенными силами принял Даниил Щеня. Юрий Захарьин возглавил сторожевой полк. Посчитав себя обойденным, он жаловался великому князю на «умаление чести», но в ответ Иван III написал: «Гораздо ли так чинить, говорить: в сторожевом полку быть тебе не пригоже, стеречь князя Данилов полк? Ино тебе стеречь не князя Данилу, стеречь тебе меня и мое дело».

С обеих сторон под Дорогобужем собрались примерно равные силы. Под началом Даниила Щени было сорок тысяч русских воинов. Примерно столько же или чуть меньше имелось и у гетмана Острожского. И русские, и поляки располагали пушками и пищальями, сыгравшими большую роль в сражении.

Русское войско разбило лагерь на Митьковом поле в пяти километрах западнее Дорогобужа. Правый фланг русской рати упирался в Днепр, левый был прикрыт лесом. Чуть впереди, в двух верстах, протекала речка Ведроша, правый приток Днепра. Через Ведрошу был перекинут мост, по которому проходила единственная удобная дорога от Дорогобужа к Смоленску. Даниил Щеня выдвинул за Ведрошу передовой полк, а в лесу укрыл засадный полк. Его план состоял в том, чтобы заманить литов-

цев на Митьково поле и, отрезав пути отступления, уничтожить.

Гетман Острожский, быстро приближавшийся к Дорогобужу, не имел точных сведений о численности русского войска. Он по-прежнему считал, что ему противостоит лишь малочисленный отряд Юрия Захарьина.

Литовцы без труда опрокинули русский передовой полк, захватив пленных. Пленные подтвердили, что в Дорогобуже находится лишь отряд Юрия Захарьина. Затем литовцы стали искать удобное место для переправы через Ведрошу, но оказалось, что цел мост, по которому на западный берег Ведроши переправился русский передовой полк. По этому мосту навстречу литовцам уже выходили русские ратники. Литовцы атаковали русский отряд и, отбросив его за Ведрошу, стали переправляться на Митьково поле.

Русские воеводы не мешали переправе, дожидаясь, когда через реку переправятся не только литовские полки, но и пушки с обозами. И лишь когда наступающие на Дорогобуж литовцы прошли мимо засады, русская рать пришла в движение. Лишь засадный полк наблюдал за сражением, ничем себя не выдавая.

Шесть часов продолжался кровопролитный бой. Все литовские резервы оказались втянуты в сражение. Тогда во фланг и тыл литовского войска ударил засадный полк Юрия Захарьина. Почти одновременно русский отряд, обойдя литовцев лесом, уничтожил единственный мост через Ведрошу.

Неожиданный удар застал литовцев врасплох. Они оказались прижаты к Днепру засадным полком. Прорваться через большой полк им не удалось, не удалось и бежать через

мост — он был захвачен и разрушен русским отрядом. Оставалось лишь погибать или сдаваться.

В плен были взяты главный литовский воевода Константин Острожский, маршалок Григорий Остикович, маршалок Лютавр, другие «люди именитые» и множество простых воинов. По некоторым сведениям, погибло до тридцати тысяч литовцев. Войско Константина Острожского было фактически уничтожено.

Несмотря на убедительную победу над литовскими войсками, взять Смоленск в 1500 году не удалось. Этому помешали три обстоятельства. Русское войско понесло в бою под Ведрошей большие потери и оказалось не готово к осаде хорошо укрепленного Смоленска. Непокойно было на степной границе, где кочевали остатки Большой Орды. Кроме того, ждали нападения со стороны Ливонского ордена.

«Большой воевода» Даниил Щеня вернулся в Тверь, где собирались главные силы русского войска.

В августе 1501 года началась война с Ливонским орденом. Немецкое войско под командованием магистра Ордена Вальтера фон Плеттенберга подступило к Изборску. В десяти верстах от Изборска немцы нанесли поражение русским отрядам под командованием новгородских и псковских воевод. И тогда в Великий Новгород был направлен Даниил Щеня. Под его начало были поставлены все русские войска, находившиеся на северо-западных рубежах страны.

Уже в октябре 1501 года русские войска перешли в наступление. Вторгнувшись в «немецкую землю», войско Даниила Щени стало разрушать рыцарские замки. У Гельмеда, в восьмидесяти верстах от границы, про-

изошло первое сражение. Ливонцы были разбиты; по свидетельству летописца, русские гнали немцев 10 верст, побивая «как свиней шестоперами».

В ноябре русское войско перешло ливонско-русскую границу у Ивангорода; позади осталось опустошенное епископство Дерптское, половина епископства Рижского и другие ливонские земли.

Набеги ливонцев на псковские пограничные земли возобновились лишь с весны 1502 года. Осенью к Изборску подошли главные силы ливонского войска под командованием магистра Плеттенберга. Взять крепость немцы не смогли и прошли дальше, к Пскову. Осада Пскова также не принесла успеха, и рыцарское войско отступило.

Тем временем на помощь Пскову спешил воевода Даниил Щеня. Он вел новгородские и псковские полки; московских войск под его началом было, по-видимому, мало. 13 сентября 1502 года русское войско нагнало отступавших немцев у озера Смолино.

Ратники передового полка, захватив обозы, не смогли удержаться от грабежа. За что и были наказаны: неожиданным ударом немцы разбили передовой полк. Остальные полки Даниила Щени не успели принять боевой порядок, растянувшись по дороге. Но воевода, не желая дать противнику уйти, принял решение атаковать немцев с ходу.

Московские и новгородские ратники сильным ударом опрокинули фалангу немецкой пехоты. Было убито четыреста немецких пехотинцев, захвачено их знамя. В бою погибли начальник немецкой пехоты Матвей Пернауер, знаменосец Конрад Шварц. Немецкая конница, прикрывавшая

отряд пехоты, также понесла большие потери.

Орденское войско понесло настолько большой урон, что прошел целый год, прежде чем немцы вновь пришли на Псковскую землю. Иван III получил возможность перебросить войска на литовскую границу, туда же был отозван и Даниил Щеня.

В 1503 году великий князь литовский Александр, ставший к тому времени и польским королем, заключил мирный договор с Иваном III. По условиям договора Александр уступал девятнадцать городов и семьдесят волостей, занятых русскими войсками, но Смоленск остался за Литвой.

В 1503 году Даниила Щеню вновь послали на ливонскую границу, где зашевелились немецкие рыцари. Ливонцы «приходили ратью на Псков», но Даниил Щеня не дал врагу подойти к городу, заставив их отступить.

В 1506 году Даниил Щеня, к тому времени занимавший в военной иерархии Российского государства второе место сразу за «воеводой московским», был переброшен на «казанскую краину».

«Воеводой московским», главнокомандующим русского войска Даниил Щеня стал при новом великом князе Василии III. Не за горами была новая война с Литвой и Польшей.

В 1507 году великий князь литовский Сигизмунд I принял решение о войне с Россией. В марте начались первые пограничные столкновения.

В июле того же года Даниил Щеня вместе с Яковом Захарьиным осадил Оршу. Взять город не удалось, к тому же на противоположный берег Днепра близ Орши вышло большое войско Сигизмунда. Пришлось отойти к Вязьме. Но уже в сентябре Даниил

Щеня захватил Торопец и остался оборонять этот город.

В начале 1509 года был заключен новый мирный договор с Литвой. Сигизмунд I смирился с потерей владений, утраченных после войны 1500—1503 годов. Узнав о мире между Россией и Литвой, ливонский магистр прислал в Москву посольство. С Орденом было заключено перемирие на 14 лет.

Заключив мир с Литвой и Ливонским орденом, Василий III стал готовиться к новой войне. Необходимо было вернуть древний русский город Смоленск, имевший стратегическое значение.

Первый смоленский поход начался в ноябре 1512 года Передовой отряд русского войска под командованием князя Репни-Оболенского и конюшего Челяднина двинулся к городу из Вязьмы. Этот отряд имел приказ взять только смоленские посады и затем двигаться к Орше и Друцку. Туда же шли из Лук полки князей Одоевского и Курбского, новгородские и псковские ратники князя Василия Шуйского. На эти отряды была возложена задача — прикрыть главные силы русского войска от возможного удара короля Сигизмунда с запада.

19 декабря 1512 года из Москвы выступили основные силы во главе с самим великим князем, но фактически руководителем похода был Даниил Щеня, воевода Большого полка.

В начале 1513 года большое русское войско осадило Смоленск. Сигизмунд не смог прислать помощь смоленскому гарнизону. Все подступы к городу были надежно прикрыты русскими отрядами. Кроме того, рать князя Василия Шемячича совер-

шила рейд на Киев и сожгла городские посады.

Первые успехи русской армии внушали надежду на успешный исход всей войны. Но осада Смоленска затянулась. В городе оказался сильный гарнизон, стены Смоленска выдержали многодневный обстрел из пушек. Во время приступов русская рать несла большие потери. Не удался и ночной штурм. Псковичи смогли взойти на стены, но литовцы все же вытеснили их.

В конце февраля великий князь Василий III распорядился снять осаду Смоленска, продолжавшуюся уже шесть недель. По раскисшим от весенней непогоды дорогам войско потянулось в Москву.

Но уже в марте, едва в Москву вернулись русские рати, было принято решение о новом походе на Смоленск. Воевода Большого полка Даниил Щеня был оставлен в Вязьме, откуда предполагалось начать наступление.

В июне великий князь Василий III выступил во главе войска из Москвы и направился в Боровск. Здесь русское войско простояло все лето — была велика вероятность вторжения с юга крымского хана Менгли-Гирея, державшегося заодно с королем Сигизмундом. Хан, видимо, узнал, что главные силы русского войска не торопятся выступить к Смоленску, и не решился на большой поход. В начале сентября русские рати двинулись к Смоленску.

Войско великого князя Василия III простояло под Смоленском четыре недели. Заметно усиленная со времени прошлого похода русская артиллерия могла бы, в конце концов, сломить упорство осажденных: рус-

ские ядра делали в стенах большие проломы, была разбита одна из крепостных башен. Но началась осень, холода и недостаток конского корма вынудили русскую армию отступить во второй раз.

В феврале 1514 года Василий III принял решение о третьем походе к Смоленску. На этот раз был обеспечен прочный заслон со стороны Крымского ханства: пять полков было направлено в Тулу, великокняжеские воеводы стояли в Рязани, Серпухове и на реке Угре. Даниил Васильевич Щеня возглавил полки, направленные к Смоленску.

8 июня из Москвы с главными силами выступил великий князь Василий III с братьями Юрием и Семеном. К Смоленску двинулось 80-тысячное войско с «большим нарядом» — тяжелыми осадными пушками. Для переправы через реки «великих пушек» и боеприпасов приходилось строить новые и укреплять старые мосты.

Основные силы русского войска подошли к Смоленску в середине июля. Начались приготовления к штурму. Артиллерии на сей раз отводилась главная роль. Необходимо было разрушить крепостные стены, прежде чем посылать ратников на приступ.

29 июля 1514 года начался обстрел Смоленска. Первое же ядро, выпущенное из самой большой пушки, угодило в жерло крупнокалиберной крепостной пушки и разорвало ее. Ядра пробивали стены, а русские «пищальники» мешали литовцам восстанавливать разрушенное. В городе начались пожары.

Не выдержав губительного огня, смоленский наместник Юрий Соло-

губ приказал поднять белый флаг над воротной башней города и вместе с местным епископом Варсафонием пришел в шатер Василия III просить о перемирии на один день. Но им было отказано, великий князь требовал немедленной сдачи. Обстрел возобновился, и под давлением населения Смоленска власти все же согласились на капитуляцию.

Первым войти в Смоленск и принять присягу у горожан Василий III повелел воеводе Даниилу Васильевичу Щене. Это почетнейшее поручение было признанием его выдающихся заслуг и мужества на двадцатилетней ратной службе.

Здесь, в Смоленске, древнем русском городе, вернувшемся под руку великого князя, завершилась военная биография Даниила Васильевича Щени.

Я

ЯКОБИ ВАРФОЛОМЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

(1687 — 12.12.1769) — участник Северной (1700—1721), русско-турецкой (1710—1713) войн и польской кампании (1734—1735), генерал-поручик (1769)

В 1711 году переселился в Россию. В том же году он принял участие в Прутском походе Петра I. Начав службу в русской армии солдатом, Якоби в 1714 году был произведен в поручики. В 1720 году он становится капитаном.

До 1722 года Якоби неоднократно находился в походах в Польшу и в Крым, защищая пограничные линии. В военных действиях на юге Яко-

би особенно отличился в деле при Казанищах, куда он был послан во главе роты для помощи осажденному там отряду казаков. Изгнав противника при помощи подоспевших майора Глазатова и полковника фон Стралана, Якоби был командирован на помощь капитану Дианету, который также находился в окружении. А после освобождения роты Дианета Якоби снова возвращается к Верхним Казанищам, которым угрожал противник.

В апреле 1730 года Якоби сражался с тавлинцами, а в декабре под командой генерала Румянцева участвовал в сражении против войск Сурхаева. На следующий год — новое сражение с тавлинцами при Черных водах, в котором они были разбиты.

В 1733 году Якоби уже в должности бригад-майора. Затем он участвует в Польской кампании 1734—1735 годов. В сражении под Диршавой его отряд наносит поражение частям Чирского, а во время преследования противника во главе с сотней охотников отбивает несколько обозов с различным имуществом. В дальнейшем он принимает участие в действиях против воевод Любельского и Мобельского в составе войск генерал-майора К.Бирона.

В 1736—1739 годах в составе войск князя Урусова он участвует в русско-турецкой войне. Во время Крымской кампании благодаря мужеству и умелым действиям он сумел доставить 13-тысячный обоз к армии, выдержав нападение противника у реки Вороны. В 1737 году Якоби штурмует Очаков, а к концу военных действий в 1739 году им была предпринята попытка атаки с моря Белграда-Днестровского, которая не уда-

лась из-за шторма, повредившего много судов. В том же году он был произведен в полковники.

Затем новые сражения и поход в Персию. Звание бригадира Якоби получает в марте 1740 года, одновременно с назначением Селенгинским комендантом. Новое назначение требовало особо напряженной деятельности, однако Якоби удалось удержать инородцев в пределах России, своей умелой политикой не позволив Китаю переманить их для заселения калмыцких земель. В то же время на него была возложена деятельность по обеспечению безопасности русских караванов, отправляющихся в Китай, а также он выполнял различные поручения дипломатического характера.

В сентябре 1768 года Якоби подал прошение об отставке, прося о награждении его чином, деревнями и пенсией.

На следующий год его просьба была удовлетворена — он получил отставку, чин генерал-поручика и пенсию. Но спокойная жизнь продолжалась не долго. 12 декабря 1769 года Варфоломей Якоби скончался.

ЯКОБИ ИВАН ВАРФОЛОМЕЕВИЧ

(1726—1803) — участник русско-турецкой войны (1768—1774), генерал от инфантерии (1796)

Сын генерал-поручика Варфоломея Валентиновича Якоби.

В 1747 году окончил Сухопутный шляхетский корпус и в чине прапорщика был отправлен в Селенгинск, где в то время служил комендантом его отец. Там он провел более пятнадцати лет и хорошо изучил этот край. Несколько раз по поручению отца Иван Якоби посе-

щал Китай в качестве курьера, а затем и в качестве уполномоченного с российской стороны вел с китайцами переговоры.

После смерти отца в 1769 году Якоби покидает Сибирь и в чине полковника получает назначение во 2-ю армию, действовавшую против турок. В его задачу входило прикрытие обозов и подвижных магазинов русской армии, постоянно отражая нападения татарских отрядов.

29 июня 1771 года Якоби храбро отразил нападение татар при реке Арыне, затем, опрокинув их при переправе через речки Азую и Азузу, загнал их в горы. За кампанию 1771 года Якоби был награжден орденом Св. Анны. Когда в 1774 году турки высадились большими силами на крымский берег, Якоби, командуя гренадерским каре, атаковал турецкий ретраншемент, быстро овладел окопами и захватил при этом двенадцать орудий. За этот подвиг Якоби был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и произведен в генерал-майоры.

В 1776 году Якоби был назначен губернатором в Астрахань. Там он сумел организовать особое казачье войско, разместив его в шести станциях между Моздоком и Кизляром. Затем он занимается по поручению князя Потемкина созданием новой оборонительной линии между Моздоком и Азовом для отражения вторжений в пределы России закубанцев и кабардинцев. Кроме военного строительства Якоби прилагал большие усилия к поддержанию и усилению торговли с азиатскими народами, улучшил Астраханский порт, украсил город новыми зданиями и построил Андреевскую крепость.

В 1779 году Якоби был произведен в генерал-поручики и получил орден Св. Александра Невского.

Вскоре затем Якоби был назначен на должность Уфимского и Симбирского генерал-губернатора, а также стал командиром Оренбургского полевого корпуса и всех войск, расположенных по линиям этого края.

В 1783 году он был перемещен на должность Иркутского и Колыванского генерал-губернатора. При нем в Иркутске и Колывани были построены здания для присутственных мест, основаны приказы общественного призрения, богадельни, больницы, открыты народные училища. Были возобновлены торговые связи с Китаем и налажена торговля в Кяхте. Его неутомимая деятельность была оценена — Якоби был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени.

Но в 1789 году он был отстранен от должности по ложному доносу, в котором он обвинялся в желании втравить Россию в войну с Китаем. Также ему вменялось в вину самовольное смещение чиновников и неуважение к Сенату. Обвинения были достаточно серьезными, и Сенат никак не мог прийти к единому мнению по делу Якоби. Тогда оно было передано на рассмотрение императрице. Екатерина II вначале была почти убеждена, что Якоби совершил серьезные преступления, но, ознакомившись подробно с делом, полностью оправдала его и наказала доносчиков.

При императоре Павле I Якоби стал генерал-лейтенантом, а вскоре и генералом от инфантерии.

В 1797 году вышел в отставку.

ЯКОВЛЕВ КИРИЛЛ АРИСТАРХОВИЧ
 стольник и воевода второй половины XVII
 столетия

С 1666 по 1673 год Яковлев был воеводой в Енисейском остроге, оберегая рубежи Руси от набегов киргизов и калмыков. Когда в 1667 году монгольский царевич Сенгатайша с 50-тысячной ордой подошел на расстояние 8 дней пути от Красноярска, Яковлев послал находящимся там воеводам подкрепление из Енисейска, а сам начал укреплять границу. По его приказу был поставлен острог на Казачьем Лугу и сооружены засеки, растянувшиеся на многие километры.

Но дело борьбы с кочевниками чрезвычайно затруднялось для Яковлева малочисленностью его войска в Енисейске и отсутствием там боевых припасов. Пушек и пищалей вначале не было совсем, а из 33 служилых людей далеко не все имели даже мушкеты. Из Красноярска продолжали поступать угрожающие известия, а все просьбы и требования Яковлева оставались без внимания со стороны Томского и Тобольского воевод.

Тогда Яковлев решился защищать Енисейск при помощи местного населения. Он отобрал сотню казаков, вооружив их с помощью местных кузнецов, и сумел даже часть пищалей направить в Красноярск. По его распоряжению были построены амбары для хранения необходимых припасов на период военных действий. Под его попечительством помимо Енисейска был еще и Нерчинский острог, где также были проведены работы по заготовке хлебных запасов.

Только осенью 1673 года новый воевода Михаил Приклонский сменил Яковлева в Енисейске.

Новым назначением для Яковлева стал Смоленск, куда он был направлен воеводой через два года после Енисейска.

В 1678 году он был отозван в Москву для несения приказной службы. Служба в Москве началась с Устюжской четверти, потом в Хлебном приказе. Затем он как знаток Сибири был переведен в Сибирский приказ.

В 1682 году он снова был послан воеводой в Сибирь, на этот раз в Тобольск.

ЯКУБОВИЧ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ
 (1739 — 07.11.1810) — участник русско-турецкой
 войны (1768—1774), генерал-лейтенант

Александр Якубович был старшим сыном есаула Якова Демьяновича Якубовича и, как и его отец, посвятил себя военной службе.

Чин ротмистра он получил в 1757 году, в 1764 году был произведен в секунд-майоры и направлен для прохождения службы в Ямбургский пехотный полк. Через два года Якубович получает следующий чин — премьер-майора, а в январе 1770 года производится в подполковники Московского карабинерного полка.

Он принимает участие в генеральной военной описи, проводимой под руководством графа Румянцева в 1765—1769 годах, где ему было поручено составление описи Переявлавского полка.

Якубович участвует в русско-турецкой войне 1768—1774 годов и особенно отличается при взятии Гирсова в 1771 году. В ходе сражения он захватывает турецкую батарею — 8 пушек — и 6 знамен. За этот бой

он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Кроме того, Якубович принимал участие в боевых действиях под Бендерами, Тульчею, Дубасовым, Мачином и Силистрией. На следующий год под его начало был передан особый отряд запорожцев.

В 1779 году он был произведен в полковники и направлен в Прилуцкий полк.

Во время крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева

Якубович назначается начальником особого тысячного малороссийского войска. В 1774 году войско направляется в Казанскую и Оренбургскую губернии, где и остается до 1781 года. В этом году Якубович получает чин генерал-майора.

Еще несколько лет он продолжает службу в российских войсках и в 1788 году выходит в отставку.

Содержание

А

АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН	5
АДАШЕВ ДАНИИЛ ФЕДОРОВИЧ	6
АЙГУСТОВ САВВА ВАСИЛЬЕВИЧ	7
АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВОВИЧ НЕВСКИЙ	7
АЛЕКСИАНО АНТОН ПАВЛОВИЧ	19
АЛЕКСИАНО ПАНАИОТИ	20
АЛЛАРТ (АЛАРТ) ЛЮДВИГ-НИКОЛАЙ, ФОН	21
АНГАЛЬТ-БЕРНЕБУРГ-ШАУМБУРГСКИЙ ВИКТОР-АМАДЕЙ	22
АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ	22
АПРАКСИН ПЕТР МАТВЕЕВИЧ	24
АПРАКСИН СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ	25
АПРАКСИН СТЕПАН ФЕДОРОВИЧ	26
АПРАКСИН ФЕДОР МАТВЕЕВИЧ	28
АРСЕНЬЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ	33
АРХАРОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ	34

Б

БАРЯТИНСКИЕ	35
БАСМАНОВ АЛЕКСЕЙ ДАНИЛОВИЧ	36
БАСМАНОВ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ	36
БАУР (БОУР) РОДИОН ХРИСТИАНОВИЧ	36
БАУР ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ (ФЕДОР ВИЛЛИМОВИЧ)	37
БЕРГ ГУСТАВ ГУСТАВОВИЧ	38
БОБРОК-ВОЛЫНСКИЙ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ	38
БОРОЗДИН КОРНЕЛИЙ БОГДАНОВИЧ	38

БРЕДАЛЬ ПЕТР ПЕТРОВИЧ	39
БРИНЬИ ПЕТР (ПЬЕР)	39
БРОУН ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ	40
БРЮС РОМАН ВИЛИМОВИЧ	40
БРЮС ЯКОВ (ДАНИЕЛЬ) ВИЛИМОВИЧ	41
БУРНАШЕВ СТЕПАН ДАНИЛОВИЧ	41
БУТУРЛИН АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ	42
БУТУРЛИН ИВАН ИВАНОВИЧ	43
БУТУРЛИН ИВАН МИХАЙЛОВИЧ	44

В

ВЕЙСМАН ФОН ВЕЙСЕНШТЕЙН ОТТО ИВАНОВИЧ	45
ВЛАДИМИР II ВСЕВОЛОДОВИЧ МОНОМАХ	59
ВЛАДИМИР I СВЯТОСЛАВОВИЧ СВЯТОЙ	75
ВОЙНОВИЧ МАРКО ИВАНОВИЧ	81
ВОЙТИШИЧ ИВАН	83
ВОЛКОНСКИЙ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ	83
ВОРОНЦОВ СЕМЕН РОМАНОВИЧ	83
ВОРОТЫНСКИЕ	87
ВОРОТЫНСКИЙ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ	88
ВСЕВОЛОД ЮРЬЕВИЧ БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО	92

Г

ГАННИБАЛ ИВАН АБРАМОВИЧ	94
ГЕРБЕЛЬ РОДИОН (РУДОЛЬФ) НИКОЛАЕВИЧ	95
ГЕРМАН ИВАН ИВАНОВИЧ	96
ГОЛИЦЫН АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ	100
ГОЛИЦЫН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	101
ГОЛИЦЫН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	102
ГОЛИЦЫН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ	102
ГОЛИЦЫН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ (МЕНЬШИЙ)	104
ГОЛОВИН АВТОНОМ МИХАЙЛОВИЧ	105
ГОЛОВИН ИВАН МИХАЙЛОВИЧ	105
ГОЛОВИН ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ	106

ГОРДОН ПЕТР ИВАНОВИЧ (ПАТРИК ЛЕОПОЛЬД)	107
ГРЕЙГ САМУИЛ КАРЛОВИЧ (СЭМЮЭЛЬ)	109

Д

ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ ГАЛИЦКИЙ	111
ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ДОНСКОЙ	114
ДОВМОНТ (ДАУМАНТАС) ПСКОВСКИЙ	126
ДОЛГОРУКОВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ	131
ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ	132

Е

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ	136
------------------------	-----

З

ЗАГРЯЖСКИЙ АРТЕМИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ	141
ЗАРУЦКИЙ ИВАН МАРТЫНОВИЧ	142
ЗАХАРЬИН-КОШКИН ЯКОВ ЗАХАРЬЕВИЧ	143
ЗУБОВ ВАЛЕРИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ	143

И

ИВАН III	144
ИГОРЬ РЮРИКОВИЧ	148

К

КАТЫРЕВ-РОСТОВСКИЙ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ	151
КАХОВСКИЙ (КОХОВСКИЙ) МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ	152
КАШКИН ПЕТР ГАВРИЛОВИЧ	152
КЕЙТ ЯКОВ ВИЛИМОВИЧ (ДЖЕЙМС)	153
КЛОКАЧЕВ ФЕДОТ АЛЕКСЕЕВИЧ	153
КОРОБОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ	154
КРАСНОЩЕКОВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ	154
КРЕЙС КОРНЕЛИЙ ИВАНОВИЧ	155
КРУЗ (КРЮЙС ФОН) АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ	155

Л

ЛАССИ ПЕТР ПЕТРОВИЧ	156
ЛЕВАШОВ ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ	157
ЛЕОНТОВИЧ КОНСТАНТИН СТЕПАНОВИЧ	158
ЛЕОНТЬЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ	158
ЛЕФОРТ ФРАНЦ ЯКОВЛЕВИЧ	158
ЛЫКОВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ	159
ЛЬВОВ СЕМЕН ИВАНОВИЧ	160
ЛЯПУНОВ ПРОКОПИЙ ПЕТРОВИЧ	160

М

МЕНШИКОВ АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ	161
МИНИХ (МЮННИХ) ХРИСТОФОР АНТОНОВИЧ (БУРХАРД КРИСТОФ)	175
МОРКОВ ИРАКЛИЙ ИВАНОВИЧ	176
МСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ	180
МСТИСЛАВСКИЕ	184

Н

НАГОЙ БОГДАН МИХАЙЛОВИЧ	184
НАГОЙ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ	185
НЕКЛЮДОВ ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧ	185

О

ОБОЛЕНСКИЙ-ТЕЛЕПНЕВ ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ	188
ОДОЕВСКИЙ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ	188
ОДОЕВСКИЙ НИКИТА РОМАНОВИЧ	189
ОЛЕГ	189
ОРЛОВ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ	192
ОРЛОВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ	193
ОРЛОВ ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ	194

П

ПАНИН ПЕТР ИВАНОВИЧ	194
ПАТРИКЕЕВ ИВАН ЮРЬЕВИЧ	197
ПЕТР I	198
ПЛЕМЯННИКОВ ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ	200
ПЛЕЩЕЕВ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ	200
ПОВАЛИШИН ИЛЛАРИОН АФАНАСЬЕВИЧ	201
ПОВАЛО-ШВЕЙКОВСКИЙ ЯКОВ ИВАНОВИЧ	201
ПОДГОРИЧАНИ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ	202
ПОЖАРСКИЙ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ	202
ПОЛЯНСКИЙ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ	208
ПОСКОЧИН НИКИТА ВАСИЛЬЕВИЧ	209
ПОТЕМКИН ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	209
ПРОЗОРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ	211
ПУТЯТА	215

Р

РАТИБОР	215
РЕПНИН АНИКИТА ИВАНОВИЧ	216
РЕПНИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	217
РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ	221

С

САБУРОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	243
САЛТЫКОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ	243
САЛТЫКОВ ПЕТР СЕМЕНОВИЧ	247
СВЕНЕЛЬД	252
СВЕЧИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ	254
СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ	255
СЕНЯВИН (СИНЯВИН) АЛЕКСЕЙ НАУМОВИЧ	263
СЕНЯВИН (СИНЯВИН) ИВАН АКИМОВИЧ	264
СЕНЯВИН НАУМ АКИМОВИЧ	265
СКОПИН-ШУЙСКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ	268
СПИРИДОВ ГРИГОРИЙ АНДРЕЕВИЧ	274

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ 277

У

УШАКОВ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ 301

Ф

ФАБРИЦИАН ФЕДОР ИВАНОВИЧ 307

Ш

ШЕИН АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ 309

ШЕРЕМЕТЕВ БОРИС ПЕТРОВИЧ 311

ШУЙСКИЙ ИВАН ПЕТРОВИЧ 324

Щ

ЩЕНЯ ДАНИИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ 329

Я

ЯКОБИ ВАРФОЛОМЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ 338

ЯКОБИ ИВАН ВАРФОЛОМЕЕВИЧ 339

ЯКОВЛЕВ КИРИЛЛ АРИСТАРХОВИЧ 341

ЯКУБОВИЧ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ 341

Лубченков Ю.Н.

Л 82 Все полководцы России. Древняя Русь. Московское царство. Начало империи. — М.: Вече, 2002. — 352 с., илл.

ISBN 5-7838-0785-0

Биографии известнейших российских полководцев X—XX веков — целого тысячелетия истории России служат своеобразным развитием и дополнением книги «Самые знаменитые полководцы России», выпущенной издательством «Вече» ранее.

Князя Древней Руси, бояре Московии, генералы и фельдмаршалы императорской России поднимали русских ратников на бой с чужеземными ордами ярлов и конунгов, ханов и пашей, султанов и королей, вторгавшихся на земли нашей Родины с запада, юга и востока. Галерея блестящих воинских талантов, замечательных организаторов, неистовых героев, а порой и просто добросовестных служак представлена на страницах первого тома энциклопедии «Все полководцы России».

ЛУБЧЕНКОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
ВСЕ ПОЛКОВОДЦЫ РОССИИ
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО. НАЧАЛО ИМПЕРИИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редакторы *П. И. Руднев, Н. М. Смирнов*
Корректор *Б.И. Тумян*
Верстка *В.В. Царькова*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»

О.Г. Фирсов

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

Гигиенический сертификат № 77.99.2.953.П.16227.11.00
от 29.11.2000 г.

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000» ИД № 01802 (код 221) от 17.05.2000 г.

ЗАО «Издательство «Вече» ИД № 05134 (код 221) от 22.06.2001 г.

ЗАО «Вече» ЛР № 040410 от 16.12.1997 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

www.100top.ru

Подписано в печать 25.03.2002. Формат 70×108 1/16.

Гарнитура «Антиква». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 22.

Тираж 7000 экз. Заказ № 1167

**ВСЕ
ПОЛКОВОДЦЫ МИРА**

**Более 3000 жизнеописаний
выдающихся полководцев
мировой истории**

**Древний мир
Средние века**

Новое время

XX век

**Древняя Русь
Московское царство
Начало Империи**

Российская империя

**Россия-СССР
XX век**

ISBN 5-7838-1158-0

9 785783 811586

